

ДЕМИС

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

2024. TOM 4. № 4

ДЕМИС. Демографические исследования.
2024. Том 4. № 4

DEMIS. Demographic research.
2024. Vol. 4. No. 4

Научный рецензируемый журнал
Издается с 2021 г.
Периодичность: 4 раза в год
Журнал открытого доступа
DOI 10.19181/demis.2024.4.4
EDN GVNRYR

Peer-reviewed scientific journal
Founded in 2021
Publication frequency: quarterly
Open access
DOI 10.19181/demis.2024.4.4
EDN GVNRYR

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate
El No. FS77-83138 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on April 26, 2022

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный
Плата за публикацию с авторов не взимается
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access
Authors are not charged for publication
Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.demis-journal.ru>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.demis-journal.ru>

ISSN печатной версии: 2782-2303
ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

Рязанцев Сергей Васильевич, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Моисеева Евгения Михайловна, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аббаси-Шавазы Мохаммад Джалал, доктор PhD, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран

Андропова Инна Витальевна, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Гаврилова Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр по проблемам старения населения, Университет Чикаго, Чикаго, США

Гейгер Мартин, доктор PhD, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада

Гусаков Николай Павлович, доктор экономических наук, действительный член РАЕН, профессор, кафедра международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

До Кармо Роберто Луиз, доктор PhD, профессор, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия

Жуков Василий Иванович, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН, Москва, Россия

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Инглис Кристине Бренда, доктор PhD, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия

Карачай Айсем Бириз, доктор PhD, доцент, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция

Ким Сейонджин, доктор PhD, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, Кыргызско-Российский славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Киргизия

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Лукьянец Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Мартин Филип, доктор PhD, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США

Марушиакова-Попова Елена Андреевна, доктор PhD, доцент, Институт этнологии и фолклора Болгарской академии наук, София, Болгария

Молодикова Ирина Николаевна, кандидат географических наук, исследователь, Международная сеть исследований в области миграции, Льежский университет, Льеж, Бельгия

Охаси Кэнити, магистр социологии, профессор, университет Рикке, Токио, Япония

Пизарро Синтия Александра, доктор PhD, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Рубинская Этери Девисовна, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Хорие Норико, доктор PhD, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Шенк Каресс, доктор PhD, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial Board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Evgeniya M. Moiseeva**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Inna V. Andronova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Dean, Faculty of Economics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Vadim A. Bezverbnny**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Associate, Center on the Demography and Economics of Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Nikolay P. Gusakov**, Doctor of Economics, Full Member, Russian Academy of Natural Sciences, Professor, Department of International Economic Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Professor, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasilii I. Zhukov**, Member of the RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Assistant Professor, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Ainura A. Kocherbaeva**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Eltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Artem S. Lukyanets**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Deputy Director, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Researcher, International Migration Research Network (IMISCOE), University of Liege, Liege, Belgium
- Kenichi Ohashi**, MA in Sociology, Professor, Rikkyo University, Tokyo, Japan
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Elena E. Pismennaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Eteri D. Rubinskaya**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia
- Norio Horie**, PhD, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Marina N. Khranova**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

<i>Мишук С. Н.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ЗЕРКАЛЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ В 2021 Г.	8
<i>Ван Лэй, Карабулатова И. С., Цзоу Цзиньна.</i> МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ)	26
<i>Мирязов Т. Р.</i> МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)	52

СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

<i>Архангельский В. Н., Землянова Е. В., Савина А. А.</i> ЗДОРОВЬЕ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	68
<i>Вербенская А. В., Камарова Т. А., Тонких Н. В.</i> ПОЛИТИКА ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В ПОИСКАХ НЕСТАНДАРТНЫХ РЕШЕНИЙ	82
<i>Рославцева М. В.</i> БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН ЕАЭС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	99
<i>Алехин Б. И.</i> ДЕТЕРМИНАНТЫ АБОРТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ	115

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

<i>Рыбаковский О. Л.</i> ДЕПОПУЛЯЦИЯ В РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1992–2024 ГГ.	139
<i>Храмова М. Н., Зорин Д. П.</i> ВЛИЯНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	152
<i>Безвербный В. А., Бекинеев Е. А., Лукашенко Е. А.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ДОНЕЦКОЙ И ЛУГАНСКОЙ НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИКАХ	165
<i>Абрамов А. П., Гавриков Ф. А., Горлатых А. Ю.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	184

МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

<i>Моисеева Е. М., Маньшин Р. В.</i> КОНЪЮНКТУРА РЫНКА ТРУДА И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ	202
<i>Рязанцев С. В., Нуров Б. А.</i> ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ТРУДОВУЮ МИГРАЦИЮ И МИГРАЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	216
<i>Гарибова Ф. М.</i> АФГАНСКАЯ МИГРАЦИЯ В ТАДЖИКИСТАН: ТЕНДЕНЦИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ	226

<i>Надеждин А. Е.</i> МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФРГ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	242
<i>Кузнецов Н. Г.</i> ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭМИГРАЦИЕЙ МОЛОДЕЖИ	260

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

<i>Козин С. В., Жидяева Т. П., Закиева Р. Р.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ	274
---	-----

CONTENT

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION THEORY

Svetlana N. Mishchuk. DEMOGRAPHIC INDICATORS OF THE FAR EASTERN REGIONS
IN THE MIRROR OF THE 2021 ALL-RUSSIAN POPULATION CENSUS 8

Lei Wang, Irina S. Karabulatova, Jinna Zou. MODELING THE SOCIO-ECONOMIC
AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF TRANSBORDER REGIONS
(THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN-CHINESE BORDER TERRITORIES) 26

Timur R. Miryazov. METHODOLOGICAL ASPECTS OF STUDYING
THE SOCIO-DEMOGRAPHIC SITUATION AT THE MUNICIPAL LEVEL
(THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION AND THE REPUBLIC OF BURYATIA) 52

FAMILY AND FERTILITY

Vladimir N. Arkhangelsky, Elena V. Zemlyanova, Anna A. Savina. HEALTH AS A FACTOR
IN IMPLEMENTING THE REPRODUCTIVE INTENTIONS OF THE RUSSIAN POPULATION 68

Alena V. Verbenskaya, Tatiana A. Kamarova, Natalia V. Tonkikh. PRO-NATAL POLICY
IN SEARCH OF UNCONVENTIONAL SOLUTIONS 82

Maria V. Roslavtseva. MATRIMONY AND FAMILY VALUES IN THE EAEU COUNTRIES:
A COMPARATIVE ANALYSIS 99

Boris I. Alekhin. DETERMINANTS OF ABORTION BEHAVIOR OF THE POPULATION
OF RUSSIAN REGIONS 115

REGIONAL DEMOGRAPHICS

Oleg L. Rybakovsky. DEPOPULATION IN RUSSIAN EUROPEAN REGIONS
IN 1992–2024 139

Marina N. Khramova, Dmitry P. Zorin. IMPACT OF INTERREGIONAL MIGRATION
ON THE DEMOGRAPHIC SECURITY OF THE FAR EAST REGIONS 152

Vadim A. Bezverbny, Egor A. Bekineev, Elena A. Lukashenko. DEMOGRAPHIC
SITUATION IN THE DONETSK AND LUGANSK PEOPLE'S REPUBLICS 165

Alexander P. Abramov, Fedor A. Gavrikov, Anna Yu. Gorlatykh. DEMOGRAPHIC POLICY
IN THE KURSK REGION: A SOCIO-ECONOMIC ANALYSIS 184

MIGRATION AND MIGRATION POLICY

Evgeniya M. Moiseeva, Roman V. Manshin. LABOR MARKET CONDITIONS
AND LABOR MIGRATION IN RUSSIAN REGIONS 202

Sergey V. Ryazantsev, Behruz A. Nurov. IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC
ON LABOR MIGRATION AND MIGRATION POLICY IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES 216

Farzona M. Garibova. AFGHAN MIGRATION TO TAJIKISTAN:
TRENDS AND CONSEQUENCES 226

<i>Alexander E. Nadezhdin.</i> MIGRATION PROCESSES IN GERMANY: FEATURES AND PROSPECTS	242
--	-----

<i>Nikita G. Kuznetsov.</i> FOREIGN EXPERIENCE IN MANAGING EDUCATIONAL YOUTH EMIGRATION	260
--	-----

REVIEWS AND ESSAYS

<i>Sergey V. Kozin, Tatiana P. Zhidyaeva, Rafina R. Zakieva.</i> DEMOCRATIC EDUCATION IN RUSSIA: HISTORICAL ASPECTS AND TODAY'S DEVELOPMENT PARADIGM	274
---	-----

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.1)

EDN [EFNKXZ](https://edn.demis.ru/EFNKXZ)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ЗЕРКАЛЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ В 2021 Г.

Мишук С. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: svetamic79@mail.ru

Для цитирования: Мишук, С. Н. Демографические показатели регионов Дальнего Востока в зеркале Всероссийской переписи населения в 2021 г. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 8–25. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.1). EDN [EFNKXZ](https://edn.demis.ru/EFNKXZ).

Аннотация. Исторически миграция выступает причиной и следствием происходящих процессов на Дальнем Востоке России. Цель данного исследования направлена на оценку изменения показателей миграции в макрорегионе в результате корректировки статистических данных по итогам Всероссийской переписи населения (ВПН) 2020–2021 гг. При расчетах были использованы данные Единой межведомственной информационно-статистической системы. Рассмотрен временной период с 1993 по 2023 г. с более детальным анализом периода с 2011 по 2023 г. На уровне регионов дана оценка миграционных процессов в рамках пятилетних периодов. Период с 2011 по 2021 г. рассмотрен на основе данных до и после их корректировки с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. Зафиксировано, что корректировка данных на основании переписи населения отразилась как на общей численности населения ДВ, так и на значениях коэффициентов миграции. В региональном разрезе более высокая интенсивность миграции характерна для северных регионов. В абсолютных величинах максимальная разница данных зарегистрирована в Забайкальском крае, минимальная – в Чукотском АО. При учете относительных показателей лидирующее положение занимает Камчатский край. Показано, что корректировка данных с учетом итогов ВПН «ускорила» старение населения в целом по Дальнему Востоку. В территориальном разрезе выделены две группы регионов, одна из которых характеризуется снижением, а другая – увеличением среднего возраста населения. В результате исследования выявлено, что скорректированные данные по итогам переписи населения имеют различия по регионам ДВ и характеризуются положительными и отрицательными значениями.

Ключевые слова: перепись населения, миграция, коэффициенты миграции, средний возраст, Дальний Восток

Введение

Данные Всероссийской переписи населения традиционно представляют интерес для специалистов разных научных дисциплин (демографии, экономики, социологии, истории и др.). В большинстве исследований рассматриваются итоги ВПН, изменение основных демографических, социально-демографических, матримониальных характеристик населения, а также их региональной дифференциации и ретроспективных изменений [1–3].

Большое внимание в работах уделяется оценке миграции, в том числе на основе данных текущего учета и переписи населения.

На уровне федеральных округов и отдельных регионов многие авторы рассматривают изменение показателей в рамках внутренней и международной миграции [4; 5], анализируют показатели по отдельным регионам [6–8].

Миграционные процессы на Дальнем Востоке исторически играли важную роль в формировании демографического образа региона. В научной литературе множество исследований посвящено изучению динамики миграционных процессов, их причин и следствий, региональным особенностям миграционных процессов, вопросам учета и интерпретации статистических данных о миграции. ДВ и происходящие здесь миграционные процессы на протяжении длительного времени остаются объектом изучения научного сообщества. В подавляющем большинстве авторы анализируют статистические данные или результаты эмпирических исследований, включающих материалы социологических опросов [9–14]. Не менее популярной является тема миграционной политики на Дальнем Востоке, затрагивающая как вопросы сохранения и закрепления жителей в макрорегионе, так и направления увеличения числа прибывающего и сокращения числа выбывающего населения [15–17].

Данная научная статья является продолжением наших более ранних работ, изучающих направления комплексной оценки миграционных процессов на Дальнем Востоке в постсоветский период, включая вопросы количественного анализа потоков мигрантов [18].

Цель настоящего исследования – выявить изменения абсолютных и относительных показателей миграции на Дальнем Востоке России в результате сравнения данных до и после их корректировки с учетом ВПН-2020–2021 гг. Основная гипотеза исследования – в межпереписной период данные текущего учета по всем рассматриваемым демографическим показателям ДВ завышены.

В работе представлен анализ данных в период с 1993 по 2023 г. с более детальным анализом периода с 2011 по 2023 г. На уровне регионов нами оценивались миграционные процессы в рамках пятилетних периодов.

Методика исследования

Работа основана на данных Росстата, базе ЕМИСС. При учете миграционных процессов на Дальнем Востоке необходимо учитывать несколько событий, которые затрагивают общероссийскую и дальневосточную специфику. В 2011 г. произошли изменения в статистическом учете мигрантов [19], в связи с чем число мигрантов возросло. Через 10 лет в базе ЕМИСС данные о численности населения и ряд других демографических показателей были скорректированы в соответствии с итогами Всероссийской переписи 2020–2021 гг. В указанной выше нами базе данные о численности населения, начиная с 2011 г., скорректированы с учетом ВПН.

Кроме того, анализ миграционных процессов на ДВ имеет свои особенности. Учет динамики численности населения и миграционных процессов связан с изменением административной структуры округа, а именно: включением в его состав двух субъектов РФ – Республики Бурятия и Забайкальского края.

В ходе нашего исследования рассчитаны коэффициенты миграции субъектов ДФО в рамках пятилетних периодов. Вследствие изменений в статистическом учете один период охватывает 7 лет (с 2011 по 2017 г.).

При расчетах были использованы данные Единой межведомственной информационно-статистической системы. Период с 2011 по 2021 г. рассмотрен на основе данных до и после их корректировки с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. За 2022–2023 гг. применены данные текущего статистического учета.

Работа включает два раздела. В первом представлены результаты анализа абсолютных и относительных показателей миграции в целом по Дальнему Востоку за рассматриваемый период, в том числе сравнительный анализ изменения коэффициентов миграции с учетом результатов пересчета данных по итогам ВПН 2020–2021 гг. Во второй части приведены результаты расчета основных коэффициентов миграции в регионах ДВ в рамках выделенных временных периодов.

В настоящей статье отражены региональные особенности изменения показателей миграции на Дальнем Востоке после корректировки данных на основе результатов ВПН 2020–2021 гг.

Для анализа использовались следующие показатели:

- среднегодовая численность населения с 1992 по 2023 г. по Дальнему Востоку и его отдельным регионам;
- число прибывших и выбывших с 1992 по 2023 г. по Дальнему Востоку и его отдельным регионам;
- число прибывших и выбывших по полу и возрасту (однолетние возрастные группы) за 2013–2021 г. по Дальнему Востоку и его отдельным регионам.

Дополнительно оценивались данные о среднем возрасте населения, естественном приросте населения ДВ.

Исследование основано на применении статистического, индексного, графического методов.

Результаты исследования

Характеристика миграции на Дальнем Востоке в целом

Дальневосточный регион в целом традиционно играет важную роль в миграционных процессах России. В то же время исторически миграция выступает причиной и следствием происходящих здесь процессов.

На рис. 1 отражено изменение доли миграции в формировании общего прироста (убыли) населения ДВ. За исключением нескольких лет (2005, 2020, 2021 и 2023 гг.) миграционная убыль составляла более 50%.

Снижение доли миграции в 2020–2021 гг. связано с ростом естественной убыли населения в связи с пандемией COVID-19. В 2023 г. миграционная убыль населения снизилась более, чем в 2,6 раза по отношению к уровню 2022 г., однако была все же выше, чем естественная убыль населения.

Высокие значения доли миграции в формировании динамики численности населения Дальнего Востока объясняются внушительными показателями числа выбывшего населения, что отразилось на миграционной убыли. Если максимальные пики естественной убыли населения отмечались в пределах 24 тыс. человек в начале

2000-х гг. и в начале 2020-х гг., за исключением 2021 г. со значением более 40 тыс. человек, то показатели миграционной убыли колебались от максимального значения в 1992 г. – около 124 тыс. человек до 7,4 тыс. человек – в 2021 г. (рис. 2).

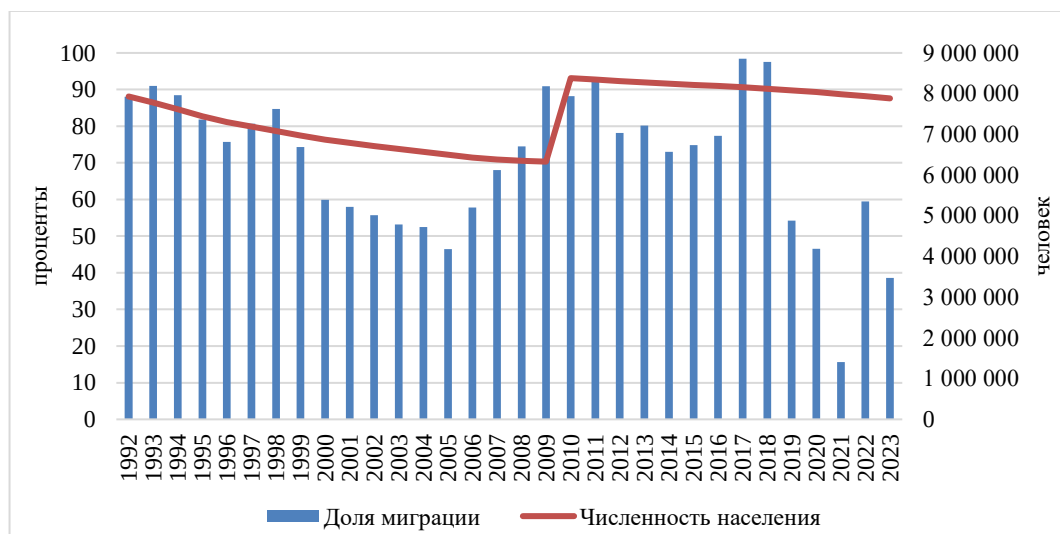

Рис. 1. Численность населения и доля миграции на ДВ, 1992–2023 гг. (%)

Fig. 1. Population and migration share in the Far East, 1992–2023 (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата

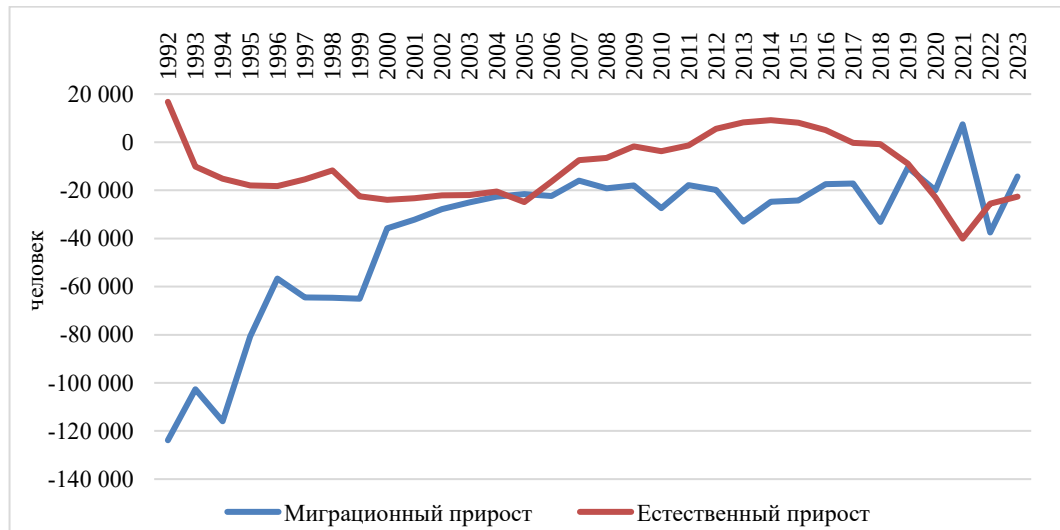

Рис. 2. Миграционный и естественный прирост населения ДВ (человек)

Fig. 2. Migration and natural population growth in the Far East (people)

Источник: составлено автором по данным Росстата

Корректировка данных по итогам Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг.

Корректировка данных на основании ВПН-2020–2021 отразилась как на общей численности населения ДВ, так и на показателях основных коэффициентов

миграции, которые чаще всего рассчитываются с использованием данных о среднесписочной численности населения, в частности коэффициентов прибытия и выбытия, коэффициента интенсивности миграционного оборота и миграционного прироста.

Обратим внимание на то, что при корректировке данных в текущем учете численность населения Дальнего Востока была пересчитана, начиная с 2010 г., и включала численность населения Республики Бурятия и Забайкальского края, которые вошли в состав ДФО в ноябре 2018 г. Соотношение данных о численности населения в девяти и одиннадцати регионах ДВ показано на рис. 3. Увеличение численности населения повлияло на снижение значений коэффициентов.

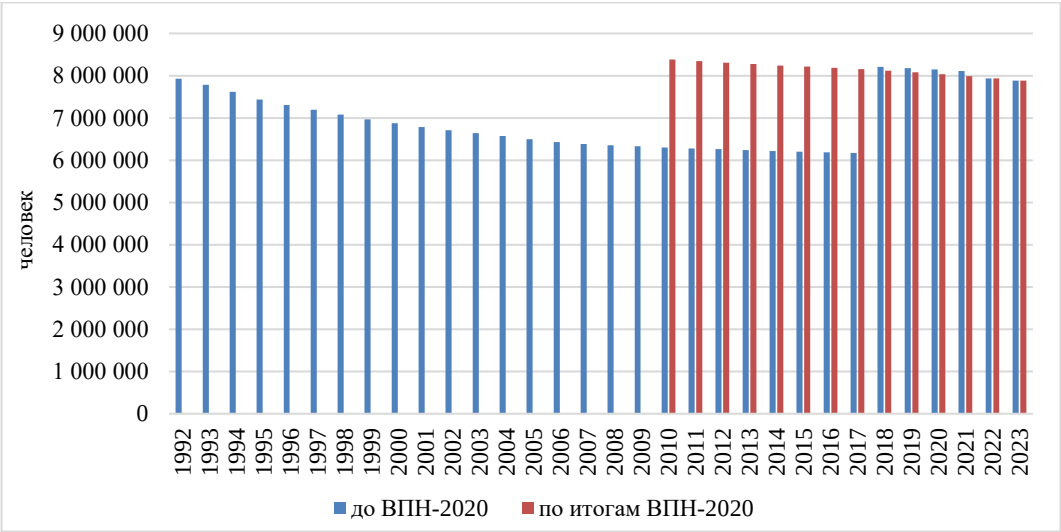

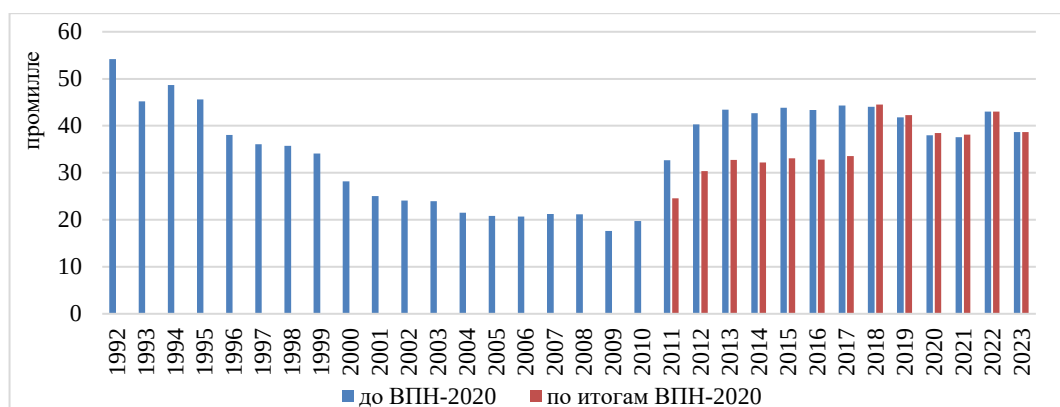
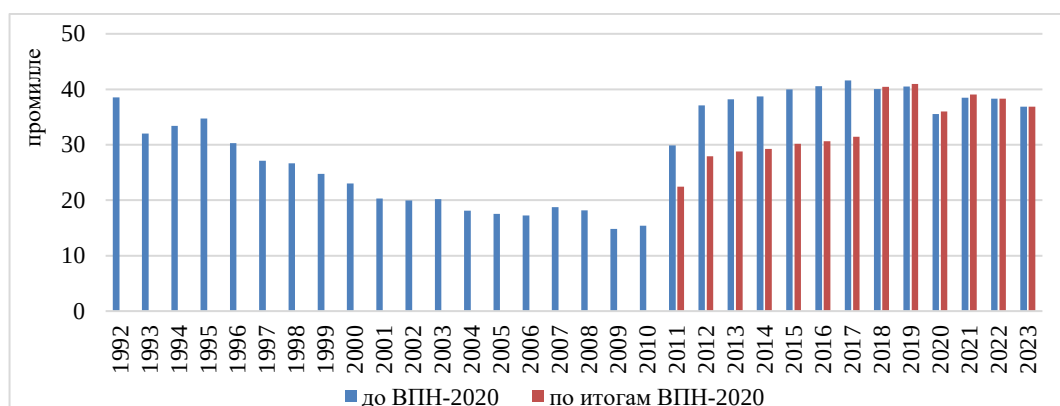
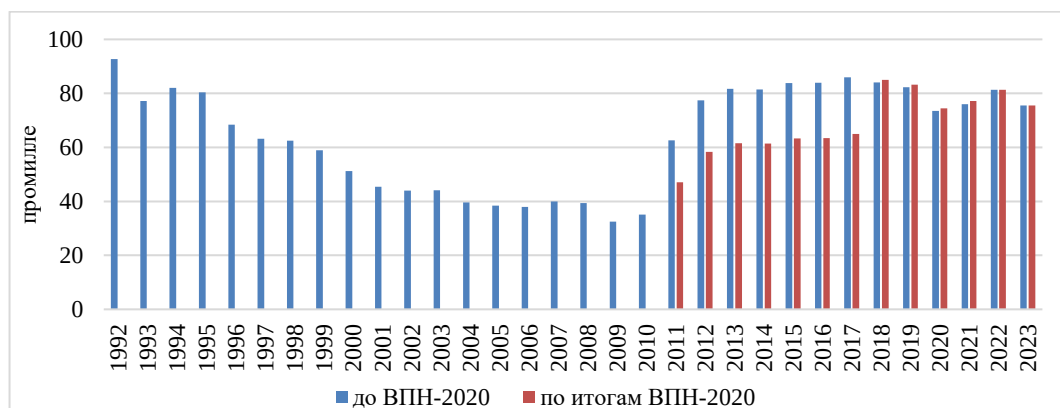
Рис. 3. Численность населения ДВ (человек)

Pic. 3. Population in the Far East (people)

Источник: составлено автором по данным Росстата

Численность прибывших и выбывших не изменилась с учетом результатов ВВП 2020–2021 гг., поэтому значения коэффициентов прибытия, выбытия, интенсивности миграционного оборота и миграционного прироста в период с 2011 по 2017 г., по данным Всероссийской переписи населения 2020–2021, были ниже, чем данные без корректировки. Согласно данным ЕМИСС, начиная с 2018 г., в числе прибывших и выбывших учитываются данные по 11 регионам, включая Республику Бурятия и Забайкальский край.

Такой ряд статистических данных с 2018 г. формирует скачок значений рассчитанных коэффициентов, что не является объективным процессом изменения демографических показателей, а отражает лишь методические особенности формирования ряда первичных данных (рис. 4, 5, 6).

Рис. 4. Коэффициент выбытия на ДВ (%)**Fig. 4. Migration attrition rate in the Far East (%)***Источник: составлено автором по данным Росстата***Рис. 5. Коэффициент прибытия на ДВ (%)****Fig. 5. Far East arrival rate (%)***Источник: составлено автором по данным Росстата***Рис. 6. Коэффициент интенсивности миграционного оборота на ДВ (%)****Fig. 6. The coefficient of migration traffic intensity in the Far East (%)***Источник: составлено автором по данным Росстата*

Полученные результаты расходятся с выводами В. К. Чернышева о том, что в регионах, характеризующихся сокращением численности населения, по итогам переписи населения, в большинстве случаев отмечается недоучет миграционной убыли [4]. В рамках нашего анализа показано, что расчетные коэффициенты миграции ДВ с учетом данных переписи ниже, чем до ее проведения.

Принимая во внимание территориальную неоднородность демографических показателей Дальнего Востока, нами были рассчитаны показатели для его одиннадцати регионов.

Различия между данными до и после коррекции с учетом результатов ВПН 2020–2021 гг. по Дальневосточным регионам представлены на рис. 7.

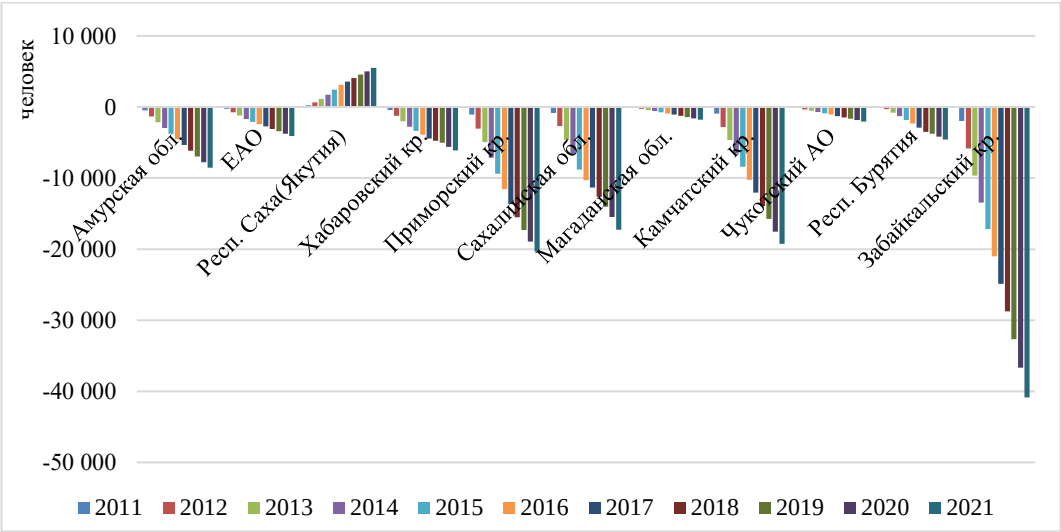

Рис. 7. Изменение численности населения регионов ДВ после учета итогов ВПН-2020–2021 (человек)

Fig. 7. Population change of regions of the Far East according to the results of the 2020–2021 Census (people)

Источник: составлено автором по данным Росстата

При оценке численности населения до и после учета данных ВПН обращает на себя внимание увеличение разницы между рядами данных в рассматриваемый период с 2011 по 2021 г. с максимальным расхождением в годы, близкие к дате проведения переписи населения.

В Республике Саха (Якутия) данные о среднегодовой численности населения в течение всего рассматриваемого периода были выше полученных результатов по переписи, что отличает ее от других регионов, где показатели численности населения были ниже, чем данные, скорректированные по итогам ВПН 2020–2021 гг. Несмотря на скорректированные данные, численность населения на 1 января 2024 г.

достигла 1001664 человек^{1,2}. Отметим, что до коррекции данных в соответствии с итогами ВПН численность населения в республике составляла 1 048 476 человек.

В абсолютном выражении максимальная разница в данных зарегистрирована в Забайкальском крае, минимальная – в Чукотском АО (рис. 7).

При сравнении относительных показателей определены другие регионы с максимальными и минимальными показателями. В расчете на 1 000 жителей максимальная разница данных в 2011 г. и 2021 г. зафиксирована в Камчатском крае, минимальная – в Республике Бурятия (рис. 8).

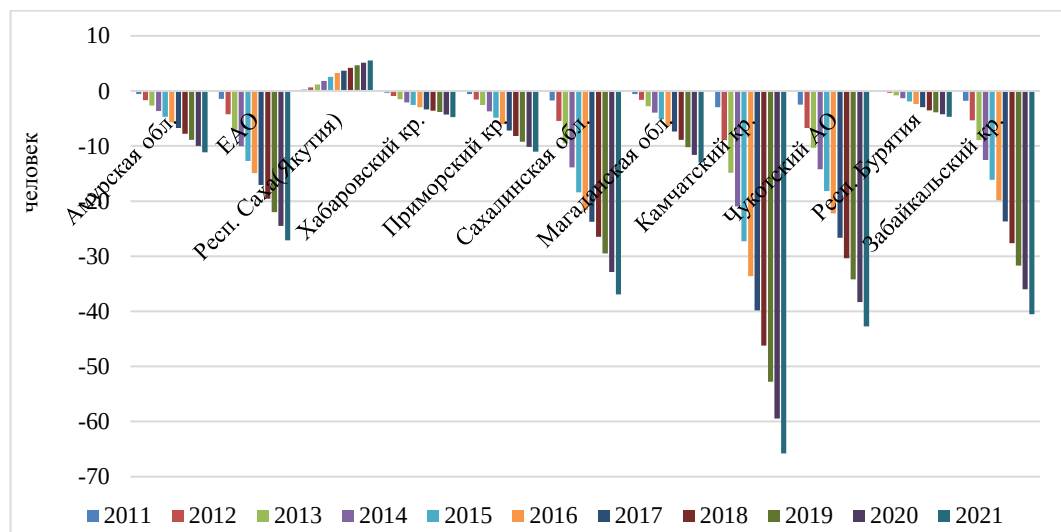

Рис. 8. Изменение численности населения регионов ДВ после учета итогов ВПН-2020–2021, на 1 тыс. жителей (человек)

Pic. 8. Population change of regions of the Far East according to the results of the 2020–2021 Census, by 1 thousand population (people)

Источник: составлено автором по данным Росстата

Характеристика миграционных процессов на региональном уровне

На уровне Дальневосточных регионов мы оценивали миграционные процессы в рамках пятилетних периодов за исключением периода с 2006 по 2010 гг.

Прежде чем анализировать изменения коэффициентов миграции по регионам ДВ до и после 2011 г., напомним, что в настоящее время необходимо учитывать два фактора: изменение методики учета мигрантов и корректировку данных по результатам ВПН 2020–2021 гг.

Влияние методики учета населения на показатели миграции подробно рассмотрено в работе Н. В. Мкртчяна [20]. Подчеркнем, что существенные изменения отмечались в учете числа прибывающих мигрантов. На примере учета мигрантов в

¹ Айсен Николаев объявил о рождении миллионного жителя Якутии // Якутия. Инфо : [сайт]. URL: <https://yakutia.info/article/209626> (дата обращения: 15.09.2024).

² Численность и состав населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) : [сайт]. URL: https://14.rosstat.gov.ru/chisl_sostav (дата обращения: 15.09.2024).

сельской местности ДВ [21] было продемонстрировано, что среди прибывшего населения 37% учтены автоматически по причине «возвращение после временного отсутствия».

Корректировка данных по итогам ВПН, как было представлено выше на примере генерализованных показателей за весь рассматриваемый период для Дальнего Востока, приводила к снижению показателей коэффициентов прибытия и выбытия. В региональном разрезе, начиная с 2011 г., увеличилось значение коэффициентов выбытия и прибытия, интенсивности миграционного оборота (рис. 9–11).

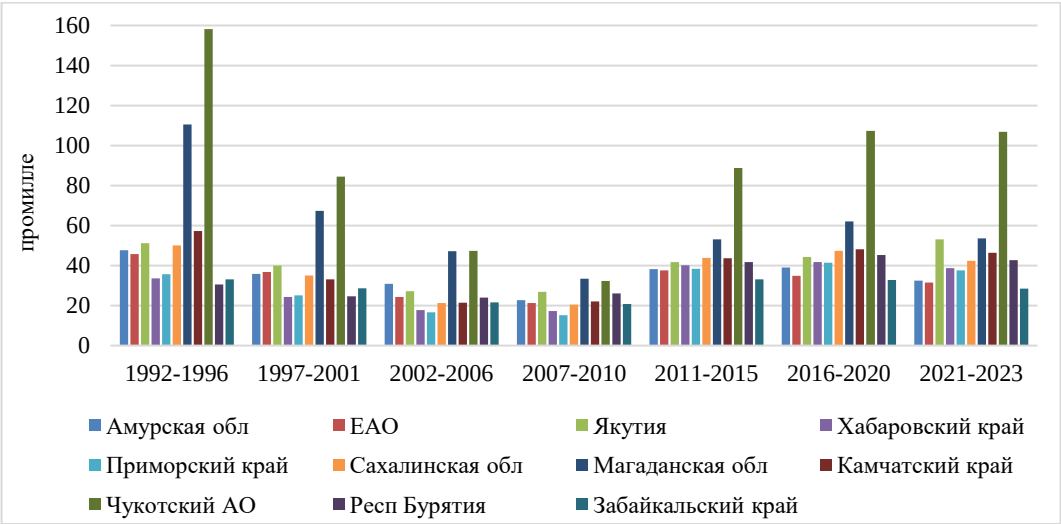

Рис. 9. Коэффициент выбытия по регионам ДВ (‰)

Рис. 9. Migration attrition rate by Far East region (‰)

Источник: составлено автором по данным Росстата

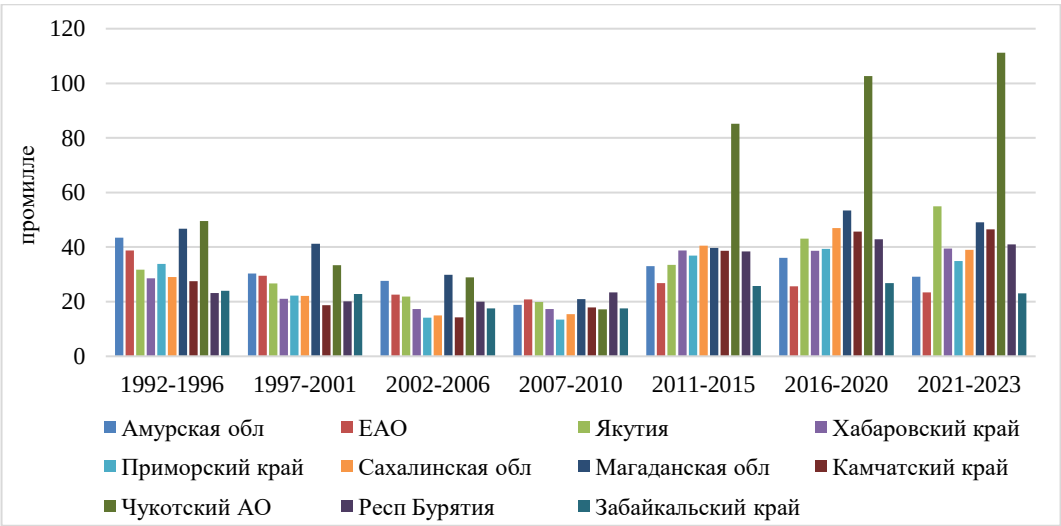

Рис. 10. Коэффициент прибытия по регионам Дальнего Востока (‰)

Рис. 10. The rate of arrival by Far East region (‰)

Источник: составлено автором по данным Росстата

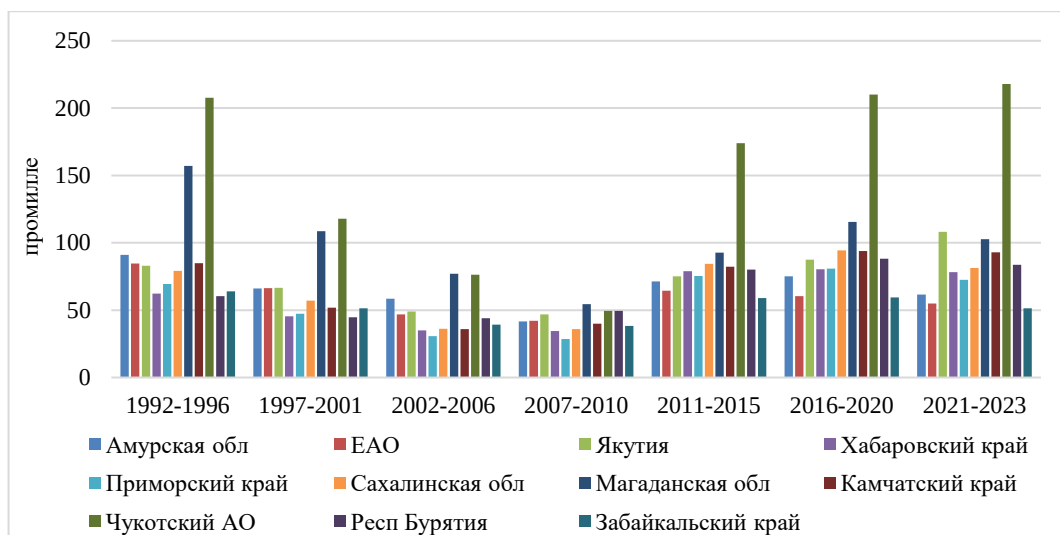

Рис. 11. Коэффициент интенсивности миграционного оборота по регионам ДВ (%)

Рис. 11. Coefficient of the migration traffic intensity in the regions of the Far East (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата

Среди регионов высокие значения выбытия и прибытия, и, как результат, миграционного оборота, отмечаются в Чукотском АО, Республике Саха (Якутия), Магаданской области. Наименьшие – в Еврейской АО и Республике Бурятия.

Привлекает внимание факт формирования положительных значений коэффициента миграционного прироста в большинстве северных регионов ДВ, начиная с 2017 г. (рис. 12).

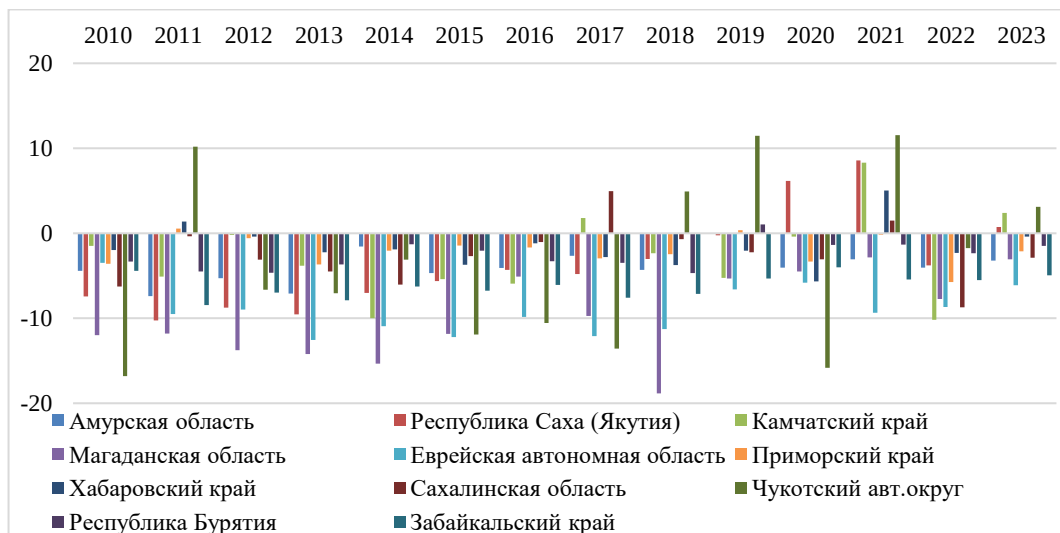

Рис. 12. Коэффициент миграционного прироста по регионам ДВ (%)

Рис. 12. Migration growth rate by regions of the Far East (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата

Таким образом, изменение методики учета миграции, а также корректировка данных с учетом результатов Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. не повлияли на снижение показателей миграционной активности на ДВ. При этом более высокая интенсивность миграции характерна для его северных территорий.

Реализация государственной политики по развитию инвестиционных проектов на Дальнем Востоке, активное развитие строительного, логистического и промышленного комплексов повлияли на формирование потоков мигрантов, сохранение и расширение масштабов вахтового метода работы, что отражается на увеличении числа мигрантов в ряде инвестиционно привлекательных регионов ДВ и сохранении в них миграционного прироста.

Анализ данных за 2022–2023 гг.

Рассмотрим изменение численности и возрастной структуры населения на начало 2022 и 2023 гг. При расчете численности населения регионов Дальнего Востока на 1 января 2023 г. учтены итоги ВПН 2020–2021 гг., содержащиеся в сборнике «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту». Корректировка данных с учетом результатов Всероссийской переписи населения повлияла на сокращение числа регионов, характеризующихся приростом численности населения. Если на начало 2022 г. прирост численности населения был зарегистрирован в трех регионах (Республика Саха (Якутия), Камчатский край и Чукотский АО), то на начало 2023 г. положительные значения сохранились лишь в Республике Саха (Якутия) (табл. 1).

Таблица 1

Сальдо численности населения регионов Дальнего Востока, на 1 января*

Table 1

Balance of population in the Far East, as of 1 January

Регион	2023 г. к 2022 г.	2022 г. к 2021 г.
Дальний Восток	-187,4	-32,8
Республика Бурятия	-8,0	-2,8
Республика Саха (Якутия)	5,5	10,1
Забайкальский край	-51,0	-10,0
Камчатский край	-24,0	1,0
Приморский край	-42,9	-14,8
Хабаровский край	-14,9	-2,1
Амурская область	-16,3	-9,3
Магаданская область	-3,5	-1,3
Сахалинская область	-23,6	-1,4
Еврейская автономная область	-6,4	-2,7
Чукотский автономный округ	-2,2	0,5

* Данные за 2021 г. и 2022 г. без учета итогов ВПН 2020–2021 гг., по состоянию на 01.10.2021 г.

Источник: составлено автором по данным Росстата³

³ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 15.09.2024).

Учет результатов ВПН-2020–2021 гг. не изменил преобладающие возрастные группы населения ДВ. На начало 2022 и 2023 гг. максимальная доля приходилась на возрастные группы от 31 до 47 года, от 6 до 10 лет (рис. 13).

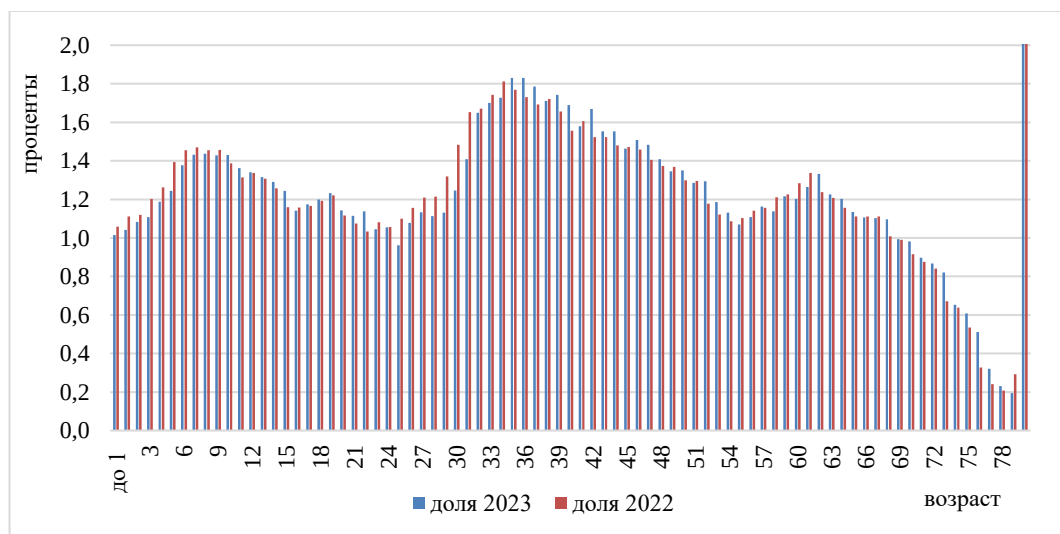

Рис. 13. Возрастная структура населения ДВ в 2022–2023 гг. (%)

Pic. 13. Age structure of the population of Far East in 2022–2023 (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата

На рис. 14 показано изменение населения по возрастам – от рождения до группы 80 лет и старше. Проведен расчет разницы численности населения в каждой возрастной группе на начало 2022 г. к уровню января 2021 г., а также на начало 2023 г. к январю 2022 г. Данные за 2023 г. скорректированы с учетом итогов ВПН-2020–2021 гг. В возрастной структуре населения регионов Дальнего Востока корректировка статистических данных с учетом ВПН на начало 2023 г. в сравнении с январем 2022 г. продемонстрировала более значимое уменьшение численности населения в отдельных возрастах, при относительно равной численности населения в других.

Сравнительный анализ данных на начало 2023 г. и 2022 г. выявил, что общая численность населения ДВ сократилась более чем на 187 тыс. человек к соответствующему периоду прошлого года. Убыль населения на начало 2022 г. составила 32,8 тыс. человек к уровню 2021 г., при этом изменения в разных возрастных группах имели различия в объемах и направлениях динамики.

Максимальное расхождение численности населения на начало 2022 г. и 2023 г. зарегистрировано в возрасте 30–31 год и 76 лет. Если в первой группе расхождение было со знаком минус, то есть в 2023 г. данная группа сократилась к уровню 2022 г., то доля населения в возрасте 76 лет на начало 2023 г. была больше в сравнении с предыдущим годом.

Кроме того, особо следует отметить изменение знаков сальдо численности населения в отдельных возрастных группах. Изменение сальдо с положительного на отрицательное или наоборот по данным разности 2023 г. к уровню 2022 г. и

2022 г. к уровню 2021 г. получено в возрастных группах: 7, 9, 11–13, 17–20, 23, 27, 34, 37–38, 40–45, 50–51, 54, 61–63, 67–71, 73, 78 лет. В большинстве указанных возрастных групп сальдо имело отрицательное значение, то есть менялось с положительного по данным разности 2022 и 2021 гг. на отрицательное в 2023 г. к уровню 2022 г.

Положительное значение разности в 2023 г. отмечалось в группе с 35 до 54 лет за исключением нескольких возрастных групп, а также 70–78 лет.

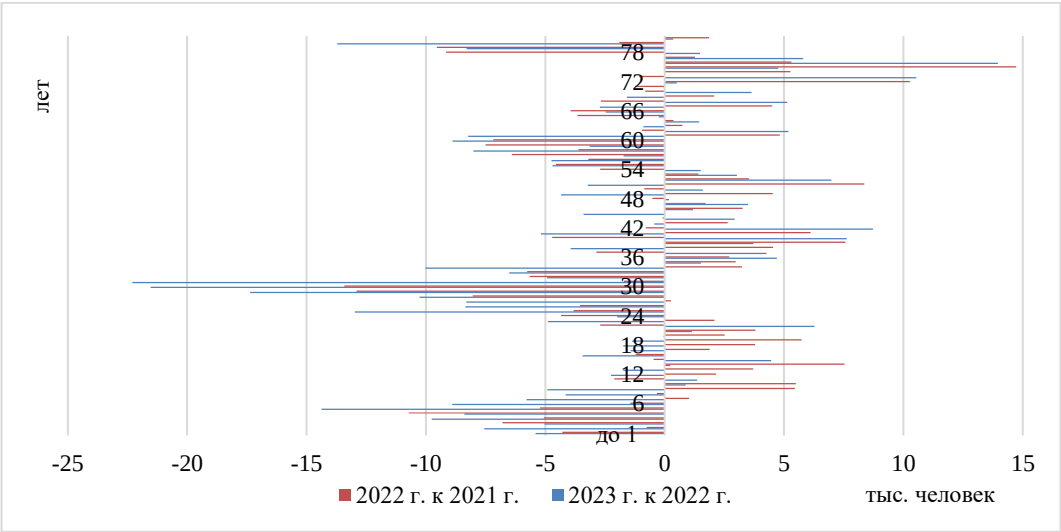

Рис. 14. Возрастной состав населения ДВ на начало года (тыс. человек)
Рис. 14. Age structure of the population of Far East at the beginning of the year
(thousand people)

Источник: составлено автором по данным Росстата⁴

Учет данных Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. «ускорил» старение населения. На начало 2023 г. средний возраст населения Дальнего Востока составил 38,6 лет.

На изменение среднего возраста влияют несколько причин: снижение рождаемости, рост продолжительности жизни, миграционный отток более молодого населения. Эти факторы приводили к устойчивому повышению среднего возраста населения на ДВ на протяжении постсоветского периода.

Как видно на рисунке 15, в период с января 2019 г. по январь 2022 г. значения роста среднего возраста населения ДВ в целом и его регионов сокращались, однако с учетом итогов ВПН 2020–2021 гг. динамика изменилась. Если в целом по Дальнему Востоку увеличение среднего возраста в период с начала 2022 г. по начало 2023 г. превысило показатели предыдущих лет, то в региональном разрезе отмечались различия. В трех регионах (Чукотском АО, Магаданской области и Республике Саха (Якутия)) средний возраст снизился. В семи регионах (Сахалинская область, Хабаровский, Приморский, Забайкальский и Камчатский края, Республика

⁴ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 15.09.2024).

Бурятия, ЕАО) на начало 2023 г. темпы роста среднего возраста были выше, чем в период с 2019 по 2022 гг. В Амурской области рост среднего возраста населения был ниже, чем в период с 2019 по 2021 гг. и немного превысил значения 2022 г.

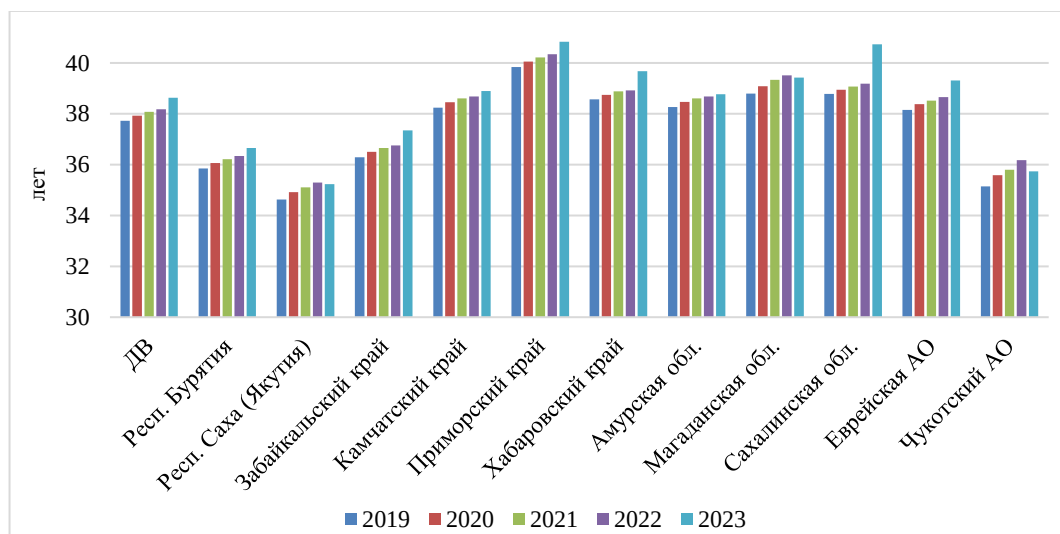

Рис. 15. Средний возраст населения по регионам ДВ (лет)

Pic. 15. The average population age of the Far East (years)

Источник: составлено автором по данным Росстата⁵

Таким образом, на начало 2023 г. с учетом корректировки данных в соответствии с результатами ВПН 2020–2021 гг. отмечался более быстрый рост среднего возраста населения в целом по ДВ и в большинстве его регионов, сокращалось число лиц до 10 лет, от 23 до 34 лет, от 55 до 61 года. Кроме того, происходил рост числа населения в большинстве групп старше 35 лет.

Заключение

Корректировка данных по итогам Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. отразилась на учете демографических показателей регионов Дальнего Востока. Однако предположение о том, что в межпереписной период данные по всем показателям были завышены не подтверждается. Расширение административно-территориальных границ ДВ в 2018 г. сказалось на его демографических показателях и привело к определенному искажению данных. Более качественные оценки о ситуации на Дальнем Востоке можно получить через анализ региональных показателей.

В региональном разрезе более высокая интенсивность миграции характерна для северных территорий. Среди регионов высокие значения выбытия и прибытия, и, как результат, миграционного оборота, отмечаются в Чукотском АО, Республике

⁵ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 15.09.2024).

Саха (Якутия), Магаданской области. Наименьшие значения – в Еврейской АО и Республике Бурятия.

В отличие от других Дальневосточных регионов, в Республике Саха (Якутия) показатели среднегодовой численности населения по данным текущего учета были выше полученных результатов по переписи 2020–2021 гг. Помимо этого, в Республике Саха (Якутия), в Чукотском АО и Магаданской области значения среднего возраста населения при учете результатов Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. сократились.

Вероятно, отмеченные демографические показатели объясняются более активным развитием северных территорий Дальнего Востока, что отражается на создании новых рабочих мест, в том числе занимаемых мигрантами.

Список литературы

1. Андреев, Е. М. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет / Е. М. Андреев, Е. В. Чурилова // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 3. С. 4–20. EDN [XYSZBL](#). DOI [10.17323/demreview.v10i3.17967](#).
2. Мкртчян, Н. В. Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 5. С. 28–41. EDN [OJBVTP](#).
3. Китова, К. А. Влияние миграции на население Московского региона от переписи 1989 г. к переписи 2010 г. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2013. № 11. С. 152–179. EDN [PPTPDY](#).
4. Чернышев, К. А. Миграционный прирост в регионах России: оценка на основе текущего учета и переписей населения 2010 и 2020–2021 годов // Региональная экономика: теория и практика. 2023. Т. 21, № 11 (518). С. 2178–2198. EDN [GIEOCO](#). DOI [10.24891/re.21.11.2178](#).
5. Маньшин, Р. В. Влияние международной трудовой миграции на сбалансированность региональных рынков труда / Р. В. Маньшин, Е. М. Моисеева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 209–230. EDN [VSKTQI](#). DOI [10.19181/demis.2023.3.4.13](#).
6. Сукнева, С. А. Внутрорегиональная село-городская миграция в Республике Саха (Якутия) / С. А. Сукнева, А. В. Трубина // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 32. С. 139–144. EDN: [KWIADV](#).
7. Макарь, С. В. Пространственное развитие Дальнего Востока России: демографические и социально-экономические факторы / С. В. Макарь, А. В. Ярашева, Ю. А. Симагин // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 1. С. 117–130. DOI [10.19181/population.2021.24.1.11](#). EDN [BIREHT](#).
8. Воробьева, О. Д. Рынок труда и миграция населения Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 35–40. EDN [YQYTZV](#).
9. Рязанцев, С. В. Миграция в контексте демографического развития российского Дальнего Востока / С. В. Рязанцев, Е. М. Моисеева // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92, № 2. С. 150–161. EDN [FDUYPD](#). DOI [10.31857/S0869587321030075](#).
10. Занданова, Л. В. Документы федеральных архивов как источник изучения добровольных миграций сельского населения в Сибирь и на Дальний Восток в 1930-е гг. / Л. В. Занданова, Я. В. Кулакова // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 115–124. EDN [GKWCIE](#). DOI [10.17223/15617793/491/14](#).
11. Говорухин, Г. Э. Оценка миграционной активности жителей Хабаровского края в ее метафизическом основании // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 1 (2). С. 52–700. EDN [ZDWKXM](#).
12. Зубков, В. В. Миграционные представления населения: декларируемая тенденция или объективная реальность // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 2 (87). С. 85–92. EDN [TQRUIR](#). DOI [10.22394/1818-4049-2019-87-2-85-92](#).

13. Рыбаковский, О. Л. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 3. С. 4–14. EDN [TKGVHP](#). DOI [10.24411/1561-7785-2019-00023](#).
14. Зорин, Д. П. Миграционные процессы на российском Дальнем Востоке: основные тренды, структура и последствия / Д. П. Зорин, В. А. Медведь // Труд и социальные отношения. 2023. Т. 34, № 4. С. 159–171. DOI [10.20410/2073-7815-2023-34-4-159-171](#). EDN [KOWALO](#).
15. Мищук, С. Н. Институциональная структура обеспечения миграционной политики в субъектах Дальневосточного федерального округа // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 2. С. 151–161. EDN [VWRLN](#). DOI [10.19181/lsprr.2022.18.2.1](#).
16. Бляхер, Л. Е. Внутренняя миграция как политическая проблема, или как и почему уезжают жители Дальнего Востока России / Л. Е. Бляхер, К. В. Григоричев // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 1 (96). С. 74–97. EDN [ANZPQZ](#). DOI [10.30570/2078-5089-2020-96-1-74-97](#).
17. Ващук, А. С. Политика привлечения иностранных трудовых мигрантов на Дальний Восток России: между прагматическим курсом и стратегией безопасности (конец XX – начало XXI в.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4 (51). С. 122–134. EDN [XSUPJI](#). DOI [10.24866/1998-6785/2019-4/122-134](#).
18. Мищук, С. Н. Общая характеристика и региональные различия миграционных процессов на Дальнем Востоке России в постсоветский период // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 53–67. DOI [10.31857/S2587-55662019653-67](#). EDN [FHFEGI](#).
19. Кашицкий, И. С. Влияние изменений в правилах учета миграции в 2011 г. на оценку интенсивности миграции молодежи: когортно-компонентный анализ // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 1. С. 83–97. EDN [ZGFNKF](#). DOI [10.17323/demreview.v4i1.6989](#).
20. Мкртчян, Н. В. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 1. С. 83–99. EDN [ZLDEXI](#). DOI [10.17323/demreview.v7i1.10821](#).
21. Мищук, С. Н. Миграция сельского населения Дальнего Востока России в начале XXI века / С. Н. Мищук, С. В. Рязанцев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 3. С. 182–198. EDN [MWCDKT](#). DOI [10.15838/esc.2021.3.75.11](#).

Сведения об авторе

Мищук Светлана Николаевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: svetamic79@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8117-6352](#); РИНЦ SPIN-код: [4557-0664](#); Web of Science Researcher ID: [B-2042-2014](#); Scopus Author ID: [55646634400](#).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № [24-28-01046](#).

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; принята в печать 08.11.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC INDICATORS OF THE FAR EASTERN REGIONS IN THE MIRROR OF THE 2021 ALL-RUSSIAN POPULATION CENSUS

Svetlana. N. Mishchuk

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: svetamic79@mail.ru

For citation: Michshuk, Svetlana N. Demographic Indicators of the Far Eastern Regions in the Mirror of the 2021 All-Russian Population Census. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 8–25. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.1).

Abstract. Historically, migration is both a cause and a consequence of the processes taking place in the Russian Far East. The objective of this study is to assess changes in migration indicators in the Far East based on the adjustment of statistical data based on the results of the 2020–2021 All-Russian Population Census. The calculations were made using data from the Unified Interdepartmental Information and Statistical System. The period from 1993 to 2023 is considered with a detailed analysis of the period from 2011 to 2023. An assessment of migration processes is given within five-year periods at the regional level. The period from 2011 to 2021 is considered based on data before and after the change in data, considering the results of the 2020–2021 All-Russian Population Census. It is shown that the change in data based on the census affected both the total population of the Far East and the values of migration rates. In the regional context, a higher migration intensity is typical for the northern regions. The maximum difference in absolute indicators was recorded in the Zabaikalsky Krai, the minimum – in the Chukotka Autonomous Okrug. When considering relative indicators, the leading position is held by the Kamchatka Krai. It is shown that the adjustment of data considering the results of the 2020 All-Russian Population Census “accelerated” the aging of the population in the Far East. Two groups were identified among the regions. One of them is characterized by a decrease, and the other by an increase in the average age of the population. The study showed that the adjusted data based on the results of the population census differ by region in the Far East and are characterized by positive and negative values.

Keywords: population census, migration, migration rates, average age, Far East

References

1. Andreev, E. M. The Results of the 2021 All -Russian Population Census in the Light of Civil Registration Statistics and Censuses of Previous Years / E. M. Andreev, E. V. Churilova. *Demographic Review*. 2023. Vol. 10, No. 3. Pp. 4–20. DOI [10.17323/demreview.v10i3.17967](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967). (In Russ.).
2. Mkrtchyan, N. V. Dynamic of the Russian Region Population and the Role of Migration: Critical Evaluation on the Base of Census. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series]*. 2011. No. 5. Pp. 28–41. (In Russ.).
3. Kitova, K. A. Influence of Migration on the Moscow Region Population in the Period from Census of 1989 to Census of 2010. *Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences*. 2013. No. 11. Pp. 152–179. (In Russ.).
4. Chernyshev, K. A. Migration Balance in Russian Regions: Estimates Based on Current Vital Statistics and 2010 and 2020–2021 Census Surveys Data. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2023. Vol. 21, No. 11 (518). Pp. 2178–2198. DOI [10.24891/re.21.11.2178](https://doi.org/10.24891/re.21.11.2178) (In Russ.).
5. Manshin, R. V. The Impact of International Labor Migration on the Balance in Regional Labor Markets / R. V. Manshin, E. M. Moiseeva. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 209–230. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.13](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.13). (In Russ.).
6. Sukneva, S. A. Vnutriregional'naya sel'sko-gorodskaya migratsiya v Respublike Sakha (Yaku-tiya) [Interregional rural-urban migration in the Sakha (Yakutia) Republic] / S. A. Sukneva, A. V. Trubina. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2009. No. 32. Pp. 139–144. (In Russ.).
7. Makar, S. V. Spatial Development of the Russian Far East: Demographic and Socio-Economic Factors / S. V. Makar, A. V. Yarasheva, Yu. A. Simagin. *Population*. 2021. Vol. 24, No. 1. Pp. 117–130. DOI [10.19181/population.2021.24.1.11](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.11). (In Russ.).
8. Vorob'yova, O. D. Labour Market and Migration in the Far East. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2017. Vol. 13, No. 2. Pp. 35–40. (In Russ.).
9. Ryazantsev, S. V. Migratsiya v kontekste demograficheskogo razvitiya rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Migration in the Context of the Demographic Development of the Russian Far East] / S. V. Ryazantsev, E. M. Moiseeva. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*. 2022. Vol. 92, No. 2. Pp. 150–161. DOI [10.31857/S0869587321030075](https://doi.org/10.31857/S0869587321030075). (In Russ.).
10. Zandanova, L. V. Documents of Federal Archives as a Source for Studying Rural Population's Voluntary Migrations to Siberia and the Far East in the 1930s. / L. V. Zandanova, Ya. V. Kulakova. *Tomsk State University Journal*. 2023. No. 491. Pp. 115–124. DOI [10.17223/15617793/491/14](https://doi.org/10.17223/15617793/491/14). (In Russ.).
11. Govorukhin, G. E. Assessment of the Migration Activity of Residents of the Khabarovsk Territory in Its Metaphysical Basis. *Periphery. Journal of the Peripheries Studies*. 2024. No. 1 (2). Pp. 52–70. (In Russ.).

12. Zubkov, V. V. Migration Intentions of Residents of the Khabarovsk Territory: Declared the Trend or the Objective Reality. *Power and Administration in the East of Russia*. 2019. No. 2 (87). Pp. 85–92. DOI [10.22394/1818-4049-2019-87-2-85-92](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-87-2-85-92). (In Russ.).
13. Rybakovsky, O. L. Migration Situation in the Russian Far East at the Beginning of the 21st Century / O. L. Rybakovsky, O. A. Tayunova. *Population*. 2019. Vol. 22. No. 3. P. 4–14. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00023](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00023). (In Russ.).
14. Zorin, D.P. Migration Processes in the Russian Far East: Main Trends, Structure and Consequences / D. P. Zorin, V. A. Medved // *Labour and Social Relations Journal*. 2023. Vol. 34, No. 4. Pp. 159–172. DOI [10.20410/2073-7815-2023-34-4-159-171](https://doi.org/10.20410/2073-7815-2023-34-4-159-171). (In Russ.).
15. Mishchuk, S. N. Institutional Structure for Ensuring Migration Policy in the Subjects of the Far Eastern Federal District. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022. Vol. 18, No. 2. Pp. 151–161. DOI [10.19181/lsprr.2022.18.2.1](https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.1). (In Russ.).
16. Bliakher, L. E. Internal Migration as a Political Problem, or Why and How Residents of the Russian Far East Move Out / L. E. Bliakher, K. V. Grigorichev. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 2020. No. 1 (96). Pp. 74–97. DOI [10.30570/2078-5089-2020-96-1-74-97](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-74-97). (In Russ.).
17. Vashchuk, A.S. The Policy of Attracting Foreign Labor Migrants to the Russian Far East: Between the Pragmatic Course and the Security Strategy (Late XX – Early XXI Centuries). *Ojkumena. Regional Researches*. 2019. № 4 (51). Pp. 122–134. DOI [10.24866/1998-6785/2019-4/122-134](https://doi.org/10.24866/1998-6785/2019-4/122-134). (In Russ.).
18. Mishchuk, S. N. General Characteristics and Regional Differences of Migration Processes in the Far East of Russia in the Post-Soviet Period. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya ge-ograficheskaya*. 2019. No 6. Pp. 53–67. DOI [10.31857/S2587-55662019653-67](https://doi.org/10.31857/S2587-55662019653-67). (In Russ.).
19. Kashnitsky, I. S. The Effect of the 2011 Statistics Reform on the Estimations of Youth Migration Intensity: A Cohort-Component Analysis. *Demographic Review*. 2017. No. 4 (1). Pp. 83–97. DOI [10.17323/demreview.v4i1.6989](https://doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6989). (In Russ.).
20. Mkrtchyan, N. V. Problems in the Statistics of Internal Russian Migration Caused by Changes in Accounting Methods in 2011. *Demographic Review*. 2020. No. 7 (1). Pp. 83–99. DOI [10.17323/demreview.v7i1.10821](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821). (In Russ.).
21. Mishchuk, S.N. Migration of Rural Population of the Russian Far East at the Beginning of the 21st Century / S. N. Mishchuk, S. V. Ryazantsev. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021. Vol. 14, No. 3. Pp. 182–198. DOI [10.15838/esc.2021.3.75.11](https://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.11). (In Russ.).

Bio note

Svetlana. N. Mishchuk, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: svetamic79@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8117-6352](https://orcid.org/0000-0002-8117-6352); RSCI SPIN code: [4557-0664](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=55646634400); Web of Science Researcher ID: [B-2042-2014](https://orcid.org/B-2042-2014); Scopus Author ID: [55646634400](https://orcid.org/55646634400).

Acknowledgements and financing

The reported study was funded by Russian Science Foundation, Project No. [24-28-01046](https://orcid.org/24-28-01046).

Received on 10.09.2024; accepted for publication on 08.11.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.2](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.2)

EDN [EFQOUW](https://edn.ru/EFQOUW)

МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ)

Ван Лэй

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

E-mail: aleksey@163.com

Карабулатова И. С.

МГУ имени М. В. Ломоносова, РУДН имени П. Лумумбы, Москва, Россия;

Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай

E-mail: radogost2000@mail.ru

Цзоу Цзиньна

Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай

E-mail: zoujinnazg@163.com

Для цитирования: Ван, Л. Моделирование социально-экономического и демографического развития трансграничных регионов (на примере российско-китайского приграничья) / Л. Ван, И. С. Карабулатова, Ц. Цзоу // ДЕМИС. 2024. Т. 4, № 4. С. 26–51. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.2](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.2). EDN [EFQOUW](https://edn.ru/EFQOUW).

Аннотация. Основная цель – рассмотреть проблемы моделирования трансграничных инноваций в российско-китайском приграничье и выработкой приоритетных направлений в сфере стратегического планирования международного сотрудничества во внешнеэкономическом публичном дискурсе. Теоретико-методологическая база исследования опирается на методологический холизм цифровой гуманитаристики, включая новую интерпретацию трудов по экономической социологии и демографии, международному разделению труда и кооперации, когнитивному моделированию и картированию, политологии, социальной экономике и внешнеэкономической медиалингвистике, регионоведению, руссееведению и китаеведению, дискурсологии, машинному обучению и семантическому анализу. Основные задачи: определить семантические вершины в стратегической инфраструктуре приграничья России и Китая с моделированием верхнеуровневой архитектуры с последовательным раскрытием отдельных подуровней и блоков с параметризующими маркерами, что позволит расставить акценты на несущих модулях в предлагаемой модели. Итоги работы результируют развитие связей в инновационной системе международного сотрудничества на основе теории метаграфов с целью обеспечения улучшения эффективности международных трансграничных транспортных магистралей различного типа в зоне российско-китайского приграничья.

Ключевые слова: инфраструктура, моделирование, теория метаграфов, инновации, архитектура трансграничной структуры, российско-китайское приграничье

Введение

Современная история развития российско-китайского приграничья в ситуации противостояния с коллективным Западом и введения санкций/антисанкций обнаруживает тенденцию к росту миграции и продвижения новых управленческих форматов в связи с обеспокоенностью руководства обеих стран по поводу

преодоления малозаселенности/незаселенности, необустроенности и своего рода «пустынности» северо-восточных регионов, с усилением трансграничной миграции российско-китайского, казахстанско-китайского приграничья [1–3], вследствие чего возрастает необходимость в обеспечении адекватного перевода и толкования понятий в различных сферах российско-китайского внешнеэкономического взаимодействия, в которых терминологические понятия представляют собой дополнительную сложность вследствие разницы менталитетов, в результате чего происходит недопонимание при международном сотрудничестве [4].

Интенсивность российско-китайского взаимодействия в приграничной зоне подчеркнута российскими исследователями И. Ю. Зуенко [5] и С. Н. Мищук [6], которые отмечали, что в 2019 г. китайским аграриям в сельском хозяйстве Еврейской автономной области принадлежала аренда до 80% посевных угодий, соответственно, и техника, используемая при их обработке, как правило, китайского производства. Приграничные территории России и Китая со стороны северо-востока КНР включают в себя 15 населенных пунктов – КПП-переходов, среди них крупными городами по количеству населения (свыше 50 тыс. человек) являются Хунчунь (220 тыс. человек), Хэйхэ (180 тыс. человек), Маньчжурия (170 тыс. человек), Тунцзян (170 тыс. человек), Фуюань (110 тыс. человек), Суйфэнхэ (70 тыс. человек), которые относятся по территориальному управлению к таким провинциям и автономным регионам, по количеству населения, как Хэйлунцзян (31,9 млн человек), Цилинь (24,1 млн человек), и Автономный район Внутренняя Монголия (ВМАР) (24 млн человек). На Дальнем Востоке РФ, на границе с Китаем, наикрупнейшие по количеству населения (свыше 50 тыс. человек) города – Хабаровск (615 тыс. человек), Владивосток (591 тыс. человек), Благовещенск (239 тыс. человек). Такой перекося в организации приграничного пространства обусловил тщательный отбор языковых средств при формулировании публичного внешнеэкономического дискурса приграничья в целях обеспечения мирного добрососедства и уважительного отношения к нуждам друг друга, поскольку русско-китайский экономический диалог строится с учетом китайской традиции сохранения «лица» как «некая пощада или поддержание лица собеседника в случае опасности его потери» [7, с. 193]. Вместе с тем эта особенность китайской культуры, несмотря на многочисленные публикации, зачастую «забывается» при анализе публичного внешнеэкономического дискурса со стороны КНР по отношению к странам-партнерам, приводя к искажениям в понимании смыслов и недооцененности при планировании международного сотрудничества, искажая собственную идентичность жителей российско-китайского приграничья [8].

Развитие инфраструктуры приграничных городов в инновационной системе стратегического планирования представляет собой комплекс мер поэтапной реализации современных технологических разработок в современную городскую среду [9], что находит свое отражение во внешнеэкономическом публичном медиадискурсе с позитивными и/или нейтральными установками. Примеры: *«Жители Амурской области участвуют в международных спортивных, гастрономических и социальных мероприятиях, многие из которых проходят на двух берегах Амура – в Благовещенске и соседнем*

Хэйхэ»¹; «Правительство провинции подготовило проект инфраструктурной интеграции с Дальним Востоком, который предполагает строительство высокоскоростной железной дороги от Харбина до Владивостока»².

Эксперты указывают на то, что в России расширяется двустороннее сотрудничество на уровне приграничных городов по обе стороны границы [10; 11]. Китайские исследователи к анализу местных городов международного уровня с развитым внешнеэкономическим потенциалом подходят комплексно, рассматривая не только сам город, но и прилегающие сельскохозяйственные районы, включенные в жизнеобеспечение города, расположенные в пригородах промышленные производства [12]. Российские аналитики признают, что китайская трактовка отличается от российского видения [13], поскольку она рассматривает иерархию населенных пунктов Китая с позиции не только собственно города, но и с включенностью городов-спутников, а также сельских территорий, прилегающих к этим городам [14]. В то же время исследователи не обращают внимание на особенности китайского менталитета, согласно которому существует не только традиция «сохранения лица», но и рекомендательная система относительно возможностей использования слов в качестве терминов в китайском языке. Особенно часто такие явления встречаются в определении социологических и демографических терминов с негативной семантикой, которые в китайском научном поле позиционируются совершенно иначе. Например, термин пенияфобия или «страх нищеты и бедности» не может быть использован в публичном дискурсе КНР из-за своего выраженного негативного содержания, усугубляющегося дополнительной семантикой в иероглифической передаче. В связи с чем используется позитивно окрашенный термин «борьба с бедностью». Таким образом формируется более конструктивный диалог, который позитивно влияет на имиджевые стратегии восприятия страны-соседа. Для понимания содержательного наполнения публичного внешнеэкономического дискурса КНР необходимо учитывать разработанный традиционный регламент публичного освещения той или иной темы, чтобы не попасть в ситуацию неоправданных ожиданий.

Также и широкое толкование города в китайской перцепции соответствует традиции «сохранения лица», чтобы все участники коммуникации чувствовали себя достаточно комфортно без ущемления чувства собственного достоинства. Вместе с тем ставить знак равенства между развитием городов России и Китая в зонах приграничья было бы несколько неадекватно в связи с явным перекосом в освоении приграничных пространств в обеих странах. В традиционном понимании Хабаровск, Благовещенск и Владивосток сложно отнести к крупным городам, потому что они насчитывают менее 1 млн человек населения.

Однако китайская традиция «сохранения лица» меняет оценочную направленность в сторону признания российских городов в качестве крупных городов, вследствие чего российско-китайская коммуникация носит предупредительный характер, позволяющий сберечь «лицо» как свое, так и другого участника переговоров.

¹ Дальневосточные регионы наращивают сотрудничество с Китаем в науке, туризме и логистике // ТАСС : [сайт]. 09.09.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18690731> (дата обращения: 24.04.2024).

² Путь Китая через российское Приморье к Тихому океану // РИА Новости : [сайт]. 23.10.2015. URL: <https://ria.ru/20151023/1307058722.html> (дата обращения: 24.04.2024).

Кроме того, наблюдаемая «поддержка лица» участников внешнеэкономического диалога позволяет улучшить публичные имиджевые характеристики коммуникантов.

Территориальная близость к Китаю обусловила принятие традиции публичного представления себя с максимальной репрезентацией эффективности и демонстрацией возможностей для потенциального участника международной коллаборации. Так, на Дальнем Востоке Хабаровск, Благовещенск и Владивосток позиционируются в местном медиaprостранстве как мегаполисы, несмотря на несоответствие параметрам данного типа города по численности населения. Пример: «*За Хабаровском можно смело закрепить статус мегаполиса, хотя его площадь и численность населения не так велики по сравнению с миллионниками России*»³. Значимость Благовещенска, Владивостока и Хабаровска в развитии территорий Дальнего Востока и международной интеграции подкрепляется присутствием в них представительств МИД РФ, что, по мнению А. В. Друзяки [15], говорит не только о признании статуса данных городов, но и необходимости быстрого реагирования на возникающие проблемы, характерные для трансграничных и приграничных территорий, в условиях удаленности от «центра». Этот особый статус дальневосточных городов часто сопоставляется в медиадискурсе со статусом внешнеэкономического влияния Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, позволяя российским журналистам позиционировать в качестве топ-городов Дальнего Востока такие города, как Петропавловск-Камчатский, Хабаровск, Владивосток, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск⁴. В частности, в Хабаровске при содействии Генерального консульства КНР был открыт специализированный региональный центр российско-китайского сотрудничества в области науки, образования и культуры Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова⁵.

Сравнение систем городских инфраструктур в приграничье РФ и КНР с встраиванием в экономики друг друга являются новым внешнеэкономическим дипломатическим дискурсом обеих стран [16], поскольку ориентирует на совершенствование управленческих механизмов в приграничных территориях посредством использования технологии «цифрового двойника» [17] и социального инжиниринга. Долгосрочное планирование, активно используемое китайской стороной, рассматривает включенность городов по обеим сторонам границы в единое социально-экономическое пространство российско-китайского трансграничья, в котором обеспечивается эффективное сотрудничество между супергородами Китая и российскими городами, имеющими, по аналитическому заключению Чжан Мэй, тенденцию к усилению развития [12].

В условиях безлюдных, малонаселенных, малоосвоенных мест Сибири и Дальнего Востока возникает проблема моделирования эффективного развития

³ Кошина, Н. Самые крупные города Дальнего Востока // Travelask.ru : [сайт]. URL: <https://travelask.ru/articles/samye-krupnye-goroda-dalnego-vostoka> (дата обращения: 16.07.2024).

⁴ Там же.

⁵ Суздалов, В. СВФУ: вопросы создания совместного российско-китайского университета обсуждали в Харбине // Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова : [сайт]. 03.06.2024. URL: https://www.s-vfu.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=237617 (дата обращения: 16.07.2024).

международного сотрудничества в условиях трансграничья. В связи с чем становится закономерным выявление параметризующих факторов для создания модели. В этой связи справедливо мнение чл.-корр. РАН С. В. Рязанцева о необходимости выработки более четкого инструментария моделирования витальности городов на основе различных данных, в том числе помощью big data [18]. Особо показателен в этом смысле успешный опыт Института демографических исследований ФНИСЦ РАН в аспекте анализа миграции [19]. Для моделирования трансграничного международного сотрудничества опыт российских приграничных городов становится приоритетным в силу того, что они являются центрами притяжения в сфере культуры, социально-экономического развития вследствие удаленности от «федерального центра», выступая точками притяжения для миграции из более густонаселенных приграничных районов Китая. Однако по причине кардинальных различий в трактовке понятийного аппарата возникают сложности и при осуществлении моделирования в китайско-российском приграничье.

Сама модель трансграничья основывается на теории развития многополярности и оценке потенциала российских городов Дальнего Востока к переходу в классические крупные города. Нельзя не согласиться с Е. Н. Грачиковым, который опирается на идею Юаня Пэна о том, что Китай представляет собой квазисверхдержаву, инициирующую многообразие пространственного устройства с применением потенциала главных глобальных регуляторов⁶. Признанием единой трансграничной структуры российско-китайского приграничья являются факты привлечения сил и мощностей иностранного соседа в решении собственных внутренних проблем. Так, по данным А. В. Друзяки, руководство Амурской области в 1991 г. обратилось за помощью к руководству северо-восточных провинций КНР для того, чтобы окончить строительство областной клинической больницы в г. Благовещенске, в связи с чем были экстренно направлены необходимые трудовые и технические ресурсы из Китая, что было отражено в специальном постановлении главы администрации Амурской области [15, с. 118]. Таким образом, «политика открытых дверей» геополитических соседей способствует интенсификации развития приграничных территорий обоих государств.

В китайской экономической социологии разработано понятие «экономического круга Северо-Восточной Азии», под которым поднимается трансграничный социально-экономический кластер, объединяющий северо-восток КНР, Японию, Южную Корею, Дальний Восток России и КНДР [12]. В данной связи поливекторность инфраструктуры городов в приграничье расширяется за счет академической мобильности между странами, входящими в «экономический круг Северо-Восточной Азии», что подтверждается примерами открытия совместных университетов, позволяющих студентам получать лучшее образование [20].

Так, к примеру, в Харбине организован совместный Китайско-российский институт Новосибирского государственного университета и Хэйлунцзянского

⁶ Грачиков, Е. Н. Взгляд Китая на современное мироустройство и многополярность // Центр стратегических оценок и прогнозов : [сайт]. 03.09.2012. URL: <https://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/vzglyad-kitaya-na-sovremennoe-miroustrojstvo-i-mnogopoljarnost-3575> (дата обращения: 16.07.2024).

университета⁷. В 2019 г. в Харбине был открыт совместный инженерный институт на базе МГТУ имени Н. Э. Баумана и Харбинского политехнического университета⁸. В 2019 г. Харбинская консерватория подписала соглашение с Санкт-Петербургской консерваторией имени Н. А. Римского-Корсакова о совместном обучении с приглашением профессоров из Санкт-Петербурга⁹. В том же 2019 г. начал деятельность совместный Саха-Цилиньский технологический университет в г. Лунцзин Яньбянь-Корейского автономного округа провинции Цилинь¹⁰. Открытый Китайско-Российский технопарк в приграничном Чанчуне нацелен на создание совместных предприятий на его базе, вклад участников в которых будет определять вес доли, что выражается в запатентованных совместных технологических решениях, получении свидетельств об изобретениях и выпуске экспериментально-производственных прототипов, создании технологических линий для обеспечения эффективной кооперации и сотрудничества. Роли представителей РФ и КНР в таких совместных предприятиях могут быть представлены как в качестве разработчика, владельца/совладельца технологических новшеств, посредника, инвестора/соинвестора, что открывает большие перспективы для укрепления сотрудничества в приграничных территориях, обеспечивая одновременно их рост и развитие¹¹. В 2024 г. было заявлено об открытии Китайско-Российского университета на базе СПбГУ и Харбинского политехнического университета, о чем объявил Президент Российской Федерации В. В. Путин во время своей поездки в Харбин в мае 2024 г.¹² Целью этого совместного научно-образовательного кластера станет разработка совместных практикоориентированных исследовательских идей в области естественных наук.

Кроме того, создание китайско-российских технопарков открывает новые возможности для создания, внедрения и коммерциализации совместных высокотехнологических разработок ученых обеих стран, способствуя прозрачности взаимодействия на приграничных территориях, формируя открытый трансграничный кластер наукоемких производств, требующих международной интеграции. Линия китайского руководства в создании Китайско-Российского научно-технического парка базируется на решениях, принятых ЦК КПК и Госсоветом КНР относительно

⁷ 5 лет Российско-Китайскому институту НГУ: итоги и перспективы // Союз выпускников НГУ : [сайт]. 15.07.2021. URL: <https://alumninsu.ru/cr-5-years/> (дата обращения: 16.07.2024).

⁸ Российско-китайский инженерный институт открылся в Харбине // Фонд «Русский мир» : [сайт]. 27.02.2019. URL: <https://russkiymir.ru/news/253100/> (дата обращения: 16.07.2024).

⁹ Санкт-Петербургская и харбинская консерватории заключили соглашение о сотрудничестве // Телеканал «Санкт-Петербург» : [сайт]. 11.04.2019. URL: <https://tvspb.ru/news/2019/04/11/sankt-peterburgskaya-i-harbinskaya-konservatorii-zaklyuchili-soglasenie-o-sotrudnichestve> (дата обращения: 16.07.2024).

¹⁰ Суздалов, В. СВФУ: вопросы создания совместного российско-китайского университета обсуждали в Харбине // Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова : [сайт]. 03.06.2024. URL: https://www.s-vfu.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=237617 (дата обращения: 16.07.2024).

¹¹ Коржубаев, А. Г. Китайско-российский технопарк в Чанчуне: состояние и перспективы сотрудничества СО РАН с Китаем // СибАкадемИнновация : [сайт]. 04.11.2007. URL: <http://www.sibai.ru/kitajsko-rossijskij-technopark-v-chanchune-sostoyanie-i-perspektivy-sotrudnichestva-so-ran-s-kitaem.html> (дата обращения: 16.07.2024).

¹² Путин: СПбГУ и Харбинский политех откроют образовательный центр // РИА Новости : [сайт]. 17.05.2024. URL: <https://ria.ru/20240517/putin-1946634504.html> (дата обращения: 16.07.2024).

развития приграничных северо-восточных территорий с формированием мощного научно-технологического хаба транснационального значения с приоритетным взаимодействием с Россией и странами СНГ¹³.

В таких условиях внешнеэкономическая линия всегда апеллирует к прогнозированию отсроченной выгоды социального, геополитического или экономического проектов. Китайская прогностика нацелена на преодоление невысокого роста товарооборота провинции Цзилинь с Россией, который на сегодняшний день оценивается не выше 1 млрд долларов США в год, что составляет, по оценке китайских экспертов, менее 1% товарооборота КНР с РФ [12, с. 60]. Ввиду чего новости о становлении и развитии Китайско-Российского технопарка занимают важное место в новостях из Хабаровска¹⁴.

Исследователи Н. Л. Симутина, Н. П. Рыжова рассматривают эту территорию как уникальную трансграничную зону (Благовещенск – Хэйхэ), поскольку она демонстрирует активное добрососедское социально-экономическое международное партнерство [21]. Создание трансграничных зон обеспечивает множественность социально-экономических связей, обеспечивающих поливекторное взаимодействие с международным транспортным коридором «Бин-Хай № 1», а также позволяет улучшить сообщение по единым сухопутным и морским транспортным путям, обеспечивающим социально-экономическое единство трансграничной магистрали «Харбин – Суйфэньхэ – Владивосток – Пусан». Вследствие этого подчеркивается значимость трансграничных мостовых переходов в указанной зоне для формирования потенциала трансграничных территорий [5].

Эффективность деятельности внутри «экономического круга Северо-Восточной Азии» открывает новые возможности для стран-участниц, будируя ускоренное развитие территорий Дальнего Востока (инициатива так называемого «дальневосточного гектара») и северных провинций КНР, подчеркивая официальное мнение Китая о том, что обе страны являются «друг для друга больше, чем союзниками»¹⁵.

Метафорика политики «мягкой силы», присущая внешнеэкономическому публичному дискурсу, использует эвфемизмы для снижения градуса напряжения, который неизбежно возникает при обсуждении тех или иных вопросов, касающихся приграничных территорий. Вместе с тем следует признать, что сама политика «мягкой силы» рассматривается как геополитический, историко-культурный инструмент [22], при этом внешнеэкономический публичный дискурс остается за рамками исследовательского фокуса с таких позиций.

Материалы и методология исследования

Доказательная база работы опирается на социологические, лингвистические, экономико-статистические методы сбора информации с последующей обработкой,

¹³ Коржубаев, А. Г. Китайско-российский технопарк в Чанчуне: состояние и перспективы сотрудничества СО РАН с Китаем // СибАкадемИнновация : [сайт]. 04.11.2007. URL: <http://www.sibai.ru/kitajsko-rossijskij-texnopark-v-chanchune-sostoyanie-i-perspektivy-sotrudnichestva-so-ran-s-kitaem.html> (дата обращения: 16.07.2024).

¹⁴ Китайские и российские ученые и производственники встретились в китайском Чаньчуне // AmurMedia : [сайт]. 27.06.2019. URL: <https://amurmedia.ru/news/826661/> (дата обращения: 16.07.2024).

¹⁵ В Пекине прокомментировали слова Путина об отношениях с Китаем // РИА Новости : [сайт]. 22.10.2021. URL: <https://ria.ru/20211022/kitay-1755763431.html> (дата обращения: 16.07.2024).

методы вторичной интерпретации аналитических исследований предшествующих, методы сравнительно-сопоставительного анализа данных, извлеченных из российских, китайских и других иностранных источников, метод контент-анализа медиаисточников обоих государств, что обеспечивается междисциплинарным подходом, объединяющим точные и социально-гуманитарные науки [23]. Метод сплошной выборки использовался для извлечения оценочных сравнений во внешнеэкономическом публичном дискурсе России и Китая относительно позиционирования приграничных и трансграничных территорий, что позволило проанализировать 12 тыс. публикаций.

Аналитический пересмотр ранее полученных данных, представленный в работах российских китаеведов и китайских россиеведов по социально-экономическим преобразованиям в приграничных зонах обеих стран, в сопряжении с полученными актуальными данными (2018–2024 гг.) позволил провести эмпирическое исследование по верифицированию качественно новых аспектов трансформации социально-экономической среды городского пространства в мегаполисах приграничных регионов.

Работа над практической частью статьи в аспекте исследования стратегий развития российско-китайского приграничья была построена на личных экспедициях авторов в Хабаровск, Владивосток, Харбин, Далянь в период с 2014 по 2024 г.

Информационная источниковедческая база исследования составлена на основе официальных информационных материалов, размещенных на сайтах Федеральной службой государственной статистики РФ, Национального бюро статистики КНР, в сопоставлении с результатами «глубинного» интервьюирования экспертов из районов российско-китайского приграничья.

Методология исследования опирается на исторические предпосылки взаимодействия дальневосточных территорий с акцентуацией анализа специфики эволюционных преобразовательных характеристик в современных российских и китайских городах, обеспечивающих эффективность приграничного сотрудничества по линиям культуры, науки, образования, социально-экономического хозяйствования и геополитического стратегического партнерства.

Результаты и обсуждение

Современная трансграничная социально-экономическая интеграция России и Китая базируется на полномасштабных исследованиях всестороннего сотрудничества в самых различных сферах между северо-восточными провинциями КНР и российскими субъектами Дальнего Востока в аспекте возможностей моделирования и реализации свободной экономической зоны на Дальнем Востоке.

На сегодняшний день все рассматриваемые города в российско-китайском приграничье выполняют роль международных транспортных хабов с интенсивной проходимостью грузоперевозок, «узловых» центров притяжения не только товаров и услуг, но и граждан обеих стран, что позволило Китаю разработать специальную отдельную программу по развитию городов и сверхгородов страны в период 14-й пятилетки, отдельно обращая внимание на развитие приграничных территорий [13]. Согласно этой директиве, более половины жителей сельской местности должны будут переехать в пять ареалов городов-колоссов, которые включают в себя

«регион Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй (Цзин – Цзинь – Цзи), дельту реки Янцзы, район реки Средняя Янцзы, район Большого залива и недавно заявленный городской кластер Чунцин-Чэнду» [13, с. 53].

При этом товарооборот между Владивостоком и северо-востоком КНР обнаруживает устойчивую тенденцию к росту, согласно официальным заявлениям СМИ (рис. 1–4).

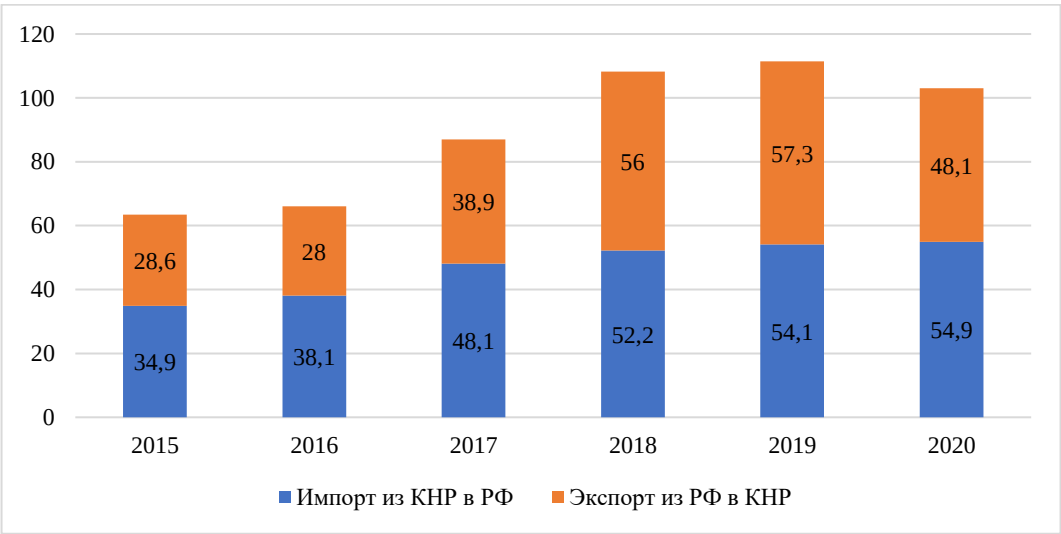

Рис. 1. Экспортно-импортный товарооборот между Россией и Китаем в 2015–2020 гг. (млрд долл. США)

Fig. 1. Export-import trade turnover between Russia and China in 2015–2020 (\$ billion)

Источник: составлено авторами по открытым медиаисточникам

Однако такого рода диаграммы представляют собой верхнеуровневую архитектуру экономического взаимодействия РФ и КНР, но вместе с тем они хороши для понимания интенсификации самого процесса взаимодействия. В то же время в большинстве случаев мы видим ретроспективный анализ с отставанием на 1–2 года, что позволяет провести реконструкцию социально-экономических стратегий между странами, которые выведены на передний план.

В ряде случаев удастся суммировано смоделировать процесс внешнеэкономического взаимодействия РФ и КНР с учетом представленности материалов в открытом доступе (рис. 2).

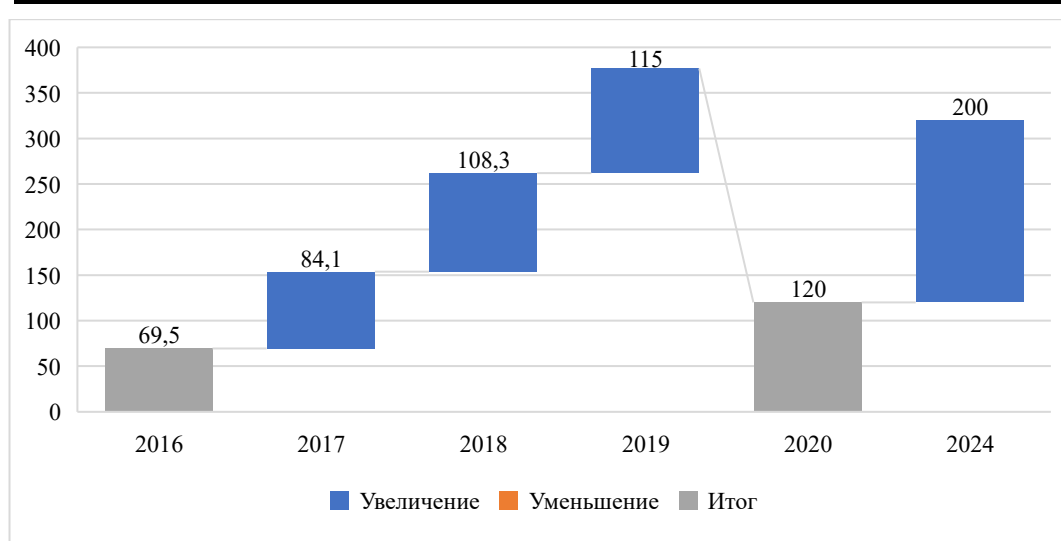

Рис. 2. Динамика товарооборота между Россией и Китаем в 2016–2024 гг. (млрд долл. США)

Fig. 2. Dynamics of trade turnover between Russia and China in 2016–2024 (\$ billion)

Источник: составлено авторами по открытым медиаисточникам

Но если мы обратим внимание на особенности графического представления больших данных по внешнеэкономическому сотрудничеству между Россией и Китаем, то можем обнаружить рост числа публикаций, касающихся увеличения китайского импорта в Российскую Федерацию, начиная с июля 2022 г. (рис. 3).

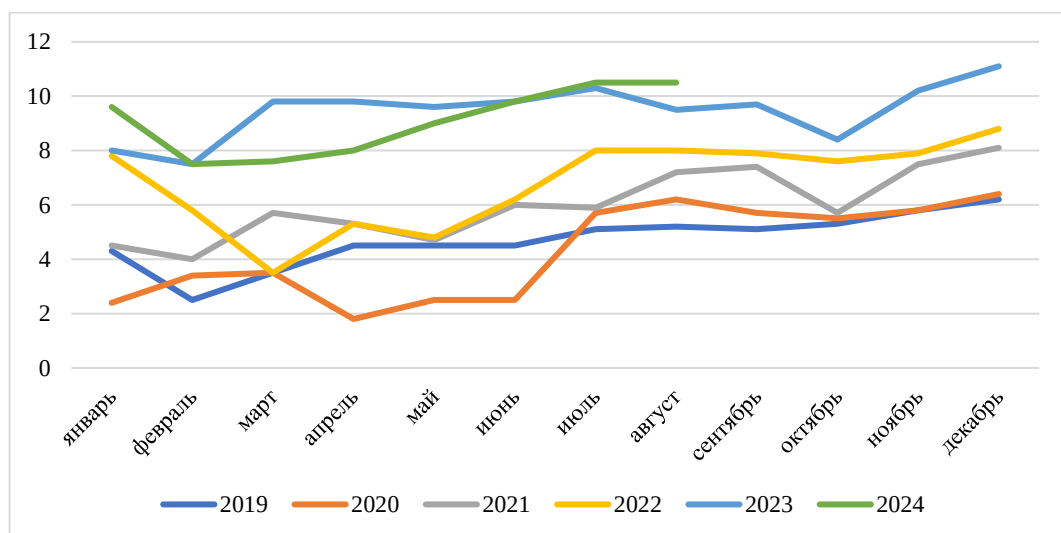

Рис. 3. Динамика импорта товаров из Китая в Россию через северо-восточные провинции КНР в 2019–2024 гг. (млрд долл. США)

Fig. 3. Dynamics of imports from China to Russia through the northeastern Chinese provinces in 2019–2024 (billion US dollars)

Источник: составлено авторами по открытым медиаисточникам

Между тем анализ динамического развития экономического взаимодействия между странами нельзя охарактеризовать, как ровный вследствие влияния внешних геополитических факторов. Если импорт китайских товаров с июня 2022 г. обнаруживает рост, то динамика российского экспорта демонстрирует иную картину (рис. 4).

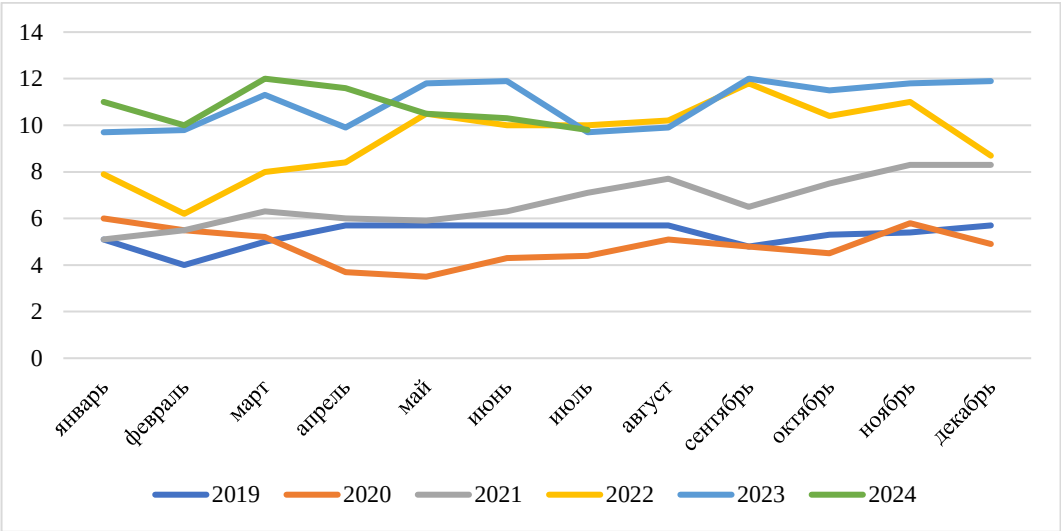

Рис. 4. Динамика импорта товаров из России в Китай через дальневосточные границы в 2019–2024 гг. (млрд долл. США)

Fig. 4. Dynamics of imports from Russia to China through the Far Eastern borders in 2019–2024 (\$ billion)

Источник: составлено авторами по открытым медиаисточникам

Впрочем, анализ самих аналитических статей не дает представления о том, что именно составляет товарооборот между РФ и КНР, какие направления являются максимально перспективными и активными, а какие, наоборот, находятся в аут-сайдерах, что позволяет оценивать такого рода публикации как манипулятивные с точки зрения социального инжиниринга [24]. При этом внешнеэкономический публичный дискурс сотрудничества между двумя государствами активно использует эвфемистическую лексику, что в целом свойственно языку дипломатии. Примеры: «Новый кризис затоваривания контейнерных терминалов в портах Дальнего Востока в начале августа предметно обсуждался на совещании в Минтрансе России под председательством заместителя министра Алексея Шило с участием представителей практически всех участников рынка контейнерных перевозок – стивидорных компаний, железнодорожных операторов, а также представителей РЖД, Росжелдора, Росморречфлота, ФТС России и отраслевых ассоциаций»¹⁶; «Москва и Пекин сумели перешагнуть через присутствовавшие в их отношениях исторические обиды, политические расхождения и территориальные споры и вышли на новый ответственный этап построения партнерства нового

¹⁶ Проблема вывоза контейнеров с Дальнего Востока дошла до Минтранса // InfraNews : [сайт]. 16.08.2024. URL: <https://www.infranews.ru/logistika/sujeti/65655-problema-vyvoza-kontejnerov-s-dalnego-vostoka-doshla-do-mintransa/> (дата обращения: 16.07.2024).

типа, основанного на взаимном уважении и взаимной выгоде»¹⁷. Подобного рода высказывания содержат богатый интерпретационный потенциал с заведомо обозначенным приоритетным вектором истолкования, что открывает новые возможности для исследований.

Прогнозирование развития трансграничных территорий во внешнеэкономическом публичном дискурсе позиционируется с обоснованием таких понятий, как «Китайско-российская зона свободной торговли», «Зона свободной торговли Китая-России-Северной Кореи-Южной Кореи-Японии», «Зона свободной торговли Северо-Восточной Азии». Каждая из этих внешнеэкономических публичных конструкций обладает системами, в которых объединены совокупности экономических, геополитических, социальных показателей, представленные в вербальном и математическом выражении, что позволяет создать сложную иерархию разнообразных маркеров, отражающих внешнеэкономический публичный дискурс трансграничных территорий. Так, по мнению И. Ю. Холода [11], государства Северо-Восточной Азии вовлечены в строгую систему взаимозависимости друг от друга, что влияет на репутацию данного субрегиона.

В данной связи возникают вопросы конструирования этносоциокультурной и гражданской идентичности в условиях приграничья как ведущего фактора транснациональных миграционных процессов [8; 25; 26]. Как указывают С. В. Рязанцев и М. Н. Храмова, Дальний Восток испытывает большую потребность в трудовых кадрах, которую не может покрыть трудовая миграция из КНР, в связи с чем обоснованно рассматриваются другие варианты привлечения рабочей силы в регион [27]. Каждый субъект трансграничного пространства позиционирует уникальность конкретного территориального сообщества посредством публичного цифрового двойника, демонстрируя присутствие цифровых диаспор [28]. При этом брендинг территорий широко встречается в медиадискурсе, выступая стратегией позитивизации трансграничных территорий во внешнеэкономическом новостном дискурсе.

Исследователи признают, что основные проблемные зоны относятся к различиям в стратегических подходах, реализующихся государствами, входящими в трансграничный северо-восточный азиатский кластер, к реализации свободной торговли, либерализации сферы услуг, регулированию товарооборота в условиях внешних санкций, позиционированию собственных геополитических задач во внешнем мире, работе с кризисными секторами промышленности в каждой из отдельно взятых стран, артикуляции территориальных споров и т. п. Следует отметить, что нерешенные исторические вопросы и территориальные споры накладывают свой отпечаток как на сам характер социально-экономического взаимодействия в трансграничных зонах, так и на озвучивание внешнеэкономического публичного дискурса.

Методом сплошной выборки было извлечено порядка 12 тыс. публикаций, связанных с позиционированием приграничных территорий во внешнеэкономическом публичном дискурсе России и Китая.

¹⁷ Мельникова, Ю., Нечаева, Л. Российско-китайские отношения на современном этапе: взгляд из Москвы // Российский совет по международным делам: [сайт]. 20.05.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/rossiysko-kitayskie-otnosheniya-na-sovremennom-etape-vzglyad-iz-moskvy/> (дата обращения: 16.07.2024).

Основная тематика публикаций была сгруппирована по следующим категориям: «официальные мероприятия» (33%), «социальные вопросы» (26%), «экономические события» (22,5%), «действия во внешнеэкономической сфере» (8,5%), «закон и правовое регулирование» (4,5%), «национально-религиозные общины и диаспоры» (2%), «проблемы социально-экономического управления» (2%), «коррупция и бюрократия» (1,5%).

Причем каждый блок состоял из нескольких кейсов, детализирующих его содержание. Рассмотрим это на примере такого важного кластера, как «официальные мероприятия» (33%). Данный кластер представлен двумя кейсами: 1) «мероприятия, проводимые официальными местными органами власти и управления в зоне трансграничья» (73% публикаций); 2) «мероприятия, в которых представители приграничных городов принимали участие» (27% публикаций).

Информационным центром публикаций первой подгруппы являются имена собственные с указанием названий мероприятий в зоне трансграничья, имена собственные с указанием должностей и имен официальных лиц, имена собственные с указанием названий мест проведения и т. п. Эти обозначения могут составить онтологии информационных мишеней в моделировании трансграничных инноваций во внешнеэкономическом публичном дискурсе, обеспечивая включение поискового запроса в модель.

Составление реестра информационных объектов сопряжено с выявлением устойчивых связей, которые формируют устойчивый образ в общественном сознании целевой аудитории. Направленность таких публикаций моделирует общий вектор внешнеэкономических связей между Россией и Китаем на общегосударственном уровне и на уровне взаимодействия приграничных территорий. Такие словосочетания, как *«кризис предметно обсуждался»* или *«наращивают взаимодействие по вопросам, представляющим взаимный интерес»* имплицитно обладают созначением *«власть обещает»*. В предложении *«Проблема вывоза контейнеров с Дальнего Востока дошла до Минтранса»* содержится авторская точка зрения на роль руководителей различных подразделений министерства транспорта РФ в организации товарно-промышленных перевозок из Китая в Россию через транспортный узел Владивостока. Публичная характеристика определяет проблемы руководства транспортных подразделений в решении организации полномасштабной логистики.

Второй кейс «мероприятия, в которых представители приграничных городов принимали участие», как правило, содержит узуальные характеристики, демонстрирующие включенность местных властей в региональную повестку. Информационные «мишени» данной подгруппы содержат наименования предметов обсуждения вопросов в сравнении с поставленными сроками реализации. В публикациях, указывающих на то, что регион участвовал в совместном строительстве больницы, торгово-промышленного центра, российско-китайского технологического центра, выделил денежные средства на развитие совместного российско-китайского предприятия, основной посыл имеет значение заботливого отношения региональных властей к решению общих проблем в российско-китайском приграничье. Концептуальный смысл кейса *«приграничный город»* в данной подгруппе содержит в себе сравнения, сопоставимые с такими фразеологизмами: *«друг всегда поможет»*, *«совместное решение проблемы»*, *«российско-китайская дружба»*. В условиях

российско-китайского приграничья, когда обе стороны сделали значительные послабления для пересечения границы, усилилась миграция в Китай [29–31].

По мысли китайских геополитиков, город стоит на страже обеспечения не только эффективного «внутреннего обмена» для витальности социально-экономических региональных кластеров, но и «внешнего обмена», способствующего увеличению количества разнообразных связей Китая с мировыми экономическими центрами [32; 33]. Такая амбициозная задача не может быть решена без привлечения специалистов по лингвомаркетингу медиапространства как цифрового двойника реальности.

В связи с этим верхний уровень архитектуры мегаполиса в российско-китайском приграничье может быть смоделирован с демонстрацией взаимодействия между основными блоками в системе, выступающими как сложные метаграфы в архитектуре суперсложной метаграфовой системы [34], которая на сегодняшний день позволяет наиболее полно описать структуру и содержание трансграничной зоны как объекта моделирования (рис. 5).

Рис. 5. Верхнеуровневая архитектура конструктивной и деструктивной стратегий развития трансграничной зоны во внешнеэкономическом публичном дискурсе
Fig. 5. High-level architecture of constructive and destructive strategies for the development of a cross-border zone in foreign economic public discourse

Источник: составлено авторами

Цифровой менеджмент в трансграничной зоне внешнеэкономического сотрудничества между Россией и Китаем предполагает «умную» систему управления территорией на основе генерирования ее цифрового двойника, что создает реальные стратегические преимущества благодаря прозрачности расчетов жизненного

цикла всех составляющих мультиблоков в расширенной инфраструктуре трансграничных зон как свободных экономических зон, обеспечивая эффект созависимых связей между городом и сельскими районами, между регионами обеих стран.

Такая динамическая система воспроизводит архитектуру встроенных метаграфов в виде более сложноорганизованной системы мультиметаграфов [35], которые показывают сложность взаимосвязей во внешнеэкономическом публичном дискурсе, организованном по типу сложной информационной империи. Неслучайно Х. Параг назвала современный Китай «империей городов» [36, с. 48], которая расширяет свое методологическое влияние на жизнь стран-соседей.

При этом научная методология цифрового мониторинга уровня качества и разнообразных услуг, оказываемых населению с применением «умных» инструментов, позволяет оценить показатели в каждом кластере по отдельным критериям в рамках заданной параметризации по расчету потенциала развития международного сотрудничества в российско-китайском приграничье (рис. 5).

Стратегия развития приграничного района предполагает ориентацию на программно-целевую теорию управления, согласно которой моделируются стратегические и тактические цели с опорой на вероятностные критерии их достижения [2; 21; 37]. В свою очередь, вероятностные критерии подразумевают использование измеряемых в количественном отношении показателей, благодаря которым высчитывается мера и/или достижения цели при дополнительном сравнении с другими альтернативными вариантами системы «умного города».

Как показано на рис. 5, стратегическая цель трансграничной зоны заключается в сбалансированном использовании конструктивных и деструктивных факторов для совершенствования системой управления данной территорией, причем деструктивная составляющая рассматривается как неизбежная форма развития, как некая реперная точка, позволяющая совершенствовать механизм управления трансграничья.

Кластеры в зоне российско-китайского приграничья нацелены на осуществление работы в трех принципиально важных векторах: социальном, экономическом и экологическом.

Большое внимание уделяется анализу и мониторингу **«Кластера параметров загрязнения окружающей среды, изменения климата и биоразнообразия»**, поскольку его негативные показатели оказывают пролонгированное деструктивное воздействие и на человеческую популяцию, и на состояние флоры и фауны. При этом современные управленческие инструменты все больше внимания уделяют привлечению подростков и молодежи для уменьшения деструктивного влияния промышленных производств на окружающую среду.

Многополярная согласованность мотивов устойчивого развития трансграничных зон эффективно использует инструменты внешней и внутренней политики приграничных регионов, которые способствуют достижению социально-экономической устойчивости приграничья (к примеру, совмещенные образовательные программы, ориентированные друг на друга конкурсы проектов в приграничной зоне, совместные разнообразные кампании и стартапы, нацеленные на наращивание потенциала социально-экономической привлекательности региона для населения по обеим сторонам границы). Социально-политическое понятие многополярности

как одно из ключевых в современной геополитике также подчиняется теории метаграфов, что позволяет органично решать вопросы создания единой концепции метаграфов для описания социально-гуманитарных проблем [38].

Тактические задачи решают вопросы локального уровня, в который входит состояние транспортного сообщения (в т. ч. железнодорожное и автомобильное сообщение, организация и осуществление авиаперевозок, пропускная способность на международных магистралях, а также в пунктах погранично-таможенного контроля, состояние парковок для автомобильного транспорта разного типа, особенности мобильности передвижения, облагороженность территории, чистота и организация мест отдыха и т. п.).

Рис. 6. Архитектура целей и мультиграфовых критериев оценки инноваций трансграничной зоны на основе расчета основных показателей роста уровня жизни населения в русско-китайском приграничье

Fig. 6. Architecture of goals and multigraph criteria for assessing innovations in the cross-border zone based on the calculation of the main indicators of growth in the standard of living of the population in the Russian-Chinese borderland

Источник: составлено авторами

При всем многообразии мультиблоков в архитектуре трансграничья определение возможности реализации инноваций зависит от регламентации уровня качества жизни в сверхгороде, что является ведущим кластером в моделировании этих уникальных агломераций, где показатели составляют совокупность оценочных критериев, по которым рассчитывается уровень жизни населения в трансграничной зоне, что показано на рис. 6.

Определяющей целью введения многомерной мультиграфовой модели в анализе внешнеэкономического публичного дискурса трансграничной зоны является снижение трудоемкости расчетов при учете больших данных при прогнозировании витальности проектов международного сотрудничества и моделировании методов повышения эффективности применения «цифровых помощников», использующих поликодовые, многомерные интеллектуальные инструменты различной сложности: от аналитико-информационных рекомендательных систем со встроенными логико-смысловыми интеллектуальными моделями до самообучающихся интеллектуальных карт (карт памяти), помогающих гармонично смоделировать вектор развития конкретной территории.

Применение тонкого цифрового инструментария позволяет оценивать текущее состояние развития, способствуя учету ареальных признаков у местных объектов как символов эмотивной привлекательности приграничных городов. В связи с этим верхний уровень «*Кластера определения качества жизни в российско-китайском приграничье*» выстраивается в бинарной дихотомии (рис. 7).

Рис. 7. Верхний уровень архитектуры «Кластера определения качества жизни в российско-китайском приграничье»
Fig. 7. The top level of the architecture of the “Cluster for determining the quality of life in the Russian-Chinese borderland”
Источник: составлено авторами

Естественно, что для приграничной территории особое значение приобретает средний блок мультиграфовой структуры «Мобильность населения» (рис. 8). Верхняя структура в данном блоке оперирует самим понятием мобильности как возможности передвижения в городе, регионе, стране, приграничной зоне своей страны, далее в приграничную зону соседней страны и затем вглубь территории другой страны. Вместе с тем здесь мы сталкиваемся с необходимостью множественности оценок характера мобильности: учебная, академическая, вынужденная, принудительная, военная, добровольная, трудовая, возвратная, маятниковая, приграничная, семейно-брачная, паломническая, религиозная, культурно-просветительская, туристическо-познавательная, лечебно-медицинская (медицинский туризм), профессиональная, торговая

и пр. Такой широкий диапазон предполагает создание терминологической онтологии [39]. Полагаем, что традиционные типы мобильности в настоящее время могут быть дополнены вариантами виртуальной реальности за счет цифровых двойников реального мира, что можно обозначить, как *виртуальная мобильность*, которая актуализирует у реципиента *внутреннюю мобильность* как психологическую установку ухода от окружающей реальности с погружением в мир, язык, культуру другой страны с формированием защитного механизма, отгораживающего от проблем [40].

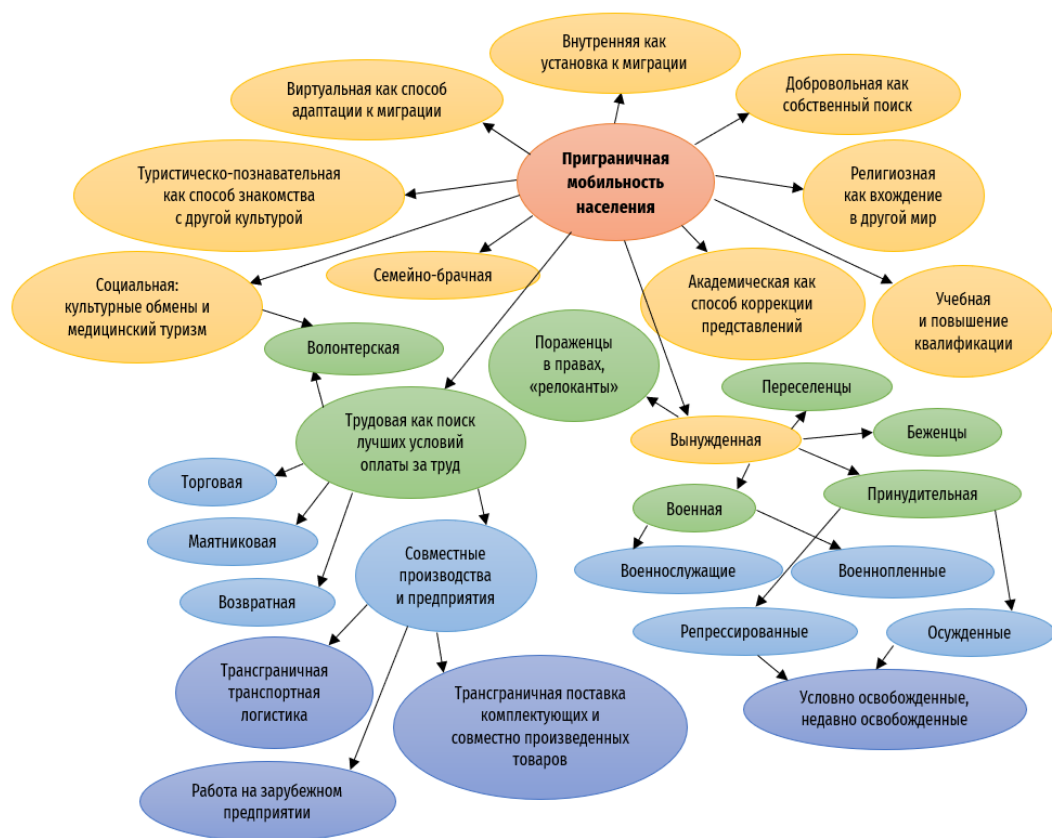

Рис. 8. Фрагмент кластера «Мобильность населения в приграничных территориях»

Fig. 8. Fragment of the cluster "Population mobility in border areas"

Источник: составлено авторами

Виртуальная и внутренняя мобильность, на наш взгляд, выполняют заместительную роль игры, перемещая человека в пространство некоей карнавальной культуры, благодаря которой такой человек смягчает негативное воздействие психотравмирующих моментов окружающей его физической реальности [41]. В то же время типы мобильности отражают влияние социально-экономической и геополитической ситуации в стране и мире на активизацию того или иного мотива,

подвигающего человека к смене места жительства и работы со сменой приоритетов в своих действиях и поступках [30; 42].

Мы предполагаем, что само проживание в зоне приграничья, в особенности стран с такой колоссальной разницей в менталитете, как Россия и Китай, является провокативным фактором для формирования высокого уровня трансграничной мобильности, реализующейся в различных формах: от учебы до торговли.

Представленный многомерный модуль «**Мобильность населения в приграничных территориях**» (рис. 8) наглядно демонстрирует объемность каждого уровня, который тем не менее также может быть представлен в других группах параметризации, указывающих на причинно-следственные связи социального и экономического планов, цифровой речеповеденческий профиль мигрантов, специфику коммуникации в зависимости от типа ситуации, особенности психофизиологических и нейробиологических компонентов и т. п.

С другой стороны, относительная прозрачность российско-китайских границ обусловила, например, появление особого пиджингового языка, в котором представлены упрощенные формы как русского, так и китайского языков, что указывает на стихийные попытки улучшить взаимопонимание друг друга в приграничной зоне.

Заключение

В ситуации растущего противостояния с недружественными странами китайские города становятся для российских и северокорейских партнеров специфическими «воротами», открывающими возможности внешнего мира, усиливая функции как административно-торговых, так и внешнеэкономических инструментов [43], способствуя формированию трансграничных хабов в области научно-технологического производства, позволяющих успешно обходить санкционное давление и осуществлять собственные технологические прорывы с перспективами дальнейшего развития.

Северо-восток Китая имеет давние социально-экономические и историко-культурные связи с российским Дальним Востоком и Сибирью, что позволяет вырабатывать успешные инструменты добрососедского сотрудничества и взаимопомощи, чем и обусловлено возникновение трансграничных зон, включенных одновременно в народнохозяйственные планы обеих стран, подчеркивая уникальность этих структур как новых стандартов надграничного, наднационального сотрудничества в самых различных сферах на основе взаимопонимания и уважения.

Работы западных специалистов, посвященные исследованию трансграничного развития инфраструктуры в российско-китайской приграничной зоне, зачастую содержит в себе эсхатологические и/или апокалиптические выводы, обусловленные западноевропейской традицией, что вступает в противоречие с восточным мироощущением, базирующимся на признании гармонии многополярного мира как гаранта устойчивости развития сложных динамических систем, примером которой являются приграничные территории России и Китая.

Технологические возможности определяют трансграничные зоны во внешнеэкономическом публичном дискурсе как территории будущего в координатах: 1) урбанизации и трансформации городов в трансэкономические центры; 2) «умных»

технологий как системы доступа людей к высокотехнологическому производству; 3) мобильности как актуализации новых способов коммуникаций и взаимодействия людей, бизнеса и органов власти; 4) виртуальной жизни посредством создания систем онлайн-личностей, цифровых двойников правительств и организаций, обеспечивающих онлайн-суверенитет стран.

Список литературы

1. Ван, Л. Приоритетные направления стратегического планирования инфраструктуры мегаполисов: моделирование трансграничных инноваций в российско-китайском приграничье / Л. Ван, И. С. Карабулатова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2024. № 2(339). С. 65–80. DOI [10.53598/2410-3691-2024-2-339-65-80](https://doi.org/10.53598/2410-3691-2024-2-339-65-80). EDN [JLFJRR](https://elibrary.ru/jlfjrr).
2. Григорьев, А. В. Социальная идентичность населения приграничных территорий Западного Казахстана: современные тенденции и социо-демографическая специфика / А. В. Григорьев, А. В. Рогов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2023. № 3(324). С. 55–71. DOI [10.53598/2410-3691-2023-3-324-55-71](https://doi.org/10.53598/2410-3691-2023-3-324-55-71). EDN [MKAKXE](https://elibrary.ru/mkakxe).
3. Зуенко, И. Ю. Возможная урбанизации периферийных территорий (на примере российско-китайской границы) / И. Ю. Зуенко, И. Г. Чубаров // Азия и Африка сегодня. 2019. № 3. С. 10–17. DOI [10.31857/S032150750004134-9](https://doi.org/10.31857/S032150750004134-9). EDN [ZAFBSH](https://elibrary.ru/zafbsn).
4. Цзоу, Ц. Трудности перевода научно-технических текстов с китайского языка на русский // Языки. Культуры. Перевод. 2019. № 1. С. 277–284. EDN [FSCHER](https://elibrary.ru/fscher).
5. Зуенко, И. Ю. Проблемы развития российско-китайских трансграничных мостовых переходов и примостовых территорий // Россия и АТР. 2024. № 3. С. 144–170. DOI [10.24412/1026-8804-2024-3-144-170](https://doi.org/10.24412/1026-8804-2024-3-144-170).
6. Мишук, С. Н. Трудовая миграция на Дальнем Востоке России: до и после 2020 года // Региональные проблемы. 2021. Т. 24, № 2–3. С. 171–174. DOI [10.31433/2618-9593-2021-24-2-3-171-174](https://doi.org/10.31433/2618-9593-2021-24-2-3-171-174). EDN [VFXNHX](https://elibrary.ru/vfxnhx).
7. Просеков, С. А. «Лицо» китайца: содержание понятия // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 3. С. 191–201. DOI [10.17805/zpu.2020.3.15](https://doi.org/10.17805/zpu.2020.3.15). EDN [TDUBDA](https://elibrary.ru/tdubda).
8. Щеглова, Д. К. Образ будущего России с позиций гражданской идентификации населения приграничных регионов / Д. К. Щеглова, С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, К. А. Великжанина // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2024. Т. 3, № 2(10). С. 169–183. DOI [10.21603/2782-4799-2024-3-2-169-183](https://doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-2-169-183). EDN [JGPBHC](https://elibrary.ru/jgpbhc).
9. Топилин, А. В. Демографические особенности формирования и использования трудовых ресурсов в крупнейших городах России в 2019–2021 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 40–54. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.3). EDN [CZSKEV](https://elibrary.ru/czskev).
10. Топилин, А. В. Региональное и межрегиональное планирование социально-экономического развития в дальневосточном макрорегионе: организационно-методические проблемы и пути решения / А. В. Топилин, В. Г. Ростанец, А. И. Кабалинский // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 3. С. 285–296. DOI [10.19181/lsprr.2022.18.3.1](https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.3.1). EDN [CEBSMU](https://elibrary.ru/cebsmu).
11. Холод, И. Ю. Переговоры о Северо-Восточноазиатской зоне свободной торговли: проблемы и перспективы // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 7(35). С. 111–119. EDN [SMUXIN](https://elibrary.ru/smuxin).
12. Чжан, М. Состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества Северо-Восточных регионов Китая с Россией // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2019. № 4(89). С. 59–67. DOI [10.17238/issn1815-0683.2019.4.59](https://doi.org/10.17238/issn1815-0683.2019.4.59). EDN [VOWXVE](https://elibrary.ru/vowxve).
13. Петушкова, В. В. Особенности развития мегаполисов Китая // Экономические и социальные проблемы России. 2023. № 3(55). С. 40–59. DOI [10.31249/espr/2023.03.03](https://doi.org/10.31249/espr/2023.03.03). EDN [TIURGD](https://elibrary.ru/tiurgd).
14. Анисимов, Д. В. Развитие мегаполисов в КНР : На примере городов Пекина и Шанхая : автореферат дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.14 / Ин-т Дал. Востока РАН. Москва, 2005. 20 с.

15. Друзья, А. В. Система регулирования внешней миграции на Дальнем Востоке Российской Федерации (1991–2020 гг.) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 3. С. 114–129. DOI [10.19181/demis.2021.1.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.3.10). EDN [RZXLEV](https://www.edn.ru/entry/10.19181/demis.2021.1.3.10).
16. Горшков, М. К. Мегалополисы России и Китая: сравнительный анализ Санкт-Петербурга и Шанхая // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2(17). С. 202–208. DOI [10.24833/2071-8160-2011-2-17-202-208](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-2-17-202-208). EDN [NTTZN](https://www.edn.ru/entry/10.24833/2071-8160-2011-2-17-202-208).
17. Jia, F. Chinese Infrastructure Diplomacy in Russia: The Geopolitics of Project Type, Location, and Scale / F. Jia, M. M. Bennett // Eurasian Geography and Economics. 2018. Vol. 59, № 3–4. Pp 340–377. DOI [10.1080/15387216.2019.1571371](https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1571371).
18. Рязанцев, С. В. Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки / С. В. Рязанцев, Т. Р. Мирязов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 5–19. DOI [10.19181/demis.2021.1.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1). DN [HNFXXJ](https://www.edn.ru/entry/10.19181/demis.2021.1.4.1).
19. Миграционный атлас Российской Федерации / С. В. Рязанцев, В. С. Белозеров, Н. А. Щитова [и др.]. Москва : Издательско-торговый Дом «Перспектива», 2022. 232 с. ISBN 978-5-905790-56-0. DOI [10.51285/978-5-905790-56-0](https://doi.org/10.51285/978-5-905790-56-0). EDN [MQSVLW](https://www.edn.ru/entry/10.51285/978-5-905790-56-0).
20. Шахрай, С. М. Новые тенденции академической мобильности в треугольнике Китай – Россия – США / С. М. Шахрай, Ч. Чжан // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 4. С. 70–80. DOI [10.19181/demis.2022.2.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.4.5). EDN [NQNHQJ](https://www.edn.ru/entry/10.19181/demis.2022.2.4.5).
21. Симутина, Н. Л. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск-Хэйхэ / Н. Л. Симутина, Н. П. Рыжова // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2007. № 5(135). С. 130–144. EDN [JPJKBV](https://www.edn.ru/entry/10.19181/demis.2022.2.4.5).
22. Денисов, И. Е. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР / И. Е. Денисов, И. Ю. Зуенко. Москва : МГИМО МИД России, 2022. 24 с. EDN [FOPVCB](https://www.edn.ru/entry/10.19181/demis.2022.2.4.5).
23. Zhang, L. Association Strategies of Speech Behavior of Communicators in Coding Discourse: An Interdisciplinary Approach Towards Understanding the Role of Cognitive and Linguistic Processes in Communication / L. Zhang, I. Karabulatova, A. Nurmukhametov, M. Lagutkina // Journal of Psycholinguistic Research. 2023. Vol. 52. Pp. 1571–1587. DOI [10.1007/s10936-023-09966-z](https://doi.org/10.1007/s10936-023-09966-z). EDN [CGIQT](https://www.edn.ru/entry/10.1007/s10936-023-09966-z).
24. Навасартян, Л. Г. Цифровая информация как средство манипуляции в современной прессе / Л. Г. Навасартян // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1. С. 213–219. EDN [WXOOWJ](https://www.edn.ru/entry/10.1007/s10936-023-09966-z).
25. Карабулатова, И. С. Бухарские евреи и тобольские бухарцы на территории юга Западной Сибири и Казахской степи в XVII–XIX вв.: адаптационные практики ухода от конфликтов в купеческой среде / И. С. Карабулатова, А. Г. Шабамбаева, М. Ю. Никитин [и др.] // Вопросы истории. 2022. № 10–2. С. 52–65. DOI [10.31166/VoprosyIstorii202210Statyi48](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202210Statyi48). EDN [YGMDF](https://www.edn.ru/entry/10.31166/VoprosyIstorii202210Statyi48).
26. Петров, В. Н. Социальная идентичность в условиях транснациональной миграции: теоретические конструкции социологического исследования / В. Н. Петров, М. И. Заславская, В. Н. Ракачев, Я. В. Ракачева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. № 1(294). С. 112–121. DOI [10.53598/2410-3691-2022-1-294-112-121](https://doi.org/10.53598/2410-3691-2022-1-294-112-121). EDN [GQQMBV](https://www.edn.ru/entry/10.53598/2410-3691-2022-1-294-112-121).
27. Рязанцев, С. В. Научная экспедиция сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН по регионам Дальнего Востока / С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 3. С. 130–137. DOI [10.19181/demis.2021.1.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.3.11). EDN [HVJLQE](https://www.edn.ru/entry/10.19181/demis.2021.1.3.11).
28. Волков, Ю. Г. Цифровые мигранты и цифровая диаспора: новые проблемы и тренды международной миграции / Ю. Г. Волков, В. В. Кривоусков, В. И. Курбатов // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 4. С. 102–108. DOI [10.26425/2658-347X-2021-4-4-102-108](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-102-108).
29. Алхасов, С. С. Трудовая миграция в приграничном регионе по данным онлайн-рекрутмента (на материалах Амурской области) / С. С. Алхасов, С. В. Рязанцев // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 4. С. 431–441. DOI [10.19181/lsprr.2021.17.4.1](https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.4.1). EDN [ZQNHJR](https://www.edn.ru/entry/10.19181/lsprr.2021.17.4.1).
30. Рыбаковский, Л. Л. Миграционная компонента и ее вклад в демографическое развитие современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 3. С. 327–337. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337). EDN [EIOOWG](https://www.edn.ru/entry/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337).

31. Рязанцев, С. Геополитические, экономические и социокультурные векторы китайского влияния в Центральной Азии / С. Рязанцев, З. Вазиров, Е. Письменная, Л. Деловарова // Центральная Азия и Кавказ. 2019. Т. 22, № 4. С. 20–35. DOI [10.37178/ca-c.19.4.02](https://doi.org/10.37178/ca-c.19.4.02). EDN [WSKGBM](#).
32. Qi, X. Urban-Rural Disparities in Dental Services Utilization Among Adults in China's Megacities / X. Qi, X. Qu, B. Wu // *Frontiers in Oral Health*. 2021. Vol. 2. DOI [10.3389/froh.2021.673296](https://doi.org/10.3389/froh.2021.673296). EDN [RYIPBK](#).
33. Guo, Sh. Embodied Energy Use of China's Megacities: A Comparative Study of Beijing and Shanghai / Sh. Guo, Y. Li, P. He [et al.] // *Energy Policy*. 2021. Vol. 155. Pp. 1–14. DOI [10.1016/j.enpol.2021.112243](https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112243).
34. Белянова, М. А. Автоматическая генерация вопросов на основе текстов и графов знаний / М. А. Белянова, Г. И. Ревунков, Г. И. Афанасьев, Ю. Е. Гапанюк // *Динамика сложных систем – XXI век*. 2020. Т. 14, № 4. С. 55–64. DOI [10.18127/j19997493-202004-06](https://doi.org/10.18127/j19997493-202004-06). EDN [OPECBM](#).
35. Gapanyuk, Yu. E. Principles of Creating Hybrid Intelligent Information Systems Based on the Granular-Metagraph Approach / Yu. E. Gapanyuk, V. I. Terekhov, V. Y. Ivlev [et al.] // *Biologically Inspired Cognitive Architectures 2023 : Proceedings of the 14th Annual Meeting of the BICA Society, Ningbo, China, October 13–15, 2023*. Zug, 2024. Pp. 356–366. DOI [10.1007/978-3-031-50381-8_36](https://doi.org/10.1007/978-3-031-50381-8_36). EDN [DQZSNJ](#).
36. Параг, Х. Коннектография: будущее глобальной цивилизации / Х. Параг ; пер. с англ. Э. Кондуковой. Москва : Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2019. 427 с. ISBN 9785001461197.
37. Авдеев, Ю. А. Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведет к желаемому результату / Ю. А. Авдеев, В. Л. Ушакова // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Т. 19, № 1. С. 9–24. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24). EDN [EBFBEG](#).
38. Самохвалов, Э. Н. Использование метаграфов для описания семантики и прагматики информационных систем / Э. Н. Самохвалов, Г. И. Ревунков, Ю. Е. Гапанюк // *Вестник Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана. Серия Приборостроение*. 2015. № 1(100). С. 83–99. EDN [TIVYUH](#).
39. Gapanyuk, Y. Using Metagraph Approach for Building an Architecture of the Terminology Integration System / Y. Gapanyuk, C. Cai, C. Jia, I. Karabulatova // *Advances in Neural Computation, Machine Learning, and Cognitive Research VIII : Selected Papers from the XXVI International Conference on Neuroinformatics, Moscow, Russia, October 21–25, 2024*. Zug, 2024. Pp. 523–530. DOI [10.1007/978-3-031-73691-9_49](https://doi.org/10.1007/978-3-031-73691-9_49).
40. Baimakhan, A. S. The Variety of Educational Communicative Situations of Virtual Urbanism as an Effective Tool for the Formation of Students' Communicative Competence in Learning Foreign Languages in Russia, Kazakhstan and China / A. S. Baimakhan, G. K. Belgibayeva, I. S. Karabulatova [et al.] // *Virtual Communication and Social Networks*. 2024. Vol. 3, No. 3(11). Pp. 231–244. DOI [10.21603/2782-4799-2024-3-3-231-244](https://doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-3-231-244). EDN [TUMHE](#).
41. Na, Ju. Game Toponymy: The Impact of Localization of Chinese Video Games on Their Translation / Ju. Na, X. Guan, I. S. Karabulatova // *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2024. No. 9(890). Pp. 134–142. EDN [GFSUWM](#).
42. Малышев, Е. А. Стратегическое планирование устойчивого развития инфраструктуры региона / Е. А. Малышев, А. Н. Кашурников // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2016. Т. 22, № 5. С. 124–135. EDN [VYTYUL](#).
43. Иващенко, А. С. Эволюция внешнеполитических концепций Китая (1949 г. – начало XXI в.) // *Вестник Адигейского государственного университета. Серия I: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2023. № 3(324). С. 15–22. DOI [10.53598/2410-3691-2023-3-324-15-22](https://doi.org/10.53598/2410-3691-2023-3-324-15-22). EDN [SHXJPH](#).

Сведения об авторах

Ван Лэй, аспирант, Высшая школа социальных и политических наук, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия.

Контактная информация: e-mail: aleksey@163.com; ORCID ID: [0009-0000-2749-6112](https://orcid.org/0009-0000-2749-6112).

Карабулатова Ирина Советовна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем, МГУ имени М. В. Ломоносова; профессор, кафедра иностранных языков, филологический факультет, РУДН имени П. Лумумбы, Москва, Россия; руководитель, Научно-исследовательский центр цифровых гуманитарных технологий, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай.

Контактная информация: e-mail: radogost2000@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-4228-3235](https://orcid.org/0000-0002-4228-3235); РИНЦ SPIN-код: [2360-2120](https://elibrary.ru/2360-2120); Web of Science Researcher ID: [M-2778-2013](https://orcid.org/M-2778-2013).

Цзоу Цзиньна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра русского языка, Институт русского языка, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай.

Контактная информация: e-mail: zoujinnazg@163.com; ORCID ID: [0009-0008-7915-2360](https://orcid.org/0009-0008-7915-2360).

Статья поступила в редакцию 24.07.2024; принята в печать 02.10.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

MODELING THE SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF TRANSBORDER REGIONS (THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN-CHINESE BORDER TERRITORIES)

Lei Wang

Pacific National University

E-mail: aleksey@163.com

Irina S. Karabulatova

Lomonosov Moscow State University, Patrice Lumumba Peoples' Friendship

University of Russia, Moscow, Russia; Heilongjiang University, Harbin, China

E-mail: radogost2000@mail.ru

Jinna Zou

Heilongjiang University, Harbin, China

E-mail: zoujinnazg@163.com

For citation: Wang, Lei. Modeling the Socio-Economic and Demographic Development of Transborder Regions (The Example of the Russian-Chinese Border Territories) / L. Wang, I. S. Karabulatova, J. Zou. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 26–51. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.2](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.2).

Abstract. The main goal is to consider the problem of modeling cross-border innovations in the Russian-Chinese border area and to develop priority areas in the field of strategic planning of international cooperation in foreign economic public discourse. The theoretical and methodological basis of the research uses the methodological holism of digital humanities, including a new interpretation of works on economic sociology and demography, international division of labor and cooperation, cognitive modeling and mapping, political science, social economics and foreign economic media linguistics, regional studies, Russian and Chinese studies, discursology, machine learning and semantic analysis. The main objectives of the study are to identify semantic vertices in the strategic infrastructure of the cross-border region of Russia and China with modeling of the upper-level architecture with the sequential disclosure of individual sublevels and blocks with parameterizing markers, which allows us to determine the emphasis on the carrier modules in the proposed model. The results of the work result in the development of links in the innovative system of international cooperation based on the theory of metagraphs in order to improve the efficiency of international cross-border transport routes of various types in the Russian-Chinese border area.

Keywords: infrastructure, modeling, metagraph theory, innovations, architecture of a cross-border structure, Russian-Chinese border area

References

1. Wang, L. Priority Directions of Strategic Planning of Megacity Infrastructure: Modeling of Cross-Border Innovations in the Russian-Chinese Border Area / L. Wang, I. S. Karabulatova. *Bulletin of the Adyghe*

State University. Series 1: Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology. 2024. No. 2(339). Pp. 65–80. DOI [10.53598/2410-3691-2024-2-339-65-80](https://doi.org/10.53598/2410-3691-2024-2-339-65-80). (In Russ.).

2. Grigoryev, A.V. Social Identity of the Border Territories of Western Kazakhstan Population: Modern Trends and Socio-Demographic Specifics / A.V. Grigoryev, A.V. Rogov. *Bulletin of the Adyge State University. Series 1: Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology*. 2023. No. 3(324). Pp. 55–71. DOI [10.53598/2410-3691-2023-3-324-55-71](https://doi.org/10.53598/2410-3691-2023-3-324-55-71). (In Russ.).

3. Zuenko I. Yu. Cross-Border Economic Zone as an Urbanization Core at a Periphery Region (Case of The Sino-Russian Border) / I. Yu. Zuenko, I. G. Chubarov. *Asia and Africa Today*. 2019. No. 3. Pp. 10–17. DOI [10.31857/S032150750004134-9](https://doi.org/10.31857/S032150750004134-9). (In Russ.).

4. Zou, J. The Difficulty of Translating Scientific and Technical Texts from Chinese into Russian. *Languages. Cultures. Translation*. 2019. No. 1. Pp. 277–284. (In Russ.).

5. Zuenko, I. Yu. Problems of Development of Transboundary Bridge Crossings and Riverside Territories on the Border between Russia and China. *Russia and the Pacific*. No. 3. Pp. 144–170. DOI [10.24412/1026-8804-2024-3-144-170](https://doi.org/10.24412/1026-8804-2024-3-144-170). (In Russ.).

6. Mishchuk, S. N. Labor Migration in the Far East of Russia: Before and After 2020. *Regional Problems*. 2021. Vol. 24, No. 2–3. Pp. 171–174. DOI [10.31433/2618-9593-2021-24-2-3-171-174](https://doi.org/10.31433/2618-9593-2021-24-2-3-171-174). (In Russ.).

7. Prosekov, S. A. The “Face” of a Chinaman: The Content of the Concept. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2020. No. 3. Pp. 191–201. DOI [10.17805/zpu.2020.3.15](https://doi.org/10.17805/zpu.2020.3.15). (In Russ.).

8. Scheglova, D. K. Image of Russia’s Future and Civic Identity of Frontier Population / D. K. Scheglova, S. G. Maximova, O. E. Noyanzina, K. A. Velikzhanina. *Virtual Communication and Social Networks*. 2024. Vol. 3, No. 2(10). Pp. 169–183. DOI [10.21603/2782-4799-2024-3-2-169-183](https://doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-2-169-183). (In Russ.).

9. Topilin, A. V. Demographic Characteristics of Labor Resources Formation and Use in the Largest Cities of Russia in 2019–2021. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 40–54. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.3). (In Russ.).

10. Topilin, A. V. Regional and Interregional Planning of Socio-Economic Development in the Far Eastern Macroregion: Organizational and Methodological Problems and Solutions / A. V. Topilin, V. G. Ros-tanets, A. I. Kabalinskii. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022. Vol. 18, No. 3. Pp. 285–296. DOI [10.19181/lsprr.2022.18.3.1](https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.3.1). (In Russ.).

11. Kholod, I. Yu. Northeast Asian Free Trade Area Negotiations: Problems and Prospects. *Humanities Scientific Researches*. 2014. No. 7(35). Pp. 111–119. (In Russ.).

12. Zhang, M. The Performance and Prospects of Trade and Economic Cooperation between China’s Northeastern Regions with Russia. *Customs Policy of Russia in the Far East*. 2019. No. 4(89). Pp. 59–67. DOI [10.17238/issn1815-0683.2019.4.59](https://doi.org/10.17238/issn1815-0683.2019.4.59). (In Russ.).

13. Petushkova, V. V. Features of Development of Megacities in China. *Economic and Social Problems of Russia*. 2023. No. 3(55). Pp. 40–59. DOI [10.31249/espr/2023.03.03](https://doi.org/10.31249/espr/2023.03.03). (In Russ.).

14. Anisimov, D. V. *Razvitiye megapolisov v KNR : Na primere gorodov Pekina i Shankhaya [Development of megacities in the PRC : On the example of the cities of Beijing and Shanghai]* : abstract of a thesis for the degree of candidate of economic sciences: 08.00.14 / Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2005. 20 p. (In Russ.).

15. Druzyaka, A. V. The System of Regulation of External Migration in the Far East of the Russian Federation (1991–2020). *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No. 3. Pp. 114–129. DOI [10.19181/demis.2021.1.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.3.10). (In Russ.).

16. Gorshkov, M. K. Megacities of Russia and China: Comparative Sociological Analysis of Saint-Petersburg and Shanghai. *MGIMO Review of International Relations*. 2011. No. 2(17). Pp. 202–208. DOI [10.24833/2071-8160-2011-2-17-202-208](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-2-17-202-208). (In Russ.).

17. Jia, F. Chinese Infrastructure Diplomacy in Russia: The Geopolitics of Project Type, Location, and Scale / F. Jia, M. M. Bennett. *Eurasian Geography and Economics*. 2018. Vol. 59, No. 3–4. Pp. 340–377. DOI [10.1080/15387216.2019.1571371](https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1571371).

18. Ryazantsev, S. V. Demographic Well-Being: Theoretical Approaches to Definition and Assessment Methodology / S. V. Ryazantsev, T. R. Miryazov. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1, No 4. Pp. 5–19. DOI [10.19181/demis.2021.1.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1). (In Russ.).

19. *Migration Atlas of the Russian Federation* / S. V. Ryazantsev, V. S. Belozerov, N. A. Shchitova [et al.]. Moscow : Perspektiva Publishing House, 2022. 232 p. ISBN 978-5-905790-56-0. DOI [10.51285/978-5-905790-56-0](https://doi.org/10.51285/978-5-905790-56-0). (In Russ.).
20. Shakhrai, S. M. New Trends in Academic Mobility in the US – Russia – China Triangle / S. M. Shakhrai, Zh. Zhang. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2, No. 4. Pp. 70–80. DOI [10.19181/demis.2022.2.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.4.5). (In Russ.).
21. Simutina, N. L. From Barrier to Contact: The Study of Blagoveshchensk – Heihe Transborder Environment / N. L. Simutina, N. P. Ryzhova. *Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences*. 2007. No. 5(135). Pp. 130–144. (In Russ.).
22. Denisov, I. E. *Ot myagkoy sily k diskursivnoy sile: novyye ideologemy vneshney politiki KNR [From soft power to discursive power: new ideologemes of China's foreign policy]* / I. E. Denisov, I. Yu. Zuenko. Moscow: MGIMO University Publishing, 2022. 24 p. (In Russ.).
23. Zhang, L. Association Strategies of Speech Behavior of Communicators in Coding Discourse: An Interdisciplinary Approach Towards Understanding the Role of Cognitive and Linguistic Processes in Communication / L. Zhang, I. Karabulatova, A. Nurmukhametov, M. Lagutkina. *Journal of Psycholinguistic Research*. 2023. Vol. 52. Pp. 1571–1587. DOI [10.1007/s10936-023-09966-z](https://doi.org/10.1007/s10936-023-09966-z).
24. Navasartyan, L. G. Digital Information as Means of Manipulation in the Modern Press. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 2016. № 1. C. 213–219. (In Russ.).
25. Karabulatova, I. S. Bukharian Jews and Tobolsk Bukharians on the Territory of the South of Western Siberia and the Kazakh Steppe in the 17th–19th Centuries: Adaptive Practices of Avoiding Conflicts in the Merchant Environment / I. S. Karabulatova, A. G. Shabambaeva, M. Yu. Nikitin [et al.] *Voprosy Istorii*. 2022. No. 10–2. Pp. 52–65. DOI [10.31166/VoprosyIstorii202210Statyi48](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202210Statyi48). (In Russ.).
26. Petrov, V. N. Social Identity in the Context of Transnational Migration: Theoretical Constructions of Sociological Research / V. N. Petrov, M. I. Zaslavskaya, V. N. Rakachev, Ya. V. Rakacheva. *Bulletin of the Adyge State University. Series 1: Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology*. 2022. No. 1(294). Pp. 112–121. DOI [10.53598/2410-3691-2022-1-294-112-121](https://doi.org/10.53598/2410-3691-2022-1-294-112-121). (In Russ.).
27. Ryazantsev, S. V. Scientific Expedition of Employees of the IDR FCTAS RAS to the Regions of the Far East / S. V. Ryazantsev, M. N. Khramova. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1, No. 3. Pp. 130–137. DOI [10.19181/demis.2021.1.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.3.11). (In Russ.).
28. Volkov, Yu. G. Digital Migrants and Digital Diaspora: New Problems and Trends of International Migration / Yu. G. Volkov, V. V. Krivopuskov, V. I. Kurbatov. *Digital Sociology*. 2021. Vol. 4, No. 4. Pp. 102–108. DOI [10.26425/2658-347X-2021-4-4-102-108](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-102-108). (In Russ.).
29. Alkhasov, S. S. Labour Migration in the Border Region According to Online Recruitment Data (Based on the Materials of Amur Region) / S. S. Alkhasov, S. V. Ryazantsev. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021. Vol. 17, No. 4. Pp. 431–441. DOI [10.19181/lsprr.2021.17.4.1](https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.4.1). (In Russ.).
30. Rybakovskii, L. L. The Migration Component and its Contribution to the Demographic Development of Modern Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19, No. 3. Pp. 327–337. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337). (In Russ.).
31. Ryazantsev, S. China in Central Asia: Geopolitical, Economic, and Sociocultural Vectors of Influence / S. Ryazantsev, Z. Vazirov, E. Pismennaya, L. Delovarova. *Central Asia and the Caucasus*. 2019. Vol. 20, No. 4. Pp. 18–31. DOI [10.37178/ca-c.19.4.02](https://doi.org/10.37178/ca-c.19.4.02).
32. Qi, X. Urban-Rural Disparities in Dental Services Utilization Among Adults in China's Megacities / X. Qi, X. Qu, B. Wu. *Frontiers in Oral Health*. 2021. Vol. 2. DOI [10.3389/froh.2021.673296](https://doi.org/10.3389/froh.2021.673296).
33. Guo Sh. Embodied Energy Use of China's Megacities: A Comparative Study of Beijing and Shanghai / Sh. Guo, Y. Li, P. He [et al.] *Energy Policy*. 2021. Vol. 155. Pp. 1–14. DOI [10.1016/j.enpol.2021.112243](https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112243).
34. Belyanova, M. A. Automatic Question Generation Based on Texts and Knowledge Graphs / M. A. Belyanova, G. I. Revunkov, G. I. Afanasyev, Yu. E. Gapanyuk. *Dynamics of Complex Systems – XXI Century*. 2020. T. 14, № 4. C. 55–64. DOI [10.18127/j19997493-202004-06](https://doi.org/10.18127/j19997493-202004-06). (In Russ.).
35. Gapanyuk, Yu. E. Principles of Creating Hybrid Intelligent Information Systems Based on the Granular-Metagraph Approach / Yu. E. Gapanyuk, V. I. Terekhov, V. Y. Ivlev [et al.] *Biologically Inspired Cognitive Architectures 2023* : Proceedings of the 14th Annual Meeting of the BICA Society, Ningbo, China, 13–15 October 2023. Zug, 2024. Pp. 356–366. DOI [10.1007/978-3-031-50381-8_36](https://doi.org/10.1007/978-3-031-50381-8_36).

36. Parag, K. *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization* / K. Parag ; translated from English by E. Kondukova. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber (MIF) Publishing House, 2019. 427 p. ISBN 9785001461197. (In Russ.).
37. Avdeev, Yu. A. Demographic Challenges or Why the Demographic Policy of the Far East Does Not Lead to the Desired Result / Yu. A. Avdeev, V. L. Ushakova. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19, No. 1. Pp. 9–24. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_1_9_24](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_9_24). (In Russ.).
38. Samokhvalov, E. N. Metagraphs for Information Systems Semantics and Pragmatics Definition / E. N. Samokhvalov, G. I. Revunkov, Yu. E. Gapanyuk. Herald of the Bauman Moscow State Technical University. Series Instrument Engineering. 2015. No. 1(100). Pp. 83–99. (In Russ.).
39. Gapanyuk, Y. Using Metagraph Approach for Building an Architecture of the Terminology Integration System / Y. Gapanyuk, C. Cai, C. Jia, I. Karabulatova. *Advances in Neural Computation, Machine Learning, and Cognitive Research VIII : Selected Papers from the XXVI International Conference on Neuroinformatics*, Moscow, Russia, October 21–25, 2024. Zug, 2024. Pp. 523–530. DOI [10.1007/978-3-031-73691-9_49](https://doi.org/10.1007/978-3-031-73691-9_49).
40. Baimakhan, A. S. The Variety of Educational Communicative Situations of Virtual Urbanism as an Effective Tool for the Formation of Students' Communicative Competence in Learning Foreign Languages in Russia, Kazakhstan and China / A. S. Baimakhan, G. K. Belgibayeva, I. S. Karabulatova [et al.] *Virtual Communication and Social Networks*. 2024. Vol. 3, No. 3(11). Pp. 231–244. DOI [10.21603/2782-4799-2024-3-3-231-244](https://doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-3-231-244).
41. Na, Yu. Game Toponymy: The Impact of Localization of Chinese Video Games on Their Translation / Ju. Na, X. Guan, I. S. Karabulatova. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2024. No. 9(890). Pp. 134–142.
42. Malyshev, E. Strategic Planning of the Sustainable Development of Infrastructure of the Region / E. Malyshev, A. Kashurnikov. *Bulletin of the Transbaikal State University*. 2016. T. 22, № 5. Pp. 124–135. (In Russ.).
43. Ivashchenko, A. S. Evolution of China's Foreign Policy Concepts (1949 – the Beginning of the XXI Century). *Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology*. 2023. No. 3(324). Pp. 15–22. DOI [10.53598/2410-3691-2023-3-324-15-22](https://doi.org/10.53598/2410-3691-2023-3-324-15-22). (In Russ.).

Bio notes

Lei Wang, Graduate Student, Higher School of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russia.

Contact information: e-mail: aleksey@163.com; ORCID ID: [0009-0000-2749-6112](https://orcid.org/0009-0000-2749-6112).

Irina S. Karabulatova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute for Advanced Research in Artificial Intelligence and Intelligent Systems, Lomonosov Moscow State University; Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; Head, Research Center for Digital Humanities, Heilongjiang University, Harbin, China.

Contact information: e-mail: radogost2000@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-4228-3235](https://orcid.org/0000-0002-4228-3235); RSCI SPIN code: [2360-2120](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=2360-2120); Web of Science Researcher ID: [M-2778-2013](https://orcid.org/M-2778-2013).

Jinna Zou, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Department of Russian Language, College of Russian Philology, Heilongjiang University, Harbin, China.

Contact information: e-mail: zoujinnazq@163.com; ORCID ID: [0009-0008-7915-2360](https://orcid.org/0009-0008-7915-2360).

Received on 24.07.2024; accepted for publication on 02.10.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.3)

EDN [RUOJBS](https://ruojbs.ru)

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

Мирязов Т. Р.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: miryazov_timur@mail.ru

Для цитирования: Мирязов, Т. Р. Методические аспекты исследования социально-демографической ситуации на муниципальном уровне (на примере Иркутской области и Республики Бурятия) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 52–67. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.3). EDN [RUOJBS](https://ruojbs.ru).

Аннотация. Статья посвящена изучению социально-демографической ситуации в регионах Прибайкалья на уровне муниципальных образований. Цель работы – определить возможные методические подходы к проведению исследования и на их основе дать оценку социально-демографической ситуации в этих регионах. В работе рассмотрен опыт изучения социально-демографической ситуации на региональном и муниципальном уровнях, проанализированы подходы к понятию и представлено авторское определение. Важнейшей задачей исследования являлась оценка целесообразности использования подобного комплексного подхода к изучению регионов. В работе применялись данные Федеральной службы государственной статистики на уровне муниципальных образований. Для расчета индекса социально-демографической ситуации были выбраны показатели населения и уровня развития социальной сферы. Расчет комплексного показателя социально-демографической ситуации был проведен для каждого муниципального образования в период с 2013 по 2022 г. Сравнительный анализ территорий позволил выделить несколько групп по указанному показателю. Использование картографического метода для отображения результатов позволило оценить зависимость социально-демографической ситуации от географического положения. Принятая в работе методика дает определенное представление о социально-демографической ситуации, однако имеет ряд недостатков. Предполагается доработка подобного показателя, так как существует прямая зависимость демографического развития от уровня развития социальной сферы. Особый интерес будет заключаться в разработке многофакторного индекса. Экономико-географическое положение территорий также оказывает влияние на социальное развитие. Кроме того, применение исключительно данных статистики не позволяет в полной мере оценить ситуацию на местах. В данном случае возможно использование результатов социологических исследований.

Ключевые слова: социально-демографическая ситуация, Иркутская область, Республика Бурятия, демографические процессы, население, миграция, система расселения

Введение

Вопросы, связанные с социально-демографической ситуацией в регионах, будут оставаться крайне актуальными для такой разнообразной и крупной страны как Российская Федерация. При анализе общественных процессов необходимо учитывать их многофакторность. Воздействие отдельных явлений коренным образом может менять сущность происходящих процессов. Так, например, без учета объективных пространственно-географических факторов невозможно исследование экономики региона. Однако методики оценки социально-демографической ситуации разных научных школ отличаются, и общепринятые методологические положения, таким образом, не выработаны. Индексы социально-демографической ситуации

вводятся с целью объективной характеристики отдельных территорий, кластеризации регионов, разработки рекомендаций по их комплексному развитию. Вместе с тем без учета географического положения, климатического фактора, экономических ограничений, исторических предпосылок общественного развития мы не сможем не только оценить социально-демографическую ситуацию, но и провести сравнение с другими регионами. Сравнительный анализ позволит выделить характерные особенности и предположительно найти неочевидные причины социально-экономического состояния того или иного региона.

Комплексный анализ, проводимый на примере муниципальных образований Иркутской области и Республики Бурятия, открывает возможности для изучения социально-демографической ситуации в контексте особенностей пространственного развития территории. Исследование и разработка новых подходов к рассмотрению социальных и демографических процессов в перспективе может позволить оценить степень влияния различных факторов на уровень развития отдельных регионов.

Обзор научной литературы

Изучению социально-демографической ситуации или социально-демографической обстановки посвящены сотни исследований в СССР и России, начиная с 60-х годов XX века. Данное понятие встречается в работах советских демографов, социологов, экономистов, географов. Несмотря на частое использование термина «социально-демографическая ситуация», в научной среде нет общепринятого определения, которое бы учитывало весь спектр социально-демографических процессов.

Понятие социально-демографической ситуации является комплексным и включает в себя описание как социальной, так и демографической ситуаций. Исходя из этого, в исследовании социально-демографической ситуации должны использоваться показатели социальные или скорее, социально-экономические и демографические.

Само понятие социально-демографической ситуации остается не до конца определенным. Оно не позволяет учитывать в очевидной степени как социальную, так и демографическую составляющую рассматриваемых явлений. Даже в демографических исследованиях могут быть рассмотрены некоторые экономические и социальные факторы. Рассматривая демографическую ситуацию, нередко подразумевают социально-демографическую ситуацию и наоборот.

Г. М. Федоров определял социально-демографическую обстановку (ситуацию) как совокупность демографических процессов и структур в связи с уровнем социального развития и характером пространственной организации жизни населения. Данная категория характеризует связи демографической ситуации с территориально-социальной системой – обеспеченностью сферой обслуживания, социальной структурой, уровнем и качеством жизни. Неотъемлемой частью в этом случае стоит считать и социально-демографические исследования, рассматривающие такие категории, как «демографическое поведение» и «миграционное поведение», характеризующие различные стороны образа жизни населения [1]. Исследуя социально-демографическую обстановку как один из аспектов геодемографии, автор

указывает на то, что «региональные социально-демографические особенности формируются под воздействием социальных факторов и слагают причинно-следственную цепочку: социальная инфраструктура – территориально-социальная общность – образ жизни – демографическая обстановка» [2].

В 1990-е годы А. М. Крачковская, изучая социально-демографические процессы на уровне областного региона России, привела свое определение понятия социально-демографической ситуации – как «состояние различных демографических процессов, состава и размещения населения в конкретный момент времени на определенной территории, сложившееся в результате влияния комплекса социальных и демографических факторов» [3]. В дальнейшем автор рассматривает данную категорию как комплексный индекс, в составе которого рассчитываются количественные и качественные социально-экономические и демографические показатели.

В XXI веке в российской научной и управленческой сфере продолжают использоваться понятия «демографическая ситуация» и «социально-демографическая ситуация», которые часто понимаются как синонимичные. Актуальность понятия «социально-демографическая ситуация» вызвана обострившимся демографическим кризисом в стране и связанными с ним социально-экономическими проблемами.

В рамках государственного и муниципального управления нередко используется понятие «социально-демографическая ситуация», как, например, в распоряжении Правительства Москвы от 16.04.2004 N 715-РП «О государственном заказе на разработку комплексной целевой программы регулирования демографических процессов в городе Москве и проведение открытого конкурса юридических лиц на право заключения контракта на выполнение работ»¹. В данном акте представлено определение социально-демографической ситуации, как «состояние социально-демографических процессов, состава и размещения населения в какое-либо определенное время, чаще всего в том или ином году. Обычно рассматривается применительно к отдельно взятой стране или региону...». Стоит отметить, что ситуация в этом случае рассматривается также с точки зрения размещения населения.

Исследуя социально-демографическую ситуацию, некоторые специалисты представляют данное понятие как «симбиоз «количественно-качественных характеристик» населения, отражающих состояние и результаты эволюции социальных и демографических процессов на определенной территории и в определенный момент времени» [4]. Такое трактование может вносить некоторую неопределенность в связи с введением понятия эволюции социальных и демографических процессов. В данном случае это определение нуждается в дополнительных уточнениях. Стоит отметить, что большая часть работ направлена на оценку социально-демографической ситуации в пределах малого периода времени: как правило, речь идет об отдельных годах.

¹ Распоряжение Правительства Москвы от 16.04.2004 N 715-РП «О государственном заказе на разработку комплексной целевой программы регулирования демографических процессов в городе Москве и проведение открытого конкурса юридических лиц на право заключения контракта на выполнение работ» // Законы России : [сайт]. URL: https://lawrussia.ru/texts/legal_364/doc364a498x581.htm (дата обращения: 30.09.2024).

Чаще всего, рассматривая социально-демографическую ситуацию, упор в исследовании делается на демографический аспект. В рамках изучения данного вопроса обычно используют набор общих демографических показателей за разный период времени [5–9]. В некоторых исследованиях также рассматривается и этнический состав населения [10].

Демографическую ситуацию в регионе сравнивают с другими территориями, изучают влияние отдельных факторов на социально-демографическую ситуацию [11–15].

В иностранной литературе отдельный показатель, описывающий социально-демографическую ситуацию, в рассматриваемом выше значении, не распространен. Чаще всего зарубежные ученые используют комплексные социально-демографические характеристики для анализа структуры населения [16]. В таком случае может быть применимо понятие «социально-демографический портрет населения».

Вместе с тем социально-демографический индекс была разработан учеными в Institute for Health Metrics and Evaluation [17]. Это сводная величина, полученная на основе показателей дохода на душу населения, уровня образования и рождаемости. Данный индекс используется авторами для дальнейших исследований состояния здоровья населения разных стран и регионов.

Методология и методы исследования, источники информации

Рассмотрение и анализ представленных в отечественной научной литературе определений дает возможность представить социально-демографическую ситуацию как состояние демографических процессов (рождаемости, смертности, миграции, брачности и разводимости и др.), половозрастной и этнической структуры населения, размещения населения и динамики численности за определенный период времени, сложившееся в результате комплекса социально-экономических факторов. Социально-демографическая ситуация может быть определена набором демографических и социально-экономических показателей, выбор которых определяется в зависимости от целей и задач исследования. Для уточнения результатов оценки социально-демографической ситуации возможно использование социологических методов с целью анализа качества жизни населения, миграционного и демографического поведения.

В рамках изучения социально-демографической ситуации в Байкальском регионе предлагается использовать комплексный показатель социально-демографической ситуации, предложенный А. М. Крачковской, так как автор разрабатывала данный показатель в том числе для сравнительного анализа на муниципальном уровне. Расчеты в таком случае проводятся за отдельные годы с использованием данных по частным показателям.

Исследование проведено на муниципальном уровне путем сравнения показателей отдельных районов со среднерегionalным значением. Для каждого муниципального образования было рассчитано процентное отклонение от среднерегionalного значения каждого показателя:

$$I(ij) = (P(ij) - P(oj)) * 100 / P(oj),$$

где:

$I(ij)$ – значение отклонения j -го показателя в i -м районе от среднерегионального (в процентах);

$P(ij)$ – значение j -го показателя в i -м районе;

$P(oj)$ – значение среднерегионального показателя в i -м районе.

Среднее арифметическое от полученных отклонений для всех показателей представляет собой искомый индекс социально-демографической ситуации. Среднерегиональное значение индекса было принято за ноль. Положительные значения указывают на позитивную социально-демографическую ситуацию, отрицательные – на негативную. Чем выше показатель, тем лучше социально-демографическая ситуация в отдельных районах в сравнении со среднерегиональной.

Важно отметить, что данные, предоставляемые Федеральной службой государственной статистики, не всегда могут быть полными, и набор показателей будет отличаться от региона к региону. В случае с Иркутской областью и Республикой Бурятия были выбраны наиболее полные данные, описывающие демографическую и социально-экономическую ситуации, за временной период 2013–2022 гг. Важным условием является то, что выбранные показатели должны быть относительными и при расчете должен быть учтен негативный характер рассматриваемых явлений. Так, например, положительное отклонение общего коэффициента смертности должно иметь отрицательное значение при суммировании всех показателей. Вычисление итогового индекса производится для каждого отдельного года.

В рамках исследования были выбраны следующие показатели: специальный коэффициент рождаемости (отношение числа живорождений у женщин в возрасте 15–49 лет, в ‰), общий коэффициент смертности (число умерших на 1 000 человек населения), темп роста численности населения (% к предыдущему году), коэффициент миграционного прироста (соотношение числа прибывших и выбывших на 10 тыс. человек), доля трудоспособного населения (% от всего населения), обеспеченность врачами всех категорий (на 10 тыс. человек), обеспеченность детей местами в детских дошкольных учреждениях (число детей на одно место), общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (кв. м). Выбор показателей был определен в том числе полнотой и доступностью данных на муниципальном уровне.

Сравнение данных по муниципальным образованиям со средними значениями в регионе используется в связи с тем, что в рамках отдельных регионов проводится единая демографическая политика, вследствие чего результаты могут быть сопоставимы. Таким образом предоставляется возможным оценить и эффективность деятельности региональных властей. Результаты сравнительного анализа позволят выявить отстающие и опережающие муниципалитеты на региональном уровне.

Наиболее адекватным методом визуализации результатов расчета показателя социально-демографической ситуации будет картографический, так как большое число муниципальных образований (более 60) сложно представить в табличной форме или в виде графиков и диаграмм. Кроме того, картографический метод позволяет проследить и пространственное распределение территорий по уровню рассматриваемого показателя.

Результаты

В табл. 1 представлены полученные по восьми выбранным показателям данные. Они демонстрируют определенные закономерности в распределении некоторых значений по муниципальным образованиям в 2013 и 2022 гг. Наиболее ярким будет являться разделение демографических и социальных показателей по линии сельская местность / городская местность.

Таблица 1

Значения частных показателей социально-демографической ситуации по муниципальным образованиям в 2013 и 2022 гг.

Table 1

The values of private indicators of the socio-demographic situation in municipalities in 2013 and 2022

Иркутская область		Республика Бурятия	
2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.
1. Специальный коэффициент рождаемости			
среднерегиональное значение: 74,89	среднерегиональное значение: 50,36	среднерегиональное значение: 78,98	среднерегиональное значение: 59,30
min: 48,99 г. Братск	min: 28,20 Мамско-Чуйский район	min: 38,12 Кабанский район	min: 26,37 Кабанский район
max: 110,39 Баяндаевский район	max: 79,72 Баяндаевский район	max: 114,64 Кижингинский район	max: 88,74 Джидинский район
2. Общий коэффициент смертности			
среднерегиональное значение: 14,83	среднерегиональное значение: 15,22	среднерегиональное значение: 13,31	среднерегиональное значение: 13,71
min: 9,00 Иркутский район	min: 7,00 Иркутский район	min: 8,10 Иволгинский район	min: 7,60 Иволгинский район
max: 21,00 Мамско-Чуйский район	max: 20,00 Чунский район	max: 16,60 Закаменский район	max: 19,60 Кабанский район
3. Прирост численности населения			
среднерегиональное значение: -0,86	среднерегиональное значение: -1,04	среднерегиональное значение: -0,77	среднерегиональное значение: -0,71
min: -5,61 Мамско-Чуйский район	min: -3,08 Усть-Илимский район	min: -5,48 Муйский район	min: -2,66 Северо-Байкальский район
max: 6,83 Иркутский район	max: 1,85 Бодайбинский район	max: 4,79 Иволгинский район	max: 3,13 Тарбагатайский район
4. Коэффициент миграционного прироста			
среднерегиональное значение: -126,23	среднерегиональное значение: -54,08	среднерегиональное значение: -137,97	среднерегиональное значение: -53,12
min: -790,38 Усть-Илимский район	min: -608,25 Бодайбинский район	min: -603,39 Муйский район	min: -200,00 Северо-Байкальский район
max: 664,11 Иркутский район	max: 111,14 Иркутский район	max: 342,01 Иволгинский район	max: 303,49 Тарбагатайский район
5. Доля трудоспособного населения			
среднерегиональное значение: 56,09	среднерегиональное значение: 54,05	среднерегиональное значение: 58,05	среднерегиональное значение: 55,07
min: 53,25 Качугский район	min: 49,19 Качугский район	min: 53,46 Кижингинский район	min: 50,58 Тарбагатайский район
max: 63,23 г. Иркутск	max: 60,01 г. Иркутск	max: 63,87 Муйский район	max: 62,79 Кяхтинский район
6. Обеспеченность врачами всех категорий			
среднерегиональное значение: 20,50	среднерегиональное значение: 23,66	среднерегиональное значение: 23,99	среднерегиональное значение: 20,21
min: 10,40 Нижне-Удинский район	min: 7,69 г. Тулун	min: 8,80 Селенгинский	min: 7,90 Тарбагатайский

Иркутская область		Республика Бурятия	
2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.
max: 41,00 г. Иркутск	max: 46,57 г. Иркутск	max: 57,20 г. Улан-Удэ	max: 55,40 г. Улан-Удэ
7. Обеспеченность детей местами в детских дошкольных учреждениях			
среднерегиональное значение: 1,95	среднерегиональное значение: 1,40	среднерегиональное значение: 2,27	среднерегиональное значение: 1,53
min: 4,60 Зиминский район	min: 2,27 Аларский район	min: 6,20 Иволгинский район	min: 2,57 Тарбагатайский район
max: 0,08 г. Ангарск	max: 0,65 Мамско-Чуйский район	max: 1,47 Баунтовский район	max: 0,97 Муйский район
8. Общая площадь жилых помещений			
среднерегиональное значение: 22,36	среднерегиональное значение: 26,07	среднерегиональное значение: 21,39	среднерегиональное значение: 23,86
min: 16,90 Усольский район	min: 19,40 г. Братск	min: 16,80 Окинский	min: 15,00 Тарбагатайский
max: 29,65 Киренский район	max: 41,60 Бодайбинский район	max: 30,50 Иволгинский район	max: 32,90 Муйский район

Источник: составлено автором по данным Росстата²

Так, в Иркутской области наименьшие значения показателя специального коэффициента рождаемости зафиксированы в г. Братск и Мамско-Чуйском районе, а в Бурятии – в Кабанском районе. При этом в сельских районах со значительной долей бурятского населения этот показатель оказался значительно выше среднерегиональных значений.

Наименьшие значения общего коэффициента смертности наблюдались в прилегающих к региональным столицам Иркутском и Иволгинском районах. В первую очередь это может быть связано с особенностями возрастной структуры (районы представляют собой центры притока трудоспособного населения). Однако здесь возможно и влияние транспортной доступности к городам с относительно высоким уровнем развития здравоохранения.

Максимальные значения в приросте численности населения также были зафиксированы в районах, прилегающих к региональным центрам. Во многом переезд населения не в столицы регионов, а в пригород, может быть связан со сложностью в приобретении жилья. В то же время в Иволгинском районе, в непосредственной близости к г. Улан-Удэ, располагаются обширные районы частной застройки. Для этих же районов характерны максимальные значения миграционного прироста (они обеспечивают положительные значения в динамике численности населения).

Максимальные значения в доле трудоспособного населения фиксировались в г. Иркутске, Муйском и Кяхтинском районах. Региональные центры остаются местами притяжения трудящихся. Подобная тенденция может сохраняться и в отношении районов с высоким экономическим потенциалом.

Очевидная закономерность наблюдается в показателе обеспеченности детей местами в детских дошкольных учреждениях в Республике Бурятия. Такое число

² База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst.htm> (дата обращения: 01.10.2024).

детей на одно место может быть связано с недостаточными темпами развития социальной инфраструктуры в активно растущих пригородах г. Улан-Удэ.

В ходе расчета индекса социально-демографической ситуации был выявлен процент отклонения от среднерегионального значения для каждого муниципального образования (табл. 2). Полученные данные позволяют говорить о некотором тренде, характерном для многих регионов России, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. Население продолжает концентрироваться в региональных столицах и прилегающих к ним районах, а также в крупных промышленных центрах.

Таблица 2

Значения индекса социально-демографической ситуации в муниципальных образованиях в 2013 и 2022 гг.

Table 2

The values of the index of the socio-demographic situation in municipalities in 2013 and 2022

Территории	Иркутская область		Республика Бурятия	
	2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.
Муниципальные районы с наиболее низкими индексами	Мамско-Чуйский район (-118,4); Усть-Илимский район (-94,08); Бодайбинский район (-58,43); г. Тулун (-50,79); Казачинско-Ленский район (-50,28).	Бодайбинский район (-111,71); Усть-Илимский район (-64,23); Зиминский район (-62,92); Мамско-Чуйский район (-58,46); Чунский район (-49,27).	Муйский район (-104,28); Джидинский район (-33,02); Северо-Байкальский район (-32,68); Селенгинский район (-28,34); Закаменский район (-21,88).	Северо-Байкальский район (-65,27); Закаменский район (-51,97); Еравнинский район (-46,24); Джидинский район (-44,07); Хоринский район (-39,83).
Муниципальные районы с наиболее высоким индексами	Усольский район (5,76); Осинский район (6,61); Шелеховский район (18,06); г. Иркутск (42,79); Иркутский район (155)	Эхирит-Булагатский район (8,38); Аларский район (13,52); Жигаловский район (14,2); г. Саянск (15,97); Иркутский район (46,42)	Окинский район (18,9); Заиграевский район (27,34); г. Улан-Удэ (31,3); Тарбагатайский район (109,34); Иволгинский район (124,54)	Заиграевский район (34,04); Окинский район (55,83); г. Северобайкальск (80,22); Тарбагатайский район (134,09); Иволгинский район (135,72)

Источник: составлено автором по данным Росстата³

На представленной карте (рис. 1) выделено шесть групп муниципальных образований по показателю социально-демографической ситуации за 2013, 2016, 2019 и 2022 гг.: 1) меньше -50; 2) от -50 до -20; 3) от -20 до 0; 4) от 0 до 20; 5) от 20 до 50; 6) больше 50.

Данные по четырем рассматриваемым годам подтверждают предыдущие наблюдения. Наиболее благоприятная социально-демографическая ситуация за весь рассматриваемый период отмечается в региональных центрах и близлежащих муниципальных образованиях. Активную роль играет уровень социально-экономического развития – крупные промышленные и культурные центры с развитой социальной инфраструктурой притягивают больше населения. Более развитая

³ База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst.htm> (дата обращения: 01.10.2024).

система здравоохранения позволяет снизить показатели смертности наравне с притоком более молодого трудоспособного населения.

Ключевой особенностью показателя является корреляция с экономико-географическим положением. Развитие социальной инфраструктуры вблизи столиц регионов делает эти территории привлекательными для проживания. Несмотря на развитие добывающей промышленности в отдельных районах Иркутской области и Бурятии, показатель социально-демографической ситуации в них являлся отрицательным.

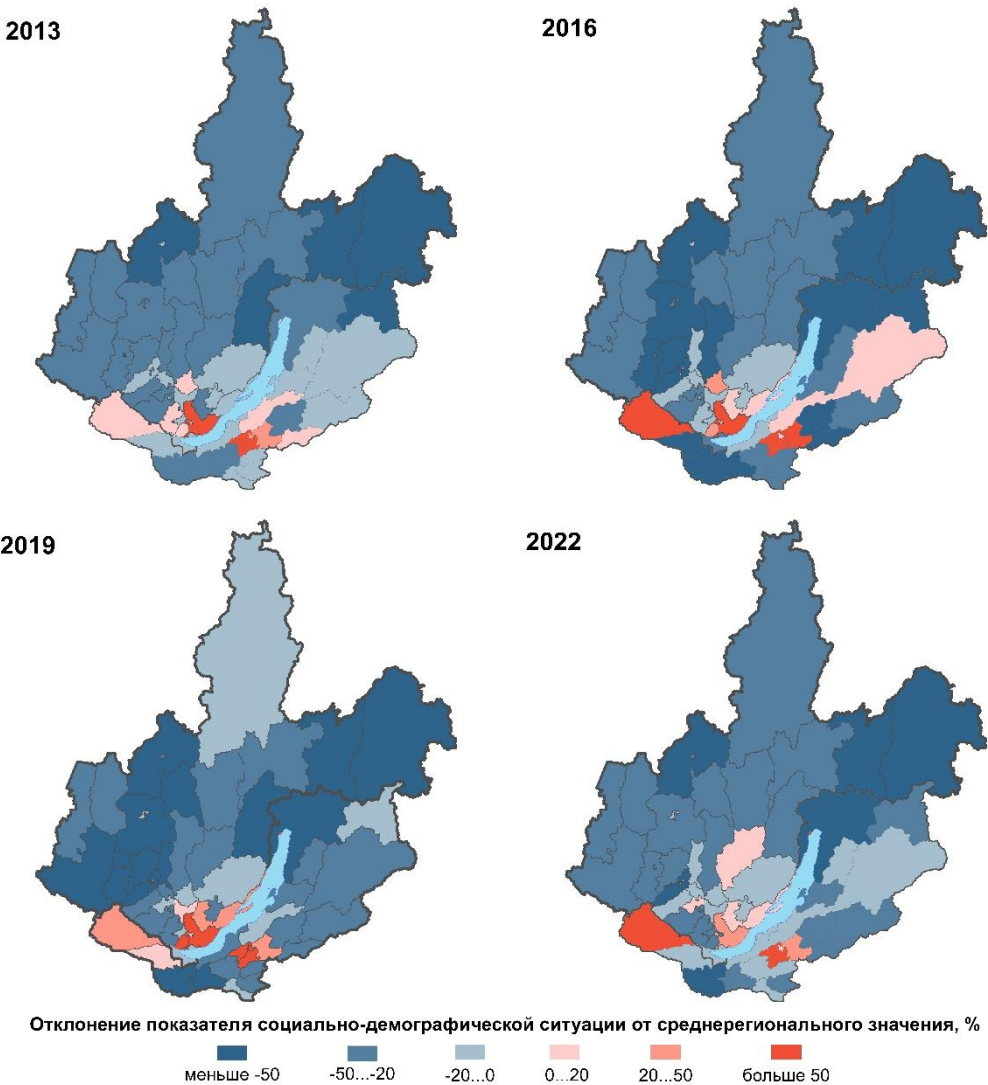

Рис. 1. Социально-демографическая ситуация в Иркутской области и Республике Бурятия, расчет по двум регионам отдельно (2013, 2016, 2019, 2022 гг.)

Fig. 1. The socio-demographic situation in the Irkutsk region and the Republic of Buryatia, calculation for two regions separately (2013, 2016, 2019, 2022)

Источник: составлено автором

Рассматривая значения показателя за четыре представленных года, можно выделить три группы муниципальных образований: муниципальные образования со стабильно низким показателем социально-демографической ситуации (показатель имел отрицательное значение более двух лет из четырех рассматриваемых), муниципальные образования с переменными значениями показателя социально-демографической ситуации (показатель имел равное число лет с отрицательными и положительными значениями) и муниципальные образования со стабильно высоким показателем социально-демографической ситуации (показатель имел положительное значение более двух лет из четырех рассматриваемых). Далее приведена группировка муниципальных образований с указанием численности населения (в тыс. человек).

К первой группе относятся муниципальные районы: Аларский (22,2), Балаганский (8,64), Баргузинский (19,82), Баунтовский эвенкийский (8,12), Баяндаевский (11,61), Бичурский (21,04), Бодайбинский (13,12), Боханский (25,07), Братский (47,88), Джидинский (21,54), Еравнинский (16,95), Жигаловский (8,98), Закаменский (23,91), Заларинский (26,41), Зиминский (12,17), Кабанский (51,11), Казачинско-Ленский (15,13), Катангский (3,03), Качугский (15,16), Кижингинский (14,49), Киренский (15,88), Куйтунский (27,22), Курумканский (12,95), Кяхтинский (31,83), Мамско-Чуйский (3,22), Муйский (8,74), Мухоршибирский (21,66), Нижнеилимский (42,53), Нижнеудинский (52,31), Нукутский (15,04), Северо-Байкальский (10,35), Селенгинский (40,82), Слюдянский (38,63), Тайшетский (70,73), Тулунский (19,46), Тункинский (20,40), Усольский (48,41), Усть-Илимский (13,03), Усть-Кутский (42,50), Усть-Удинский (13,34), Хоринский (16,24), Черемховский (28,34), Чунский (27,03). А также города Ангарск (230,06), Братск (221,24), Свирск (15,33), Тулун (37,85), Усолье-Сибирское (73,51), Усть-Илимск (78,45), Черемхово (53,42), Зима (30,18).

Ко второй группе принадлежат Осинский (20,8) и Прибайкальский районы (23,9).

В третью группу входят муниципальные районы: Заиграевский (50,81), Иволгинский (67,43), Иркутский (165,48), Окинский (5,33), Ольхонский (10,46), Тарбагатайский (26,63), Шелеховский (64,2), Эхирит-Булагатский (29,5) и города Иркутск (611,22), Саянск (35,59), Северобайкальск (24,43), Улан-Удэ (436,14) (рис. 2).

Численность населения в районах первой группы составляет около 1 800 тыс. человек, второй группы – около 45 тыс. человек, третей группы – около 1 500 тыс. человек. Таким образом, более половины населения Республики Бурятия и Иркутской области проживает в муниципальных образованиях со стабильно низким показателем социально-демографического развития.

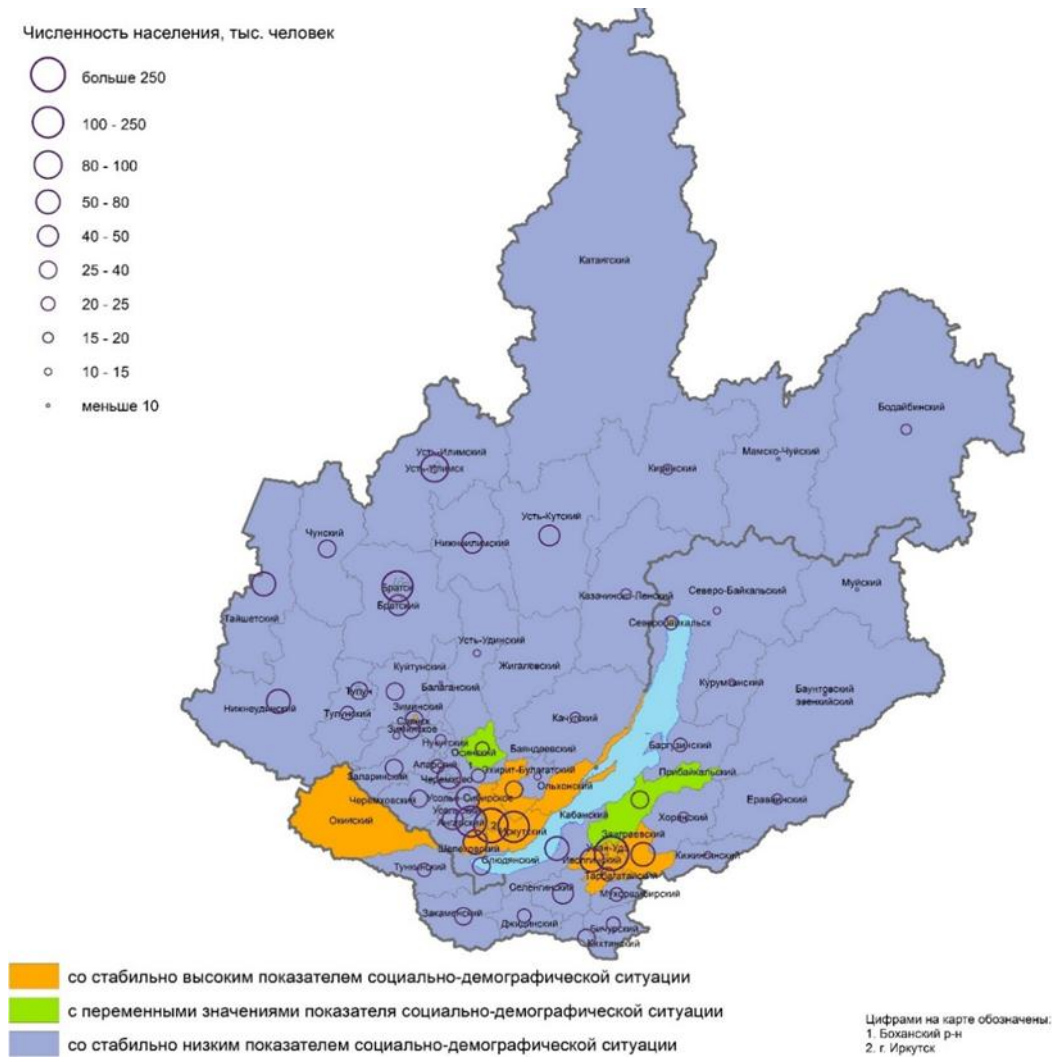

Рис. 2. Классификация муниципальных образований Иркутской области и Республики Бурятия по уровню социально-демографической ситуации
Fig. 2. Classification of municipalities of the Irkutsk region and the Republic of Buryatia by the level of socio-demographic situation

Источник: составлено автором

Стоит обратить внимание на то, что в представленной типологии имеются только два района с переменными значениями показателя социально-демографической ситуации. Что может говорить об устойчивом характере социальных и демографических явлений в исследуемых районах. Тенденции сохраняются на протяжении всего рассматриваемого периода практически для всех муниципальных образований.

Определяющими показателями в расчете итогового индекса социально-демографической ситуации оказались прирост численности населения и коэффициент миграционного прироста, так как в них наблюдались наибольшие отклонения от

среднерегionalных значений. Данные показатели наиболее активно реагируют на социально-экономические и политические изменения и предоставляют информацию о миграционном поведении населения.

Обсуждение

Использование показателя социально-демографической ситуации позволяет проводить комплексный анализ тенденций демографического и социального развития на уровне муниципальных образований. Вместе с тем данный показатель не может дать полноценное представление о происходящих в рассматриваемых регионах процессах. Существует несколько недостатков используемого метода.

В первую очередь стоит сказать о недостаточности или неполноценности представленных в открытом доступе данных Федеральной службы государственной статистики. Используемый ресурс базы данных показателей муниципальных образований дает не полный перечень демографических данных и уровня социально-экономического развития территорий. Кроме того, информация может отсутствовать и по отдельным муниципальным образованиям за разный период времени. Именно по этой причине в настоящей статье рассматривались данные показателей за четыре года, а не за каждый год в период с 2013 по 2022 гг. В процессе исследования были запрошены данные статистики в региональных отделениях Росстата по двум регионам, однако дополнительная информация была предоставлена только по Республике Бурятия.

Также по причине неполной информации в базе данных муниципальной статистики не использовались дополнительные показатели, связанные с социальным развитием территорий. В нашем случае речь идет о следующих показателях: обеспеченность средним медицинским персоналом и уровень преступности.

В исследовании к тому же не были использованы данные по этнической структуре населения в связи с отсутствием достоверной информации в межпереписной период.

Кроме того, ограничения, вызванные недостатком данных статистики, повлияли и на перечень используемых в расчете показателей. В итоге из восьми показателей пять можно отнести к демографическим и только три – к социальным. В связи с этим, логичным будет предположить большее влияние данных демографии на итоговые значения показателя социально-демографической ситуации.

Важным недостатком рассматриваемой методики расчета является отсутствие весов для каждого используемого показателя. В этом случае каждый показатель равноценен, и в случае ежегодных колебаний показателей, например, миграции, происходит явное искажение итоговых результатов.

В будущем возможно рассмотрение дополнительных факторов, влияющих на социально-демографическую ситуацию. В первую очередь речь идет об экономико-географическом положении территории, системе расселения и климатических условиях.

Отдельно стоит отметить и то, что в рамках исследования социально-демографической ситуации важным будет являться расчет степени корреляции выбранных показателей. В дальнейшей работе предполагается использование данных социологических исследований.

Заключение

Ключевой проблемой в разработке методологии и выборе методики для оценки социально-демографической ситуации на муниципальном уровне является синтез и анализ различных источников данных, обработанных в рамках отдельных научных дисциплин. Разработка единого комплексного показателя будет в таком случае являться основной задачей.

Рассмотренные методические подходы демонстрируют отличия в целях исследований. Одной из задач остается ранжирование показателей по степени важности и влияния на социально-демографическую ситуацию. В зависимости от структуры индексов будет отличаться и степень их корреляции. В связи с чем проблемным остается выделение отдельных факторов и уровня их воздействия на ситуацию.

Дальнейшее исследование социально-демографической ситуации на муниципальном уровне предполагается в рамках многофакторного анализа, включающего в том числе объективные географические, экологические, климатические аспекты и пр.

Список литературы

1. Федоров, Г. М. Геодемографическая обстановка: теоретические и методические основы. Ленинград : Наука, 1984. 112 с. EDN [XVWGLL](#).
2. Федоров, Г. М. Научные основы концепции геодемографической обстановки. Ленинград : Изд. Ленингр. университета, 1991. 179 с. EDN [XVOTMF](#). ISBN 5-288-00690-3.
3. Крачковская, А. М. Социально-демографические процессы в областном регионе: на примере Смоленской области : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.18 / А. М. Крачковская ; МГУ имени М. В. Ломоносова. Москва, 1995. 26 с.
4. Трофимов, И. В. Социально-демографическая ситуация и ее роль в формировании эффективной экономики / И. В. Трофимов, А. Н. Сунтеев, Е. И. Куценко // Проблемы современной экономики. 2016. № 2 (58). С. 146–150. EDN [WONZOV](#).
5. Макарова, В. С. Статистический анализ социально-демографической ситуации на примере РФ / В. С. Макарова, Е. И. Фахрисламова // Производственный менеджмент: теория, методология, практика. 2016. № 4. С. 91–98. EDN [ТПОХJ](#).
6. Власов, А. В. Социально-демографическая ситуация в России: проблемы и перспективы // Вестник МИЭП. 2014. № 2 (15). С. 81–89. EDN [TLMKMP](#).
7. Горднов, А. В. Миграционные процессы в контексте социально-демографической ситуации в современной России // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 4 (68). С. 142–153. EDN [VZBQQR](#). DOI [10.52452/18115942_2022_4_142](#).
8. Морозова, Е. А. Демографическая ситуация и ее влияние на социально-экономическое развитие региона / Е. А. Морозова, А. Н. Челомбитко, Л. М. Андреева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 2 (50). С. 213–219. DOI [OYQVWR](#).
9. Созин, А. В. Демографическая ситуация и проблемы социально-экономической безопасности России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 7 (81). С. 25–32. EDN: [FZRHJT](#).
10. Артюхов, А. В. Социально-демографическая ситуация в оценках коренных народов Севера / А. В. Артюхов, Н. Г. Хайруллина // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2011. № 4. С. 80–84. EDN [OUIKUH](#).
11. Баландин, Д. А. Социальная и демографическая ситуация в сельских поселениях // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2012. № 3. С. 3–7. EDN [PBVVQF](#).
12. Давлетишина, Л. А. Современные проблемы социально-демографической ситуации в Республике Татарстан // Статистика и экономика. 2013. № 6. С. 152–156. EDN [RPKPON](#).

13. Дудин, М. Н. Современные аспекты социально-демографической ситуации в дальневосточных регионах России // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 11(434). С. 160–169. EDN [WYOXQZ](#).
14. Орешников, В. В. Социальная инфраструктура как ключевой фактор демографического развития региона / В. В. Орешников, Ю. С. Аитова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 11 (109). С. 259–267. DOI [10.26726/1812-7096-2019-11-259-267](#). EDN [ERVRRQ](#).
15. Силин, А. Н. Социально-демографическая ситуация в Тюменской области // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2010. № 3. С. 52–55. EDN [PWLJRZ](#).
16. Polsky, J. Y. Socio-Demographic Correlates of Ultra-Processed Food Consumption in Canada / J. Y. Polsky, S. Jovovic, M. Nardocci, J. Moubarac // Public Health Nutrition. 2024. Vol. 27, No. 1. Article 180. Pp. 1–12. DOI [10.1017/S1368980024001630](#).
17. Wang, H. Global, Regional, and National Life Expectancy, All-Cause Mortality, and Cause-Specific Mortality for 249 Causes of Death, 1980–2015: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2015 / H. Wang, M. Naghavi, C. Allen // The Lancet. 2016. Vol. 388, No. 10053. Pp. 1459–1544. DOI [10.1016/S0140-6736\(16\)31012-1](#).

Сведения об авторе

Мирязов Тимур Робертович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9143-1740](#); РИНЦ SPIN-код: [3204-9894](#); Web of Science Researcher ID: [AAY-1530-2021](#); Scopus Author ID: [57209221088](#).

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; принята в печать 22.11.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF STUDYING THE SOCIO-DEMOGRAPHIC SITUATION AT THE MUNICIPAL LEVEL (THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION AND THE REPUBLIC OF BURYATIA)

Timur R. Miryazov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: miryazov_timur@mail.ru

For citation: Miryazov, Timur N. Methodological Aspects of Studying the Socio-Demographic Situation at the Municipal Level (The Example of the Irkutsk Region and the Republic of Buryatia). *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 52–67. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.3](#).

Abstract. The article is devoted to the study of the socio-demographic situation in the regions of the Baikal region at the municipal level. The purpose of the study is to evaluate possible methodological approaches for studying the socio-demographic situation in the regions of Russia, to analyze the socio-demographic situation in the regions under consideration. The paper reviewed the experience of studying the socio-demographic situation at the regional and municipal levels, analyzed approaches to the term and presented the author's definition. The most important task of the study was to assess the feasibility of using such an integrated approach in the study of regions. The work used data from the Federal State Statistics Service at the municipal level. To calculate the index of the socio-demographic situation, indicators of the population and the level of development of the social sphere were selected. The calculation of the complex indicator of the socio-demographic situation was carried out for each municipality in the period from 2013 to 2022. A comparative analysis of the territories allowed us to identify several groups according to this indicator. The use of the cartographic method to display the results of the study made it possible to assess the dependence of the socio-demographic situation on the

geographical location – climatic conditions, the degree of development of transport infrastructure. The methodology adopted in the work gives a certain idea of the socio-demographic situation, but it also has several disadvantages. In general, it seems promising to refine such an indicator, since there is a direct dependence of demographic development on the level of development of the social sphere. Of particular interest in this regard will be the development of a multi-factorial index. Thus, the economic and geographical location of the territories also has an impact on social development. In addition, the use of statistical data alone does not allow for a full assessment of the situation on the ground. In this case, it is possible to use the data of sociological research.

Keywords: socio-demographic situation, Irkutsk region, Republic of Buryatia, demographic processes, population, migration, settlement system

References

1. Fedorov, G. M. *Geodemograficheskaya obstanovka: teoreticheskie i metodicheskie osnovy* [Geodemographic situation: theoretical and methodological foundations]. Leningrad : Nauka Publ., 1984. 112 p. (In Russ.).
2. Fedorov, G. M. *Nauchny'e osnovy' koncepcii geodemograficheskoy obstanovki* [Scientific foundations of the concept of geodemographic situation]. Leningrad : Leningrad University Publ., 1991. 179 p. ISBN 5-288-00690-3. (In Russ.).
3. Krachkovskaya, A. M. *Social'no-demograficheskie processy' v oblastnom regione: na primere Smolenskoj oblasti* [Socio-demographic processes in the region: on the example of the Smolensk region] : Abstract of the dissertation of the Candidate of Economic Sciences : 08.00.18 / A. M. Krachkovskaya ; Lomonosov Moscow State University. Moscow, 1995. 26 p. (In Russ.).
4. Trofimov, I. V. Socio-Demographic Situation and Its Role in the Formation of an Effective Economy / I. V. Trofimov, A. N. Sunteev, E. I. Kucenko. *Problems of Modern Economics*. 2016. No. 2 (58). Pp. 146–150. (In Russ.).
5. Makarova, V. S. Statisticheskij analiz social'no-demograficheskoy situacii na primere RF [Statistical analysis of the socio-demographic situation on the example of the Russian Federation] / V. S. Makarova, E. I. Faxrislamova. *Proizvodstvennyi menedzhment: teoriya, metodologiya, praktika* [Production management: theory, methodology, practice]. 2016. No. 4. Pp. 91–98. (In Russ.).
6. Vlasov, A. V. Socio-Demographic Situation in Russia: Problems and Prospects. *Herald of International Institute of Economics and Law*. 2014. No. 2 (15). Pp. 81–89. (In Russ.).
7. Gorodnov, A. V. Migration Processes in the Context of the Socio-Demographic Situation in Modern Russia. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2022. No. 4 (68). Pp. 142–153. DOI [10.52452/18115942_2022_4_142](https://doi.org/10.52452/18115942_2022_4_142). (In Russ.).
8. Morozova, E. A. The Demographic Situation and Its Influence on the Region Socioeconomic Development / E. A. Morozova, A. N. Chelombitko, L. M. Andreeva. *The Bulletin of Kemerovo State University*. 2012. No. 2. Pp. 213–219. (In Russ.).
9. Sozin, A. V. The Demographic Situation and Problems of Social-Economic Security of Russia. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional problems of economic transformation]. 2017. No. 7. Pp. 25–32. (In Russ.).
10. Artyukhov, A. V. Sotsial'no-demograficheskaya situatsiya v otsenkakh korennykh narodov Severa [Socio-demographic situation in the assessments of the north aboriginal people] / A. V. Artyukhov, N. G. Xajrullina. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics*. 2011. No. 4. Pp. 80–84. (In Russ.).
11. Balandin, D. A. Social and Demographic Situation in Rural Areas. *Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and law"*. 2012. No. 3. Pp. 3–7. (In Russ.).
12. Davletshina, L. A. Modern Problems of Social and Demographic Situation in Tatarstan. *Statistics and Economics*. 2013. No. 6. Pp. 152–156. (In Russ.).
13. Dudin, M. N. The Socio-Demographic Situation in the Russian Far East Regions: Modern Aspects. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2016. No. 11 (434). Pp. 160–169. (In Russ.).
14. Oreshnikov, V. V. Social Infrastructure as a Key Factor Demographic Development of the Region / V. V. Oreshnikov, Yu. S. Aitova. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional problems of economic transformation]. 2019. No. 11 (109). Pp. 259–267. DOI [10.26726/1812-7096-2019-11-259-267](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2019-11-259-267). (In Russ.).

15. Silin, A. N. Socio-Demographic Situation in Tyumen Region at the Start of Post-Crisis Development. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics*. 2010. No. 3. Pp. 52–55. (In Russ.).

16. Polsky, J. Y. Socio-Demographic Correlates of Ultra-Processed Food Consumption in Canada / J. Y. Polsky, S. Jovovic, M. Nardocci, J. Moubarac. *Public Health Nutrition*. 2024. Vol. 27, No. 1. Article 180. Pp. 1–12. DOI [10.1017/S1368980024001630](https://doi.org/10.1017/S1368980024001630).

17. Wang, H. Global, Regional, and National Life Expectancy, All-Cause Mortality, and Cause-Specific Mortality for 249 Causes of Death, 1980–2015: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2015 / H. Wang, M. Naghavi, C. Allen. *The Lancet*. 2016. Vol. 388, No. 10053. Pp. 1459–1544. DOI [10.1016/S0140-6736\(16\)31012-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(16)31012-1).

Bio note

Timur R. Miryazov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9143-1740](https://orcid.org/0000-0002-9143-1740); РИНЦ SPIN code: [3204-9894](https://elibrary.ru/3204-9894); Web of Science Researcher ID: [AAY-1530-2021](https://orcid.org/AAY-1530-2021); Scopus Author ID: [57209221088](https://orcid.org/57209221088).

Received on 24.09.2024; accepted for publication on 22.11.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.4)

EDN [SASQNM](https://edn.sasqnm.ru)

ЗДОРОВЬЕ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Архангельский В. Н.

МГУ имени М. В. Ломоносова; НИИОЗММ ДЗМ;

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: archangelsky@yandex.ru

Землянова Е. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: zem_lena@mail.ru

Савина А. А.

НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия

E-mail: medstatistika@mail.ru

Для цитирования: Архангельский, В. Н. Здоровье как фактор реализации репродуктивных намерений населения России / В. Н. Архангельский, Е. В. Землянова, А. А. Савина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 68–81. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.4). EDN [SASQNM](https://edn.sasqnm.ru).

Аннотация. Состояние здоровья является одним из важных факторов, влияющих на реализацию репродуктивных намерений, на возможность иметь желаемое число детей. Наряду с данными медицинской статистики, важным источником информации в этом случае является самооценка людьми своего здоровья. Вопросы, направленные на выявление такой самооценки, содержатся в результатах социологических исследований. Результаты исследования, представленные в статье, основаны на данных Федеральной службы государственной статистики и социально-демографического обследования «Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения», проведенного Росстатом в 2022 г. Анализируются самооценки женщин и мужчин в отношении состояния здоровья с точки зрения восприятия его как помехи к рождению желаемого числа детей и причины откладывания рождения ребенка. Особое внимание уделяется вопросам репродуктивного здоровья и отношения к современным репродуктивным технологиям у тех, кто не может родить ребенка. Еще один аспект, рассматриваемый в статье – распространенность абортов, следствием которых порой является невозможность в дальнейшем рождения ребенка. Важно также иметь в виду, что проблема здоровья как фактора реализации репродуктивных намерений актуализируется в связи с более поздним деторождением.

Ключевые слова: здоровье, репродуктивное здоровье, репродуктивное поведение, аборты, бесплодие

Введение

Репродуктивные планы индивидов и семей формируются под воздействием множества факторов. В научной литературе исследуются многочисленные аспекты, включая социально-экономические и демографические факторы, к которым

относятся условия проживания, материальное благосостояние, уровень образования, ценностные установки, возраст, семейное положение, наличие детей, возраст матери при рождении первого ребенка, число детей в семьях родителей [1–7].

За последние четыре десятилетия темпы роста населения и средний размер семьи во всем мире сократились примерно вдвое. Репродуктивное здоровье является одним из важнейших условий для получения демографического дивиденда, в частности повышения рождаемости [8].

Свой негативный вклад в ухудшение репродуктивного здоровья населения, особенно женского, внесла пандемия COVID-19. В первую очередь это было вызвано ограничением доступности медицинской помощи, в частности акушерско-гинекологической, что подтверждается рядом публикаций [9–11].

В соответствии с работой А. Ю. Кочepasовой, факторы, влияющие на желание иметь детей, можно разделить на субъективные и объективные [3]. Среди субъективных факторов автор выделяет оценку комфорта жизни, состояние здоровья, принадлежность к религиозной общине, характер занятости и уровень образования. Объективные факторы включают в себя реальные доходы и уровень жизни, воздействие СМИ, общественные нормы и ценности, особенности социальной и культурной политики, уровень стабильности в социальной, экономической и политической сферах. По нашему мнению, рассмотрение здоровья как субъективного фактора формирования персональных репродуктивных стратегий является дискуссионным моментом. Наличие заболеваний репродуктивной сферы, генетических патологий у женщины или ее партнера, передающихся по наследству, а также угроза жизни женщины в случае беременности существенно влияют на репродуктивные намерения и стратегии.

Результаты исследования Е. В. Камаловой и соавторов (2011) показали, что оценка женщинами состояния своего здоровья как важного мотива для принятия репродуктивных решений с возрастом повышается, но практически не реализуется [6]. В связи с чем важность проведения профилактической работы с женщинами, особенно раннего репродуктивного возраста силами акушерско-гинекологической службы, информирования этого контингента о роли профилактики заболеваний репродуктивной сферы с целью сохранения репродуктивного здоровья и обеспечения рождения здорового потомства приобретает все большую актуальность.

Значительный урон репродуктивному здоровью женщин и, как следствие, репродуктивному потенциалу населения наносит большая распространенность искусственного прерывания беременности [12]. В то же время в исследовании М. А. Машина и коллег (2014) отмечается, что заболевания гинекологического, андрологического и соматического характера играют негативную роль в реализации репродуктивной функции, а проблема бесплодия не ограничивается только женским аспектом. Согласно авторам, увеличение случаев бесплодия в значительной степени вызвано изменением репродуктивного поведения пациентов, что может быть обусловлено желанием улучшения материального положения, изменением полового и возрастного состава населения. [13]. Это подтверждается и зарубежными исследованиями [14]: такие факторы, как образ жизни, рост числа заболеваний, передающихся половым путем, рост ожирения и факторы окружающей среды,

связанные с урбанизацией и городским образом жизни, влияют на фертильность и приводят к росту бесплодия у мужчин и женщин. Пары/женщины откладывают создание семьи, что уже привело к значительному снижению уровня их фертильности из-за старения яичников и связанных с этим причин, снижающих вероятность зачатия.

Бесплодие признано одной из важнейших проблем мирового здравоохранения, что отражено в документах Всемирной организации здравоохранения¹.

Репродуктивное поведение современных российских женщин зависит от нескольких ключевых факторов. В первую очередь это физиологические возможности, а во-вторых, социально-психологические обстоятельства, включающие в себя экономические, экологические, этнические, культурные и психологические аспекты, оказывающие влияние на решение о будущем материнстве².

Примечательно то, что многие женщины с высоким уровнем образования намереваются завести детей в те возрастные периоды, когда их плодovitость заметно снижается, и впоследствии они могут остаться бездетными или страдать от вторичного бесплодия, что является тревожным фактом. Именно образованные женщины могли бы извлечь пользу из информации о фертильности для принятия обоснованных решений в отношении планирования семьи [15].

Цель данного исследования – оценка влияния здоровья на репродуктивное поведение. Прежде всего, это касается состояния репродуктивного здоровья, от которого в значительной степени зависит возможность реализации желаемого количества детей. Анализ основывался как на объективных характеристиках репродуктивного здоровья (по данным государственной статистики), так и на субъективной оценке здоровья (на основе социологической информации).

Работа основана на данных Федеральной службы государственной статистики и результатах «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», проведенного Росстатом в 2022³ г. и охватившего 15 000 домохозяйств в субъектах Российской Федерации. Авторам была доступна база микроданных этого обследования, что существенно расширило аналитические возможности. При обработке и анализе статистических и социологических данных использованы традиционные методы, главным образом относительных и средних величин.

Результаты исследования

Свыше половины респондентов (53,5% женщин и 57,6% мужчин), опрошенных в «Выборочном наблюдении репродуктивных планов населения» 2022 г.⁴ отметили, что состояние здоровья не мешает им иметь желаемое число детей (рис. 1).

Как очень мешающее рождению желаемого числа детей состояние своего здоровья отметили 15,8% женщин и 11,3% мужчин, мешающее – 24,0% и 23,9%

¹ Бесплодие // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. 22.05.2024. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/infertility> (дата обращения: 29.09.2024).

² Там же.

³ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения: 29.09.2024).

⁴ Там же.

соответственно. Доля таких респондентов сравнительно мало различается и, главное, не имеет выраженной возрастной тенденции у тех, кто моложе 40 лет. Только у тех, кому 40 лет и более, она существенно выше: у женщин превышает половину (53,0%), а у мужчин равна 42,2%.

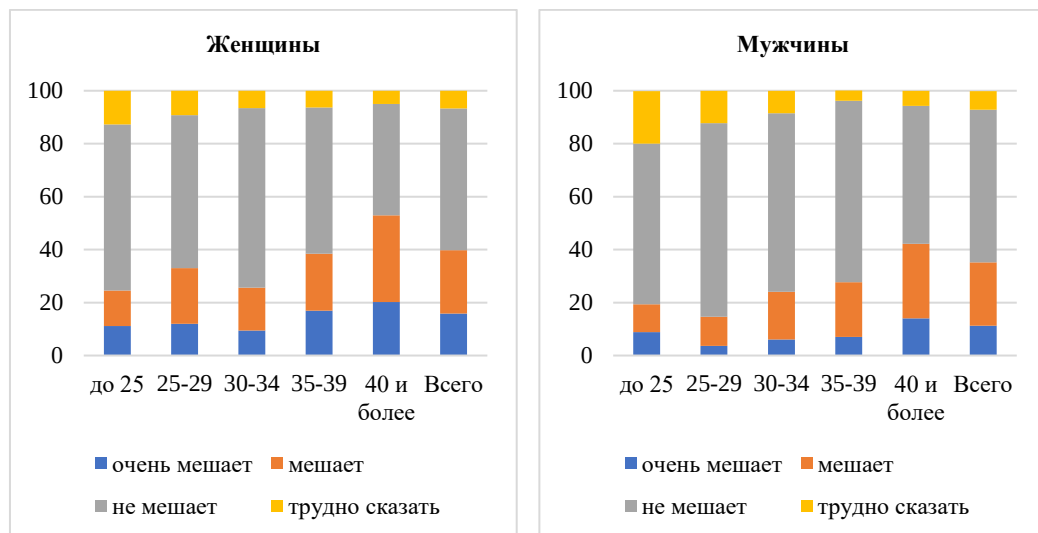

Рис. 1. Влияние неудовлетворительного состояния здоровья на рождение желаемого числа детей в зависимости от возраста (%)

Fig. 1. Influence of unsatisfactory health state on having desired number of children depending on age (%)

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁵

Респондентам предлагалось оценить и то, в какой степени мешает иметь желаемое число детей состояние здоровья супруга(и). То, что оно не мешает, отметили 65,2% женщин и 54,0% мужчин. Как очень мешающее рождению желаемого числа детей состояние здоровья супруга(и) отметили 9,1% женщин и 11,4% мужчин, а как мешающее – 14,7% и 23,4% соответственно. Распределение ответов мужчин в отношении здоровья как помехи к рождению желаемого числа детей очень близко как в отношении собственного здоровья, так и в отношении жены. Женщины свое состояние здоровья как очень мешающее или мешающее отмечали существенно чаще, чем состояние здоровья мужа.

Более выраженный характер зависимости от возраста имеет место при оценке состояния здоровья как причины откладывания рождения ребенка (рис. 2). Средний балл (по пятибалльной шкале) оценки состояния здоровья в целом как причины откладывания рождения ребенка по всем респондентам составляет 1,84 у женщин и 1,80 у мужчин. Примерно такой же он и в возрастной группе 30–34 года (1,85 и 1,86 соответственно). Среди тех, кто моложе 25 лет, он составляет 1,54 у женщин и 1,45 у мужчин, а у тех, кому 40 лет и более – 2,40 и 2,20 соответственно.

⁵ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения: 29.09.2024).

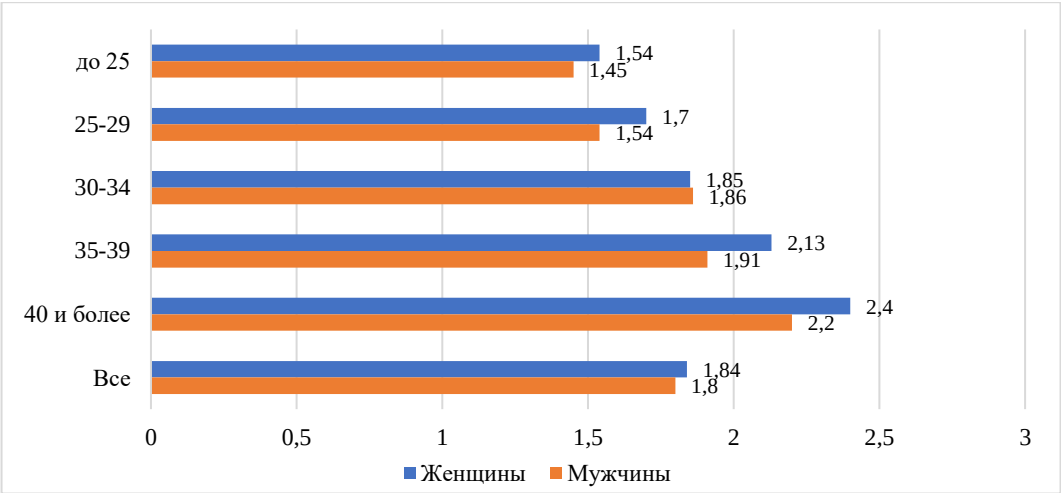

Рис. 2. Влияние здоровья на откладывание рождения ребенка по возрастным группам (средний балл по пятибалльной шкале)

Fig. 2. Influence of health state on birth postponement by age groups (average score on the 5-grade scale)

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁶

Важным аспектом в исследованиях репродуктивного здоровья являются аборт. В своем исследовании мы проанализировали данные Росстата по числу абортов у женщин Москвы в сравнении с данными по РФ (рис. 3).

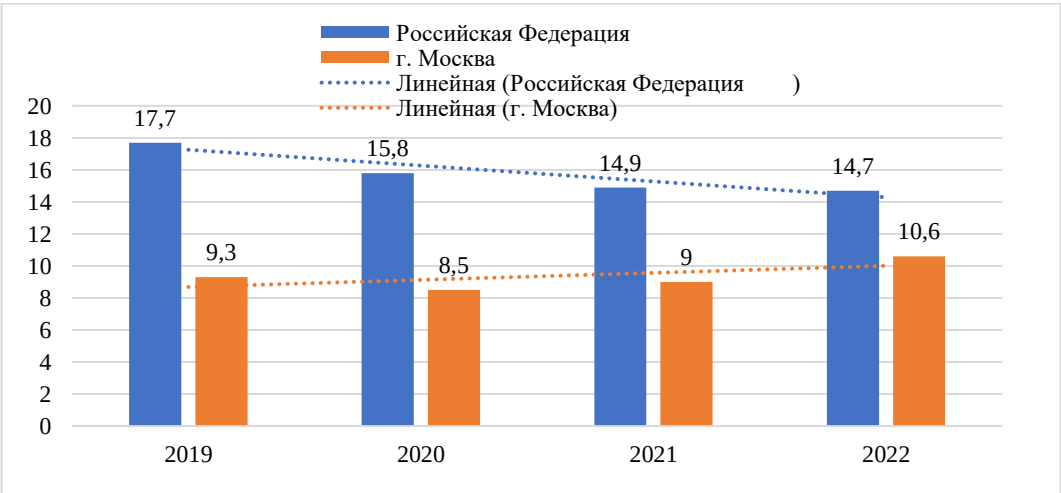

Рис. 3. Число абортов на 1000 женщин 15–49 лет в Москве и РФ в 2019–2022 гг.

Fig. 3. Number of abortions per 100 women

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁷

⁶ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения: 29.09.2024).

⁷ Здравоохранение // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 29.09.2024).

Исходя из этого анализа, можно сделать вывод о том, что общий уровень аборт-ов у женщин фертильного возраста в столице увеличился за период за 2019–2022 гг. практически на 14%. Следует отметить, что такой рост в основном отмечается за счет уровня показателя в 2022 г. При этом среднероссийские показатели за исследуемый период плавно снижались. Общее снижение аборт-ов в РФ за 4 года составило 17%.

В основном такой рост аборт-ов в Москве наблюдается у женщин старше 18 лет. У детей в возрасте до 14 лет показатель аборт-ов упал до нуля, а у подростков 15–17 лет фиксируется снижение на 62,5%, что может свидетельствовать о положительной динамике в данных возрастных категориях. Увеличение аборт-ов у женщин старше 18 лет в столице может быть связано с социально-экономическими, культурными и иными факторами, которые оказывают влияние на решения женщин относительно репродуктивного выбора. Уменьшение же общего числа аборт-ов в РФ может указывать на эффективность мер по снижению рисков и предупреждению нежелательных беременностей на территории РФ в целом.

По данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2022 г., до вступления в нынешний брак аборт-ы были у 15,1% женщин. Причем неверно было бы толковать этот показатель как распространенность добрачных аборт-ов, так как у части женщин данный брак не первый, и аборт-ы могли иметь место в предыдущем браке. Применительно к периоду пребывания в данном браке у 5,9% женщин были аборт-ы до рождения первого ребенка, у 16,4% – между рождениями первого и второго ребенка, у 14,4% – между рождениями второго и третьего ребенка, у 15,4% – после рождения младшего ребенка (проценты в этом случае рассчитаны от числа женщин, имеющих соответственное число детей, а не от всех опрошенных). Среди женщин, у которых были аборт-ы, выше доля тех, кто отмечает состояние здоровья как помеху к рождению желаемого числа детей (рис. 4).

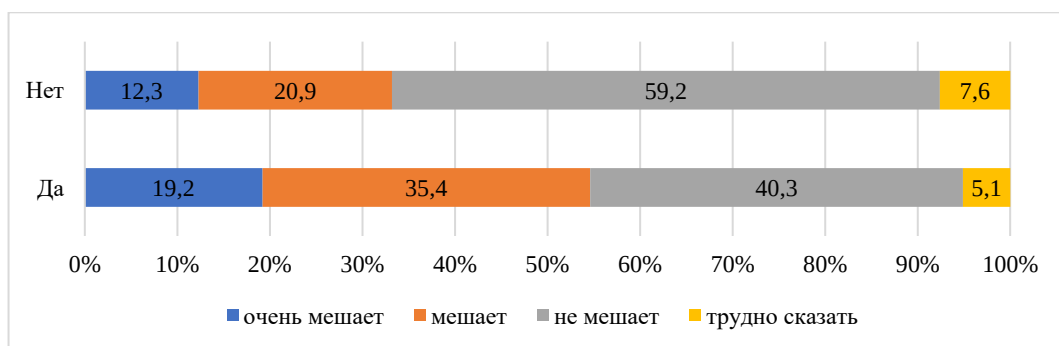

Рис. 4. Влияние здоровья на реализацию репродуктивных планов в зависимости от наличия аборт-ов (%)

Fig. 4. Influence of health on realization of reproductive intentions depending on presence of abortions (%)

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁸

⁸ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения: 29.09.2024).

То, что состояние здоровья очень мешает иметь желаемое число детей, отметили 19,2% женщин, у которых были аборт, и 12,3% тех, у кого их не было. Ответ «мешает», у 35,4% и 20,9% соответственно.

Вероятно, наиболее чувствительны в плане здоровья женщины, у которых аборт был до появления первого ребенка. Доля женщин, имевших в анамнезе аборт до вступления в нынешний брак и указавших, что состояние здоровья очень мешает им иметь желаемое число детей, составляет 22,0%, а доля тех, у кого не было аборта в этот период – 13,3%. В период между заключением нынешнего брака и рождением первого ребенка различия между теми, кто испытал аборт, и теми, кто не испытал, еще более заметны: 25,1% и 14,0% соответственно. Те, у кого был аборт между рождением первого и второго ребенка, также несколько чаще отмечают, что их здоровье существенно препятствует рождению желаемого числа детей, однако разница по сравнению с теми, у кого в этот период аборта не было, не так велика: 13,8% и 9,8% соответственно.

В зависимости от наличия абортов различается и оценка значимости здоровья как фактора откладывания рождения ребенка. У тех, у кого аборт был, оценка значимости этого фактора составляет 2,29 (по пятибалльной шкале), а у кого не было – 1,91.

Роль распространенности бесплодия как фактора реализации репродуктивных намерений представляет собой важный аспект исследования в области репродуктивной медицины. Официальные данные медицинской статистики свидетельствуют о том, что распространенность женского бесплодия в России в целом за 2019–2022 гг. снизилась на 11%, в то время как в Москве только на 6,5%. Так, в 2022 г. уровень распространенности женского бесплодия в столице составил 631,1 на 100 тыс. женщин 18–49 лет, что ниже среднероссийского на 17% (761,9 на 100 тыс. женщин соответствующего населения). Такая разница в показателях косвенно свидетельствует о различиях в динамике борьбы с бесплодием на уровне регионов.

Анализ показателей распространенности мужского бесплодия продемонстрировал противоположную ситуацию. В Москве распространенность мужского бесплодия снизилась на четверть, а в РФ снижение составило лишь 14%. Обращает на себя внимание то, что на протяжении всего изучаемого периода наблюдается 7-кратная разница в уровнях распространенности мужского бесплодия в Москве (в 2022 г. 10,0 на 100 тыс. мужчин 18 лет и старше) и в целом по России (в 2022 г. 69,0 на 100 тыс. мужчин).

Следует отметить, что такое снижение распространенности женского бесплодия произошло в основном за счет 2022 г. Что касается мужского бесплодия, то за весь период наблюдения налицо плавное снижение показателя. Результаты нашего исследования показали, что в 2022 г. соотношение женского и мужского бесплодия в столице составило 63 к 1, в то время как по РФ в целом 11 к 1 (рис. 5).

Оценив уровни распространенности бесплодия, а также данные Росстата по числу родившихся живыми мы рассчитали долю потерь потенциальных рождений с учетом бесплодия. Таким образом, доля потерь от женского бесплодия в 2022 г. приблизительно составила в Москве 31%, в то время как в России она была равна 39%. Доля потерь от мужского бесплодия в столице составила 1%, а в РФ – 5%. Популяризация ЭКО играет важную роль в демографической политике страны.

Повышение рождаемости с помощью ЭКО помогает смягчить негативные демографические тенденции, такие как старение населения и снижение общего числа рождений.

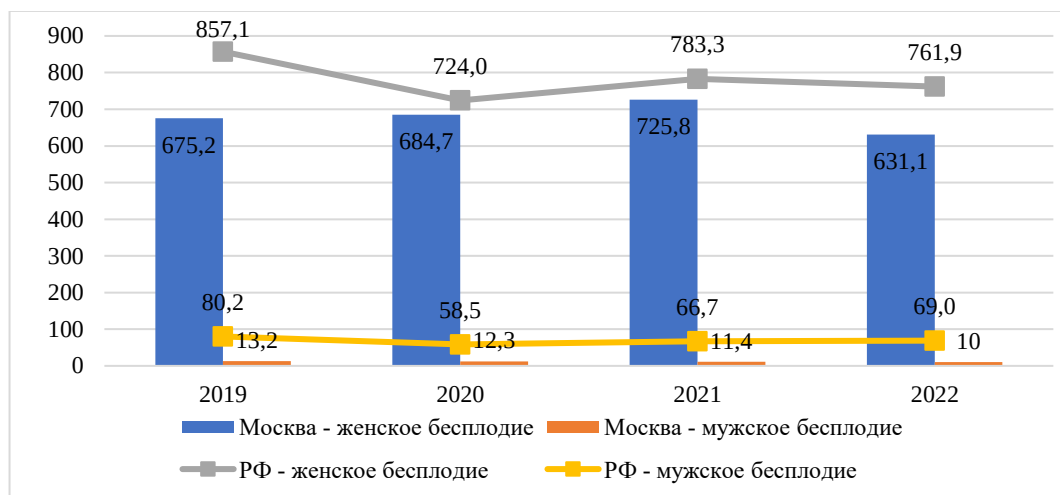

Рис. 5. Динамика распространенности женского и мужского бесплодия в Москве и РФ в 2019–2022 гг. (в расчете на 100 тыс. женщин 18–49 лет и мужчин 18 лет и старше)

Fig. 5. Dynamics of prevalence of female and male infertility in Moscow and Russian Federation in 2019–2022 (per 100,000 women 18–49 years and males 18+ years)

Источник: составлено авторами по данным Минздрава России⁹

Анализ результатов «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» за 2022 г. показал, что более 30% тех, кто столкнулся с проблемой бесплодия по причине состояния своего репродуктивного здоровья и желающих воспользоваться современными методами репродукции или уже воспользовавшихся такими ими, следующее: 31,2% мужчин и 30,9% женщин. Следовательно, 69% ими не воспользовались (рис. 6).

Ведущими причинами отказа от использования современных репродуктивных технологий и женщины, и мужчины назвали их высокую стоимость (3,47 и 3,41 баллов по пятибалльной шкале дали женщины и мужчины), отсутствие уверенности в результате (2,95 и 2,93), трудности с получением квоты на данный вид высокотехнологичной помощи (2,87 и 2,81), опасения, что такой ребенок может родиться больным (2,78 и 2,70).

⁹ Общая заболеваемость взрослого населения России в 2019 году: статистические материалы. Часть IV. Москва : ЦНИИОИЗ Минздрава России, 2020. 160 с.; Общая заболеваемость взрослого населения России в 2020 году: статистические материалы. Часть IV. Москва : ЦНИИОИЗ Минздрава России, 2021. 163 с.; Общая заболеваемость взрослого населения России в 2021 году: статистические материалы. Часть IV. Москва : ЦНИИОИЗ Минздрава России, 2022. 164 с.; Общая заболеваемость взрослого населения России в 2022 году: статистические материалы. Часть IV. Москва : ЦНИИОИЗ Минздрава России, 2023. 164 с.

Рис. 6. Значимость причин, препятствующих использованию современных репродуктивных технологий: оценка по пятибалльной шкале

Fig. 6. The importance of reasons preventing use of modern reproductive technologies: assessment on a 5-grade scale

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹⁰

Обсуждение

Состояние здоровья, прежде всего, репродуктивного, играет существенную роль в оценке возможности реализации репродуктивных намерений.

При рассмотрении аборт в контексте реализации репродуктивных намерений необходимо учитывать множество факторов, влияющих на принятие женщинами подобного решения [16]. Рост общего числа абортов в Москве за последние годы подчеркивает необходимость улучшения доступности современных методов контрацепции, внедрения программ сексуального просвещения и поддержки репродуктивного здоровья. Кроме того, требуется пересмотреть информационные кампании по вопросам планирования семьи. Важно понимать, что планирование семьи — это не только применение контрацепции, но и создание системы подготовки к желанной беременности и рождению здоровых детей.

Снижение числа абортов в целом по России свидетельствует о том, что усилия правительства и общественных организаций в области репродуктивного здоровья могли здесь оказать положительное воздействие [17]. Однако уникальные тенденции развития событий в столице подчеркивают необходимость индивидуального подхода к проблеме нежелательной беременности и абортов для каждой женщины в отдельности.

Дальнейшие исследования в этой области могут помочь выявить более точные причины увеличения числа абортов в Москве, а также способы и меры по предотвращению нежелательных беременностей и содействию женщинам в реализации

¹⁰ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения: 29.09.2024).

их репродуктивных планов. Разработка комплексных программ по поддержке репродуктивного здоровья и планированию семьи с учетом региональной специфики может способствовать сокращению количества аборт и повышению качества жизни женщин.

Одним из значимых положительных факторов в снижении уровня бесплодия является развитие технологий экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) и их широкое применение в России. Эти достижения существенно способствуют снижению уровня бесплодия и улучшению демографической ситуации в стране [18]. В настоящее время в России государство оказывает поддержку парам с бесплодием, предоставляя возможность бесплатного проведения процедуры ЭКО. Что значительно увеличило доступность данной технологии для населения, особенно для семей со средним и низким уровнем дохода. В 2023 г., например, более 90 тысяч процедур ЭКО были проведены за счет средств обязательного медицинского страхования.

Заключение

Результаты исследования показали, что в представлениях людей здоровье по значимости уступает ряду других факторов с точки зрения восприятия как препятствия к рождению желаемого числа детей. Доля считающих состояние здоровья мешающим этому возрастает только у тех, кому 40 лет и более. Среди женщин данного возраста таковых 53,0%, среди мужчин – 42,2%.

Женщины, которые имели аборт, в полтора раза чаще считают состояние здоровья мешающим или даже чрезвычайно мешающим иметь желаемое количество детей (54,6% против 33,2% среди тех, у кого аборт не было).

Одним из осложняющих последствий абортов может стать бесплодие женщины. Из-за его распространенности происходят существенные потери в рождаемости.

Современные медицинские технологии, такие как экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), значительно расширили возможности для тех, кто сталкивается с проблемами бесплодия. Обеспечение доступа к качественным медицинским услугам и повышение информированности о репродуктивном здоровье остаются приоритетными задачами для улучшения демографической ситуации.

Государственная поддержка возможностей для ведения здорового образа жизни, профилактика, ранняя диагностика и лечение заболеваний репродуктивной сферы очень важны в создании благоприятных условий для мотивации семей к рождению детей и успешной реализации их репродуктивных планов. Такой комплексный подход будет способствовать не только улучшению репродуктивного здоровья населения, но и перспективам роста рождаемости и в целом улучшению демографической ситуации в стране.

Список литературы

1. Макаренцева, А. О. Факторы, устойчивость и реализация репродуктивных намерений в России / А. О. Макаренцева, С. С. Бирюкова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2(174). С. 31–56. DOI [10.14515/monitoring.2023.2.2379](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379), EDN [ZGLQQE](https://www.edn.ru/ZGLQQE).
2. Гурко, Т. А. Репродуктивные планы супругов и влияющие на них факторы // Социологические исследования. 2014. № 9(365). С. 77–85. EDN [SOAJXP](https://www.edn.ru/SOAJXP).

3. Коченасова, А. Ю. Анализ влияния субъективных и объективных факторов на формирование репродуктивных стратегий граждан современной России // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19, № 6. С. 95–100. DOI [10.22394/1682-2358-2019-6-95-100](https://doi.org/10.22394/1682-2358-2019-6-95-100). EDN [MHOVCD](https://www.edn.ru/entry/MHOVCD).
4. Bality, C. Fertility Desires of Adolescents and Young Adults Living in Large Families – The Role of the Family of Origin and the Cultural Stereotypes / C. Bality, B. Duraczky // European Journal of Mental Health. 2017. Vol. 12, No. 1. Pp. 41–52. DOI [10.5708/EJMH.12.2017.1.3](https://doi.org/10.5708/EJMH.12.2017.1.3).
5. Lawson, D.W. Optimizing Modern Family Size / D.W. Lawson, R. Mace // Human Nature. 2010. Vol. 21. Pp. 39–61. DOI: [10.1007/s12110-010-9080-6](https://doi.org/10.1007/s12110-010-9080-6).
6. Камалова, Е. В. Состояние здоровья как мотивационный фактор в репродуктивном выборе женщины / Е. В. Камалова, Л. А. Агаркова, Н. В. Шперлинг // Вестник Ивановской медицинской академии. 2011. Т. 16, № 5. С. 39–40. EDN [TSZKST](https://www.edn.ru/entry/TSZKST).
7. Гудкова, Т. Б. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 4. С. 83–103. EDN [OKTILN](https://www.edn.ru/entry/OKTILN).
8. Westeneng, J. Population Dynamics and Sexual and Reproductive Health and Rights: What, Why, and How to be Addressed / J. Westeneng, H. Rolink. Utrecht : Rutgers, 2018. 25 p. URL: https://rutgers.international/wp-content/uploads/2021/09/Population_knowledge_File_paper.pdf.
9. Phelan, N. The Impact of the COVID-19 Pandemic on Women's Reproductive Health / N. Phelan, L. A. Belan, L. Owens // Frontiers in Endocrinology. 2021. Vol. 12. Article No. 642755. DOI [10.3389/fendo.2021.642755](https://doi.org/10.3389/fendo.2021.642755).
10. Li, S. Female Reproductive Health during the COVID-19 Pandemic: Latest Evidence and Understanding / S. Li, H. Liu, D. Li, F. Chen // Archives of Gynecology and Obstetrics. 2023. Vol. 308, No. 6. Pp. 1691–1696. DOI [10.1007/s00404-023-06976-z](https://doi.org/10.1007/s00404-023-06976-z).
11. Kaya Senol, D. Effects of the Pandemic on Women's Reproductive Health Protective Attitudes: A Turkish Sample / D. Kaya Senol, F. Polat // Reproductive Health. 2022. Vol. 19, No. 1. P. 106. DOI [10.1186/s12978-022-01412-y](https://doi.org/10.1186/s12978-022-01412-y).
12. Гладкая, В. С. Современные тенденции репродуктивного здоровья и репродуктивного поведения женского населения в России / В. С. Гладкая, В. Л. Грицинская, Н. Н. Медведева // Мать и дитя в Кузбассе. 2017. № 1(68). С. 10–15. EDN [YFUHAD](https://www.edn.ru/entry/YFUHAD).
13. Машина, М. А. Проблемы изменения репродуктивного поведения и реализации репродуктивной функции / М. А. Машина, Е. И. Шарапова, В. Н. Кузьмин // Лечащий врач. 2014. № 12. С. 22. EDN [TCGVIN](https://www.edn.ru/entry/TCGVIN).
14. Nargund, G. Declining Birth Rate in Developed Countries: A Radical Policy Rethink is Required // Facts, Views and Vision in Obstetrics and Gynaecology. 2009. Vol. 1, No. 3. Pp. 191–193.
15. Артюхина, В. А. Социологическая оценка основных факторов репродуктивного поведения современных российских женщин / В. А. Артюхина, В. В. Нагайцев, А. Н. Шрайбер // Вестник НГУЭУ. 2020. № 3. С. 251–259. DOI [10.34020/2073-6495-2020-3-251-259](https://doi.org/10.34020/2073-6495-2020-3-251-259). EDN [KRIHON](https://www.edn.ru/entry/KRIHON).
16. Балина, Т. Н. Репродуктивные установки женщин в контексте законодательного права на аборт // Философия права. 2018. № 1(84). С. 28–34. EDN [XNZROX](https://www.edn.ru/entry/XNZROX).
17. Хамер, Г. В. Проблема аборт в контексте демографии / Г. В. Хамер, А. А. Садковкин, Ю. Д. Степанова // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 7(101). С. 198–203. DOI [10.24412/2411-0450-2023-7-198-203](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-7-198-203). EDN [QPYLOS](https://www.edn.ru/entry/QPYLOS).
18. Ростовская, Т. К. Вспомогательные репродуктивные технологии глазами россиян / Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 879–888. DOI [10.31857/S0869587321090073](https://doi.org/10.31857/S0869587321090073). EDN [YWRXVB](https://www.edn.ru/entry/YWRXVB).

Сведения об авторах

Архангельский Владимир Николаевич, кандидат экономических наук, заведующий сектором теоретических проблем воспроизводства и политики населения, Центр по изучению проблем народонаселения, Экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова; научный сотрудник, НИИОЗММ ДЗМ (Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы); ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: archangelsky@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-7091-9632](https://orcid.org/0000-0002-7091-9632); РИНЦ SPIN-код: [1472-3201](https://www.rincc.ru/1472-3201); Web of Science Researcher ID: [T-4845-2017](https://orcid.org/T-4845-2017); Scopus Author ID: [57190431221](https://orcid.org/57190431221).

Землянова Елена Валерьевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zem_lena@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6231-1611](https://orcid.org/0000-0001-6231-1611); РИНЦ SPIN-код: [3444-9754](https://elibrary.ru/3444-9754); Web of Science Researcher ID: [AAA-4170-2021](https://orcid.org/AAA-4170-2021); Scopus Author ID: [6508341322](https://orcid.org/6508341322).

Савина Анна Александровна, кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник, НИИОЗММ ДЗМ (Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы), Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: medstatistika@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-5543-7918](https://orcid.org/0000-0002-5543-7918); РИНЦ SPIN-код: [1144-8300](https://elibrary.ru/1144-8300); Web of Science Researcher ID: [AAP-4560-2021](https://orcid.org/AAP-4560-2021); Scopus Author ID: [57208510859](https://orcid.org/57208510859).

Статья поступила в редакцию 29.09.2024; принята в печать 01.12.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

HEALTH AS A FACTOR IN IMPLEMENTING THE REPRODUCTIVE INTENTIONS OF THE RUSSIAN POPULATION

Vladimir N. Arkhangelsky

Lomonosov Moscow State University; Research Institute NIIOZMM;

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: arkhangelsky@yandex.ru

Elena V. Zemlyanova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: zem_lena@mail.ru

Anna A. Savina

Research Institute NIIOZMM, Moscow, Russia

E-mail: medstatistika@mail.ru

For citation: Arkhangelsky, Vladimir N. Health as a Factor in Implementing the Reproductive Intentions of the Russian Population / V. N. Arkhangelsky, E. V. Zemlyanova, A. A. Savina. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 68–81. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.4).

Abstract. Health status is one of the important factors influencing the implementation of reproductive intentions, the ability to have the desired number of children. Along with medical statistics, an important source of information in this case is people's self-assessment of their health. Questions aimed at clarifying this self-assessment are contained in the results of sociological studies. The research results presented in the article are based on data from the Federal State Statistics Service and the socio-demographic survey "Sample observation of reproductive plans of the population" conducted by Rosstat in 2022. Self-assessments of women and men regarding their health status are analyzed from the point of view of its perception as an obstacle to having the desired number of children and the reason for postponing the birth of a child. Particular attention is paid to issues of reproductive health and attitudes towards modern reproductive technologies among those who cannot have a child. Another aspect considered in the article is the prevalence of abortions, which sometimes result in the impossibility of having a child in the future. It is also important to keep in mind that the problem of health as a factor in the implementation of reproductive intentions is becoming more relevant in connection with later childbearing.

Keywords: health, reproductive health, reproductive behaviour, abortions, infertility

References

1. Makarentseva, A. O. Factors, Consistency, and Realization of Reproductive Intentions in Russia / A. O. Makarentseva, S. S. Biryukova. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. No. 2(174). Pp. 31–56. DOI [10.14515/monitoring.2023.2.2379](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379). (In Russ.).
2. Gurko, T. A. Married Couples' Reproductive Plans. *Sociological Studies*. 2014. No. 9(365). Pp. 77–85. (In Russ.).
3. Kochepasova, A. Yu. Analysis of the Influence of Subjective and Objective Actors on the Reproductive Strategies Formation of Citizens of Modern Russia. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2019. Vol. 19, No. 6. Pp. 95–100. DOI [10.22394/1682-2358-2019-6-95-100](https://doi.org/10.22394/1682-2358-2019-6-95-100). (In Russ.).
4. Bality, C. Fertility Desires of Adolescents and Young Adults Living in Large Families – The Role of the Family of Origin and the Cultural Stereotypes / C. Bality, B. Duraczky. *European Journal of Mental Health*. 2017. Vol. 12, No. 1. Pp. 41–52. DOI [10.5708/EJMH.12.2017.1.3](https://doi.org/10.5708/EJMH.12.2017.1.3).
5. Lawson, D.W. Optimizing Modern Family Size / D.W. Lawson, R. Mace. *Human Nature*. 2010. Vol. 21. Pp. 39–61. DOI: [10.1007/s12110-010-9080-6](https://doi.org/10.1007/s12110-010-9080-6).
6. Kamalova, E. V. Sostoyaniye zdorov'ya kak motivatsionnyy faktor v reproduktivnom vybore zhenshchiny [Health status as a motivational factor in a woman's reproductive choice] / E. V. Kamalova, L. A. Agarkova, N. V. Shperling. *Bulletin of the Ivanovo Medical Academy*. 2011. Vol. 16, No. S. Pp. 39–40. (In Russ.).
7. Gudkova, T. B. Fertility Intentions in Russia: Motivation and Constraints. *Demographic Review*. 2019. Vol. 6, No. 4. Pp. 83–103. (In Russ.).
8. Westeneng, J. *Population Dynamics and Sexual and Reproductive Health and Rights: What, Why, and How to be Addressed* / J. Westeneng, H. Rolink. Utrecht : Rutgers, 2018. 25 p. URL: https://rutgers.international/wp-content/uploads/2021/09/Population_knowledge_File_paper.pdf.
9. Phelan, N. The Impact of the COVID-19 Pandemic on Women's Reproductive Health / N. Phelan, L. A. Belan, L. Owens. *Frontiers in Endocrinology*. 2021. Vol. 12. Article No. 642755. DOI [10.3389/fendo.2021.642755](https://doi.org/10.3389/fendo.2021.642755).
10. Li, S. Female Reproductive Health during the COVID-19 Pandemic: Latest Evidence and Understanding / S. Li, H. Liu, D. Li, F. Chen. *Archives of Gynecology and Obstetrics*. 2023. Vol. 308, No. 6. Pp. 1691–1696. DOI [10.1007/s00404-023-06976-z](https://doi.org/10.1007/s00404-023-06976-z).
11. Kaya Senol, D. Effects of the Pandemic on Women's Reproductive Health Protective Attitudes: A Turkish Sample / D. Kaya Senol, F. Polat. *Reproductive Health*. 2022. Vol. 19, No. 1. P. 106. DOI [10.1186/s12978-022-01412-y](https://doi.org/10.1186/s12978-022-01412-y).
12. Gladkaya, V. S. The Modern Trends in Reproductive Health and Reproductive Behavior of the Female Population in Russia / V. S. Gladkaya, V. L. Gritinskaya, N. N. Medvedeva. *Mother and Baby in Kuzbass*. 2017. No. 1(68). Pp. 10–15. (In Russ.).
13. Mashina, M. A. Problemy izmeneniya reproduktivnogo povedeniya i realizatsii re-produktivnoy funktsii [Problems of changing reproductive behavior and implementation of reproductive function] / M. A. Mashina, E. I. Sharapova, V. N. Kuzmin. *Lechaschi Vrach*. 2014. No. 12. P. 22. (In Russ.).
14. Nargund, G. Declining Birth Rate in Developed Countries: A Radical Policy Rethink is Required. *Facts, Views and Vision in Obstetrics and Gynaecology*. 2009. Vol. 1, No. 3. Pp. 191–193.
15. Artjukhina, V. A. Sociological Assessment of the Main Factors of Modern Russian Women Reproductive Behavior / V. A. Artjukhina, V. V. Nagaitsev, A. N. Shraiber. *Vestnik NSUEM*. 2020. No. 3. Pp. 251–259. DOI [10.34020/2073-6495-2020-3-251-259](https://doi.org/10.34020/2073-6495-2020-3-251-259). (In Russ.).
16. Balina, T. N. Women's Reproductive Attitudes in the Context of the Legislative Right to Abortion. *Philosophy of Law*. 2018. No. 1(84). Pp. 28–34. (In Russ.).
17. Hamer, G. V. The Problem of Abortion in the Context of Demography / G. V. Hamer, A. A. Sadkovkin, Yu. D. Stepanova. *Economy and Business: Theory and Practice*. 2023. No. 7(101). Pp. 198–203. DOI [10.24412/2411-0450-2023-7-198-203](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-7-198-203). (In Russ.).
18. Rostovskaya, T. K. Vspomogatel'nyye reproduktivnyye tekhnologii glazami rossiyan [Assisted reproductive technologies through the eyes of Russians] / T. K. Rostovskaya, O. V. Kuchmaeva. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2021. Vol. 91, No. 9. Pp. 879–888. DOI [10.31857/S0869587321090073](https://doi.org/10.31857/S0869587321090073). (In Russ.).

Bio notes

Vladimir N. Arkhangelsky, Candidate of Economic Sciences, Head Department for Theoretical Problems of Reproduction and Population Policy, Center for the Study of Population Problems, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Researcher, Research Institute NIIOZMM (Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Healthcare); Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: archangelsky@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-7091-9632](https://orcid.org/0000-0002-7091-9632); RSCI SPIN code: [1472-3201](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=1472-3201); Web of Science Researcher ID: [T-4845-2017](https://orcid.org/T-4845-2017); Scopus Author ID: [57190431221](https://orcid.org/57190431221).

Elena V. Zemlyanova, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: zem_lena@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6231-1611](https://orcid.org/0000-0001-6231-1611); SPIN-код: [3444-9754](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=3444-9754); Web of Science Researcher ID: [AAA-4170-2021](https://orcid.org/AAA-4170-2021); Scopus Author ID: [6508341322](https://orcid.org/6508341322).

Anna A. Savina, Candidate of Medical Sciences, Leading Researcher, Research Institute NIIOZMM (Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Healthcare), Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: medstatistika@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-5543-7918](https://orcid.org/0000-0002-5543-7918); ПИИЦ SPIN-код: [1144-8300](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=1144-8300); Web of Science Researcher ID: [AAP-4560-2021](https://orcid.org/AAP-4560-2021); Scopus Author ID: [57208510859](https://orcid.org/57208510859).

Received on 29.09.2024; accepted for publication on 01.12.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.5)

EDN [ISUZY](https://isuzu.ru)

ПОЛИТИКА ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В ПОИСКАХ НЕСТАНДАРТНЫХ РЕШЕНИЙ

Вербенская А. В.

*Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия*

E-mail: a.v.verbenskaya1@usue.ru

Камарова Т. А.

*Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия*

E-mail: kta@usue.ru

Тонких Н. В.

*Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия*

E-mail: tonkihnv@usue.ru

Для цитирования: Вербенская, А. В. Политика повышения рождаемости в поисках нестандартных решений / А. В. Вербенская, Т. А. Камарова, Н. В. Тонких // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 82–98. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.5). EDN [ISUZY](https://isuzu.ru).

Аннотация. В статье ставится проблема снижения рождаемости в России и исследуются возможные пути ее решения через поиск новых эффективных демографических политик. Цель работы: анализ и систематизация практик нестандартных решений демографических политик, направленных на рост рождаемости. Задачи: провести исследование демографической ситуации за последние несколько лет; оценить мероприятия для создания возможностей одиноким людям находить себе пару, рассмотреть улучшение условий для создания повторных браков, что будет являться своеобразным резервом для повышения рождаемости. В ходе подготовки статьи была выявлена значительная доля людей, состоящих в незарегистрированном браке. Для повторных браков наиболее перспективной оказалась возрастная категория населения 30–34 лет и старше. Однако высокая нагрузка на матерей при уходе за ребенком и недостаточно развитая система отпусков для отцов в России выступают сдерживающими факторами для планирования рождения большего числа детей в семьях. Авторами систематизированы нестандартные зарубежные практики демографических политик, направленные на стимулирование рождаемости. В этом заключается уникальность настоящей научной работы. Исследование позволило выявить широкий спектр мер демографической политики, от строгих до более мягких, часть из них возможно адаптировать для нашей страны. Подчеркнута необходимость комплексного подхода к решению данной задачи, поскольку материальное стимулирование и жесткие меры не всегда эффективны. В настоящее время в России преобладает материальное стимулирование рождаемости, но все же при формировании новых демографических инициатив и корректировке текущих стоит обратить внимание также на создание организационных возможностей для одиноких людей, желающих найти пару и построить семью, в том числе для создания повторных браков – эта тема нуждается в дальнейшей проработке.

Ключевые слова: рождаемость, демографическая политика, средний возраст матери, человеческий капитал, суммарный коэффициент рождаемости, нестандартные демографические практики

Введение

В последние несколько лет ситуация с рождаемостью в России характеризуется негативной динамикой. Основные причины снижения рождаемости включают экономические трудности, недостаточную социальную поддержку, изменение ценностных ориентаций молодежи. Увеличивается доля граждан, выбирающих образ жизни без детей. Многие откладывают рождение детей на более поздний срок, что приводит к уменьшению потенциала родителей. Изменение ценностных установок требует особого внимания со стороны государственных органов. Итак, проблема снижения рождаемости в нашей стране становится все более актуальной и требует комплексного подхода к решению. Для большинства жителей России по-прежнему важно формирование и поддержание семейных ценностей, ценностей родительства [1–4]. Однако не всегда работают «традиционные» меры демографической политики, направленные на рост рождаемости: экономические, административно-правовые, воспитательные и пропагандистские. В условиях изменяющейся социальной и экономической среды необходим поиск новых подходов и нестандартных решений для повышения рождаемости. На сегодня среди исследований по данной теме встречается анализ статистических данных¹, результатов опросов [4, 6], а также обзор практик повышения рождаемости в России² и за рубежом [7]. Можно констатировать отсутствие комплексных исследований практик нестандартных мер в рамках изучаемой проблематики и актуальность выявления наиболее эффективных демографических решений роста рождаемости для реализации в нашей стране.

В контексте настоящей научной статьи акцент делается на конкретных практиках, которые в дальнейшем могут послужить основой для создания организационных возможностей одиноким людям находить себе пару либо стимулирования рождаемости в существующих семьях.

Обзор научной литературы

Острота проблемы снижения рождаемости в России стала предметом активного обсуждения в научной и общественной среде, особенно в контексте кризисных демографических тенденций, наблюдаемых в последние годы. А. И. Агеев и О. А. Золотарева в своей работе показали значимость рассмотрения данных проблем на стратегическом уровне, обосновали наличие связи между намерением молодежи вступить в брак и желанием родить ребенка [7]. Демографические политики РФ подробно анализировала Е. Н. Синдяшкина [9]. Результаты исследований Л. А. Поповой [10], А. В. Короленко [11] и др. помогают понять, как возраст родителей влияет на рождаемость и какие стратегии могут быть применения для улучшения ситуации. Большое внимание уделяется и анализу демографических показателей [9, 12–15]. По результатам рассмотрения отдельных факторов, влияющих на принятие решения о рождении ребенка и количестве детей отмечается продолжа-

¹ Развод по плану // IQ media : [сайт]. 23.03.2020. URL: <https://iq.hse.ru/news/350701666.html> (дата обращения: 30.05.2024).

² Браки и разводы в России // TAdviser : [сайт]. 2024. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Браки_и_разводы_в_России (дата обращения: 31.05.2024).

ющаяся тенденция перехода к европейскому типу семьи, что выражается в увеличении возраста, в котором женщины рожают первых и последующих детей, а также в росте внебрачных союзов. Подчеркивается, что на вероятность рождения ребенка в значительной степени влияют личностные и социально-экономические факторы, условия труда [16]. В частности, семьи, испытывающие сомнения в своей материальной стабильности, включая состояние жилищных условий, менее склонны иметь большое количество детей.

Научные работы исследователей представляют важную основу для понимания текущих тенденций в демографической политике России. Исследователи выдвигают ряд рекомендаций по улучшению демографической политики государства, акцентируя внимание на создании условий, способствующих повышению стабильности и уверенности семей в своем будущем. Понимание факторов, влияющих на рождаемость, является чрезвычайно важным для разработки эффективных мер и стратегий в рамках государственной демографической политики. В то же время основной акцент в исследованиях приходится на материальные меры, такие как материнский капитал, различные пособия и выплаты на ребенка. В связи с этим актуален свежий взгляд на данные вопросы, рассмотрение зарубежных демографических политик.

Материалы и методы

В работе применялись методы статического анализа, сравнения и сопоставления. Информационной базой послужили данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), в том числе Демографического ежегодника³, выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2022 г.⁴, социологических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)⁵, аналитические материалы информационных порталов.

Результаты

По результатам анализа статистических данных, в Российской Федерации количество браков, заключенных в 2013–2023 гг., составило 11 165,73 тыс., но в динамике значение показателя менялось. Так, с 2013 по 2015 г. он возрастал, в последующие годы поочередно то повышался, то понижался. В 2022 г. отмечалась положительная тенденция: произошло увеличение количества браков на 36% по сравнению с 2020 г. Однако в 2023 г. число заключенных браков сократилось (на 107 890), а количество разводов увеличилось (на 527), данные представлены на рис. 1. Снижение числа браков отчасти можно объяснить все большей распространенностью гражданских браков, особенно среди молодежи.

³ Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 28.05.2024).

⁴ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2022 // Росстат: [сайт]. 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 28.05.2024).

⁵ Сколько детей нужно для счастья? // ВЦИОМ: [сайт]. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/skolko-detei-nuzhno-dlja-schastja> (дата обращения: 20.06.2024).

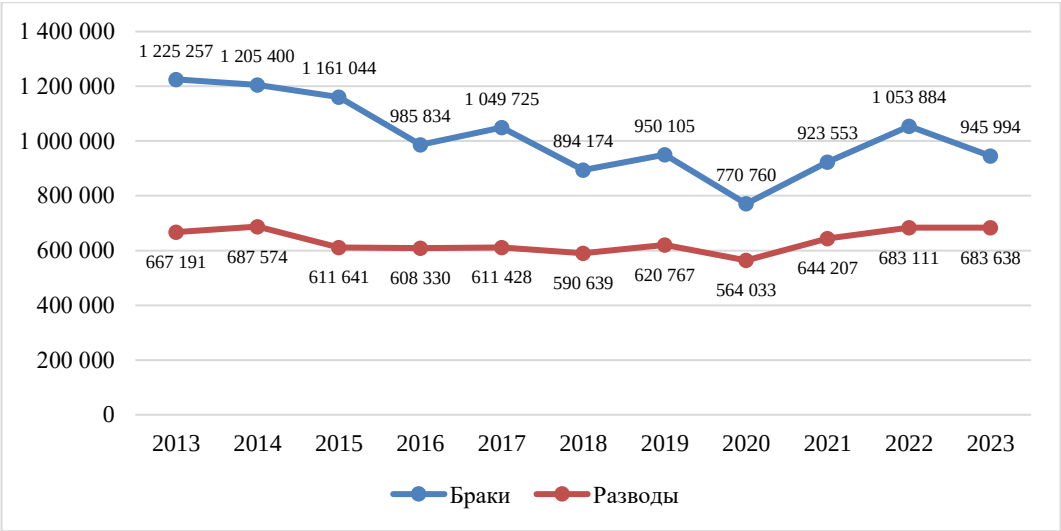

Рис. 1. Динамика браков и разводов в России, 2013–2023 гг.
Fig. 1. Dynamics of marriages and divorces in Russia, 2013–2023
Источник: составлено авторами по данным Росстата⁶

Итоги выборочного исследования репродуктивных планов населения за 2022 г. показали, что: во-первых, происходит увеличение временного интервала между началом отношений между мужчиной и женщиной и регистрацией брака; во-вторых, растет доля среди пар, откладывающих регистрацию брака на неопределенный момент с начала их отношений. Значительная часть мужчин и женщин в возрасте до 25 лет проживает в отношениях без регистрации брака: среди женщин эта доля составляет 41,25%, среди мужчин – 56,04% (табл. 1).

Таблица 1

Доля состоящих в незарегистрированном браке в Российской Федерации, 2022 г.
(% от всех состоящих в браке)

Table 1

Proportion of people in unregistered marriages in the Russian Federation, 2022
(% of those married)

Возраст	Женщины	Мужчины
до 25 лет	41,25	56,04
25–29 лет	23,71	27,33
30–34 года	12,66	21,59
35–39 лет	11,71	12,76
40 лет и старше	12,47	10,33

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁷

⁶ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 18.06.2024).

⁷ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2022 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 28.05.2024).

Среди причин подобного явления можно назвать несбалансированность юридической стороны брака между мужчиной и женщиной, наличие сложившегося позиционирования таких отношений, особенно в молодежной среде [17].

На количество браков влияет и рождаемость в прошлые годы. В результате снижения в 90-е гг. уровня рождаемости в 2023 г. число людей в возрасте, когда обычно вступают в брак, уменьшилось⁸. В табл. 2 представлены данные о количестве зарегистрированных браков и разводов за последнее десятилетие в разрезе регионов.

Таблица 2

Число браков и разводов на территории России и по федеральным округам, 2013 г. и 2023 г.

Table 2

Number of marriages and divorces on the territory of the Russia and by Federal Districts, 2013 and 2023

Регион	Число зарегистрированных браков		Изменение, 2023 г. к 2013 г. (%)	Число зарегистрированных разводов		Изменение, 2023 г. к 2013 г. (%)
	2013 г.	2023 г.		2013 г.	2023 г.	
Российская Федерация	1 225 257	945 994	77,2	667 191	683 638	102,5
Центральный ФО	317 995	262 274	82,5	175 840	168 630	95,9
Северо-Западный ФО	126 100	102 761	81,5	71 880	66 036	91,9
Южный ФО	116 723	114 235	97,9	65 609	80 390	122,5
Северо-Кавказский ФО	67 410	35 101	52,1	24 098	55 262	229,3
Приволжский ФО	250 502	173 362	69,2	129 136	119 755	92,7
Уральский ФО	114 963	85 316	74,2	64 754	63 619	98,2
Сибирский ФО	173 795	114 807	66,1	99 877	84 410	84,5
Дальневосточный ФО	57 769	58 138	100,6	35 997	45 536	126,5

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата⁹

Незначительный прирост по числу браков отмечен в Дальневосточном федеральном округе, но там же на 26,5% больше и разводов. В остальных субъектах РФ по сравнению с 2013 г. снижение брачности составило от 2,1% до 47,9%. Области Северного Кавказа – лидеры по числу разводов (увеличение более чем в два раза) из-за фиктивных разводов с целью получения пособий для одиноких матерей¹⁰. Больше всего разводов на 1 000 браков приходилось на Северо-Кавказский, Южный и Приволжский федеральные округа (рис. 2).

Среди регионов с наибольшим числом разводов на 1 000 браков в 2022 г. были названы Ингушетия (2 542 развода на 1 000 браков), Чечня – 2 069, Дагестан – 1 967, Карачаево-Черкесия – 1 520 и Северная Осетия - Алания – 1 390.

⁸ Население России 2006: четырнадцатый ежегодный демографический доклад // Публикации ВШЭ : [сайт]. URL: <https://publications.hse.ru/books/263498373> (дата обращения: 19.06.2024).

⁹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 18.06.2024).

¹⁰ Росстат назвал регионы с наибольшей долей разводов // Ведомости : [сайт]. 27.06.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/06/27/982427-rosstat-nazval-regioni-s-naibolshei-dolei-razvodov> (дата обращения: 18.06.2024).

Число разводов на 1000 браков в 2022 году по федеральным округам

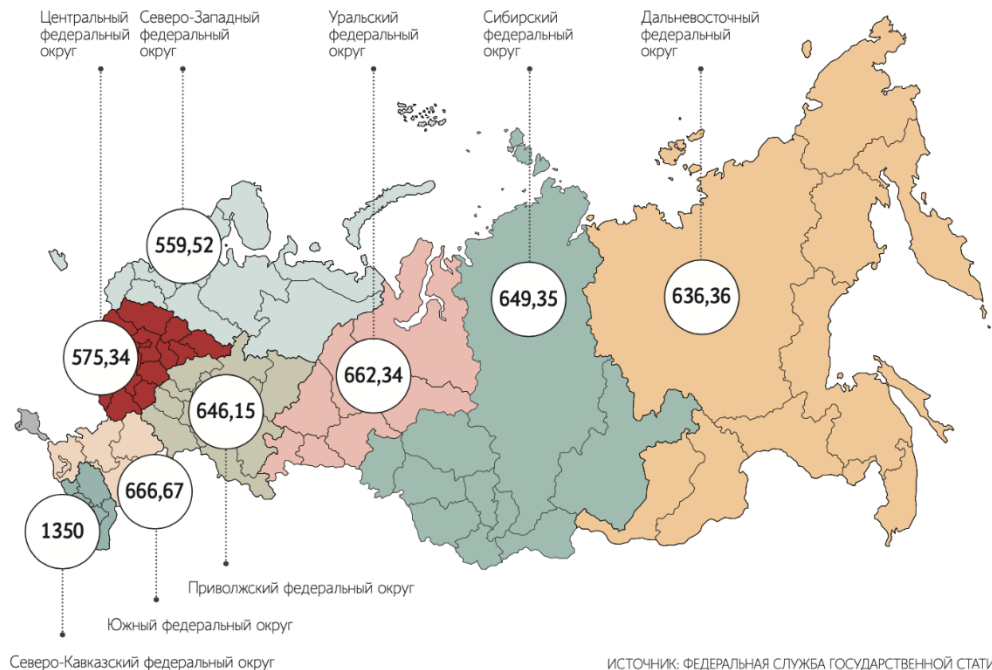

Рис. 2. Число разводов на 1 000 браков по федеральным округам, 2022 г.
Fig. 2. The number of divorces per 1 000 marriages by Federal Districts, 2022

Источник: сайт делового издания «Ведомости»¹¹

Сельские жители разводятся в четыре раза реже, чем городские. В 2019 г. развелись 44,38% жителей российских городов, 34,45% – жителей сельской местности.

Продолжает меняться и возрастная модель браков: сейчас пары создают официальные семьи все позже (табл. 3).

Таблица 3

Возраст бракосочетания в Российской Федерации, 1960 г., 1990 г. и 2022 г. (%)

Table 3

Marriage age in the Russian Federation, 1960, 1990 and 2022 (%)

Возраст	1960 г.		1990 г.		2022 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
До 18 лет	0,02	0,33	1,03	5,46	0,05	0,39
18–24	53,23	63,34	52,50	59,05	17,79	28,95
25–34	31,26	21,40	29,53	20,69	43,97	36,97
35 и более	15,47	14,88	16,94	14,79	38,19	33,69
не указан	0,03	0,04	0,01	0,01	-	-

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹²

¹¹ Росстат назвал регионы с наибольшей долей разводов // Ведомости : [сайт]. 27.06.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/06/27/982427-rosstat-nazval-regioni-s-naibolshei-dolei-razvodov> (дата обращения: 18.06.2024).

¹² Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 18.06.2024).

В 1960 г. отмечалось значительное количество браков среди молодежи в возрасте 18–24 лет, причем доля мужчин составляла 53,23%, а женщин – 63,34%. В 1990 г. наблюдалось небольшое снижение доли заключаемых браков в этой возрастной группе. По результатам 2022 г. увеличивается доля регистрации браков среди населения в возрасте после 25 лет. С одной стороны, это говорит о более осознанном отношении к вступлению в официальный брак и созданию семьи, с другой – об откладывании данных вопросов вследствие нежелания покидать «зону комфорта», сильной занятости либо смены приоритетов.

Анализируя разводы, важно обратить внимание на то, в каком возрасте чаще всего происходит расторжение брака. В целом в России и мужчины, и женщины наиболее часто разводятся в 30–34 года и старше¹³, при этом пары с детьми разводятся реже. Происходит старение брачности, т. е. сдвиг регистрации отношений на более поздние возрасты¹⁴.

В последние годы наблюдается снижение суммарного коэффициента рождаемости, рождений на одну женщину становится меньше (рис. 3).

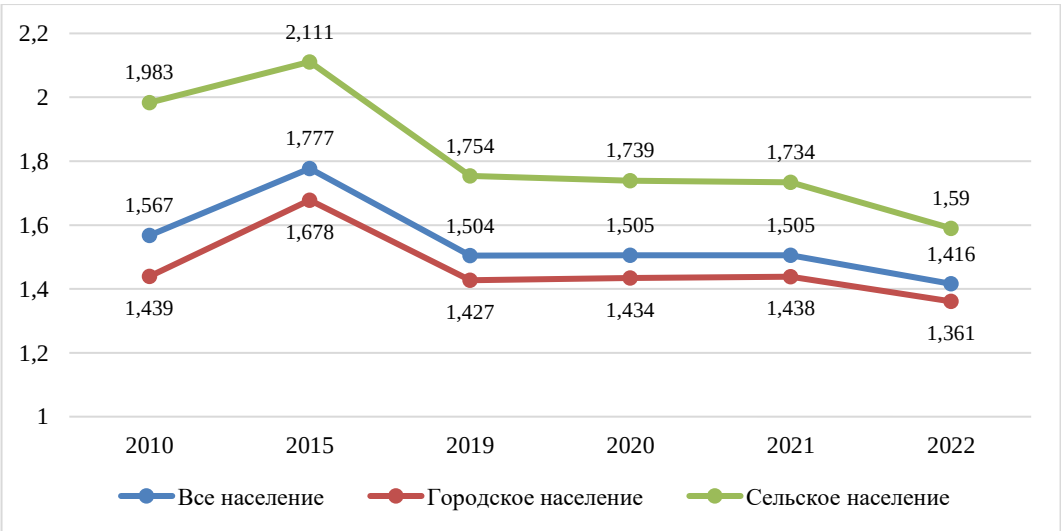

Рис. 3. Суммарный коэффициент рождаемости в России, 2010–2022 гг.

Fig. 3. Total fertility rate in Russia, 2010–2022.

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹⁵

Как показано на рисунке, снижение данного коэффициента наблюдается как среди городского, так и среди сельского населения.

¹³ Браки и разводы в России // TAdviser : [сайт]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Браки и разводы в России> (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁴ Бездетные пары разводятся чаще // IQ-media : [сайт]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177665581.html> (дата обращения: 20.06.2024).

¹⁵ Семья и дети в России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. 20.03.2015. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/145186> (дата обращения: 18.06.2024).

Налицо общая тенденция снижения показателей рождаемости: общего коэффициента рождаемости населения; суммарного коэффициента рождаемости (табл. 4) и повозрастных коэффициентов рождаемости (рис. 4).

Таблица 4
Динамика показателей рождаемости в Российской Федерации, 2017–2022 гг.

Table 4

Dynamics of birth rates in the Russian Federation, 2017–2022

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Суммарный коэффициент рождаемости	1,62	1,58	1,5	1,51	1,5	1,42
Общий коэффициенты рождаемости	11,5	10,9	10,1	9,8	9,6	8,9

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹⁶

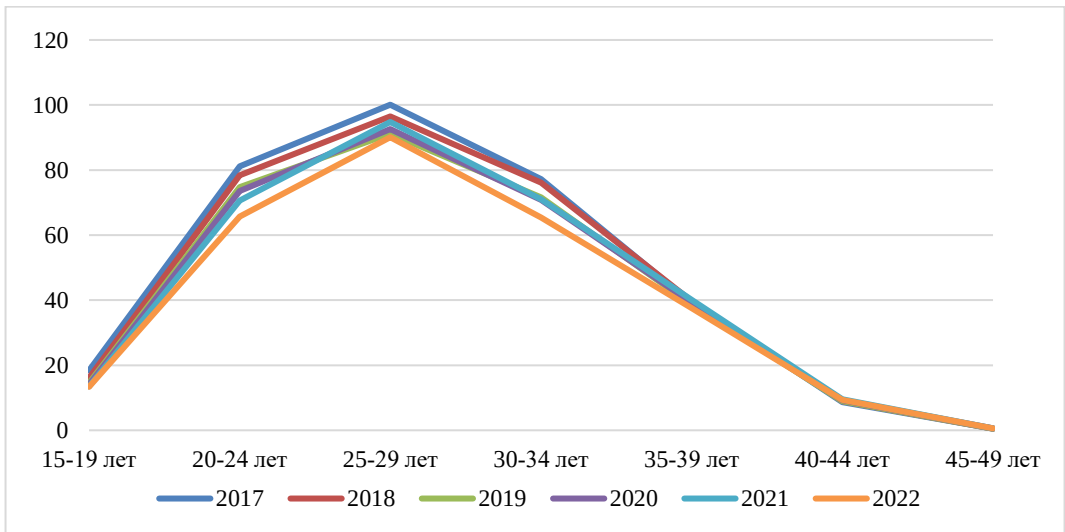

Рис. 4. Повозрастной коэффициент рождаемости в России, 2017–2022 гг.

Fig. 4. Age-specific fertility rate in Russia, 2017–2022.

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹⁷

Последние годы уровень родившихся вне зарегистрированного брака не менялся – 20–23% (табл. 5), что составляет резерв для повторных рождений вне брака и повышает их значимость для воспроизводства населения.

¹⁶ Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 18.06.2024).

¹⁷ Семья и дети в России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/145186> (дата обращения: 18.06.2024).

Таблица 5

Родившиеся по брачному состоянию матери в России, 2018–2022 гг. (%)

Table 5

Born according to the mother’s marital status in Russia, 2018–2022 (%)

Год	Родившиеся		
	в зарегистрированном браке	в незарегистрированном браке	данные о виде брака отсутствуют
2018	78,21	21,22	0,58
2019	78,63	20,88	0,49
2020	78,32	21,66	0,02
2021	78,01	21,98	0,02
2022	77,21	22,78	0,01

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹⁸

Чаще всего первый ребенок рождается у женщин в возрасте 18–24 лет (93,0%), второй ребенок – в 30–34 года (42,2%), третий и последующие дети, как правило, рождаются у матерей в возрасте старше 30 лет (рис. 5).

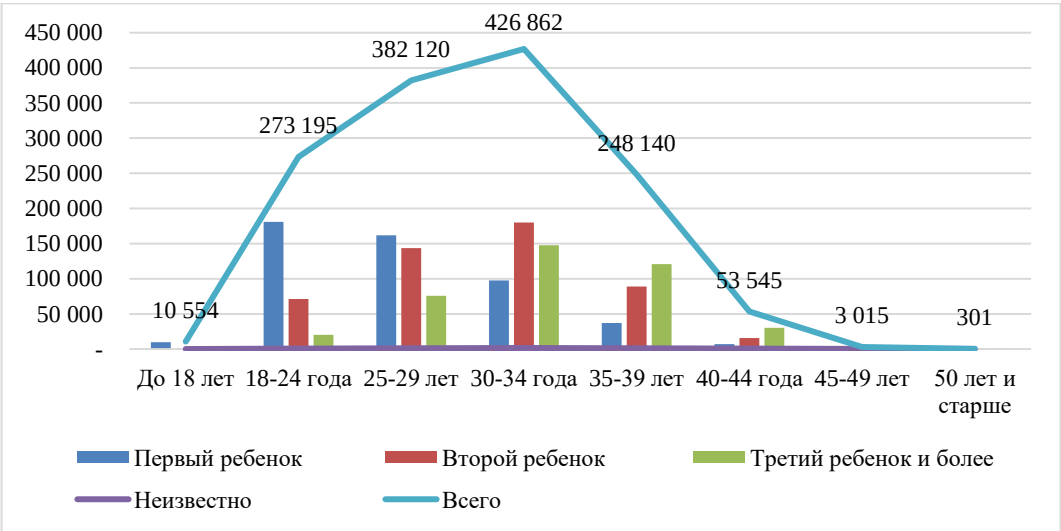

Рис. 5. Распределение родившихся по возрасту матери и очередности рождения в России, 2021 г.

Fig. 5. Distribution of births by maternal age and birth order in Russia, 2021

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹⁹

В 2022 г. больше всего родившихся пришлось на матерей в возрасте 30–34 года (рис. 6).

¹⁸ Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 18.06.2024).

¹⁹ Семья и дети в России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/145186> (дата обращения: 18.06.2024).

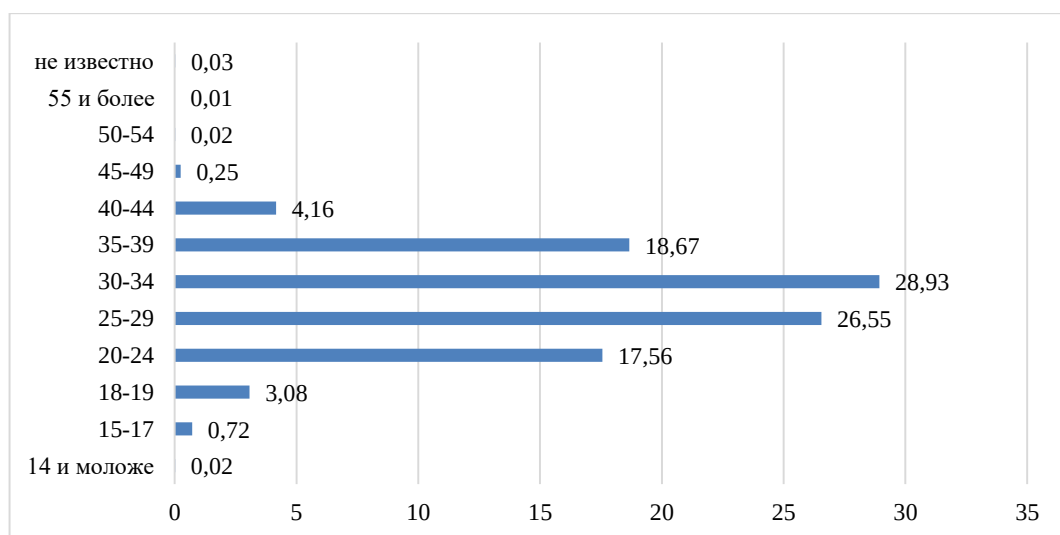

Рис. 6. Родившиеся по возрасту матери в России, 2022 г. (%)

Fig. 6. Births by maternal age in Russia, 2022 (%)

Источник: составлено авторами по данным Росстата²⁰

Возраст рождения последующих детей постепенно сдвигается²¹ и сейчас в среднем составляет старше 30–35 лет, а на это время зачастую приходится разводы, а значит, данную возрастную группу можно рассматривать как резервную для повторных браков и рождений.

Зарубежные инструменты нестандартных демографических политик

За рубежом демографические проблемы схожи: происходит снижение рождаемости и старение населения. Яркий пример нестандартных мер – массовое свидание в Южной Корее, проведенное в условиях рекордно низкого падения рождаемости. По его итогам был выявлен большой спрос на событие, зарегистрировались тысячи участников в возрасте от 20 до 30 лет. После пяти раундов соревнований 198 человек из 460 покинули мероприятие как «пары», обменявшись контактами друг с другом.

Эффективность подобных мероприятий на сегодня остается под вопросом. Вклад властей в первую очередь должен быть направлен непосредственно на поддержку беременности, родов и воспитания детей, что является важной приоритетной задачей, а «свидание вслепую» может выступать лишь инструментом в страте-

²⁰ День семьи, любви и верности // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/День%20семьи,%20любви%20и%20верности\(20\).pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/День%20семьи,%20любви%20и%20верности(20).pdf) (дата обращения: 15.06.2024).

²¹ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2022 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 28.05.2024).

гии, направленной на повышение рождаемости. Необходимо создать условия, способствующие встречам между потенциальными партнерами²², а также вовлечения отцов в уход за детьми, поскольку отсутствие равномерного распределения обязанностей в семье может привести к выгоранию матерей и отрицательно сказаться на решении о дальнейшем рождаемости, что становится признанной международной проблемой [18].

В Швеции и Норвегии практикуются инициативы по равноправному разделению отпусков по уходу за детьми между родителями, включая «Месяц папы», что способствует более равномерному распределению родительских обязанностей. В России такая возможность доступна с 2007 г., однако большинство мужчин по-прежнему не представляет себя в роли отца-декретника. Каждый третий (34%) ни в коем случае не согласится взять отпуск по уходу за ребенком вместо жены, еще 23% скорее исключают такую возможность, как поясняет портал SuperJob²³. Повышенная нагрузка на матерей в таком случае скорее отрицательно повлияет на повторные рождения.

Более радикальные меры регулирования демографической ситуации могут не только не улучшить показатели, но и ухудшить их. Как показал опыт Китая, после отказа от политики «одна семья – один ребенок» не удалось вернуться хотя бы к прежнему уровню рождаемости, несмотря на разрешение иметь трех детей, так как высокие расходы на жизнь препятствуют многодетности^{24,25}.

В контексте настоящей работы ее авторы под нестандартными понимают меры, неиспользуемые в России, но практикующиеся за рубежом (табл. 6). Стандартные меры демографической политики, направленные на рост рождаемости в нашей стране, это экономические, административно-правовые, воспитательные и пропагандистские. Экономические инициативы, преимущественно преобладающие в РФ, как правило, меры материальные, например, материнский капитал и прочие выплаты на детей.

Анализ зарубежных демографических политик показал, что жесткие меры, такие как количественный контроль рождаемости, имеют скорее отрицательный эффект. К примеру, в Китае большинство семей предпочитает иметь только двух детей, что свидетельствует о необходимости сосредоточения на повышении качества жизни. Для нашей страны это может включать организацию мероприятий для знакомств одиноких людей, а для семей – туры для будущих родителей. Еще одна мера, которая представляется полезной – материнский социальный пакет, но по ней

²² В Южной Корее устроили массовое свидание вслепую, чтобы поднять уровень рождаемости // ARDinform : [сайт]. 28.11.2023. URL: https://ardinform.com/news/v_juzhnoj_koree_ustroili_massovoe_svidanie_vслепоу chtoby podnjat uroven rozhdaemosti/2023-11-28-15351 (дата обращения: 27.05.2024).

²³ Взять отпуск по уходу за ребенком вместо жены согласились бы 43% российских мужчин // SuperJob : [сайт]. 01.02.2023. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/113890/vzyat-otpusk-po-uhodu-za-rebenkom-vmesto-zheny-soglasilis-by-43/> (дата обращения: 15.06.2024).

²⁴ Cost of Living in China // Numbeo : [сайт]. URL: https://www.numbeo.com/cost-of-living/country_result.jsp?country=China (accessed on 21.06.2024).

²⁵ Wee, S. L. China says it will allow couples to have 3 children, up from 2 // The New York Times : [site]. 31.05.2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/31/world/asia/china-three-child-policy.html> (accessed on 21.06.2024).

необходима оценка возможности внедрения в России из-за значительной разницы в численности населения.

Таблица 6

Нестандартные практики мер демографической политики зарубежных стран, направленные на повышение рождаемости

Table 6

Non-standard practices of demographic policy measures in foreign countries aimed at increasing the birth rate

Страна	Меры семейной политики	Результаты практики реализации
Китай	«Всеобщая политика двух детей» с последующим разрешением семьям иметь троих детей; брачный отпуск для повышения рождаемости	Политика не вызвала серьезного подъема рождаемости
Индонезия	Программа «Один миллион домов» ²⁶ ; косвенное воздействие на демографическую ситуацию путем строительства доступного жилья в городе и деревнях	Достижение целевого показателя строительства одного миллиона домов в год. Тем не менее, маловероятно, что Индонезию затронет «бэби-бум». Даже если рождаемость в Индонезии вырастет, это число будет недостаточно велико, чтобы повлиять на демографический бонус, который подойдет к концу примерно в 2037 г. ²⁷
Южная Корея	Массовое свидание вслепую; предложение от аналитического центра при правительстве отправлять девочек в начальную школу на год раньше, чем мальчиков; «день семьи» для сотрудников офисов	Высокий спрос на событие. Зарегистрировались тысячи участников от 20 до 30 лет. 198 человек из 460 покинули мероприятие как «пары», обменявшись контактами ²⁸ . Критика со стороны специалистов, политиков, пользователей соцсетей. Цель – увеличение рождаемости за счет создания возможностей
Дания	Турь для будущих родителей от туристической компании; предложения туров для семей с детьми	Стимулирование к деторождению. Бонусом выступали стимулы – бесплатное обеспечение детскими товарами и оплата праздничных мероприятий парам, купившим тур и доказавшим, что ребенок был зачат во время путешествия
Сингапур	Акция «Национальная ночь» в коллаборации с Mentos; ограничение количества малогабаритного жилья	Сочетание ограничительных мер с более мягкими. Расчет на то, чтобы в стране было невыгодно выбирать одиночный образ жизни
Румыния	Жесткие меры: наказание за нежелание иметь детей; налог для бездетных мужчин до 20% от дохода независимо от семейного положения; запрет аборт; максимальное усложнение процедуры расторжения брака	Зафиксирована убыль населения. Жесткие меры не привели к желаемому результату, в итоге данную политику пришлось свернуть
Япония	Разработка робота с имитацией поведения настоящего ребенка ²⁹	Роботов, по словам исследователей, планируется использовать при подготовке будущих родителей, а также продавать тем, кто не может или не хочет иметь настоящих детей. Массовое внедрение планируется через 15 лет. С одной стороны, робот позволит лучше подготовиться семьям к родительству, с другой – есть риски, которые могут привести и к отрицательному эффекту.
Сингапур, Финляндия	Материнский социальный пакет	Социальный пакет общей суммой 140 евро с товарами первой необходимости для новорожденных, предоставляемый вне зависимости от социального положения, занятости и достатка

Источник: составлено авторами на основе публикаций [19–23].

²⁶ Современная Индонезия. Очерки истории. Демография // Информационное агентство REX : [сайт]. 2022. URL: <https://iarex.ru/articles/87676.html> (дата обращения: 16.06.2024).

²⁷ Там же.

²⁸ В Южной Корее устроили массовое свидание вслепую, чтобы поднять уровень рождаемости // ARDinform : [сайт]. 28.11.2023. URL: https://ardinform.com/news/v_juzhnoj_koree_ustroili_massovoe_svidanie_vslepuju_ chtoby_podnjat_uroven_rozhdaemosti/2023-11-28-15351 (дата обращения: 27.05.2024).

²⁹ Комкова, Н. Малыш-робот и «Покупка родителей»: топ самых странных мер по повышению рождаемости в странах мира // Вечерняя Москва : [сайт]. 07.07.2023. URL: <https://vm.ru/society/1061109-malysh-robot-i-pokupka-roditelej-top-samyh-strannyh-mer-po-povysheniyu-rozhdaemosti-v-stranah-mira> (дата обращения: 21.06.2024).

Заключение

Проведенный нами анализ статистических данных позволил сделать следующие выводы. Значительная часть резерва для повторных браков и рождений в нашей стране приходится на возрастную группу старше 30–35 лет, где мужчины и женщины уже имеют жизненный опыт. Считаем необходимым, во-первых, создание возможностей для данной категории населения находить пару для повторного брака, например, посредством развития социальных сетей, приложений и других социальных мероприятий для знакомств, ориентированных на создание серьезных отношений; во-вторых, улучшение условий для создания повторных браков посредством разработки программ поддержки для «вторичных» родителей, предоставления консультаций. Исследование выявило некоторые пробелы в учете браков и разводов – недостаточно статистических данных по городскому и сельскому населению по всем регионам и округам, учет данных по возрасту разводов не ведется, поэтому можно отследить только средний показатель по стране, что усложняет проведение глубокого анализа. В связи с чем предлагаем усовершенствовать и детализировать методологию сбора и анализа данных.

Рассмотрение различных зарубежных нестандартных демографических политик показало, что единичные меры не способны решить проблему, подходы следует комбинировать в зависимости от ситуации. Перспективным представляется сочетание гарантированной материальной и социальной поддержки, как это делается в Сингапуре и Финляндии, с формированием организационных условий для создания семьи в более старшем возрасте. Меры усложнения процедуры развода, создание ограничений в жилой площади видятся неэффективными, а использование роботов для пробуждения родительских инстинктов – сомнительными в текущей перспективе. Значительную роль в принятии решения о том, чтобы завести еще детей, играет такой фактор, как высокая нагрузка на женщину на работе и в семье, предубеждения в обществе по поводу «смены ролей», когда вместо матери в отпуск по уходу за детьми идет отец. Изучение зарубежного опыта показывает, что комплексный подход, включая социальную поддержку, финансовые стимулы и качественную инфраструктуру, может существенно изменить демографическую ситуацию. Для ее улучшения и преодоления демографического кризиса важно адаптировать успешные инструменты других стран, а также провести более детальное исследование незарегистрированных браков и барьеров, препятствующих одиноким людям находить себе пару.

Список литературы

1. Герсонская, И. В. Развитие человеческого капитала в России как приоритет экономической политики государства // Саяпинские чтения : Материалы IV Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Отв. редактор А. А. Бурмистрова [и др.]. Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2021. С. 159–164. EDN [TCBIJV](#).
2. Куленцан, А. Л. Статистическое исследование и прогнозирование численности браков и разводов на территории РФ / А. Л. Куленцан, Н. А. Марчук, В. В. Гвоздев, М. Ю. Ширяев, А. М. Пузанов // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2023. № 3 (75). С. 107–112. DOI [10.6060/snt.20237503.00014](#). EDN [PRXCJP](#).
3. Прохорова, А. С. Статистический анализ браков и разводов в РФ и их влияние на рождаемость / А. С. Прохорова, Н. В. Черемисина // Социально-экономическое развитие России и регионов

в цифрах статистики. Материалы VII международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Том 2. Москва : Издательский дом «Державинский», 2021. С. 95–103. EDN [TGJJMC](#).

4. Шерифова, А. Ф. Брачность и разводимость в России и ее регионах в динамике / А. Ф. Шерифова, А. Ш. Ибрагимова, Б. Ш. Дадаева // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 1 (123). С. 98–104. DOI [10.26726/1812-7096-2021-1-98-104](#). EDN [KCDDIR](#).

5. Глухова, Ю. А. Статистика разводов / Ю. А. Глухова, Е. В. Бенько // Наука и образование сегодня. 2015. № 1. С. 117–120. EDN [WFJNRN](#).

6. Шарков, Ф. И. Социально-политические и политико-управленческие механизмы решения проблем рождаемости: российский и зарубежный исторический опыт / Ф. И. Шарков, А. В. Понедельков // Демографическое развитие России: проблемы и пути решения : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 2021. Ростов-на-Дону : Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУФ РАНХиГС), 2021. С. 7–11. EDN [MHCTQP](#).

7. Селиверстова, Ю. А. Демографическое будущее Китая // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 4. С. 149–165. DOI [10.17323/demreview.v7i4.12047](#). EDN [NEGXMK](#).

8. Агеев, А. И. Демографическая политика в России: оценка результативности / А. И. Агеев, О. А. Золотарева // Вопросы статистики. 2023. Т. 30, № 2. С. 53–71. DOI [10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71](#). EDN [HUAWAW](#).

9. Синдякина, Е. Н. Отражение демографической политики в показателях рождаемости в России // Социально-трудовые исследования. 2021. № 1 (42). С. 75–85. DOI [10.34022/2658-3712-2021-42-1-75-85](#). EDN [AHYCVR](#).

10. Попова, Л. А. Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 79–93. DOI [10.15838/esc.2016.2.44.5](#). EDN [VXBNWF](#).

11. Короленко, А. В. Развитие демографической политики в России после 2006 г. // Журнал исследований по управлению. 2019. Т. 5, № 5. С. 56–68. EDN [OSVSAH](#).

12. Чистик, О. Ф. Анализ рождаемости в России // Экономика и предпринимательство. 2022. № 1 (138). С. 526–530. DOI [10.34925/EIP.2022.138.1.103](#). EDN [XFVVLM](#).

13. Осиневич, Л. М. Статистический анализ рождаемости в Российской Федерации / Л. М. Осиневич, П. Д. Наумова // Актуальные вопросы и современные аспекты экономики, финансов и бухгалтерского учета : Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, 2024. Курск : Курский государственный университет, 2024. С. 227–233. EDN [ELPJVK](#).

14. Сопов, Д. К. Оценка и прогноз динамики рождаемости в России // Вестник университета. 2022. № 7. С. 184–191. DOI [10.26425/1816-4277-2022-7-184-191](#). EDN [JEKEZA](#).

15. Калачикова, О. Н. Рождаемость населения России: тренды и факторы // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : Материалы III международной научно-практической интернет-конференции. Часть I. Вологда : Вологодский научный центр Российской академии наук, 2018. С. 51–56. EDN [YYQPKX](#).

16. Филимонова, И. В. Факторы влияния на решение о рождении ребенка и количестве детей у женщин в России / И. В. Филимонова, А. В. Ивершинь, А. В. Комарова, О. И. Кривошеева // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 1. С. 55–69. DOI [10.19181/population.2023.26.1.5](#). EDN [NLQTTN](#).

17. Кobleва, З. Х. Популяризация незарегистрированных форм брака в молодежной среде // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. № 1. С. 107–119. DOI [10.15593/2224-9354/2023.1.8](#). EDN [BXQYMU](#).

18. Mikolajczak, M. Parental burnout: What is it, and why does it matter? / M. Mikolajczak, J. J. Gross, I. Roskam // Clinical Psychological Science. 2019. Vol. 7, No. 6. Pp. 1319–1329. DOI [10.1177/216770261985843](#).

19. Ван, Е. Новая демографическая политика трехдетности в Китае // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 26–42. EDN [ZJZOCL](#). DOI [10.19181/demis.2023.3.3.2](#).

20. Войку, И. П. Нетрадиционные меры повышения рождаемости и оценка вероятности их применения / И. П. Войку, О. Н. Копытова, И. С. Смирнова // Молодой ученый. 2016. № 12. С. 1182–1193. EDN [WGFQIR](#).

21. Тимофеева, О. В. От запрета к отказу: метаморфозы решения вопроса об абортax в Румынии // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 3 (93). С. 116–123. EDN [ZVWNUV](#).
22. Савина, С.В. Процесс изменения психики человечества в процессе эволюции техногенной цивилизации: вопросы психолого-этических дилемм, созданных рядом имплантатов информационно-коммуникационных технологий // Право и практика. 2015. № 1. С. 125–134. EDN [TQOBVD](#).
23. Радченко, А. Ф. «Детство-2030» – опыт проведения форсайт-проекта в России / А. Ф. Радченко, С. В. Попов // Образовательная политика. 2010. № 5–6 (43). С. 66–81. EDN [VZZONL](#).

Сведения об авторах

Вербенская Алена Валерьевна, специалист, Управление наукометрии, научно-исследовательской работы и рейтингов, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: a.v.verbenskaya1@usue.ru; РИНЦ SPIN-код: [6086-4021](#).

Камарова Татьяна Александровна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: kta@usue.ru; ORCID ID: [0000-0003-0087-9310](#); РИНЦ SPIN-код: [4255-7664](#).

Тонких Наталья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: tonkihnhv@usue.ru; ORCID ID: [0000-0003-2957-7607](#); РИНЦ SPIN-код: [7756-5209](#); Web of Science Researcher ID: [O-9705-2018](#); Scopus Author ID: [57216647690](#).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № [22-18-00614](#) «Исследование влияния цифровой занятости на рождаемость и родительское благополучие».

Статья поступила в редакцию 19.07.2024; принята в печать 23.09.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

PRO-NATAL POLICY IN SEARCH OF UNCONVENTIONAL SOLUTIONS

Alena V. Verbenskaya

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

E-mail: a.v.verbenskaya1@usue.ru

Tatiana A. Kamarova

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

E-mail: kta@usue.ru

Natalia V. Tonkikh

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

E-mail: tonkihnhv@usue.ru

For citation: Verbenskaya, Alena V. Pro-Natal Policy in Search of Unconventional Solutions / A. V. Verbenskaya, T. A. Kamarova, N. V. Tonkikh. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 82–98. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.5](#).

Abstract. The problem of declining birth rate in Russia is posed and possible solutions are explored through the search for new policies. Objectives of the study: to analyze the demographic situation over the past few years; to conduct a statistical assessment of the growth reserve of births from remarriages; to consider measures to create opportunities for single people to find a couple, including remarriages. The analysis of changes in the number of marriages and divorces on the territory of Russia has revealed a significant proportion of people in unregistered marriages. The study of Rosstat data

for the last decade revealed that the age category of 30–34 years and older is the most promising for remarriage. However, the high childcare burden on mothers and the underdeveloped paternity leave system in Russia act as deterrents to planning more children. To identify effective practices, foreign experiences in fertility stimulation were analyzed. The results of the study indicate a wide range of measures, from strict to milder, and the possibility of adapting some of them to develop recommendations aimed at increasing fertility in Russia. The findings of the study emphasize the need for a comprehensive approach to solving this problem, since material incentives and harsh measures, as the practice of other countries has shown, are not effective. Now, material incentives for fertility prevail in Russia, but attention should also be paid to the creation of organizational opportunities for people who want to find a couple and build a family – this topic needs further development.

Keywords: fertility, demographic policy, average age of mothers, human capital, total fertility rate, non-standard demographic practices

References

1. Gersonskaya, I. V. Razvitiye chelovecheskogo kapitala v Rossii kak prioritet ekonomicheskoy politiki gosudarstva [Development of human capital in Russia as a priority of the state economic policy]. *Saya-pinskiye chteniya [Sayapin Readings] : IV National scientific-practical conference*. Tambov : “Derzhavinskij” Publishing House, 2021. Pp. 159–164. (In Russ.).
2. Kulentsan, A. L. Statistical Research and Forecasting of the Number of Marriages and Divorces in the Territory of the Russian Federation / A. L. Kulentsan, N. A. Marchuk, V. V. Gvozdev, M. Y. Shiryayev, A. M. Puzanov. *Modern High Technologies. Regional Application*. 2023. Vol. 3, No. 75. Pp. 107–112. DOI [10.6060/snt.20237503.00014](https://doi.org/10.6060/snt.20237503.00014). (In Russ.).
3. Prokhorova, A. S. Statistical Analysis of Marriages and Divorces in the Russian Federation and Their Impact on Fertility / A. S. Prokhorova, N. V. Cheremisina. *VII International scientific conference «Socio-economic development of Russia and regions in statistical figures»*. Vol. 2. Tambov : “Derzhavinskij” Publishing House, 2021. Pp. 95–103. (In Russ.).
4. Sherifova, A. F. Marriage and Divorce Rates in Russia and Its Regions in Dynamics / A. F. Sherifova, A. S. Ibragimova, B. S. Dadaeva. *Regional Problems of Economic Transformation*. 2021. Vol. 1, No. 123. Pp. 98–104. DOI [10.26726/1812-7096-2021-1-98-104](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-1-98-104). (In Russ.).
5. Glukhova, Yu. A. Statistika razvodov [Divorce statistics] / Yu. A. Glukhova, E. V. Benko. *Science and Education Today*. 2015. No. 1. Pp. 117–120. (In Russ.).
6. Sharkov, F. I. Sotsial’no-politicheskiye i politiko-upravlencheskiye mekhanizmy resheniya problem rozhdayemosti: rossiyskiy i zarubezhnyy istoricheskiy opyt [Socio-political and political-managerial mechanisms for solving birth rate problems: Russian and foreign historical experience] / F. I. Sharkov, A. V. Ponedelkov. *Demograficheskoe razvitiye Rossii: problemy i puti resheniya [Demographic development of Russia: problems and solutions]* : Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. Rostov-on-Don : South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SRIUP RANEPa), 2021. Pp. 7–11. (In Russ.).
7. Seliverstova, Yu. A. The Demographic Future of China. *Demographic Review*. 2020. Vol. 7, No. 4. Pp. 149–165. DOI [10.17323/demreview.v7i4.12047](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12047). (In Russ.).
8. Ageev, A. I. Demographic Policy in Russia: Performance Evaluation / A. I. Ageev, O. A. Zolotareva. *Voprosy statistiki*. 2023. Vol. 30, No. 2. Pp. 53–71. DOI [10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71). (In Russ.).
9. Sindiyashkina, E. N. Reflection of Demographic Policy in Fertility Rates in Russia. *Social and Labor Research*. 2021. Vol. 42, No. 1. Pp. 75–85. DOI [10.34022/2658-3712-2021-42-1-75-85](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-42-1-75-85). (In Russ.).
10. Popova, L. A. Modern Russian Demographic Policy in the Field of Fertility: Results and Areas for Improvement. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2016. Vol. 2, No. 44. Pp. 79–93. DOI [10.15838/esc.2016.2.44.5](https://doi.org/10.15838/esc.2016.2.44.5). (In Russ.).
11. Korolenko, A. V. Development of Demographic Policy in Russia after 2006. *Journal of Management Studies*. 2019. Vol. 5, No. 5. Pp. 56–68. (In Russ.).
12. Chistik, O. F. Analysis of Fertility in Russia. *Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2022. Vol. 1, No. 138. Pp. 526–530. DOI [10.34925/EIP.2022.138.1.103](https://doi.org/10.34925/EIP.2022.138.1.103). (In Russ.).
13. Osinevich, L. M. Statistical Analysis of the Birth Rate in the Russian Federation / L. M. Osinevich, P. D. Naumova. *Aktual’nye voprosy i sovremennyye aspekty ekonomiki, finansov i buhgalterskogo ucheta*

[Topical issues and modern aspects of economics, finance and accounting] : Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Kursk : Kursk State University, 2024. Pp. 227–233. (In Russ.).

14. Sopov, D. K. Fertility Dynamics in Russia: Assessment and Forecast. *Vestnik universiteta*. 2022. No. 7. Pp. 184–191. DOI [10.26425/1816-4277-2022-7-184-191](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-7-184-191). (In Russ.).

15. Kalachikova, O. N. The Birth Rate of Russia's Population: Trends and Factors. *Globalnye vyzovy i regionalnoe razvitiye v zerkale sociologicheskikh izmerenii* [Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions]. Proceedings of the III International Scientific and Practical Internet Conference. Part I. Vologda : Vologda Science Center of RAS, 2018. Pp. 51–56. (In Russ.).

16. Filimonova, I. V. Factors Affecting the Decision about Having a Child and the Number of Children by Women in Russia / I. V. Filimonova, A. V. Ivershin, A. V. Komarova, O. I. Krivosheeva. *Narodonaselenie* [Population]. 2023. Vol. 26, No. 1. P. 55–69. DOI [10.19181/population.2023.26.1.5](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.5). (In Russ.).

17. Kobleva, Z. Kh. Popularization of Unregistered Forms of Marriage among Young People. *PNRP U Sociology and Economics Bulletin*. 2023. No. 1. Pp. 107–119. DOI [10.15593/2224-9354/2023.1.8](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.1.8). (In Russ.).

18. Mikolajczak, M. Parental burnout: What is it, and why does it matter? / M. Mikolajczak, J. J. Gross, I. Roskam. *Clinical Psychological Science*. 2019. Vol. 7, No. 6. Pp. 1319–1329. DOI [10.1177/216770261985843](https://doi.org/10.1177/216770261985843).

19. Wang, Ye. New Demographic Three-Child Policy in China. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 26–42. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.2). (In Russ.).

20. Voiku, I. P. Unconventional Measures of Fertility and Their Probabilities of Application / I. P. Voiku, O. N. Kopytova, I. S. Smirnova. *Young Scientist*. 2016. Vol. 12, No. 116. Pp. 1182–1193. (In Russ.).

21. Timofeeva, O. V. From Prohibition to Refusal: Metamorphosis of Solutions on Abortion in Romania. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 3 (93). Pp. 116–123. (In Russ.).

22. Savina, S. V. Process Changes Mind During the Evolution of Mankind Technological Civilization: Psychological Issues Ethical Dilemmas Created by a Number Implant Information and Communication Technologies. *Law and practice*. 2015. No. 1. Pp. 125–134. (In Russ.).

23. Radchenko, A. F. «Detstvo-2030» – opyt provedeniya forsayt-proyekta v Rossii [“Childhood-2030” – experience of conducting a foresight project in Russia] / A. F. Radchenko, S. V. Popov. *Educational Policy*. 2010. Vol. 5–6, No. 43–44. Pp. 66–81. (In Russ.).

Bio notes

Alena V. Verbenskaya, Specialist, Department of Scientometrics, Research and Ratings, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation.

Contact information: e-mail: a.v.verbenskaya1@usue.ru; RSCI SPIN-code: [6086-4021](https://www.rsci.ru/spin/6086-4021).

Tatiana A. Kamarova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation.

Contact information: e-mail: kta@usue.ru; RSCI SPIN-code: [4255-7664](https://www.rsci.ru/spin/4255-7664); ORCID ID: [0000-0003-0087-9310](https://orcid.org/0000-0003-0087-9310).

Natalia V. Tonkikh, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation.

Contact information: e-mail: tonkihnyv@usue.ru; RSCI SPIN-code: [7756-5209](https://www.rsci.ru/spin/7756-5209); ORCID ID: [0000-0003-2957-7607](https://orcid.org/0000-0003-2957-7607); Web of Science Researcher ID: [0-9705-2018](https://orcid.org/0-9705-2018); Scopus Author ID: [57216647690](https://orcid.org/57216647690).

Acknowledgements and financing

The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation, RSF (project No. [22-18-00614](https://www.rsf.ru/22-18-00614)) «Researching the Impact of Digital Employment on Fertility and Parental Well-Being».

Received on 19.07.2024; accepted for publication on 23.09.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.6)EDN [LBXUNJ](https://www.edn.ru/LBXUNJ)

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН ЕАЭС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Рославцева М. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

Для цитирования: Рославцева, М. В. Брачно-семейные ценности населения стран ЕАЭС: сравнительный анализ // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 99–114. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.6). EDN [LBXUNJ](https://www.edn.ru/LBXUNJ).

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов эмпирического исследования семейных ценностей граждан Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Новизна исследования состоит в изучении ценностных ориентаций на территории ЕАЭС, суть которого заключается в поддержании преимущественно экономических отношений между странами-участниками союза. Актуальность данной темы связана также с тем, что ЕАЭС – молодое, активно развивающееся региональное интеграционное объединение. За последние три десятилетия в странах союза выросло новое поколение людей репродуктивного возраста, семейные установки которых требуют сравнительного анализа. Так, в результате миграционных процессов на евразийском пространстве имеют место межэтнические браки, которые могут быть осложнены различиями в семейных идеалах супругов. Изучение этих установок позволит повысить уровень взаимопонимания относительно построения семьи как на уровне руководства союза для реализации мер поддержки семей, так и среди рядовых граждан, которые планируют создать семью. В ходе исследования были описаны представления населения о различных аспектах семейной жизни. При этом страны были разделены на группы в зависимости от схожести семейных установок и размещены на шкале в последовательности от более традиционных к секулярным семейным установкам. Полученные результаты могут быть использованы для разработки мер поддержки семей, молодежной и демографической политики правительств стран ЕАЭС, поскольку позволяют оценить ориентации населения репродуктивного возраста в рамках планирования семьи. Представленные результаты дают понимание места семьи в системе ценностей населения каждой страны-участницы Евразийского экономического союза. А выводы будут полезны для ученых стран ЕАЭС, занимающихся социологией семьи, социологией морали и демографическими проблемами.

Ключевые слова: ценности, семейные ценности, ориентации, идеал, трудовые мигранты, анкетирование

Введение

Более 70 лет страны, которые сейчас входят в ЕАЭС, были частью одного большого государства – Советского Союза. В те годы идеология стремилась привить не только любовь к Родине, но и уважение к семье и семейным ценностям. Однако с 1991 года страны стали независимыми, и это повлияло на представления людей о важности семьи. Национальная культура и местные традиции играют большую роль в формировании таких взглядов. За прошедшие 30 лет сформировалось новое поколение, которое в модели построения главного социального института для воспроизводства общества имеет иные ориентиры, что приводит к изменению семейно-детных установок будущих родителей. Нынешние люди репродуктивного возраста имеют различные и даже неизвестные ориентиры для формирования семейных ценностей.

Многие философы, социологи и социальные психологи посвящают свои труды проблеме ценностей как ведущих сил, определяющих человеческую жизнь. Проблема ценностей получила свое развитие в XIX веке со становлением социологии

как самостоятельной науки. Стоит отметить, что в теоретических работах семейный аспект раскрывается в меньшей степени, чем ценностные установки в целом.

Изначально идеалы семейной жизни рассматривались преимущественно в контексте философии и социологии права. Это направление получило развитие в немецкой классической философии. В соответствии с теорией И. Канта, «отношение между вступающими в брак – это отношение равенства владения и как лицами, взаимно обладающими друг другом (речь идет только о моногамии), и как имуществом, причем они правомочны – правда, лишь по особому договору – отказаться от пользования какой-либо частью его» [1, с. 191]. По Канту, цель брака не заключается только в рождении и воспитании детей, и если бы это было так, то брак прекращался бы сам собой после того, как репродуктивная функция выполнена. В то же время философ оперирует понятием «чистого» брака, выделяя буржуазную модель семейно-брачных отношений как верную. И. Кант считает, что мужчина должен быть главой семьи, а женщина обязана заниматься кухней, детьми и церковью, рассматривая женщину как «предмет владения». Но Кант видит и свободу в браке, понимая ее как обладание другой личностью с ее согласия, а не против ее воли, исходя из договоренности между партнерами [2, с. 19].

В философии Г. В. Ф. Гегеля представление о семье базируется на идее Аристотеля о том, что семья является исходным пунктом общественного развития. У Гегеля семья представляет собой «природное наличное бытие в форме любви и чувства» [3, с. 59], то есть она предписана самой природой. Философ определяет брак как правовую нравственную любовь, не соглашаясь с пониманием брака как чисто гражданского контракта, которое он обнаружил у Канта: «Брак низводится до формы взаимного соответствующего договору потребления... Так же любовь, будучи чувством, допускает всевозможные случайности – образ, который нравственность не должна иметь» [4, с. 210].

Для определения семьи Гегель выделяет три компонента: образ брака, наличие собственности и имущества семьи и забота об этом, воспитание детей и распад семьи. Первый пункт, а именно образ семьи особенно актуален в рамках изучаемой проблематики. По Гегелю, плоды любви и единство брака проявляются в детях, которые имеют право на получение питания и воспитание. При этом он подчеркивает важную роль социализации детей в семье: «Их воспитание имеет с точки зрения отношений в семье своим позитивным значением то, чтобы нравственность была доведена в них до непосредственного еще свободного от противоположностей чувства, и чтобы душа ребенка прожила в этом чувстве как основе нравственной жизни свою первую жизнь в любви, доверии и послушании» [4, с. 220].

Таким образом, представления о семье в классической философской мысли строились на добровольном обладании объектом своей любви. Результатом этого союза являются дети, которым семья дает кров и пропитание, но прежде всего прививает основы правил поведения.

Теоретико-методологические основы исследования

Классики отечественной социологии также задавались вопросами о сути семьи и ее моральном весе для индивидов. Так, например, П. А. Сорокин излагает свои

мысли касательно положения семьи в небольшой статье «Кризис современной семьи» [5]. Он отмечает, что ранее семья представляла собой как бы «государство в государстве». Теперь же союз супружества и родительства ослабевает по всем фронтам. Об этом свидетельствовали объективные явления в общественной жизни, такие как рост разводов и уменьшение числа браков, увеличение числа внебрачных союзов, распространение проституции, падение рождаемости, эмансипация женщин и разрушение религиозной и государственной опоры в браке. В последних двух проявлениях автор видел скорее причину разрушения семьи. Рассмотрение брака как религиозного таинства приводило к высокой моральной ответственности, что удерживало людей от нарушения данного союза. Наличие в браке детей также приводило к этому – ответственность за судьбу детей останавливала человека от разрушения семьи, а при падении брачной рождаемости такой сдерживающий фактор ослаб. Затем, говоря о снижении роли государства в жизни семьи, Сорокин описывает отмену наказаний за нарушение неприкосновенности семейного единства. К примеру, он указывает на то, что в 1902 г. была окончательно отменена Ст. 994 Уложения о наказании, каравшая за внебрачную связь. Государство и церковь были ключевыми социальными институтами, поддерживавшими семью как путем санкций, так и с помощью моральных установок, транслируемых в общество. Стоит отметить, что позднее он интерпретировал кризис семьи в терминах теории «волнообразного движения культур» [6].

И как результат, мы имеем ослабление родительской опеки над детьми и, следовательно, частичную утрату роли первичной социализации детей в семье. Как пишет ученый, изначальная вседозволенность родителей, и, в частности, отца, сменяется на контроль со стороны государства за сферой воспитания детей. Ограничивается право продавать детей в рабство, применять к ним оскорбления и физические методы воспитания. Однако эти, казалось бы, исключительно положительные изменения, Сорокин расценивает еще и с позиции того, что вмешательство государства в воспитание разрушает семейные узы.

Среди современных отечественных исследователей семьи необходимо назвать А. И. Антонова, В. А. Борисова, А. Б. Синельникова и ряд других представителей кризисной парадигмы. Например, социолог Антонов, убежден в том, что вне зависимости от внешних условий индивид при построении семейных отношений будет ориентироваться именно на свои внутренние установки и ценности. Что, по мнению Антонова, является причиной того, почему многие финансовые меры поддержки молодых семей неспособны кардинально изменить демографическую ситуацию. Они лишь помогают реализовать ту потребность, которая изначально есть у индивида, но не меняют его систему ценностей кардинально.

Объясняя изменение репродуктивных установок, ученый утверждает, что психологические факторы могут стимулировать только к малодетности или к рождению одного ребенка. Причина в том, что для реализации установок на родительство достаточно иметь одного ребенка. В этом, с точки зрения Антонова, кроется причина ослабления потребности семьи в детях, так как мотив рождения детей сместился с экономического на психологический [7].

Модернистская парадигма в отечественной социологии семьи занимает иную точку зрения относительно трансформации института семьи. Демограф и экономист А. Г. Вишневский признает, что резкое падение рождаемости является следствием снижения смертности. Эти изменения приводят к тому, что прежние ценности и нормы, регулирующие рождаемость и иные демографические процессы, становятся неактуальными. Они отмирают и на их место со временем приходят новые регуляторы семьи и детности [8]. Семейные ценности неразрывно связаны с индивидуальными установками людей. Также на реализацию семейных ценностей оказывает влияние «шкала ценностей».

Вишневский отмечает, что традиционные семейные ценности представляют собой целый комплекс идеалов: прочность брака, экономическая безопасность, супружеская любовь, сексуальное удовлетворение, рождение и воспитание детей, согласие в семье. Но сейчас ценности более дифференцированы, и человек сталкивается с выбором. Он должен ориентироваться во всевозможных вариантах удовлетворения своих потребностей исходя из личных ценностных установок.

В рамках анализа ценностных установок относительно семьи мы также воспользуемся терминологией Р. Инглхарта, так как его работы содержат подробное описание различий между традиционными и секулярными ценностями, в частности в вопросах семьи. О первой группе ученый писал: «...в рамках традиционных культур резко осуждается любое поведение, воспринимаемое как угроза воспроизводству и воспитанию детей в семье, например, гомосексуализм, развод и аборт» [9, с. 20]. В то же время секулярные ценности в вопросах семьи имеют иной характер: «Сегодня, хотя роль семьи по-прежнему значительна, благодаря «государству всеобщего благосостояния» взаимопомощь между родителями и детьми уже не является вопросом жизни и смерти. Сегодня семейные отношения поддерживаются по доброй воле, а не по необходимости. В нынешних условиях бездетная старость и неполные семьи уже не считаются такой трагедией, как в прошлом» [9, с. 52]. Результатом смены традиционной парадигмы семьи, основанной на выживании, на секулярную, основанную на добровольном выборе, является раскрытие вариативности норм семейного поведения, а значит и видов семей.

Понимание традиционных ценностей в различных регионах отличается, что имеет важное значение для сравнения семейных ценностей у населения стран ЕАЭС. Один из представителей цивилизационного подхода в социологии, Й. Терборн в своей работе «Мир: Руководство для начинающих» выделяет несколько систем «семья – пол – гендер» в зависимости от их принадлежности к пяти мировым цивилизациями [10]. Эти системы в рамках цивилизаций «могут рассматриваться как их центральный элемент, зачастую самый продолжительный и устойчивый» [10, с. 50]. В рамках данного исследования среди моделей семьи у Й. Терборна нас в первую очередь интересуют исламская западноазиатская и христианско-европейская модели, так как они распространены в изучаемом регионе.

Исламская модель семьи имеет распространение в западноазиатском и североафриканском регионах. Здесь, как и следует из названия, нормы ислама диктуют правила семейного образа жизни. Причем зафиксированы эти нормы достаточно четко и детально. В данной семейной модели практикуется мужское опекунство

над детьми в связи с патрилинейной принадлежностью детей, неограниченная полигиния, а также развод по одностороннему волеизъявлению мужа. С одной стороны, в этой модели очевидно привилегированное положение мужчины, но женщины также имеют свои зафиксированные права. Здесь права собственности у женщин и особый правовой статус жены были закреплены значительно раньше, чем в христианской семейной модели Европы. В исламской семье предусмотрено право дочерей на наследство, которое составляет половину наследства сыновей. В настоящее время эта модель семьи, как отмечает ученый, переживает изменения: полигамия становится все менее популярной из-за необходимости содержать всех жен и получить документально подтвержденное согласие первой жены на последующие браки. Несмотря на то, что в случае развода дети все еще остаются с отцами, частота распада исламских семей сократилась, и практика отцовского опекуинства стала менее распространенной.

Вторая модель семьи – христианско-европейская. Этот тип Терборн описывает как билатеральный, то есть, в нем материнская и отцовская семьи имеют одинаковую важность во внутрисемейном взаимодействии. Еще одной отличительной чертой христианской модели является свобода в выборе партнера, ведь брак рассматривается как личный и добровольный акт волеизъявления со стороны обоих супругов. Из этой же добровольности вытекает идея необязательности вступления в брак как таковой. Что на практике выражалось смещением брачного возраста на несколько лет по сравнению с восточными странами. В то же время, несмотря на лояльное отношение к браку, христианство отрицательно оценивало сексуальность. Акцент при рождении детей делался на законность их происхождения именно в браке, другими словами, сексуальная жизнь считалась легитимизированной только в брачных отношениях. При вступлении в брак допускалась как патрилокальная, так и неолокальная модель семьи, то есть четкой традиции по смене места жительства в данной модели не наблюдается.

На основе рассмотренных теоретических авторских подходов можно дать следующее концептуальное понятие: семейные ценности – это комплекс, отражающий идеалы, связанные с семьей, и являющийся обязательным для всех типов обществ во все исторические периоды. Так как мы рассматриваем семейные ценности с точки зрения социологии, то более уместным является понятие «социального идеала». Социальный идеал – это представление о совершенном состоянии социальных объектов, отражающее наиболее значимые ценности данной культуры, являющиеся критерием оценки реальности и ориентиром деятельности индивида, социальных групп, классов, общества¹.

Таким образом, можно сформулировать следующее содержательное определение: семейные ценности – это совокупность представлений о совершенном состоянии семейной жизни, включающих в себя прочность брака, экономическую безопасность, супружескую любовь, сексуальное удовлетворение, рождение и воспитание детей, согласие в семье и т. д. Этот комплекс отражает наиболее значимые

¹ Энциклопедия социологии // Академик : [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1133/ИДЕАЛ> (дата обращения: 01.10.2024).

ценности данной культуры, являющиеся критерием оценки реальности и ориентиром деятельности совокупности индивидов, состоящих, по меньшей мере, в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения или свойства, как социальной группы.

Методология

Для дальнейшего исследования нам необходимо провести операционализацию основных понятий. Рассмотрим понятия, представляющие собой содержание семейных ценностей.

Рождение и воспитание детей – одна из основных и специфических функций семьи, выражающаяся в установках на определенное количество детей и их фактической реализации. Прочность брака – мера преобладания факторов, удерживающих супругов в браке, над факторами, разрушающими его. Согласие в семье представляет собой аспект прочного брака и в сути своей содержит единство во мнениях между членами семьи по жизненно важным и повседневным проблемам. Супружеская любовь выступает в качестве элемента прочного брака: это сознательно сделанный выбор, заключающийся в принесении себя в дар другой личности, принимая ее такой, какова она есть, с целью создания семьи. Экономическая безопасность представляет собой защищенность имущества, прожиточного минимума и иных элементов материального и морального благополучия человека и его семьи.

Дефиницию понятия «сексуальное удовлетворение», в связи с отсутствием единого подхода, выявить достаточно проблематично. З. Фрейд определяет удовлетворение как то, что удовлетворяет раздражение влечения². Под удовлетворением также понимают чувство, при котором его носитель доволен тем, как реализовались его стремления, желания или потребности³. Исходя из сказанного, можно сформулировать следующее определение понятия «сексуальное удовлетворение»: это субъективное чувство людей, исполнивших свою потребность, выраженную в сексуальном влечении. Рождение и воспитание детей – совместное и добровольное желание иметь детей и целенаправленное воздействие на ребенка, которое формирует его личность и поведение, в соответствии с пониманием данного термина самими родителями

Приоритет тех или иных аспектов семейной жизни свидетельствует о предпочтении определенной семейной модели в ценностных ориентациях респондента. На основе приведенных понятий можно выделить следующие переменные (табл. 1).

Кроме того, проблемой получения эмпирического материала является получение доступа к респондентам. Граждане стран ЕАЭС массово представлены в московской агломерации в статусе трудовых мигрантов, что позволяет получить доступ к искомому эмпирическому объекту с меньшими затратами. Представители мигрантских сообществ проживают в Москве весьма изолированно и способны сохранить свою национальную идентичность [11], а значит и семейные ценности с их страновой спецификой. Следовательно, эмпирическим объектом будут выступать

² Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск : Харвест, 1997. 798 с.

³ Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Азъ, 1994. 907 с.

граждане России, проживающие в г. Москве, а также мигранты из Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана.

Таблица 1

Операционализация понятий, составляющих семейные ценности

Table 1

Operationalization of concepts that make up family values

Свойства семейных ценностей	Переменные
Рождение и воспитание детей	количество детей у супружеской пары ожидаемое число детей желаемое число детей идеальное число детей
Прочность брака	самооценка семейных отношений согласие по распределению ролей и обязанностей в семье сохранение верности партнеру удовлетворенность супругов интимной жизнью наличие семейных традиций
Экономическая безопасность	наличие достаточного для поддержания достойного уровня жизни дохода удовлетворенность уровнем дохода в семье удовлетворенность жилищными условиями

Источник: составлено автором

Инструментарий исследования представлен анкетой с рядом блоков. Перво-степенным будут вопросы о гражданстве и этнической принадлежности респон-дента, так как они представляют собой фильтрующие переменные. Основной блок анкеты будет содержать вопросы, раскрывающие приоритеты опрошенного в отно-шении выделенных выше переменных как составляющих семейной жизни. Заклю-чительный блок уточняет сведения о респонденте, а именно о его религиозной при-надлежности, семейном положении, половой принадлежности и возрасте.

Результаты

Эмпирическое исследование граждан ЕАЭС, находящихся в г. Москве, было проведено в период с декабря 2023 по март 2024 г. Общая выборочная совокупность в исследовании составила 793 человека (табл. 2).

Таблица 2

Выборочная совокупность авторского эмпирического исследования по гражданству

Table 2

Sample set of the author's empirical study on citizenship

Гражданство	Респонденты (человек)	Доля респондентов (%)
Армения	180	22,7
Казахстан	119	15,0
Кыргызстан	188	23,7
Беларусь	123	15,5
Россия	183	23,1
Всего	793	100,0

Источник: составлено автором по результатам опроса

Такое количество опрошенных позволит описать частотные распределения на ответы о ценностных приоритетах относительно семьи, выявить корреляции и провести межстрановое сравнение на основании гражданства респондента. Фактическая выборочная совокупность полевого этапа исследования представлена в табл. 2.

Распределение по полу в выборке равно 52,5% мужчин и 47,5% женщин. Выборка представлена в большинстве своем молодежью от 18 до 39 лет, эти возрастные группы составили 81% от выборки. Большинство опрошенных имеет среднее специальное или высшее образование на уровне бакалавриата или специалитета (67,5%).

Прежде всего, нас интересует место, которое семья занимает в ценностной иерархии опрошенных. Респондентам задавался вопрос с возможностью выбора до трех вариантов ответа: «Что важно для Вас лично?». Чаще всего респонденты выбрали «Крепкая семья, хорошие дети» (19,4% от ответов), иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты (12,1%) и уверенность в завтрашнем дне, наличие благоприятных перспектив (11,2%). При анализе парных распределений межстрановые различия оказались незначительными (см. табл. 3). На важность семьи чуть реже указывают граждане Казахстана (14,0%) и Беларуси (17,8%), а для граждан России и Беларуси более актуальными оказались вопросы мира и уверенности в завтрашнем дне (табл. 3).

Таблица 3

Жизненные приоритеты опрошенных в зависимости от гражданства (%)

Table 3

Life priorities of respondents depending on their citizenship (%)

Важно для респондента лично	Гражданином какой страны Вы являетесь?				
	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Беларусь	Россия
Быть богатым человеком	7,2	13,1	9,1	10,7	6,1
Иметь интересную работу	13,1	13,1	11,7	11,3	11,3
Добиться уважения со стороны окружающих	6,3	9,8	9,3	3,7	6,3
Построить карьеру	10,6	12,5	11,7	10,5	7,0
Добиться власти	4,5	5,4	3,9	1,4	3,5
Крепкая семья, дети	20,0	14,0	20,6	17,8	22,1
Уверенность в завтрашнем дне	10,8	7,1	11,3	12,1	13,7
Гражданские права и свободы	6,7	6,3	6,6	7,9	7,2
Религия	5,7	4,5	5,2	2,3	4,3
Жить в мире	8,4	7,1	7,2	16,4	9,8
Жить в экологически чистой среде	3,3	4,8	1,4	2,8	2,9
Жить по правде, совести, справедливости	3,3	2,4	2,1	3,1	5,9

Источник: составлено автором по результатам опроса

Ценностные приоритеты помогает выявить самоидентификацию респондентов. Участникам опроса был задан вопрос «Кем Вы ощущаете себя в первую очередь?». Как правило, респонденты считают себя гражданами своей страны (35,9%), представителями своей этнической группы (16,4%) и затем уже членами своей семьи (13,4%). В данном случае наблюдается любопытное противоречие: респонденты чаще всего считают свою семью одной из важнейших вещей в жизни, но она при самоидентификации не выходит на первое место. Однако в этом вопросе наблюда-

ются заметные межстрановые отличия (см. табл. 4). Так, для россиян оказалась значительно более важной их гражданская идентичность, в то время как граждане других стран союза чаще говорят о важности своей этнической принадлежности. Наиболее часто это отмечают армяне (25,6%), они же чаще других обращают внимание на свою принадлежность к религии (21,7%). Среди тех, кто ответил, что в первую очередь считает себя членом своей семьи, есть отличия по гражданству: зачастую об этом говорят граждане Казахстана (18,4%), а реже – россияне (10,4%) (табл. 4).

Таблица 4

Самоидентификация опрошенных в зависимости от гражданства (%)

Table 4

Self-identification of respondents depending on their citizenship (%)

Кем Вы ощущаете себя в первую очередь	Гражданином какой страны Вы являетесь?				
	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Беларусь	Россия
Гражданином своей страны	21,7	26,9	26,6	39,0	63,4
Представителем своей национальности/этнической группы/народа	25,6	16,8	16,5	17,9	6,0
Представителем своей религии	21,7	5,0	14,9	2,4	2,2
Жителем города/региона, в котором родились	6,7	5,9	5,9	7,3	7,1
Жителем города/региона, в котором живете в России	10,0	14,3	9,0	5,7	2,7
Гражданином ЕАЭС	1,1	3,4	,5	3,3	,5
Гражданином мира	1,7	9,2	10,6	9,8	7,1
Членом своей семьи	11,1	18,5	14,9	13,8	10,4
Членом организации, в которой работаете	0,0	0,0	0,5	0,8	0,0
Другое	0,6	0,0	0,5	0,0	0,0

Источник: составлено автором по результатам опроса

Одним из аспектов семейной жизни являются семейные традиции, важность которых мы уточнили у респондентов. Большинство опрошенных (почти 66%) заявили о том, что семейные традиции для них очень важны. В то же время здесь были обнаружены заметные межстрановые отличия. Так, с абсолютной важностью семейных традиций наименее согласны представители Беларуси, Армении и Казахстана. Россияне и кыргызы указывают на большую важность семейных традиций – более 75% граждан этих стран отмечают, что семейные традиции для них крайне важны (табл. 5).

Таблица 5

Степень важности семейных традиций в зависимости от гражданства (%)

Table 5

Importance of family traditions depending on citizenship (%)

Насколько для Вас важны семейные традиции и обычаи?	Гражданином какой страны Вы являетесь?				
	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Беларусь	Россия
Очень важны	56,7	55,5	75,0	56,9	77,6
Скорее важны	30,0	28,6	19,1	38,2	20,2
Скорее не важны	9,4	13,4	2,7	3,3	1,1
Не важны	1,7	1,7	,5	1,6	,5
Затрудняюсь ответить	2,2	,8	2,7	0,0	,5

Источник: составлено автором по результатам опроса

Одним из ключевых оказывается следующий вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением, что создание своей семьи является для Вас главной жизненной целью/достижением?». Среди всех опрошенных граждан ЕАЭС почти одинаковое количество ответивших полностью (39,3%) или частично (35,4%) согласились с этим высказыванием. При межстрановом сравнении ответов на этот вопрос наблюдаются определенные различия. Большее согласие с ключевой ролью семьи в их жизни выражают россияне и кыргызы (51,9% и 46,8% выразили полное согласие). Менее семейноцентристскую позицию занимают граждане Казахстана, затем Армении и Беларуси. При добавлении распределения по полу также было обнаружено то, что мужчины с гражданством Кыргызстана чаще всецело соглашались с тем, что создание семьи – их главная жизненная цель. Для граждан других стран гендерных различий в ответах обнаружено не было (табл. 6).

Таблица 6

**Степень согласия с тем, что семья является главной жизненной целью
в зависимости от гражданства (%)**

Table 6

**The degree of agreement that the family is the main goal of life, depending
on citizenship (%)**

Создание своей семьи является для Вас главной жизненной целью/достижением?	Гражданином какой страны Вы являетесь?				
	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Беларусь	Россия
Да, полностью согласен	30,6	27,7	46,8	33,3	51,9
Скорее да, чем нет	40,6	41,2	31,9	35,8	30,1
Скорее нет, чем да	13,3	18,5	12,2	20,3	10,4
Полностью не согласен	7,8	5,0	1,6	7,3	5,5
Затрудняюсь ответить	7,8	7,6	7,4	3,3	2,2

Источник: составлено автором по результатам опроса

Немаловажный аспект семейных ценностей – установка на определенное количество детей. Опрошенные граждане ЕАЭС в идеальной ситуации чаще всего хотели бы иметь двоих детей (36,9%), чуть меньший процент (21,6%) – троих, а одного ребенка – 17,3% участников опроса. Здесь также можно наблюдать различие в ответах в зависимости от гражданства. Так, казахи и россияне чаще других говорят о том, что хотели бы иметь одного ребенка. При этом среди казахов 10,1% не хотели бы вообще иметь детей. Наиболее позитивную установку на многодетность имеют граждане Кыргызстана и Армении: более трех детей в этих странах хотят иметь 18,1% и 12,2% соответственно, против 7,7% и 5,0% представителей Казахстана и России (табл. 7).

Таблица 7

Идеальное число детей для респондентов в зависимости от гражданства (%)

Table 7

Ideal number of children for respondents, depending on citizenship (%)

Если представить идеальную ситуацию, сколько детей Вы хотели бы иметь в течение Вашей жизни?	Гражданином какой страны Вы являетесь?				
	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Беларусь	Россия
Не хотел(а) бы заводить детей	3,9	10,1	5,3	5,7	3,8
Одного ребенка	15,0	21,8	11,7	13,0	25,1

Если представить идеальную ситуацию, сколько детей Вы хотели бы иметь в течение Вашей жизни?	Гражданином какой страны Вы являетесь?				
	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Беларусь	Россия
Двух детей	36,7	37,0	31,4	44,7	37,7
Трех детей	22,2	11,8	25,0	22,0	23,5
Более трех детей	12,2	5,0	18,1	8,1	7,7
Затрудняюсь ответить	10,0	14,3	8,5	6,5	2,2

Источник: составлено автором

Семейные ценности обуславливают и то, какую модель отношений и принятия решений в семье хотели бы видеть респонденты. Чаще всего опрошенные граждане ЕАЭС считают своей идеальной семейной моделью равенство супругов во всех ключевых вопросах (46,7%) или главенствующую роль мужчины в семье (36,9%). Желаемая модель семейных отношений различается по странам. Так, граждане Казахстана и Кыргызстана в 10% случаев признают верной модель, когда главой семьи является кто-то из представителей старшего поколения, в 8,3% случаев данную модель принимают граждане Армении. В то же время для граждан России и Беларуси такая концепция семьи является желаемой крайне редко. Для представителей Беларуси (30,1%) и России (36,6%) патриархальная модель семьи также менее приоритетна. Граждане Казахстана и Армении в данном случае занимают промежуточное положение – 39,5% и 41,1% соответственно выступают за главенствующую роль мужчины в семье. Представителям Кыргызстана такая модель импонирует более всего – ее выбрали 47,3% опрошенных. Небезынтересно, что 10,6% армян выступили за главенство в семье женщины, хотя для других стран эта модель оказалась в наименьшем приоритете. Если говорить о модели равенства в семейных отношениях, то ей заметно чаще других отдадут предпочтение белорусы (60,2%), затем россияне (54,6%) и казахи (почти 48%) (табл. 8).

Таблица 8

Предпочитаемая модель семейных отношений в зависимости от гражданства (%)

Table 8

Preferred model of family relations depending on citizenship (%)

Форма отношений внутри семьи	Гражданином какой страны Вы являетесь?				
	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Беларусь	Россия
Глава семьи – кто-то из старшего поколения	8,3	10,1	10,6	4,1	4,4
Когда муж является главой семьи	41,1	39,5	47,3	30,1	36,6
Когда жена является главой семьи	10,6	2,5	5,9	4,9	3,8
Когда супруги равны	39,4	47,9	36,2	60,2	54,6
Другое	0,6	0,0	0,0	0,8	0,5

Источник: составлено автором

Как мы отмечали выше, семейная жизнь является многоаспектной ценностью, о которой каждый человек имеет свои идеальные представления. Следовательно, нам необходимо выяснить, каков набор этих идеалов семейной жизни у представителей каждой страны. Респондентам был задан вопрос: «Насколько важным Вы считаете в семье следующие вещи?» с возможностью множественного выбора. Для граждан ЕАЭС в приоритете оказались те аспекты семейной жизни, которые имели в своей формулировке взаимность: взаимная любовь (21,9%), взаимное уважение

(18,9%) и взаимная поддержка супругов (15,3%). При этом существенных межнациональных различий обнаружено не было. Для белорусов оказалась чуть важнее взаимная любовь: 28% против 19% у армян. Вдобавок с гражданами Беларуси получается интересный парадокс: они чаще остальных выбирали равенство партнеров как желаемую модель семейных отношений, однако равенство партнеров меньше всего является важным в семье именно для белорусов. В остальных случаях различия между странами в выборе вариантов ответа составляет менее 5% (табл. 9).

Таблица 9

Важные аспекты в семейной жизни в зависимости от гражданства (%)

Table 9

Important aspects of family life by nationality (%)

Важное в семье	Гражданином какой страны Вы являетесь?				
	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Беларусь	Россия
Взаимная любовь	19,0	21,5	19,7	28,1	22,7
Согласие супругов по всем ключевым вопросам	9,5	11,5	10,7	7,2	9,3
Взаимная поддержка супругов	14,7	13,0	14,2	16,6	17,7
Взаимное уважение	19,0	17,0	18,3	20,3	19,6
Равноправие супругов в решении вопросов	11,2	8,2	7,4	5,4	8,5
Независимость супругов друг от друга	4,5	7,3	4,1	2,3	2,9
Взаимное удовлетворение сексуальной жизнью супругов	8,2	7,3	5,8	4,6	5,2
Сохранение верности партнеру	10,3	9,4	11,7	10,0	8,9
Наличие семейных традиций	3,7	4,8	8,0	4,6	5,0

Источник: составлено автором

В заключение был задан вопрос об отношении респондентов к межнациональным бракам, так как ответ на этот вопрос не только демонстрирует определенные принципы в отношении построения семьи, но и показывает, насколько актуален интеграционный потенциал подобного взаимодействия среди граждан ЕАЭС. Стоит отметить, что явно преобладающего мнения о допустимости для себя лично межнациональных браков среди граждан союза нет. Примерно 30,5% опрошенных допускают для себя вступление в такой союз, 25,5% скорее допускают, по 15% ответили «скорее нет» и утвердительное «нет», а 13,5% с ответом затруднились (табл. 10).

Таблица 10

Оценка возможности вступления в межнациональный брак в зависимости от гражданства (%)

Table 10

Assessment of the possibility of entering interethnic marriage depending on citizenship (%)

Возможность вступления в межнациональный брак	Гражданином какой страны Вы являетесь?				
	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Беларусь	Россия
Да	24,4	41,2	32,4	35,8	23,5
Скорее да	29,4	26,1	30,9	26,0	15,3
Скорее нет	19,4	17,6	14,4	12,2	12,0
Нет	11,1	7,6	10,1	8,1	35,5
Затрудняюсь ответить	15,6	7,6	12,2	17,9	13,7

Источник: составлено автором

Это означает, что среди опрошенных в целом преобладает положительное или нейтральное отношение к межэтническим бракам, но в то же время доля тех, кто его считает недопустимым для себя, остается значительной. Если говорить о межстрановом сравнении, то тут наблюдаются любопытные расхождения в процентах. Доля не допускающих межэтнический брак выше всего в России и составляет почти половину от участников опроса (сумма ответов «скорее нет» и «нет» составляет 47%). Наиболее либеральную позицию по данному вопросу занимает Казахстан: среди граждан этой страны ответили «да» 41,2%, также на казахов меньше всего приходится ответов «скорее нет» и «нет».

Заключение

Настоящее исследование проводилось на основе теоретического анализа и позиции, согласно которой семейные ценности представляют собой комплекс, отражающий идеал семьи и являющийся обязательным для всех обществ. Сформулированное определение семейных ценностей позволило разложить это понятие на составные части и произвести «перенос» такого сложного и многогранного явления в анкетную форму с целью получения сопоставимых данных.

Эмпирические данные показывают общую схожесть ценностных ориентаций в странах ЕАЭС, но по ряду положений имеются различия. Наибольшие расхождения в ответах граждан стран союза наблюдаются в ответах на вопросы самоидентификации и допустимости межэтнических браков. Основополагающие взгляды на семью, такие как ее ключевое место в жизни человека, распределение ролей в семье, количество детей и наиболее важные аспекты семейных отношений, чаще совпадают у представителей стран, входящих в ЕАЭС. Граждане союза представляют свою идеальную семью так: главенство мужчины, двое детей, взаимная любовь и уважение в семье. Что может свидетельствовать о некоторой схожести культурных основ и общем историческом прошлом исследуемых стран.

Если располагать страны в порядке от традиционных установок к более секулярным, то мы можем вывести следующую шкалу: Россия, Армения, Кыргызстан, Казахстан, Беларусь. В настоящее время страны Евразийского экономического союза образуют группы или блоки в зависимости от семейных ценностей. Группы могут варьироваться исходя из рассматриваемого аспекта, но их состав более-менее постоянен: Россия, Армения и Кыргызстан образуют своего рода традиционное «крыло», а Казахстан и Беларусь в представленном исследовании демонстрируют наиболее секулярную позицию. Граждане в большей степени традиционалистски ориентированных стран чаще говорят о желании иметь трех или более детей и о необходимости наличия главы семьи в лице мужа или кого-то из представителей старшего поколения. Напротив, в ответах казахов и белорусов чаще звучат мнения о стремлении к нуклеарной семье с акцентом на равенство.

Анализируя результаты исследования, можно отметить противоречия, которые могут послужить предметом для дискуссии. Автор предполагал, что территориальная близость стран будет напрямую влиять на схожесть их семейных установок. Однако граждане Казахстана, несмотря на свою территориальную близость с Кыргызстаном, придерживаются более секулярных взглядов. Общепринятым счита-

ется факт демографического кризиса в России в виде падения рождаемости и брачности, а также роста разводимости. В то же время Россия и Кыргызстан занимают более традиционалистскую позицию в проведенном исследовании. Возможно, причиной выраженной семьецентристской позиции россиян является активно проводимая идеологическая политика по актуализации семейной тематики в общественном сознании.

Список литературы

1. Кант, И. Метафизика нравов. Соч. в 6 т. Т. 4, Ч. 2., 1963–1966. Москва : Мысль, 1965. 477 с.
2. Судаков, А. К. Трехединый союз: семейное право Фихте на фоне кантовской практической философии (II) // Кантовский сборник. 2015. № 4. С. 17–33. DOI [10.5922/0207-6918-2015-4-2](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2015-4-2). EDN [VIGQCV](https://elibrary.ru/vigqcv).
3. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения ; под ред. А. Деборина и Д. Рязанова. Ленинград : Гос. изд-во, 1934. 380 с.
4. Гегель, Г. В. Ф. Философия права : [Пер. с нем.]. Москва : Мысль, 1990. 524 с. ISBN 5-244-00384-4.
5. Сорокин, П. А. Кризис современной семьи: социологический очерк // Вестник МГУ. Серия 18: Социология и политология. 1997. № 3. С. 65–79.
6. Сорокин, П. А. Письмо В. Н. Фигнер от 1.02.1920 г. // Социологос. 1991. № 1. С. 467–468.
7. Антонов, А. И. Вариативность линий репродуктивного поведения и типов репродуктивного цикла / А. И. Антонов, В. М. Карпова // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 73–87. DOI [10.31857/S0132162524040079](https://doi.org/10.31857/S0132162524040079). EDN [UGLLTF](https://elibrary.ru/uglltf).
8. Вишневский, А. Г. Демографическая история и демографическая теория : курс лекций. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 368 с. ISBN 978-5-7 598-1706-2.
9. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. М. Вельцель. Москва : Новое издательство, 2011. 462 с. ISBN 978-5-98379-144-2.
10. Терборн, Й. Мир: Руководство для начинающих ; пер. с англ. Е. М. Горбуновой, Л. Г. Титаренко. 2-е изд. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 333 с. ISBN 978-5-7598-1523-5.
11. Осадчая, Г. И. Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты: [монография] / Г. И. Осадчая, Ш. И. Алиев, М. Л. Варганова [и др.]. Москва : Издательство Экон-Информ, 2023. 323 с. ISBN 978-5-907681-36-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023). EDN [DBAGTR](https://elibrary.ru/dbagtr).

Сведения об авторе

Рославцева Мария Васильевна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-3947-1793](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793); ПИНЦ SPIN-код: [3221-1093](https://elibrary.ru/3221-1093); Web of Science Researcher ID: [AAE-1252-2022](https://orcid.org/AAE-1252-2022).

Статья поступила в редакцию 09.10.2024; принята в печать 01.12.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MATRIMONY AND FAMILY VALUES IN THE EAEU COUNTRIES: A COMPARATIVE ANALYSIS

Maria V. Roslavtseva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

For citation: Roslavtseva, Maria V. *Marriage and Family Values of the Population of the EAEU Countries: A Comparative Analysis*. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 99–114. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.6).

Abstract. The article is devoted to the analysis of the results of an empirical study of family values of citizens of the Eurasian Economic Union. The novelty of the study lies in the study of value orientations in the territory that is currently connected by economic relations. The relevance of this topic is also related to the fact that the EAEU is a young, actively developing union. Over the past three decades, a new generation of people of reproductive age has grown up in the countries of the Union, whose family attitudes require comparative study. Thus, because of migration processes in the Eurasian space, interethnic marriages occur, which can be complicated by differences in the family ideals of the spouses. The study of these attitudes will increase the level of mutual understanding regarding family building both at the level of management for implementing measures to support families, and among ordinary citizens who are planning a family. The study describes the population's perceptions of various aspects of family life. Also, countries were divided into groups based on the similarity of family attitudes and placed on the scale in a sequence from more traditional to secular family attitudes. The results obtained can be used to develop measures to support families, youth, and demographic policies of the governments of the EAEU countries, as they allow us to assess the orientation of the population of reproductive age in the framework of family planning. The presented results provide an understanding of the place of the family in the system of values of the population of each EAEU member state. These conclusions will be useful for scientists of the Eurasian Economic Union countries involved in the sociology of the family, the sociology of morals, and demography.

Keywords: values, family values, orientations, ideal, migrant workers, questionnaire

References

1. Kant, I. *Metafizika нравов [Metaphysics of morals]*. Essays in 6 Vol. Vol. 4, Part 2. 1963–1966. Moscow : Mysl' Publ., 1965. 477 p. (In Russ.).
2. Sudakov, A. K. A Triune Community: Fichte's Family Law Against the Background of Kant's Practical Philosophy (II). *Kantovskiy sbornik [Kant's collection]*. 2015. No. 4. Pp. 17–33. DOI [10.5922/0207-6918-2015-4-2](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2015-4-2).
3. Gegel, G. V. F. *Sochineniya [Essays]* ; ed. by A. Deborin and D. Ryazanov. Leningrad : State Publ., 1934. 380 p. (In Russ.).
4. Gegel, G. V. F. *Filosofiya prava [Philosophy of Law]* : transl. from German. Moscow : Mysl' Publ., 1990. 524 p. (In Russ.).
5. Sorokin, P. A. Krizis sovremennoy sem'i: sotsiologicheskii ocherk [The crisis of the modern family: a sociological essay]. *Moscow State University Bulletin. Series 18. and Political Science*. 1997. No. 3. Pp. 65–79. (In Russ.).
6. Sorokin, P. A. Pis'mo V. N. Figner ot 1.02.1920 g. [Letter to V. N. Figner dated 1.02.1920]. *Sociologos*. 1991. No. 1. Pp. 467–468. (In Russ.).
7. Antonov, A. I. Variation of Reproductive Behavior Lines and Reproductive Cycle Types / A. I. Antonov, V. M. Karpova. *Sociological Studies* 2024. No. 4. Pp. 73–87. DOI [10.31857/S0132162524040079](https://doi.org/10.31857/S0132162524040079). (In Russ.).
8. Vishnevskiy, A. G. *Demographic History and Demographic Theory [Text]: Course of lectures*. Moscow : HSE Publ. House, 2019. 368 p. ISBN 978-5-7 598-1706-2. (In Russ.).
9. Inglehart, R. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence* / R. Inglehart, K. Welzel. Moscow : New Publishing House, 2011. 462 p. ISBN 978-5-98379-144-2. (In Russ.).

10. Terborn, G. *The World. A Beginner's Guide*. Transl. from English by E. M. Gorbunova, L. G. Titarenko. Moscow : HSE Publ. House, 2017. 333 p. ISBN 978-5-7598-1523-5. (In Russ.).

11. Osadchaya, G. I. *Migratsiya iz Rossii v Kyrgyzstan: demograficheskiye i sotsiologicheskiye aspekty* [Migration from Russia to Kyrgyzstan: demographic and sociological aspects]: [monograph] / G. I. Osadchaya, Sh. I. Aliyev, M. L. Vartanova [et al.]. Moscow : Econ-Inform Publ., 2023. 323 p. DOI [10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023). ISBN 978-5-907681-36-1. (In Russ.).

Bio note

Maria V. Roslavl'tseva, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: maria.roslavl'tseva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-3947-1793](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793); RSCI SPIN code: [3221-1093](https://www.scirp.com/spin-code.asp?spin-code=3221-1093); Web of Science Researcher ID: [AAE-1252-2022](https://orcid.org/AAE-1252-2022).

Received on 09.10.2024; accepted for publication on 01.12.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.7)EDN [JWTYXE](https://www.edn.ru/JWTYXE)

ДЕТЕРМИНАНТЫ АБОРТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Алехин Б. И.

E-mail: b.i.alekhin@gmail.com

Для цитирования: Алехин, Б. И. Детерминанты abortивного поведения населения российских регионов // ДЕМИС. 2024. Т. 4, № 4. С. 115–138. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.7). EDN [JWTYXE](https://www.edn.ru/JWTYXE).

Аннотация. Искусственный аборт остается среди основных методов регулирования рождаемости. Этот метод, именуемый «абортивным (абортным) поведением», – одна из причин низкой рождаемости в России в конце XX в. и первой четверти XX в. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью, во-первых, постоянного фокусирования публичного дискурса на абортивном поведении как на угрозе демографической безопасности России и, во-вторых, поиска резервов демографического развития России в условиях сокращения численности женского населения репродуктивного возраста. Написанная экономистом данная статья посвящена детерминантам (определяющим факторам) уровня абортов в России и ее регионах. Для эконометрической проверки авторских предположений о детерминантах из официальной статистики сформирована панель по 82 регионам за 2000–2022 гг. Некоторые детерминанты оказались нестационарными. Для проверки идеи о наличии долгосрочной, равновесной связи между нестационарным коэффициентом абортов (числом абортов на 1000 женщин 15–49 лет) и нестационарными детерминантами задействован коинтеграционный анализ. Результатом является коинтегрирующее уравнение коэффициента абортов, которое показало, что консерваторами, если не катализаторами, уровня абортов были рост доли населения с образованием ниже высшего и (в меньшей степени) рост числа заболеваний основными классами болезней, а ингибитором – рост общей жилой площади на 1 жителя. Среди отобранных автором детерминантов есть стационарные. Превратив коэффициент абортов в стационарную переменную путем взятия первой разности, автор регрессировал его по этим детерминантам, чтобы выявить краткосрочную связь между ними. Наибольший краткосрочный эффект имели подушечные потребительские расходы. С их ростом коэффициент абортов снижался. Среднедушевые денежные доходы, объем платных услуг населению, доля населения с денежными доходами ниже границы бедности и доля алкоголя в потребительских расходах оказались стимуляторами абортивного поведения в краткосрочном плане.

Ключевые слова: абортивное поведение, абортное поведение, искусственный аборт, детерминанты, регион, Россия

Введение

Россия долгие годы сохраняет непривлекательный статус одного из лидеров по распространению искусственных абортов. В Европе и Северной Америке она оказалась на первом месте с 46 абортами на 1000 женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) в среднем за 2015–2019 гг. против пяти абортов у замыкающей этот список Швейцарии. В других регионах мира есть много стран, где уровень абортов намного выше российского. Например, в Субсахарской Африке число абортов менялось в этот период от 49 в Нигере до 145 в Уганде [1]. То, что у России на три аборта меньше, чем у Нигера, приводит лишь в уныние.

Искусственный аборт остается основным методом регулирования рождаемости и в России тоже. «Исторически российские женщины мало используют современные методы контрацепции, чаще прибегая к аборту как основному методу регулирования рождаемости... Планирование беременности влияет на ее исход. 92% беременностей, закончившихся абортом, являлись либо несвоевременными (31%), либо нежелательными (62%). 68% беременностей, имевших место в момент

обследования, 69% беременностей, завершившихся самопроизвольным абортом или мертворождением, а также 83% беременностей, закончившихся рождением живых детей, были отмечены респондентами как запланированные», – читаем мы в резюме Отчета Росстата и Минздрава России о репродуктивном здоровье населения России [2, с. 4, 12].

Этот метод, именуемый «абортным (абортным) поведением», – одна из причин низкой рождаемости в России в конце XX в. и первой четверти XXI в. Переход от «абортной культуры» к современному планированию семьи с его более ответственным, рациональным и гуманным типом поведения должен был рассматриваться в качестве существенного резерва демографического возрождения страны [3; 4].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью, во-первых, постоянного фокусирования публичного дискурса на абортном поведении как на угрозе демографической безопасности страны и, во-вторых, поиска резервов демографического развития России в условиях сокращения численности женского населения репродуктивного возраста. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, Е. П. Сигарева и С. Ю. Сивоплясова выделили 12 аспектов аборта как социального феномена¹. Эта группировка облегчила выбор тех аспектов, которые использованы в данной статье для выявления детерминантов уровня абортности. Экономический аспект касается экономических детерминантов; демографический увязывает аборт с возрастом женщин; географический вводит в анализ региональную специфику, а исторический – изменение во времени. С учетом этих аспектов подобраны данные и методология их анализа. Для эконометрической проверки авторских предположений о детерминантах уровня абортности из официальной статистики сформирована панель по 82 регионам за 2000–2022 гг.

Обзор литературы

Революционный подход к факторному анализу рождаемости предложили в середине 1950-х гг. К. Дэйвис и Дж. Блейк [5]. Они отобрали семь «непосредственных» факторов², объявив их проводниками влияния «косвенных» факторов – экономических, социальных, демографических, культурных и экологических. В России применение методологии Дэйвиса – Блейка для анализа межрегиональных различий в абортности сразу же упирается в дефицит данных для операционализации «непосредственных» переменных. Поэтому в нашем исследовании фигурируют только «косвенные» факторы. За помощью в их селекции мы обратились к тем авторам, которые уже прошли этот путь.

Используя данные по 89 странам за 1980–1995 гг., К. Трент и А. В. Хоскин задались целью выявить предикторы легального статуса и числа абортности. Оценивание параметров логистической регрессии показало, что вероятность легализации абортности положительно связана с уровнем социально-экономического развития, тогда

¹ Аспекты: 1) мировоззренческий, 2) медицинский, 3) юридический, 4) демографический, 5) этический, 6) экономический, 7) религиозный, 8) социальный, 9) психологический, 10) географический, 11) исторический, 12) законодательный [4].

² Доля замужних в женском населении, контрацепция, искусственные аборты, послеродовая депрессия, естественная оплодотворяемость, внутриутробная смертность и перманентная стерильность.

как рост влияния католицизма и ислама в обществе снижает эту вероятность. Результаты тобит-анализа свидетельствуют о том, что социально-экономическое развитие привносит криволинейные эффекты в число аборт (низкое число в начальной и заключительной фазах развития). Авторы также обнаружили положительную связь числа аборт с уровнем участия женщин в рабочей силе. Работающие женщины чаще прибегают к абарту, чем неработающие [6].

Цель исследования М. Ллорент-Маррона, М. Диаз-Фернандеза и Р. Мендес-Родригеза – выявление контекстуальных и индивидуальных переменных, объясняющих различия между 22 европейскими странами в уровне искусственных аборт за 2001–2009 гг. С этой целью использована эконометрика панельных данных. Объясняющие переменные эмпирической модели числа аборт включают подушевой доход, государственные инвестиции в общественное здравоохранение, женскую занятость, иммиграцию, подростковую фертильность, коэффициент браков и разводов. Вывод: значительная межстрановая вариация числа аборт – результат контекстуальных и индивидуальных социально-экономических факторов. С ростом подушевого дохода и государственных инвестиций в общественное здравоохранение число аборт снижается. Следующие социально-демографические переменные также оказывают значительное влияние на число аборт: женская занятость, гражданский статус, миграция и подростковая фертильность [7]. В методическом плане данная работа аналогична нашему исследованию.

Мы также «посетили» отдельные страны, чтобы узнать, что местные исследователи думают о детерминантах аборт. В 2005 г. в Эфиопии с целью защиты репродуктивного здоровья женщин был либерализован закон об абортах. Женщины получили доступ к безопасному прерыванию беременности в первом и втором триместрах. К. Боннен, Д. Н. Тудже и В. Раш рассмотрели социально-экономические характеристики женщин, решившихся на абарт в городе Джимма, и детерминанты аборт во втором триместре за период с октября 2011 г. по апрель 2012 г. в 808 случаях безопасного аборт и 21 случае небезопасного аборт. Из 829 случаев 729 произошли в первом триместре и 100 – во втором. Для определения риск-факторов во втором триместре использованы одномерные и многомерные логистические регрессии. Результаты представлены в виде коэффициентов шансов (КШ) при 95-процентном доверительном интервале³. Социально-экономические характеристики, связанные с возросшим КШ во втором триместре таковы: менее 19 лет, одинокая, вдова или разведенная, учащаяся, безработная, низкий уровень образования [8].

В Чили закон запрещает искусственные абарты, поэтому мало что известно об абортах и их детерминантах. Тем не менее А. Хьюнейес и его коллеги смогли изучить связь аборт, совершенных девушками и молодыми женщинами, с их социально-экономическим статусом и сравнить их с женщинами, не имеющими истории аборт. Исследователи использовали данные Чилийского национального опроса молодежи за 2015 г. о 2439 сексуально активных женщин 15–29 лет. Одномерные и многомерные логистические регрессии были применены для оценки

³ Коэффициент шансов – это коэффициент шансов случиться абарту в рискующей группе по сравнению с группой, где абарт исключен. Чем больше коэффициент, тем вероятнее, что кто-то в рискующей группе совершит абарт.

связей между совершившими аборт и не прибегавшими, с одной стороны, и социально-экономическим статусом участниц каждой группы (низкий, средний, высокий), с другой стороны, с контролем за демографическими, сексуально-поведенческими и культурными переменными. 129 (5,15%) участниц совершали искусственные аборты. У участниц с высоким статусом КШ был почти на 5 больше, чем у участниц с низким статусом. Число абортов не коррелирует с местом проживания (город, село), возрастом сексуального дебюта, использованием контрацептивов во время сексуального дебюта, беременностью в девичестве, национальной, религиозной и политической идентификацией [9].

В Иране аборты незаконны; многие женщины репродуктивного возраста прибегают к тайному прерыванию нежелательной, непреднамеренной беременности, поэтому здесь трудно отыскать надежную информацию об абортах. И все же Х. Хоссейни, А. Эфрани и М. Ноджомии задались целью изучить детерминанты искусственных абортов в городе Хамедан, используя данные городского опроса 3000 замужних женщинах 15–49 лет о рождаемости за 2015 г. Бинарная логистическая регрессия была применена для достижения цели исследования. В целом 3,8% респонденток совершили искусственный аборт. Число абортов прочно ассоциируется с уровнем образования, типами контрацептивов, уровнем семейного дохода (при контроле за осложняющими факторами). Женщины, использующие контрацептивы длительного действия, окончившие среднюю школу и высшее учебное заведение, имеющие высокий уровень дохода, чаще прибегали к искусственному аборту [10].

Р. Корейджо и К. Дж. Нурани и С. Бхута исследовали частоту искусственных абортов и идентифицировали роль социокультурных факторов, способствующих прерыванию нежелательной беременности в Пакистане. Исследование выполнено в магистерском медицинском центре Джинны Департамента акушерства и гинекологии Карачи в период с января 1999 г. по июнь 2001 г. путем приватного опроса пациенток. Исследователи получили информацию о возрасте, parity (паритете), семейном положении, отношениях внутри семьи и социокультурных причинах аборта. 57 (2,35%) пациенток поделились историей своих абортов. Все они принадлежали к низкому социально-экономическому классу, 59,6% из них были неграмотными. 43 (75,5%) никогда не пользовались контрацептивами. 24 (42%) имели более одного ребенка и больше не хотели заводить детей. Вывод: бедность, неграмотность, многодетные семьи и неприятие контрацептивов – сильные детерминанты абортов [11].

Б. Элал исследовал контекстуальные, хозяйственные и индивидуальные детерминанты абортов по данным перекрестного опроса 2571 замужней женщины репродуктивного возраста в индийском штате Раджастан. Двумерные пробит-модели, определяющие совместно вероятность беременности и условную вероятность аборта, позволили отразить вероятность аборта как результата взаимосвязанных последовательных событий. Обнаружена положительная связь между ростом социально-экономического статуса и факторами цикла жизни, с одной стороны, вероятностью беременности и условной вероятностью аборта, с другой стороны. Также более склонны к прерыванию беременности женщины, сообщившие о личных социальных сетях, особенно если участницы их сетей имели аналогичный опыт.

Большую склонность к аборту проявляли и участницы тех сообществ, в которых циркулировала информация об аборте, связанном с предсказанным полом ребенка [12].

С. Ахмед и Р. Рэй извлекли сведения об основных детерминантах беременности и аборта в Индии из охватывающей всю страну базы данных окружного уровня (DLHS 2007⁴), подчеркнув в своей статье, что их исследование задает экономические рамки для анализа беременности и аборта. Аборты поделены на искусственные и спонтанные, и сделано сравнение эффектов детерминантов тех и других. Обнаружены большие различия в знаках и величине эффектов, особенно эффектов богатства, возраста и желания иметь детей. Работа Ахмеда и Рэя является методологическим вкладом в разработку данной темы, поскольку в ней оценены параметры трехмерной пробит-модели, которая учитывает совместную зависимость беременности, искусственного и спонтанного абортов и выдает свидетельство в пользу такой зависимости. Обнаружено значительное влияние контекстуальных переменных (уровня поселений), в том числе материальной обеспеченности, на беременность [13]. И еще (снова на примере Индии), но совсем кратко: С. Кант с соавторами обнаружил, что каста, благосостояние, число детей в семье и размер поселения оказывают значительное влияние на число искусственных абортов [14].

Одним из наиболее значимых выводов, к которым пришли А. Лакруз, М. Лакруз и Э. Куэнса, изучив детерминанты абортов в Испании, является вывод о том, что авторские расчеты поддерживают теоретические рассуждения: социальные и экономические условия, образ жизни и региональные особенности определяют уровень абортов, тогда как образование не играет здесь особой роли. В частности, среди работающих женщин уровень абортов выше, чем среди незанятых. Улучшение условий труда может представлять уникальную возможность выйти на рынок труда, которую женщины не захотят потерять, родив «незапланированного» ребенка [15].

В Мексике с целью улучшения оценок уровня абортов были выполнены исследования, но детерминанты абортов не изучались вплоть до 2010 г., когда была опубликована работа А. Соузы и Р. Лозано и Э. Гакиду, в которой проанализированы данные Национального демографического обзора Мексики за 2006 г. Выборка включала 14859 беременностей женщин 15–55 лет, из которых 966 (6,5%) были искусственно прерваны за пять лет до упомянутого опроса. Для обнаружения влияния различных социально-экономических и демографических характеристик на число абортов применена логистическая регрессия. Три переменных оказывали статистически значимое положительное влияние на вероятность аборта: 1) преждевременная беременность; 2) нежелательная беременность; 3) наличие трех и более детей к моменту аборта. У вероятности небезопасного аборта обнаружен крутой социально-экономический градиент: бедные женщины с большей вероятностью идут на небезопасный аборт, чем богатые; женщины с образованием в 6–9 лет и образованием в 13 и более лет с меньшей вероятностью идут на небезопасный аборт;

⁴ По поручению Министерства здравоохранения и благополучия семьи Индии Международный институт наук о населении в Мумбаи проводит опрос домохозяйств на уровне округов (DLHS). Например, DLHS-3 охватывал 611 округов, а число представляющих округ домохозяйств менялось от 1 000 до 1 500.

коренные женщины с большей вероятностью идут на небезопасный аборт, чем «приезжие». Таким образом, вероятность для бедных коренных женщин с образованием менее пяти лет в девять раз выше, чем для богатых, хорошо образованных «приезжих» женщин. Под географическим углом зрения женщины, проживающие в бедных штатах, подвержены большему риску небезопасного аборта, чем женщины, проживающие в богатых штатах [16].

А вот данные из США. Среди 89% женщин, сообщивших о более чем одной причине аборта, 56% указали на отсутствие финансовых ресурсов и 54% – на то, что аборт может помешать в дальнейшей жизни [17]. Таким образом, аборт – это скорее вопрос об экономическом неравенстве, нежели политический вопрос.

За 2008–2014 гг. коэффициенты абортов снизились, но снизились неодинаково для разных категорий женщин. Снижение среди женщин из низкодоходных семей было менее значительным, чем снижение среди женщин из зажиточных семей. Женщины с семейным доходом ниже 100% федеральной черты бедности составили половину всех решившихся на аборт пациенток в 2014 г. С ростом дохода коэффициент абортов снижался [18].

В 2000 г. коэффициент абортов у женщин, зарабатывавших менее 100% федеральной черты занятости, был более чем в 4 раза больше, чем у женщин из семей с заработком более 300% федеральной черты бедности. В духе Дэйвиса – Блейка С. Делендорф, Л. Харрис и Т. Вайтц отмечают, что различия в уровне абортов по большей части связаны с различиями в использовании контрацептивов, а эти различия определяются «структурными» факторами – экономическим неравенством, социальным окружением, недоверием к системе здравоохранения и недоступностью планирования семьи [19].

В Финляндии из-за роста в 1990-х гг. числа абортов среди женщин в возрасте до 20 лет ввели безрецептурный отпуск противозачаточных таблеток с 15 лет и обязательное сексуальное образование во всех школах. В результате, по данным Института общественного здоровья (THL), число абортов среди подростков 19 лет и моложе сократилось на 66% до 722 в 2023 г. в сравнении с 2144 в 2000 г., в то же время среди подростков до 18 лет падение было еще более значимым – 78%. «Мы можем предположить, что сексуальное образование в школах сыграло значительную роль», – заявила агентству Reuters профессор THL М. Гисслер, добавив, что расширение доступа подростков к контрацепции стало еще одной причиной этих изменений⁵.

Е. А. Лупекина и М. С. Бондаренко выполнили свое исследование в 2018–2020 гг. на базе филиала № 8 Гомельской центральной городской поликлиники Республики Беларусь. В нем приняли участие 100 женщин, планировавших прерывание беременности. 23 из них имели среднее образование, 55 – среднее специальное и 22 – высшее (включая неоконченное). В качестве ключевых мотивов прерывания беременности женщины выделяли недостаточную материальную обеспеченность, недостаточную жилищную обеспеченность и наличие в семье маленького ребенка.

⁵ Free contraception helps Finland reduce teenage abortions by 66% // Reuters : [site]. 03.06.2024. URL: <https://www.reuters.com/business/healthcare-pharmaceuticals/free-contraception-helps-finland-reduce-teen-age-abortions-by-66-2024-06-03/> (accessed on 13.07. 2024).

Итак, характеристика социального статуса женщин, планирующих прерывание беременности, показывает, что ключевым моментом в принятии решения в ситуации репродуктивного выбора является материальная составляющая, даже при наличии других важных благоприятных условий, в частности опыта материнства и зарегистрированного брака [20].

Б. П. Денисов и В. И. Сакевич воспользовались результатами обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенного в 2004 и 2007 гг. Российская анкета позволила оценить количество абортоскопическим путем – вычитая из общего числа беременностей у женщины к моменту опроса число рожденных ею детей. Таким образом оценку числа прерванных беременностей по состоянию на 2007 г. удалось получить для 3305 респонденток⁶.

В качестве детерминант абортоскопического поведения исследовались семь переменных: число рожденных детей, партнерский статус, уровень образования, тип населенного пункта, в котором проживает женщина, субъективная оценка дохода домохозяйства, отношение к праву на аборт и применение контрацепции. Само абортоскопическое поведение определялось числом сделанных к моменту опроса абортов. Для изучения связи был использован статистический критерий χ^2 . Уточняющий анализ тесноты обнаруженных связей был проведен с помощью статистики tb Кендалла.

Анализ с помощью критерия χ^2 не показал наличия статистически значимой связи числа абортов у 40-летних женщин с объясняющими переменными; исключением оказалась связь с числом рожденных детей. Статистика tb Кендалла указала на слабую положительную корреляцию числа абортов со степенью несогласия с их законодательным ограничением/запретом (чем несогласнее, тем больше абортов, или, иными словами, чем чаще женщина делает аборт, тем активнее она отстаивает право на аборт). Слабая корреляция выявлена с типом населенного пункта и субъективной оценкой дохода: менее обеспеченные и живущие в более крупных населенных пунктах наиболее склонны к прерыванию беременности.

Аналогичный анализ в когорте 30-летних выявил слабые связи с уровнем образования (чем выше образование, тем меньше абортов) и отношением к праву на аборт (со степенью несогласия с их законодательным ограничением/запретом). Женщины, применяющие современные методы контрацепции, делают меньше абортов, чем применяющие традиционные методы и не применяющие контрацепцию вообще. Связь с доходом отсутствует [3]⁷.

В нашей статье подход к выявлению детерминантов – это коинтеграционный анализ связи уровня абортов с переменными, которые могут соотноситься с уровнем абортов как причина со следствием.

⁶ Поскольку репродуктивная активность большинства женщин в выборке на момент подготовки рукописи продолжалась, авторы сосредоточили свое внимание на женщинах, близких к завершению репродуктивной карьеры, а именно: на когортах 30–39-летних и 40–49-летних, размеры выборки в каждом случае указываются отдельно.

⁷ Российских работ по этой теме гораздо больше, чем может вместить литературный обзор статьи стандартного объема.

Описательная статистика с акцентом на числе абортс на 1000 женщин

Для статистического описания абортс в России и ее регионах публикуемая Росстатом региональная статистика предлагает два коэффициента – число абортс на 100 родов и число абортс на 1000 женщин 15–49 лет⁸. Чтобы определить, какой коэффициент совместим с целью настоящего исследования, выполнен панельный тест Има-Песарана-Шина (IPS) с нулевой гипотезой «Единичный корень – индивидуальный процесс». Нулевая гипотеза опровергается в пользу гипотезы стационарности, если для *W*-статистики теста $p < 0,05$. Первый коэффициент оказался стационарным и потому бесперспективным с точки зрения поиска долгосрочной, равновесной связи числа абортс с экономическими, социальными и демографическими факторами, которые могут соотноситься с этим числом как причина со следствием (табл. 1). Такая связь – свойство нестационарных переменных с их стохастическим трендом. Удалив тренд ради стационарности, мы, по словам метра эконометрики Г. Г. Канторовича, «отказываемся анализировать долгосрочное поведение переменной и отрицаем возможность существования долгосрочного равновесия для нестационарных переменных» [21, с. 79]. Наша зависимая переменная – нестационарное число абортс на 1000 женщин 15–49 лет (далее – КА1000).

Таблица 1

Результаты IPS-теста

Table 1

Results for IPS test

Переменная	<i>W</i> -статистика (в скобках <i>p</i> -значения)
Число абортс на 100 родов	-14,235 (0,000)
Число абортс на 1 000 женщин 15–49 лет	2,589 (0,995)

Источник: рассчитано по авторским панельным данным

Распределение регионов по темпу снижения КА1000 отдаленно напоминает колоколообразное нормальное распределение – с минимальными значениями в крайних интервалах и максимальными в центральных (рис. 1). Средний темп снижения КА1000 в 2000–2022 гг. равнялся 1,8. Максимальные 2,9 продемонстрировала Амурская область, минимальные 0,1 – Ингушетия, где, как показано ниже, число КА1000 чрезвычайно мало. Три региона в крайне левом интервале (с наибольшим темпом) – это Вологодская и Амурская области, Камчатский край. Топ-два – Ингушетия и Чечня. В 40 регионах КА1000 варьируется в умеренном диапазоне от -2,1 до -1,7.

Распределение регионов по среднему значению КА1000 тоже напоминает колоколообразное нормальное распределение (рис. 2). В среднем за 2000–2022 гг. число КА1000 равнялось 35,3, меняясь от минимальных 8,7 в Ингушетии до максимальных 52,5 в Еврейской автономной области. Пять регионов в крайне левом интервале (с наименьшим КА1000) – это Москва, Республики Дагестан, Ингушетия, Чеченская и Кабардино-Балкарская. Топ-7 – Оренбургская область, Республики

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20.07.2024).

Алтай и Якутия, Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Еврейская автономная область. В 46 регионах КА1000 варьируется в умеренном диапазоне (24,9–41,1).

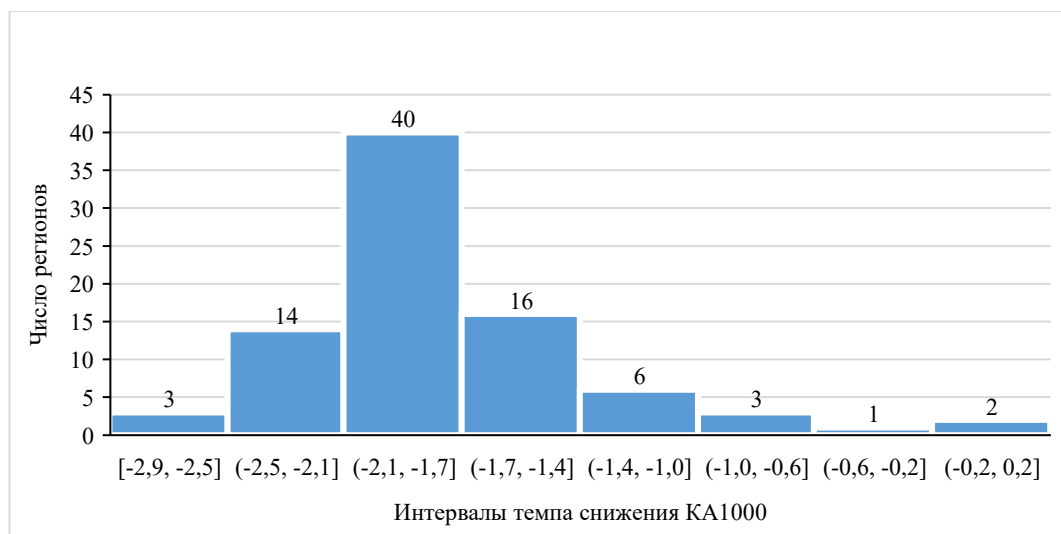

Рис. 1. Распределение регионов по темпу снижения КА1000 в среднем за 2000–2022 гг.

Fig. 1. Distribution of regions by the average rate of decline of KA1000, 2000–2022

Источник: рассчитано автором по данным Росстата⁹

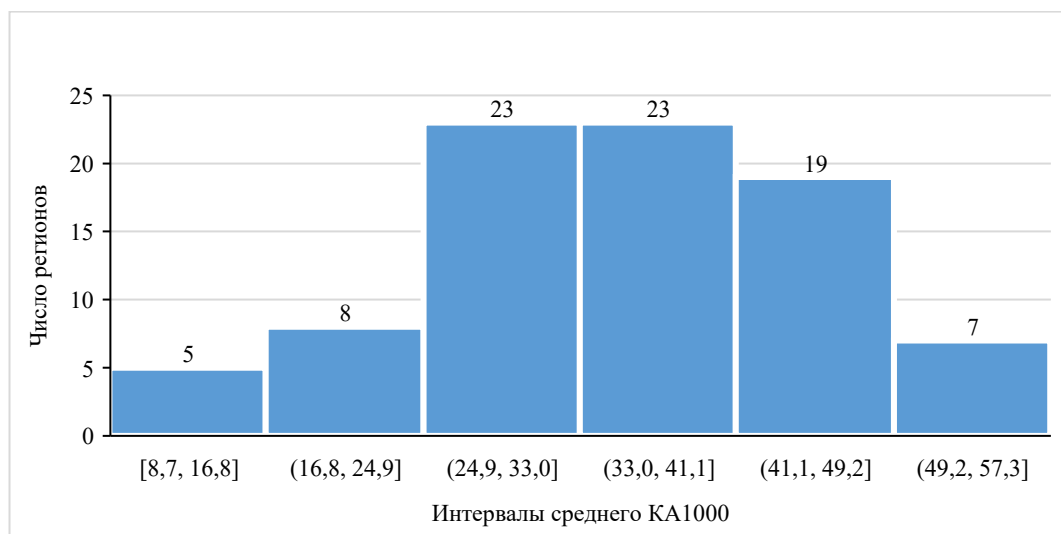

Рис. 2. Распределение регионов по среднему КА1000, 2000–2022 гг.

Fig. 2. Distribution of regions by average KA1000, 2000–2022

Источник: рассчитано автором по данным Росстата¹⁰

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20.07.2024).

¹⁰ Там же.

В северокавказских республиках средний КА1000 и темп его снижения сравнительно малы. Здесь мы также наблюдаем высокие темпы естественного прироста населения, и одна из причин этого – низкое значение КА1000. Этнические мусульмане, т. е. народы, традиционно исповедующие ислам, составляют 98% населения Ингушетии, 96% населения Чечни, 94% населения Дагестана, 70% населения Кабардино-Балкарии¹¹. «Ислам запрещает проводить аборт на любой стадии беременности... Аборт запрещен за исключением единственного случая – если существует подтвержденная угроза жизни матери будущего ребенка», – заявил заместитель главы Духовного управления мусульман России, муфтий Москвы И. Аляутдинов по итогам проведенного в муфтияте Москвы круглого стола «Семья и традиционные семейные ценности в современной России» в апреле 2024 г. «Несомненно, аборт и разводы в России – это острейшая проблема, без ее решения страна окажется в демографической яме, из которой придется вылезать десятилетиями»¹², – считает муфтий. Низкий КА1000 на Северном Кавказе объясняется еще и отторжением такого «provokatora» нежелательной беременности как алкоголь. В исламе запрещено употребление любых алкогольных напитков и даже блюд, в которых они содержатся.

В остальных регионах роль важного ингибитора абортивного поведения выполняет государство, усилия которого по восстановлению демографического потенциала сконцентрированы в рамках национального проекта «Демография». Ежегодно индексируемый на уровень фактической инфляции материнский капитал – главная мера по финансовой поддержке семей с детьми. Государство выплачивает его семьям, в которых с 2007 г. родился или был усыновлен второй ребенок (либо третий ребенок или последующие дети, если на второго ребенка материнский капитал не оформлялся). А с 2020 г. эта мера поддержки распространяется и на первенцев¹³.

Материнский капитал можно направить на приобретение или строительство жилья, образование детей, ежемесячную выплату на ребенка до трех лет, социальную адаптацию детей-инвалидов или формирование накопительной пенсии родителей. Если в семье есть ребенок, родившийся после 1 января 2018 г., даже если он первенец, то можно взять ипотеку по льготной ставке 6% годовых на весь срок действия кредитного договора¹⁴.

Сдерживанию абортивного поведения также способствуют усилия государства по улучшению жилищных условий россиян, сосредоточенные в рамках национального проекта «Жилье и городская среда». Это, в первую очередь, увеличение

¹¹ Религиозный состав населения России // ФАДН России : [сайт]. URL: <https://fadn.gov.ru/otkritoe-agentstvo/opendata/7708257207-rsnr> (дата обращения: 20.07.2024).

¹² Муфтий Аляутдинов: Ислам запрещает проводить аборт на любой стадии беременности // Российская газета : [сайт]. 23.04.2024. URL: <https://rg.ru/2024/04/23/muftij-aliutdinov-islam-zapreshchaet-provodit-aborty-na-liuboj-stadii-beremennosti.html> (дата обращения: 22.07.2024).

¹³ В Думу внесут законопроект о выплате женщинам за рождение детей до 25 лет // ТАСС : [сайт]. 23.05.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20878317> (дата обращения: 22.07.2024).

¹⁴ Помимо материнского капитала для семей предусмотрены ежемесячные выплаты на детей. Размер выплаты зависит от региона – он равен прожиточному минимуму для детей, который установлен в регионе.

объемов ввода жилья, в том числе для расселения аварийного жилья¹⁵. Немного забегая вперед, отметим, что нерешенность «жилищного вопроса» – важнейший консерватор, если не катализатор, абортивного поведения.

Все это положительно сказались на динамике уровня абортс. В 2000–2022 гг. число КА1000 неуклонно снижалось по линейной траектории, сокращаясь за год почти на два аборта (рис. 3). Снижение стало значимым событием, символизирующим то, что эффективность мер по профилактике абортс в современных условиях может быть успешной.

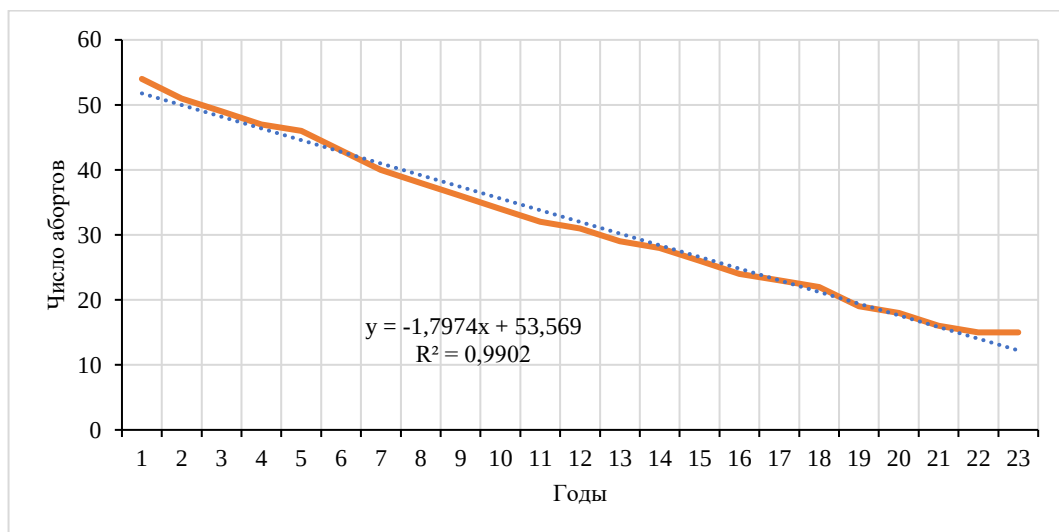

Рис. 3. КА1000 в России

Fig. 3. Number of abortions per 1000 women aged 15–49

Источник: рассчитано автором по данным Росстата¹⁶

Но впереди еще много работы по обеспечению перехода от «абортной культуры» к современному планированию семьи. «Абортная культура, будучи результатом сложной комбинации восприятий, убеждений, отношений и практик, крайне невосприимчива к изменениям», – отмечают М. Хорга и Ф. Лудике [22, с. 109]. «Практически во всех странах Западной Европы число абортс несравнимо ниже, чем в России, – признает психолог Красноярского краевого центра охраны материнства и детства С. Чурсина. – Я думаю, мы пожинаем плоды того, что у нас исторически сформировалось слишком лояльное отношение к абортс, то есть та самая

¹⁵ С 1 июля 2024 г. российские власти завершили программу льготной ипотеки, которая действовала свыше 4 лет. За это время было оформлено более 1,5 млн кредитов. Как признавали Министерство финансов и Банк России, эта программа повышала доступность жилья в начале, но затем привела к разгону цен.

¹⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20.07.2024).

абортивная культура. Зачастую в сознании многих людей это можно сравнить с тем, как пошел и вырвал зуб у стоматолога»¹⁷.

Переменные на роль детерминантов

С точки зрения моделирования КА1000, проблема – в том, что число абортoв есть сумма числа искусственных абортoв и числа абортoв самопроизвольных (выкидышей). Выкидышем заканчивается 10–20% всех зафиксированных беременностей¹⁸. В XXI в. соотношение двух видов менялось в пользу самопроизвольных абортoв (табл. 2). Резкий спад их доли сразу после 2015 г. вызван изменениями статистического учета абортoв¹⁹. Если исключить этот «выброс» из временного ряда, то останется весьма линейный повышательный тренд.

Таблица 2

Абортoв в России

Table 2

Abortions in Russia

Показатели	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.	2023 г.
Все абортoв (случаев)	1 501 594	1 054 820	746 736	450 408	395 201	362 383
Самопроизвольные (случаев)	168 140	172 529	236 380	86 412	79 235	73 261
Доля самопроизвольных (%)	11,2	16,4	31,7	19,2	20,0	20,2

Примечание: до 2010 г. – до 28 недель беременности; с 2015 г. – до 22 недель

Источник: составлено авторам по данным Росстата²⁰

Искусственные и самопроизвольные абортoв имеют разные детерминанты. Первые тесно связаны с социально-экономической средой. Например, «опросы показывают, что для многих молодых семей нерешенность жилищного вопроса является барьером к рождению детей. Если устранить это препятствие, дать возможность паре сразу въехать в нормальное, современное жилье, а не собирать на него деньги десятилетиями, в будущем это будет способствовать росту рождаемости»²¹, – заявил руководитель Аналитического центра ДОМ.РФ М. Гольдберг в своем материале для ТАСС. В одной из больниц Новокузнецка выяснили, что наиболее частыми причинами добровольного согласия на аборт среди девушек являются:

¹⁷ «Для некоторых аборт – это как сходить вырвать зуб»: большое интервью с перинатальным психологом // Красноярск онлайн : [сайт]. 03.06.2019. URL: <https://ngs24.ru/text/health/2019/06/03/66106462/> (дата обращения: 24.07.2024).

¹⁸ Выкидыш при замершей беременности // Европейский медицинский центр : [сайт]. URL: <https://www.emcmos.ru/articles/vykidysh-pri-zamershey-beremennosti-0/> (дата обращения: 24.07.2024).

¹⁹ Подробно об этих изменениях и их влиянии на число абортoв см.: Абортoв в России // IQ Media : [сайт]. 07.07.2021. URL: <https://iq-media.ru/archive/484659480.html> (дата обращения: 24.07.2024).

²⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20.07.2024).

²¹ Жилищный вопрос в России: реально ли его решить и как это сделать? // ДОМ.РФ : [сайт]. 27.08.2021. URL: <https://дом.рф/media/smi/ZHilishchnyj-vopros-v-Rossii-realno-li-ego-reshit-i-kak-eto-sdelat/> (дата обращения: 24.07.2024).

«незаконченное образование; отсутствие трудоустройства и, как следствие, низкая материальная база; отсутствие отдельного жилья; неготовность к материнству»²².

В большинстве случаев причиной самопроизвольных аборт в первом триместре беременности (до 12 недель) являются генетические факторы, а именно хромосомные нарушения, которые встречаются в 41–50% случаев. Другие «провокаторы» самопроизвольных абортов – возраст, вредные привычки, хронические заболевания и инфекции матери; применение медицинских препаратов, несовместимых с беременностью; самопроизвольное прерывание беременности в анамнезе²³. Злоупотребление алкоголем женщиной вдвое повышает вероятность развития у нее бесплодия, а также почти в пятеро увеличивает риск выкидыша в течение беременности и внутриутробной гибели плода²⁴. Что касается возраста, вот как распределялось число абортов на 1000 женщин 15–49 лет, например, в 2021 г.: до 14 лет – 0,1, 15–17 лет – 1,9, 18–44 года – 19,0 и 45 лет и более – 0,2²⁵.

С точки зрения моделирования КА1000 существуют два ответа на вопрос, что делать с КА1000. Простой ответ – вычесть из числа абортов число самопроизвольных абортов, сложный – включить в эмпирическую модель переменные, отражающие качественное отличие детерминантов искусственных абортов от детерминантов самопроизвольных абортов. В данной работе использован сложный подход как творчески более интересный.

Наше отношение к выбору кандидатов в детерминанты можно описать словами классиков эконометрики Д. Е. Фаррара и Р. Р. Глобера: «Теоретические вопросы обычно фокусируются на малой части набора независимых переменных... Все переменные редко бывают одинаково важными. Только одна или по крайней мере две-три стратегически важные переменные обычно присутствуют в регрессионном уравнении» [23, с. 16, 49]. В данной работе «стратегически важные» переменные выявлены не теоретически, а эмпирически с помощью эконометрических процедур, позволяющих отделить «зерна от плевел».

Для операционализации «стратегически важных» переменных в сборнике Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели» есть некоторые временные ряды в разрезе «число абортов – регион». Это ряды КА1000 и переменных, которые могут быть детерминантами. Упомянутые в литературном обзоре публикации и собственные предположения автора позволили составить следующий список таких переменных для наших эконометрических процедур:

Доход (чем он выше, тем ниже уровень абортов):

– среднедушевые денежные доходы населения региона (рублей в месяц).

²² Вся правда об аборте и контрацепции // Новокузнецкая городская клиническая больница № 29 имени А. А. Луцка : [сайт]. URL: <https://29gkb.ru/profilaktika/profilacticaabortov> (дата обращения: 24.07.2024).

²³ Выкидыш (самопроизвольный аборт) // Клиника высоких медицинских технологий имени Н. И. Пирогова СПбГУ : [сайт]. URL: <https://www.gosmed.ru/lechebnaya-deyatelnost/spravochnik-zabolevaniy/ginekologiya-bolezny/samoproduzvolnyy-vykidysh/> (дата обращения: 24.07.2024).

²⁴ Влияние алкоголя на женский организм // ГБУЗ Астраханской области Городская поликлиника № 1 : [сайт]. URL: <https://1gpastra.ru/vliyanie-alkogolya-na-zhenskij-organizm/> (дата обращения: 24.07.2024).

²⁵ Женщины и мужчины России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> (дата обращения: 25.07.2024).

Потребление кроме алкоголя (чем оно выше, тем ниже уровень абортотв):

– потребительские расходы на душу населения (рублей в месяц).

Потребление алкоголя (чем оно выше, тем выше уровень абортотв):

– доля алкоголя в потребительских расходах населения (%).

Жилищные условия (чем они лучше, тем ниже уровень абортотв):

– общая жилая площадь на 1 жителя региона (м^2 на конец года).

Образование (чем больше доля населения с образованием ниже высшего, тем выше уровень абортотв):

– доля населения с образованием ниже высшего во всем населении²⁶ (%).

Болезни (с ростом числа заболеваний уровень абортотв растет):

– число регистраций врожденных аномалий, деформаций и хромосомных нарушений (ВАДХН) на 1000 человек населения;

– число заболеваний основными классами болезней на 1000 человек населения (некоторые инфекционные и паразитарные болезни)²⁷.

В этом списке представителями семейства «провокаторов» самопроизвольных абортотв предположительно являются:

– доля алкоголя в потребительских расходах населения (%);

– число регистраций ВАДХН на 1000 человек населения региона;

– число заболеваний основными классами болезней на 1000 человек населения.

К сожалению, сборник Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели» не содержит данных о каких-либо иных «провокаторах» самопроизвольных абортотв, поэтому эффект вышеуказанных представителей может оказаться неадекватным месту самопроизвольных абортотв среди всех абортотв и даже статистически незначимым. Нет в сборнике и данных для нашей панели о распределении женщин по возрастным группам и религиям.

Переменные прологарифмированы, чтобы устранить разнотв единиц измерения и убрать мультипликативные эффекты. Принятый в нашей статье доверительный интервал – 95% (уровень значимости $\alpha = 0,05$). Критерий выбора числа лагов и иных параметров расчетов – информационный критерий Akaike (AIC).

Значения переменных по 82 субъектам Российской Федерации за 2000–2022 гг. находятся в «ячейках» сбалансированной панели. В такой панели для каждого региона имеются значения каждой переменной за каждый год. Если панель содержит N регионов и T лет, то число значений каждой переменной (n) в ней составит $n = N \times T$. В данном случае $n = 82 \times 22 = 1804$. Каждое n – это значение данной переменной в регионе i в году t (табл. 3). Наша панель широкая и короткая.

²⁶ Образование ниже высшего: дошкольное, начальное общее (1–4 классы), основное общее (5–9 классы), среднее общее (10–11 классы), среднее профессиональное.

²⁷ Зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни.

Таблица 3

Панельная организация данных

Table 3

Panel organization of data

Код региона	Регион	Год	КА1000
1	Республика Адыгея	2000	111
1	Республика Адыгея	2022	24
89	Ямало-Ненецкий автономный округ	2000	172
89	Ямало-Ненецкий автономный округ	2022	41

Примечание: Коды регионов взяты из справочника Федеральной налоговой службы «Субъекты Российской Федерации»

Из-за неполных данных в панель не попали Ненецкий автономный округ (83), Республика Крым (91), г. Севастополь (92), иные территории, включая город и космодром Байконур (99). В панель вошли Тюменская область с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами и эти округа отдельно, а также Архангельская область с Ненецким автономным округом. Данные приведены к административно-территориальному устройству России по состоянию на 2020 г.

Источник: составлено авторам по данным Росстата²⁸.

Коинтеграционный анализ

В эмпирическом смысле настоящая работа представляет собой коинтеграционный анализ связи между КА1000 и кандидатами в его детерминанты. Коинтеграция, теорию и методологию которой предложили нобелевские лауреаты К. Грэнджер и Р. Энгл, – это эконометрическая концепция, имитирующая пребывание нестационарных переменных в долгосрочном равновесии [24]²⁹. Долгосрочная равновесная связь – свойство только коинтегрированных переменных. Коинтеграция – это когда нестационарные регрессоры, «разбежавшись» недалеко и ненадолго в разные стороны, возвращаются в предсказанное теорией равновесие в новой точке. Корреляция коинтегрированных переменных может быть разной, но она всегда подлинная. Корреляция не отвечает на вопрос, какая переменная – причина, какая – следствие, а коинтеграция означает наличие хотя бы односторонней причинно-следственной зависимости.

Для начала надо было определить степень (d) интеграции (I) переменных, кратко $I(d)$ ³⁰. Переменная может быть стационарной, $I(0)$, или нестационарной, $I(\geq 1)$. Тренд в ее среднем значении из-за наличия единичного корня – основная причина нарушения стационарности. Поэтому гипотеза единичного корня является нулевой для большинства проверок нарушения стационарности.

Для определения $I(d)$ использованы панельные тесты Има-Песарана-Шина (IPS), расширенный Дики-Фуллера (ADF) и Филлипса-Перрона (PP) с нулевой гипотезой индивидуального единичного корня. Нулевая гипотеза опровергается в

²⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20.07.2024).

²⁹ Экономисты понимают под равновесием равенство фактических трансакций желательным, а эконометристы – любую долгосрочную связь между нестационарными переменными. Коинтеграция не требует, чтобы эту связь генерировали рыночные силы или правила поведения экономических агентов.

³⁰ Степень (d) показывает, сколько раз нужно дифференцировать переменную $I(\geq 1)$, чтобы она стала $I(0)$.

пользу противоположной гипотезы стационарности, если $p < \alpha = 0,05$. Переменная признавалась нестационарной, если хотя бы один тест не опровергал нулевую гипотезу. Пять переменных, включая КА1000, оказались $I(1)$ и пять – $I(0)$ (табл. 4).

Таблица 4

Результаты тестов на единичный корень
(нулевая гипотеза: индивидуальный процесс единичного корня)

Table 4

Results for unit root tests (null hypothesis: individual unit root process)

Логарифм переменной	IPS-тест W	ADF-тест X^2	PP-Fisher-тест X^2	$I(d)$
Общая жилая площадь на 1 жителя	24,264 (1,000)	27,063 (1,000)	48,908 (1,000)	$I(1)$
Доля населения с образованием ниже высшего	1,2445 (0,893)	104,165 (0,999)	139,404 (0,918)	$I(1)$
Уровень женской безработицы	-1,968 (0,024)	220,366 (0,002)	116,424 (0,998)	$I(1)$
Число заболеваний основными классами болезней	4,575 (1,000)	171,366 (0,331)	199,374 (0,031)	$I(1)$
Доля горожан в населении региона	2,688 (0,996)	189,373 (0,056)	251,089 (0,000)	$I(1)$
Среднедушевые денежные доходы	-47,411 (0,000)	1 730,950 (0,000)	2 138,360 (0,000)	$I(0)$
Потребительские расходы на душу населения	-38,931 (0,000)	1 392,490 (0,000)	1 890,780 (0,000)	$I(0)$
Доля алкоголя в потребительских расходах	-6,669 (0,000)	314,876 (0,000)	335,213 (0,000)	$I(0)$
Потребление алкоголя на душу населения	-8,068 (0,000)	326,558 (0,000)	600,808 (0,000)	$I(0)$
Число регистраций ВАДХН	-6,790 (0,000)	324,687 (0,000)	291,848 (0,000)	$I(0)$

Примечание: В скобках p -значения. Sample: 2000 2022. Экзогенные переменные: индивидуальные эффекты. Автоматический выбор порядка лагов по AIC: 0 до 4 включительно. Диапазон Ньюи-Уэста и ядро Бартлетта.

Источник: рассчитано автором по панельным данным

Второй шаг – выяснить, коинтегрированы ли попарно КА1000 и кандидаты в его детерминанты. Две или более переменных коинтегрированы, если каждая переменная – $I(1)$, а их линейная комбинация – $I(0)$ [24]. Стационарная линейная комбинация, именуемая коинтегрирующим уравнением, может рассматриваться как долгосрочное, равновесное отношение между переменными. Любая теория равновесия, использующая нестационарные переменные, «требует» существования такой комбинации, иначе то или иное отклонение от равновесия не будет временным.

Чтобы выяснить, коинтегрирован ли нестационарный КА1000 с каждой из пяти нестационарных переменных, выполнен панельный тест Педрони, реализуемый через ADF-тест и PP-тест с нулевой гипотезой отсутствия коинтеграции. Нулевая гипотеза опровергается в пользу противоположной гипотезы наличия коинтеграции, если $p < \alpha = 0,05$. Тест обнаружил, что три переменных коинтегрированы с КА1000 (табл. 5).

Эмпирический поиск «стратегически важных» переменных завершен. Две первых – общая жилая площадь на 1 жителя, доля населения с образованием ниже высшего и число заболеваний основными классами болезней. Вспомним, что среди прочего выяснили в больнице Новокузнецка у девушек: «незаконченное образование», «отсутствие отдельного жилья». Это, действительно, основополагающие материальные условия перехода от «абортной культуры» к современному планированию семьи. С ростом образовательного уровня приходит семейный достаток, позволяющий рассчитывать на улучшение жилищных условий [25].

Таблица 5

**Результаты панельного теста Педрони на коинтеграцию с КА1000
(нулевая гипотеза: коинтеграция отсутствует)**

Table 5

Results for Pedroni panel cointegration test (null hypothesis: no cointegration)

Логарифм переменной	Статистика тестов	
	PP-тест	ADF-тест
Общая жилая площадь на одного жителя	-5,682 (0,000)	-6,972 (0,000)
Доля населения с образованием ниже высшего	-4,136 (0,000)	-3,491 (0,000)
Уровень женской безработицы	3,388 (0,999)	4,281 (1,000)
Число заболеваний основными классами болезней	-3,300 (0,000)	-2,732 (0,003)
Доля горожан в населении региона	4,894 (1,000)	3,831 (0,999)

Примечание: В скобках p -значения. Выборка: 2000–2022 гг. Использовано наблюдений: 1886, регионов: 82. Предположение о тренде: детерминированный тренд отсутствует. Автоматический выбор порядка лагов по AIC, максимум: 6. Диапазон Ньюи-Уэста и ядро Бартлетта.

Источник: рассчитано автором по панельным данным

Третья «стратегически важная» переменная – число заболеваний основными классами болезней, включая число регистраций ВАДХН. Оно представляет семейство «провокаторов» самопроизвольных аборт. Хотелось бы, чтобы представителей было больше, но из-за отсутствия надлежащей региональной статистики операционализация концепции «провокаторов» оказалось узкой, частичной. Однако не все потеряно. Как показано ниже, между КА1000 и долей алкоголя в потребительских расходах существует положительная краткосрочная связь.

Третий шаг – оценивание параметров коинтегрирующего уравнения. Для этого доступны два метода: непараметрический метод полностью модифицированных наименьших квадратов (FMOLS) и параметрический метод динамических наименьших квадратов (DOLS). Первый метод требует еще и то, чтобы переменные были интегрированы в равной степени, а регрессоры не коинтегрированы между собой. В самом деле, регрессоры «Образование ниже высшего» и «Общая жилая площадь на 1 жителя» коинтегрированы. Метод DOLS этого не требует, потому и был использован для оценивания. Также учтено общее мнение представителей профессии эконометриста: «DOLS может быть более перспективным, чем FMOLS, как метод оценивания параметров коинтегрированных панельных регрессий», – полагают Ч. Као, М-Х. Чян и Б. Чен [26, с. 6].

Као и Чян так описывают метод DOLS с объединенными временными рядами, в котором задействован обычный метод OLS для оценивания параметров коинтегрирующего уравнения для панели с $i = 1, 2, \dots, N$ и $t, \dots, T$:

$$\tilde{y}_{it} = \tilde{X}'_{it}\beta + \sum_{j=-q_i}^{r_i} \Delta \tilde{X}'_{it+j} \delta_i - \tilde{v}_{it}, \quad (1)$$

где $\tilde{y}_{it}$ и $\tilde{X}'_{it}$ – данные, очищенные от индивидуальных детерминированных трендов; $\Delta \tilde{X}'_{it+j}$ – специфические для i коэффициенты краткосрочной динамики.

Пусть Z_{it} – регрессоры, формируемые взаимодействием параметра $\Delta \tilde{X}'_{it+j}$ и кросс-групповых фиктивных переменных, и пусть $\tilde{W}'_{it} = (\tilde{X}'_{it} Z'_{it})$. Тогда DOLS-оценка коэффициента с объединенными временными рядами есть

$$\frac{\tilde{\beta}_{DP}}{\tilde{y}_{DP}} = \left(\sum_{i=1}^N \sum_{t=1}^T \tilde{W}_{it} \tilde{W}_{it}' \right)^{-1} \left(\sum_{i=1}^N \sum_{t=1}^T \tilde{W}_{it} \tilde{y}_{it}' \right)$$

(2)

Ниже приведены DOLS-оценки уравнения (1) (табл. 6). Следует начать с того, что коэффициенты имеют ожидаемый знак и статистически значимы (*t*-статистика показывает, что стандартные ошибки многократно меньше значений коэффициентов). Судя по скорректированному коэффициенту детерминации R^2 , коинтегрирующее уравнение объясняет 94% вариации КА1000. Напомним: коинтегрирующее уравнение подразумевает равновесие, его коэффициенты показывают уровень долгосрочного влияния регрессоров на КА1000. Равновесие постоянно нарушается из-за шоков в правой части уравнения, но срабатывает механизм, возвращающий систему коинтегрированных переменных в новое равновесие³¹.

Таблица 6

DOLS-оценки параметров уравнения (1)

Table 6

DOLS estimates of parameters of equation (1)

Логарифм переменной	Коэффициенты уравнения (в скобках <i>t</i> -значения)	VIF
«Стратегически важные» переменные		
Общая жилая площадь на 1 жителя	-1,497 (-13,03)	2,635
Доля населения с образованием ниже высшего	1,878 (10,50)	2,748
Число заболеваний основными классами болезней, включая число регистраций ВДХН	0,376 (8,30)	1,706
Объясняющая сила и адекватность уравнения		
R^2	0,970	
R^2 скорректированный на число степеней свободы	0,941	
Стандартная ошибка регрессии	0,126	
<i>F</i> -статистика теста Вальда	677,668 ($p = 0,000$)	

Примечание: Зависимая переменная: КА1000. Метод: панельный DOLS. Скорректированная выборка: 2002–2021 гг. Использовано периодов – 20, регионов – 82. Всего сбалансированных наблюдений: 1640. Панельный метод: объединенная оценка. Детерминированная переменная коинтегрирующего уравнения: свободный член. Фиксированные опережения и лаги: 1 и 1. Долгосрочная дисперсия (ядро Бартлетта и фиксированный диапазон Ньюи-Уэста) использована как ковариат коэффициентов.

Источник: рассчитано автором по панельным данным

Мощными детерминантами уровня абортов оказались пресловутый «жилищный вопрос» и незаконченное образование женщин. С ростом общей жилой площади на 1 жителя на 1% КА1000 уменьшался на 1,50%, а с ростом доли населения с образованием ниже высшего на 1% КА1000 повышался на 1,88%. Можно предположить, что женщины только со школьным (начальным, основным общим или средним общим) образованием с большей вероятностью предпочитают иметь детей, чем женщины, вложившие свои ресурсы в накопление своего человеческого капитала через высшее образование и нуждающиеся в зарплатке, чтобы оправдать эти вложения.

³¹ Как работает этот механизм, см. [27].

Попытка подобрать детерминанты для самопроизвольного сегмента КА1000 имела скромный успех из-за недостатка нужных данных в региональной статистике. Положительная эластичность КА1000 по числу заболеваний основными классами болезней, включая число регистраций ВДХН, равнялась 0,38% (на 1% роста КА1000).

Мы выполнили два теста коинтегрирующего уравнения. Тест Вальда проверяет гипотезу «никчемности» модели. Если приравнять коэффициенты регрессоров к нулю, то тест Вальда определит, насколько далеко их расчетное коллективное значение от нуля, чтобы быть значимым. Если статистика теста с достаточной вероятностью отвергает нулевую гипотезу, то модель считается адекватной. В нашем случае F -статистика имеет $p < \alpha = 0,05$, следовательно, коинтегрирующее уравнение адекватно.

Второй тест – на мультиколлинеарность регрессоров. Две переменные совершенно коллинеарны, если между ними есть точная линейная зависимость, так что их корреляция равна 1 или -1. Совершенная коллинеарность встречается редко и обнаруживается популярными эконометрическими пакетами, бывает трудноуловимой, «почти совершенной». Для выявления трудноуловимой, «почти совершенной» коллинеарности использован метод факторов инфляции дисперсии (variance inflation factors – VIF). $VIF_j = 1/(1 - R_j^2)$, где R_j^2 – коэффициент множественной корреляции регрессора j и других регрессоров. Минимальное возможное значение VIF равно 1. Значения больше 10 принято считать сигналом о наличии мультиколлинеарности. VIF всех коэффициентов далек от 10, что указывает на отсутствие в правой части уравнения этого опасного свойства (табл. 6).

Влияние стационарных детерминантов

Среди детерминантов есть стационарные (табл. 4). Они не могут быть объясняющими переменными по отношению к нестационарному КА1000. Но если лишить КА1000 стохастического тренда путем взятия первой разности и тем самым превратить его в стационарную переменную, то можно прибегнуть к регрессии КА1000 по стационарным факторам, чтобы выявить краткосрочную связь между ними. В отличие от долгосрочной (коинтеграционной) связи краткосрочная связь обрывается по причине отсутствия динамического механизма краткосрочной ликвидации дисбаланса между зависимой переменной и независимыми переменными, возникающего всякий раз, когда какое-то событие вызывает шок к правой части регрессии. Зависимая переменная не реагирует на шок. В матричной нотации регрессия имеет следующую форму:

$$\Delta y_{it} = \alpha + X_{it}\beta + \varepsilon_{it}, \quad (3)$$

где Δ – разностный оператор, y_{it} – T -размерный вектор, содержащий наблюдения КА1000, X_{it} – $T \times k$ матрица независимых переменных, β – k -вектор коэффициентов, ε_{it} – остаточный член. T – число наблюдений и k – число независимых переменных.

Для оценивания параметров регрессии (3) использован панельный взвешенный метод наименьших квадратов (WLS). Судя по скорректированному коэффициенту детерминации R^2 , регрессия объясняет почти 80% вариации перворазностного КА1000 (табл. 7). Среди стационарных детерминантов только душевые

потребительские расходы находились в отрицательной краткосрочной связи с уровнем аборт. С их ростом на 1% перворазностный КА1000 снижался на 0,53%. Остальные стационарные детерминанты вызывали рост уровня аборт: от 0,05% с ростом потребления алкоголя на душу населения на 1% (вспомним о «провокаторах» самопроизвольных аборт) до 0,55% с ростом числа регистраций ВАДХН на 1%.

Таблица 7

WLS-оценки параметров регрессии (3)

Table 7

WLS estimates of parameters of regression (3)

Логарифм переменной	Коэффициенты уравнения (в скобках t-статистика)
Потребительские расходы на душу населения	-0,530 (-12,42)***
Потребление алкоголя на душу населения	0,049 (2,93)***
Среднедушевые денежные доходы	0,247 (6,12)***
Доля алкоголя в потребительских расходах	0,298 (10,76)***
Число регистраций ВАДХН	0,547 (1,80)***
Свободный член	3,693 (32,79)***
Статистика, полученная по взвешенным данным	
R ²	0,796
R ² скорректированный на число степеней свободы	0,795
Стандартная ошибка регрессии	0,981

Примечание: Зависимая переменная: логарифм разности КА1000. Использовано наблюдений – 1886, регионов – 82. Веса основаны на дисперсии ошибок на каждый регион. *** – коэффициент значим на 1-процентном уровне
Источник: рассчитано автором по панельным данным

Заключение

В нашем исследовании для реализации идеи о наличии долгосрочной, равновесной связи между КА1000 и его детерминантами задействован коинтеграционный анализ. Результатом является коинтегрирующее уравнение КА1000, которое подразумевает равновесие. Равновесие постоянно нарушается из-за шоков в правой части уравнения, однако срабатывает механизм, возвращающий систему коинтегрированных переменных в новое равновесие. Используя данные 82 российских регионах за 2000–2022 гг., мы пришли к выводу о том, что мощными детерминантами уровня аборт были общая жилая площадь на 1 жителя, доля населения с образованием ниже высшего и (в гораздо меньшей степени) число заболеваний основными классами болезней, включая число регистраций ВАДХН. Эти нестационарные детерминанты являются партнерами КА1000 по коинтеграции.

Некоторые детерминанты оказались стационарными. Превратив КА1000 в стационарную переменную путем взятия первой разности, мы регрессировали КА1000 по этим детерминантам, чтобы выявить краткосрочную связь между ними. Только подушевые потребительские расходы находились в отрицательной краткосрочной связи с уровнем аборт. Остальные стационарные детерминанты вызывали рост уровня аборт в краткосрочном плане.

Список литературы

1. Bearak, J. M. Country-Specific Estimates of Unintended Pregnancy and Abortion Incidence: A Global Comparative Analysis of Levels in 2015-2019 / J. M. Bearak, A. Popinchalk, C. Beavin [et al.] // *BMJ Global Health*. 2022. Vol. 7, No. 3. Pp. 24–53. DOI [10.1136/bmjgh-2021-007151](https://doi.org/10.1136/bmjgh-2021-007151).
2. Репродуктивное здоровье населения России, 2011 : итоговый отчет, май, 2013 / Федеральная служба гос. статистики (Росстат), М-во здравоохранения Российской Федерации, Фонд ООН в обл. народонаселения (ЮНФПА), Отд. Репродуктивного Здоровья, Центр по контролю и профилактике заболеваний (DRH/CDC, Атланта, США) ; [пер. с англ.: Н. Елагина, Ю. Лазарева]. Москва : Статистика России, 2013. 343 с.
3. Денисов, Б. П. Аборты в России (по материалам выборочного обследования) / Б. П. Денисов, В. И. Сакевич // *Доказательная медицина и клиническая эпидемиология*. 2009. Т. 2, № 2. С. 32–37. EDN [LLROSU](https://elibrary.ru/llrosu).
4. Рязанцев, С. В. Аборты и абортивное поведение в контексте поиска резервов демографического развития в России / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, Е. П. Сигарева, С. Ю. Сивоплясова // *Экология человека*. 2019. № 7. С. 17–23. DOI [10.33396/1728-0869-2019-7-17-23](https://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-7-17-23). EDN [VFJSRT](https://elibrary.ru/vfjsrt).
5. Davis, K. Social Structure and Fertility: An Analytic Framework / K. Davis, J. Blake // *Economic Development and Cultural Change*. 1956. Vol. 4. No. 4. Pp. 211–235. DOI [10.1086/449714](https://doi.org/10.1086/449714).
6. Trent, K. Structural Determinants of the Abortion Rate: A Cross-Societal Analysis / K. Trent, A. W. Hoskin // *Social Biology*. 1999. Vol. 46, No. 1–2. Pp. 62–81.
7. Llorente-Marrón, M. Contextual Determinants of Induced Abortion: A Panel Analysis / M. Llorente-Marrón, M. Díaz-Fernández, P. Méndez-Rodríguez // *Revista de Saúde Pública*. 2016. Vol. 50, No. 8. Pp. 30–45. DOI [10.1590/S1518-8787.2016050005917](https://doi.org/10.1590/S1518-8787.2016050005917).
8. Bonnen, K.I. Determinants of First and Second Trimester Induced Abortion – Results from a Cross-Sectional Study Taken Place 7 Years after Abortion Law Revisions in Ethiopia / K. I. Bonnen, D. N. Tuijje, V. Rasch // *BMC Pregnancy Childbirth*. 2014. Vol. 14, No. 416. Pp. 58–70. DOI [10.1186/s12884-014-0416-9](https://doi.org/10.1186/s12884-014-0416-9).
9. Huneeus, A. Induced Abortion According to Socioeconomic Status in Chile / A. Huneeus, D. Capella, B. Cabieses, G. Cavada // *Journal of Pediatric and Adolescent Gynecology*. 2020. Vol. 33, No. 4. Pp. 415–420. DOI [10.1016/j.jpog.2020.03.003](https://doi.org/10.1016/j.jpog.2020.03.003).
10. Hosseini, H. Factors Associated with Incidence of Induced Abortion in Hamedan / H. Hosseini, A. Erfani, M. Nojomi // *Archives of Iranian Medicine*. 2017. Vol. 20, No. 5. Pp. 282–287.
11. Korejo, R. Sociocultural Determinants of Induced Abortion / R. Korejo, K. J. Noorani, S. Bhutta // *Journal of College of Physicians and Surgeons Pakistan*. 2003. Vol. 13, No. 5. Pp. 260–262.
12. Elul, B. Determinants of Induced Abortion: An Analysis of Individual, Household and Contextual Factors in Rajasthan, India // *Journal of Biosocial Science*. 2011. Vol. 43, No. 1. Pp. 1–17. DOI [10.1017/s0021932010000490](https://doi.org/10.1017/s0021932010000490).
13. Ahmed, S. Determinants of Pregnancy and Induced and Spontaneous Abortion in a Jointly Determined Framework: Evidence from a Country-Wide, District-Level Household Survey in India / S. Ahmed, R. Ray // *Journal of Biosocial Science*. 2014. Vol. 46, No. 4. Pp. 480–517. DOI [10.1017/S0021932013000369](https://doi.org/10.1017/S0021932013000369).
14. Kant, S. Induced Abortion in Villages of Ballabgarh HDSS: Rates, Trends, Causes and Determinants / S. Kant, R. Srivastava, S. K. Rai [et al.] // *Reproductive Health*. 2015. Vol. 12, No. 51. Pp. 1–7. DOI [10.1186/s12978-015-0040-9](https://doi.org/10.1186/s12978-015-0040-9).
15. Gil-Lacruz A.I. Socio-Economic Determinants of Abortion Rates / A. I. Gil-Lacruz, M. Gil-Lacruz, E. B. Cuenca // *Sexuality Research and Social Policy*. 2010. Vol. 9, No. 2. Pp. 1–28. DOI [10.1007/s13178-011-0056-z](https://doi.org/10.1007/s13178-011-0056-z).
16. Sousa, A. Exploring the Determinants of Unsafe Abortion: Improving the Evidence Base in Mexico / A. Sousa, R. Lozano, E. Gakidou // *Health Policy Plan*. 2010. Vol. 25, No. 4. Pp. 300–310. DOI [10.1093/heapol/czp061](https://doi.org/10.1093/heapol/czp061).
17. Moscelli, G. Socioeconomic Inequality of Access to Healthcare: Does Choice Explain the Gradient? / G. Moscelli, L. Siciliani, N. Gutacker, R. Cookson // *Journal of Health Economics*. 2018. Vol. 57. Pp. 290–314. DOI [10.1016/j.jhealeco.2017.06.005](https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2017.06.005).
18. Alamneh, T. S. Socioeconomic Inequality in Barriers for Accessing Health Care among Married Reproductive Aged Women in Sub-Saharan African Countries: A Decomposition Analysis / T. S. Alamneh,

A. B. Teshale, Y. Yeshaw [et al.] // BMC Women's Health. 2022. Vol. 22, No. 1. Pp. 3–25. DOI [10.1186/s12905-022-01716-y](https://doi.org/10.1186/s12905-022-01716-y).

19. *Dehlendorf, C.* Disparities in Abortion Rates: A Public Health Approach / C. Dehlendorf, L. H. Harris, T. A. Weitz // American Journal of Public Health. 2013. Vol. 103, No. 10. Pp. 1772–1779. DOI [10.2105/AJPH.2013.301339](https://doi.org/10.2105/AJPH.2013.301339).

20. *Лупекина, Е. А.* Социальные и личностные особенности женщин, планирующих прерывание беременности / Е. А. Лупекина, М. С. Бондаренко // Право. Экономика. Психология. 2022. № 2(26). С. 64–70. EDN [IZZTAV](https://www.edn.ru/IZZTAV).

21. *Канторович, Г. Г.* Анализ временных рядов // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2003. Т. 7, № 1. С. 79–103. EDN [YYSZVZ](https://www.edn.ru/YYSZVZ).

22. *Horga, M.* How Can the Rates of Induced Abortion Be Reduced? / M. Horga, F. Ludicke // Towards Better Reproductive Health in Eastern Europe. Budapest : Central European University Press, 1999. Pp. 99–128. DOI [10.1515/9789633865064-010](https://doi.org/10.1515/9789633865064-010).

23. *Farrar, D. E.* Multicollinearity in Regression Analysis: The Problem Revisited / D. E. Farrar, R. R. Glauber // The Review of Economics and Statistics. 1967. Vol. 49, No. 1. Pp. 92–107. DOI [10.2307/1937887](https://doi.org/10.2307/1937887).

24. *Engle, R.* Co-Integration and Error Correction: Representation, Estimation, and Testing / R. Engle, C. W. J. Granger // Econometrica. 1987. Vol. 55, No. 2. Pp. 251–276. DOI [10.2307/1913236](https://doi.org/10.2307/1913236).

25. *Алехин, Б. И.* Монеатарная бедность и образование в России // Финансовый журнал. 2023. Т. 15, № 4. С. 43–62. DOI [10.31107/2075-1990-2023-4-43-62](https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-4-43-62). EDN [MUCBLP](https://www.edn.ru/MUCBLP).

26. *Kao, C.* International R&D Spillovers: An Application of Estimation and Inference in Panel Cointegration / C. Kao, M.-H. Chiang, B. Chen // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. 1999. Vol. 61, No. S1. Pp. 691–709. DOI [10.1111/1468-0084.0610s1691](https://doi.org/10.1111/1468-0084.0610s1691).

27. *Алехин, Б. И.* Человеческий капитал и рост региональных экономик // Пространственная экономика. 2021. Т. 17, № 2. С. 57–80. DOI [10.14530/se.2021.2.057-080](https://doi.org/10.14530/se.2021.2.057-080). EDN [BQCTHT](https://www.edn.ru/BQCTHT).

Сведения об авторе

Алехин Борис Иванович, доктор экономических наук, профессор.

Контактная информация: e-mail: b.i.alekhin@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-9571-4836](https://orcid.org/0000-0002-9571-4836); РИНЦ SPIN-код: [8540-7080](https://elibrary.ru/8540-7080); Web of Science Researcher ID: [LKO-3051-2024](https://orcid.org/LKO-3051-2024); Scopus Author ID: [57230335400](https://orcid.org/57230335400).

Статья поступила в редакцию 24.07.2024; принята в печать 27.09.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DETERMINANTS OF ABORTION BEHAVIOR OF THE POPULATION OF RUSSIAN REGIONS

Boris I. Alekhin

E-mail: b.i.alekhin@gmail.com

For citation: Alekhin, Boris I. Determinants of Abortion Behavior of the Population of Russian Regions. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 115–138. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.7).

Abstract. Induced abortion remains among main methods of birth control. This method, called “abortive (abortion) behavior”, is one of the reasons for the low birth rate in Russia in the late 20th century and the first quarter of the 20th century. The relevance of this study is due to the need, firstly, to constantly focus public discourse on abortive behavior as a threat to Russia's demographic security and, secondly, to search for reserves for Russia's demographic development in the context of a decrease in the number of women of reproductive age. This article, written by an economist, is devoted to the determinants of the abortion rate in Russia and its regions. To econometrically test the author's assumptions about the determinants from official statistics, a panel of 82 regions for 2000–2022 was formed. Some determinants turned out to be non-stationary. To test the idea of a long-term, equilibrium relationship between the non-stationary abortion rate

(the number of abortions per 1,000 women aged 15–49) and non-stationary determinants, a cointegration analysis was used. The result is a cointegrating equation for the abortion rate, which showed that conservatives, if not catalysts, of the abortion rate were the growth in the share of the population with less than a college education and (to a lesser extent) the growth in the incidence of major disease classes, while the inhibitor was the growth in total living space per capita. Among the determinants selected by the author, there are stationary ones. Having transformed the abortion rate into a stationary variable by taking the first difference, the author regressed it on these determinants to identify the short-term relationship between them. Per capita consumer spending had the greatest short-term effect. As it increased, the abortion rate decreased. Per capita cash income, the volume of paid services to the population, the share of the population with cash income below the poverty line and the share of alcohol in consumer spending turned out to be stimulators of abortion behavior in the short term.

Keywords: abortive behavior, abortion behavior, induced abortion, determinants, region, Russia

References

1. Bearak, J. M. Country-Specific Estimates of Unintended Pregnancy and Abortion Incidence: A Global Comparative Analysis of Levels in 2015–2019 / J. M. Bearak, A. Popinchalk, C. Beavin [et al.] *BMJ Global Health*. 2022. Vol. 7, No. 3. Pp. 24–53. DOI [10.1136/bmjgh-2021-007151](https://doi.org/10.1136/bmjgh-2021-007151).
2. *Reproduktivnoye zdorov'ye naseleniya Rossii, 2011 [Reproductive health of the population of Russia, 2011]* : final report, May, 2013 / Federal State Statistics Service (Rosstat), Ministry of Health of the Russian Federation, United Nations Population Fund (UNFPA), Division of Reproductive Health, Centers for Disease Control and Prevention (DRH/CDC, Atlanta, USA); [translated from English by N. Elagina, Yu. Lazareva]. Moscow : Statistics of Russia, 2013. 343 p. (In Russ.).
3. Denisov, B. P. Aborty v Rossii (po materialam vyborochnogo obsledovaniya) [Abortions in Russia (based on a sample survey)] / B. P. Denisov, V. I. Sakevich. *Dokazatel'naya meditsina i klinicheskaya epidemiologiya [Evidence-Based Medicine and Clinical Epidemiology]*. 2009. Vol. 2, No. 2. Pp. 32–37. (In Russ.).
4. Ryazantsev S. V. Abortions and Abortive Behavior in the Context of Searching for Demographic Development / S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya, E. P. Sigareva, S. Yu. Sivoplyasova. *Human Ecology*. 2019. No. 7. Pp. 17–23. DOI [10.33396/1728-0869-2019-7-17-23](https://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-7-17-23). (In Russ.).
5. Davis, K. Social Structure and Fertility: An Analytic Framework / K. Davis, J. Blake. *Economic Development and Cultural Change*. 1956. Vol. 4, No. 4. Pp. 211–235. DOI [10.1086/449714](https://doi.org/10.1086/449714).
6. Trent, K. Structural Determinants of the Abortion Rate: A Cross-Societal Analysis / K. Trent, A. W. Hoskin. *Social Biology*. 1999. Vol. 46, No. 1–2. Pp. 62–81.
7. Llorente-Marrón, M. Contextual Determinants of Induced Abortion: A Panel Analysis / M. Llorente-Marrón, M. Díaz-Fernández, P. Méndez-Rodríguez. *Revista de Saúde Pública*. 2016. Vol. 50, No. 8. Pp. 30–45. DOI [10.1590/S1518-8787.2016050005917](https://doi.org/10.1590/S1518-8787.2016050005917).
8. Bonnen, K.I. Determinants of First and Second Trimester Induced Abortion – Results from a Cross-Sectional Study Taken Place 7 Years after Abortion Law Revisions in Ethiopia / K. I. Bonnen, D. N. Tuijje, V. Rasch. *BMC Pregnancy Childbirth*. 2014. Vol. 14, No. 416. Pp. 58–70. DOI [10.1186/s12884-014-0416-9](https://doi.org/10.1186/s12884-014-0416-9).
9. Huneeus, A. Induced Abortion According to Socioeconomic Status in Chile / A. Huneeus, D. Capella, B. Cabieses, G. Cavada. *Journal of Pediatric and Adolescent Gynecology*. 2020. Vol. 33, No. 4. Pp. 415–420. DOI [10.1016/j.jpjag.2020.03.003](https://doi.org/10.1016/j.jpjag.2020.03.003).
10. Hosseini, H. Factors Associated with Incidence of Induced Abortion in Hamedan / H. Hosseini, A. Erfani, M. Nojomi. *Archives of Iranian Medicine*. 2017. Vol. 20, No. 5. Pp. 282–287.
11. Korejo, R. Sociocultural Determinants of Induced Abortion / R. Korejo, K. J. Noorani, S. Bhutta. *Journal of College of Physicians and Surgeons Pakistan*. 2003. Vol. 13, No. 5. Pp. 260–262.
12. Elul, B. Determinants of Induced Abortion: An Analysis of Individual, Household and Contextual Factors in Rajasthan, India. *Journal of Biosocial Science*. 2011. Vol. 43, No. 1. Pp. 1–17. DOI [10.1017/s0021932010000490](https://doi.org/10.1017/s0021932010000490).
13. Ahmed, S. Determinants of Pregnancy and Induced and Spontaneous Abortion in a Jointly Determined Framework: Evidence from a Country-Wide, District-Level Household Survey in India / S. Ahmed, R. Ray. *Journal of Biosocial Science*. 2014. Vol. 46, No. 4. Pp. 480–517. DOI [10.1017/S0021932013000369](https://doi.org/10.1017/S0021932013000369).
14. Kant, S. Induced Abortion in Villages of Ballabgarh HDSS: Rates, Trends, Causes and Determinants / S. Kant, R. Srivastava, S. K. Rai [et al.] *Reproductive Health*. 2015. Vol. 12, No. 51. Pp. 1–7. DOI [10.1186/s12978-015-0040-9](https://doi.org/10.1186/s12978-015-0040-9).

15. Gil-Lacruz A.I. Socio-Economic Determinants of Abortion Rates / A. I. Gil-Lacruz, M. Gil-Lacruz, E. B. Cuenca. *Sexuality Research and Social Policy*. 2010. Vol. 9, No. 2. Pp. 1–28. DOI [10.1007/s13178-011-0056-z](https://doi.org/10.1007/s13178-011-0056-z).
16. Sousa, A. Exploring the Determinants of Unsafe Abortion: Improving the Evidence Base in Mexico / A. Sousa, R. Lozano, E. Gakidou. *Health Policy Plan*. 2010. Vol. 25, No. 4. Pp. 300–310. DOI [10.1093/heapol/czp061](https://doi.org/10.1093/heapol/czp061).
17. Moscelli, G. Socioeconomic Inequality of Access to Healthcare: Does Choice Explain the Gradient? / G. Moscelli, L. Siciliani, N. Gutacker, R. Cookson. *Journal of Health Economics*. 2018. Vol. 57. Pp. 290–314. DOI [10.1016/j.jhealeco.2017.06.005](https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2017.06.005).
18. Alamneh, T. S. Socioeconomic Inequality in Barriers for Accessing Health Care among Married Reproductive Aged Women in Sub-Saharan African Countries: A Decomposition Analysis / T. S. Alamneh, A. B. Teshale, Y. Yeshaw [et al.] *BMC Women's Health*. 2022. Vol. 22, No. 1. Pp. 3–25. DOI [10.1186/s12905-022-01716-y](https://doi.org/10.1186/s12905-022-01716-y).
19. Dehlendorf, C. Disparities in Abortion Rates: A Public Health Approach / C. Dehlendorf, L. H. Harris, T. A. Weitz. *American Journal of Public Health*. 2013. Vol. 103, No. 10. Pp. 1772–1779. DOI [10.2105/AJPH.2013.301339](https://doi.org/10.2105/AJPH.2013.301339).
20. Lupekina, E. A. Social and Personal Characteristics of Women Who Plan to Terminate Their Pregnancy / E. A. Lupekina, M. S. Bondarenko. *Law. Economics. Psychology*. 2022. No. 2(26). Pp. 64–70. (In Russ.).
21. Kantorovich, G. G. Time Series Analysis. *HSE Economic Journal*. 2003. Vol. 7, No. 1. Pp. 79–103. (In Russ.).
22. Horga, M. How Can the Rates of Induced Abortion Be Reduced? / M. Horga, F. Ludicke. *Towards Better Reproductive Health in Eastern Europe*. Budapest : Central European University Press, 1999. Pp. 99–128. DOI [10.1515/9789633865064-010](https://doi.org/10.1515/9789633865064-010).
23. Farrar, D. E. Multicollinearity in Regression Analysis: The Problem Revisited / D. E. Farrar, R. R. Glauber. *The Review of Economics and Statistics*. 1967. Vol. 49, No. 1. Pp. 92–107. DOI [10.2307/1937887](https://doi.org/10.2307/1937887).
24. Engle, R. Co-Integration and Error Correction: Representation, Estimation, and Testing / R. Engle, C. W. J. Granger. *Econometrica*. 1987. Vol. 55, No. 2. Pp. 251–276. DOI [10.2307/1913236](https://doi.org/10.2307/1913236).
25. Alekhin B. I. Monetary Poverty and Education in Russia. *Financial Journal*. 2023. Vol. 15, No. 4. Pp. 43–62. DOI [10.31107/2075-1990-2023-4-43-62](https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-4-43-62). (In Russ.).
26. Kao, C. International R&D Spillovers: An Application of Estimation and Inference in Panel Cointegration / C. Kao, M.-H. Chiang, B. Chen. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 1999. Vol. 61, No. S1. Pp. 691–709. DOI [10.1111/1468-0084.0610s1691](https://doi.org/10.1111/1468-0084.0610s1691).
27. Alekhin B. I. Human Capital and Regional Economic Growth in Russia. *Spatial Economics*. 2021. Vol. 17, No. 2. Pp. 57–80. DOI [10.14530/se.2021.2.057-080](https://doi.org/10.14530/se.2021.2.057-080). (In Russ.).

Bio note

Boris I. Alekhin, Doctor of Economic Sciences, Professor.

Contact information: e-mail: b.i.alekhin@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-9571-4836](https://orcid.org/0000-0002-9571-4836); RSCI SPIN code: [8540-7080](https://www.rsci.spin.ru/8540-7080); Web of Science Researcher ID: [LKO-3051-2024](https://orcid.org/LKO-3051-2024); Scopus Author ID: [57230335400](https://orcid.org/57230335400).

Received on 24.07.2024; accepted for publication on 27.09.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8)EDN [KRVKOR](https://www.edn.ru/KRVKOR)

ДЕПОПУЛЯЦИЯ В РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1992–2024 ГГ.

Рыбаковский О. Л.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: 1246185@mail.ru

Для цитирования: Рыбаковский, О. Л. Депопуляция в регионах Европейской России в 1992–2024 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 139–151. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8). EDN [KRVKOR](https://www.edn.ru/KRVKOR).

Аннотация. Предмет исследования – постоянное население тех регионов Европейской России, где устойчивая естественная убыль (депопуляция) в целом имела место в 1992–2024 гг. Тема исследования – абсолютные и относительные масштабы депопуляции, соотношение ее основных составляющих (рождаемости и смертности), а также наиболее существенные демографические факторы этого негативного процесса; прежде всего, миграционная составляющая (внешняя для регионов миграция), компенсирующая либо усугубляющая демографическое развитие данных территорий. Цель исследования – выявить среди регионов Европейской части России, имеющих за 33 постсоветских года депопуляцию, типичные по наиболее существенным признакам группы, раскрыть основные факторы, воздействующие на уровень депопуляции и характер демографического развития в них. Методы исследования – традиционные – демографический статистический анализ, использование относительных демографических показателей для корректного межтерриториального сравнения. Источник всех данных для расчетов – Росстат. Результаты исследования: выделены три типичные группы регионов Европейской России по масштабам, характеру депопуляции и роли миграционных процессов в них. Первая группа – регионы с максимальным уровнем коэффициента депопуляции, в большей степени пострадавшие в годы Великой Отечественной войны и/или от последующих миграционных процессов. Вторая группа – успешные в социально-экономическом плане территории Европейской России, имеющие умеренное значение коэффициента депопуляции и в значительной степени компенсирующие естественную убыль миграционным приростом в основном из других регионов страны. Третья группа – регионы, характеризующиеся умеренным уровнем депопуляции, несмотря на миграционную убыль из них. В первую очередь это регионы Европейского Крайнего Севера и северного Предуралья. Научный вклад – дополнена и применена методика корректного территориального сравнения регионов России по масштабам и характеру депопуляции в них. Выводы: Европейская и Азиатская части нашей страны развиваются демографически непропорционально. Европейская часть все постсоветское время «подпитывается» населением миграционным путем за счет Азиатской части. Стоящие перед государством задачи требуют обратного. Переломить этот вектор можно усилиями государства и с учетом законов рыночной экономики. Область применения результатов – для работников социальной сферы и исследователей, интересующихся демографической проблематикой российских регионов.

Ключевые слова: постоянное население регионов Европейской России, депопуляция, компенсация естественной убыли миграционным приростом, коэффициент депопуляции, факторы депопуляции

Введение. Постановка проблемы

Депопуляция – «устойчивая естественная убыль населения, превышение числа смертей над числом рождений за длительный период» [1, с. 120]. Российская Федерация вступила в депопуляцию сразу с момента своего образования, то есть с конца 1991 г., хотя в отдельных регионах западной части страны депопуляция началась значительно раньше. Помимо исторических факторов, прежде всего, последствий

Великой Отечественной войны и кризиса девяностых годов, напрямую на депопуляцию в регионах России, и не только в Европейской, но и во всей стране, продолжают влиять пять демографических факторов. Прежде всего, это детерминированная экономическими составляющими миграция населения, как межрегиональная, так и зарубежная. Второй фактор – этническая структура основной части населения регионов и их вероисповедание. Третий фактор – низкая рождаемость в подавляющем большинстве российских регионов. Четвертый фактор – еще недостаточно низкая смертность в большинстве российских регионов, особенно касательно Европейской части России, в регионах Крайнего Севера, севера Предуралья и регионов второго-третьего кольца окружения Москвы. Пятый фактор – следствие четырех предыдущих – сложившаяся на текущий год половозрастная структура населения.

Вследствие этого экономически развитые регионы России, в том числе ее Европейской части, привлекающие население миграционным путем как из других менее развитых регионов РФ, так и из-за рубежа, компенсируют миграцией часть своих воспроизводственных потерь и перманентно улучшают половозрастную структуру своего постоянного населения. Большинство же других регионов Европейской России, менее экономически развитых или находящихся в экстремальных климатических условиях, если и имеют депопуляцию, то она усугубляется межрегиональной убылью населения.

Объект данного исследования – население регионов Центрального, Северо-Западного¹, Приволжского, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов РФ по оценке на 1 января 2025 г. (без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям. Предмет исследования – естественная убыль населения депопулирующих регионов Европейской части России с начала 1992 г. до конца 2024 г., ее компоненты, региональные особенности, основные демографические факторы и их вклад в демографическое развитие Российской Федерации за 33 постсоветских года.

Основной целью исследования является выявление среди регионов Европейской России за весь постсоветский период до начала 2025 г. различных групп территорий по масштабам и относительным размерам депопуляции, по уровню компенсации либо усугубления депопуляции миграционным приростом/убылью, равно как и попытка объяснить, какие основные демографические факторы этому способствуют.

Обзор научной литературы

Первые статьи о депопуляции в постсоветской России, в том числе в ее Европейской части, начали появляться сразу после ее начала в стране в целом, т. е. с 1992 г. До нынешнего года депопуляция имела место лишь в нескольких территориях Европейской России, «наиболее пострадавших от войны 1941–1945 гг. Псковской и Тверской областях, а также и в областях Рязанской, Тамбовской и Тульской» [1, с. 120–121]. За 30 с небольшим лет о депопуляции в РФ написано множество

¹ Ненецкий автономный округ учтен отдельно.

статей, монографий и коллективных трудов, проведены десятки общероссийских и международных конференций. Все эти труды касаются проблем депопуляции либо в России в целом, ее этапов, особенностей и факторов [2–8]; либо в ее отдельных частях, регионах, например [9]; либо в региональном разрезе в масштабах всей страны [10–12]. Авторы оценивают не только масштабы, глубину депопуляции, но и основные факторы такого негативного процесса. Среди основных факторов депопуляции выявляют последствия первой и второй мировых войн [13], кризиса 1990-х гг., общемировые тенденции снижения рождаемости, переход России к рыночной экономике и ускорившиеся в связи с этим процессы урбанизации и эмансипации, рост дифференциации социально-экономического развития регионов страны и усиление в данной связи экономически детерминированной миграции и т. д. Все эти факторы в конечном счете так или иначе ухудшали и продолжают ухудшать пространственную структуру населения страны в целом либо ее значительной части. Отдельные из факторов вели к росту смертности населения, другие – к снижению его рождаемости. Так, отток населения всегда ухудшал структуру остающегося населения [14].

В ряде работ, помимо прочего, рассматриваются вопросы связи депопуляции с геополитикой и политикой России на современном этапе [15; 16], в разрезе типа местности, в отдельных общих с Европейской Россией по проблеме депопуляции государствах постсоветского пространства (Украине и Республике Беларусь [17]) и т. д.

В настоящей работе подводятся общие итоги депопуляции в Европейской части Российской Федерации за 33 постсоветских года в региональном разрезе с выделением групп, типичных по характеру воспроизводственных процессов в них, показана роль миграции как одного из важнейших факторов, воздействующих (с временным лагом) на уровень депопуляции в территориях страны.

Методология и методы исследования, источники информации

Для проведения анализа и достижения поставленных целей в работе использованы классические приемы сравнительного демографического анализа. В частности, это построение относительных демографических показателей, таких как коэффициент депопуляции (отношения числа умерших к числу родившихся за период); уровень компенсации естественной убыли миграционным приростом; доля естественной убыли в общей убыли населения; темпы прироста населения и т. п.

Источником информации для всех расчетов является Росстат – Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Информация представлена по состоянию на август 2024 г. Данные о численности населения регионов Европейской России в 1992 г. взяты из демографического ежегодника 2001 г.², то есть до начала различных корректировок Росстатом. Поправки трех переписей населения РФ рассчитаны нами ранее [10]. Суммарное значение естественной убыли с 1992 по 2023 г. на 200 тыс. человек меньше, чем по последним данным Росстата. Проблема здесь в том, что оценку численности постоянного населения

² Демографический ежегодник России : Стат. сб. Москва : Госкомстат России, 2001. 403 с. ISBN 5-89476-084-4.

России на начало 1992 г. после переписи населения 2002 г. и трех лет обработки результатов переписи Росстат уточнил на 200 тыс. человек в большую сторону. Оставим это без комментариев. Мы больше верим оценке на начало 1992 г., исходящей от переписи населения СССР (и РСФСР) 1989 г., которая, в отличие от постсоветских переписей населения, проводилась не только по постоянному, но и по наличному населению. Она была последней точной переписью в истории современной России. Погрешность данной переписи (400 тыс. человек) была после переписи выявлена и учтена в ее итогах. Три же постсоветских переписи населения суммарно имели погрешность на федеральном уровне плюс 4,3 млн человек, а «на региональном уровне поправки были в три раза выше, суммарно по абсолютной величине 13,1 млн человек» [10, с. 71].

Оценка естественной убыли (прироста) за 2024 г. проводилась автором статьи двумя путями. Первый – это оценка по данным за первое полугодие 2024 г. в сравнении с 2023 г. Второй вариант – среднее арифметическое между средними вариантами двух прогнозов Росстата, последним до пандемии COVID-19 (декабрь 2019 г.) и последним на настоящее время (декабрь 2023 г.). Обе оценки практически совпали, расхождение составило около 600 тыс. человек. Что не случайно, так как истина часто находится посередине (рис. 1).

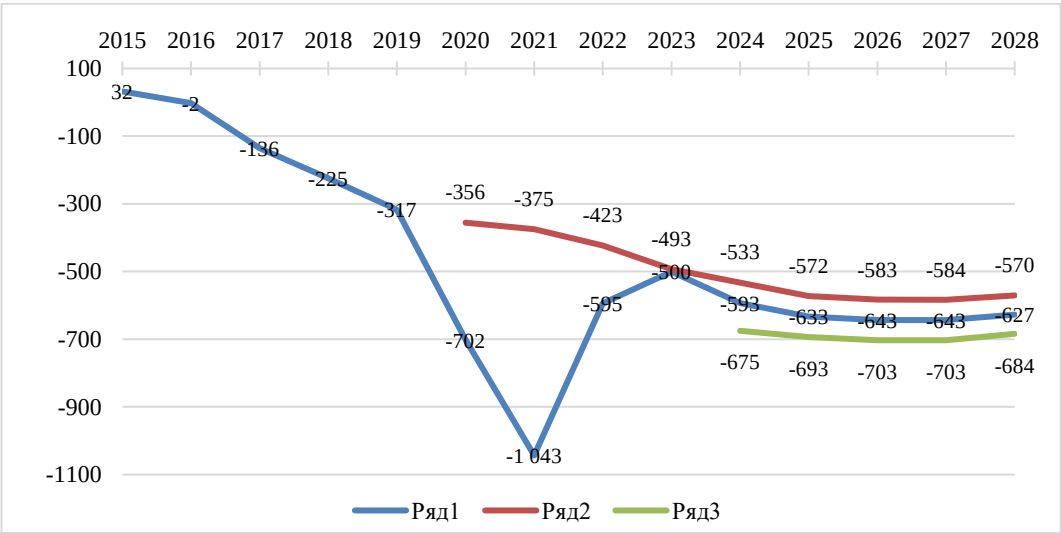

Рис. 1. Естественная убыль населения РФ (тыс. человек)

Fig. 1. Natural population decline in the Russian Federation (thousand people)

Примечание: Ряд 1 – текущие данные до 2024 г., прогноз автора на 2024 г., далее – средние из значений рядов 2 и 3; Ряд 2 – средний вариант прогноза Росстата от 29.12.2019; Ряд 3 – средний вариант прогноза Росстата от 29.12.2023

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

На региональном уровне данные о естественной убыли (приросте) оценивались по оперативной информации за первое полугодие 2024 г. в сравнении с 2023 г.

Результаты и обсуждение

На основании проведенного анализа выделены три ключевые группы регионов Европейской части России по коэффициенту депопуляции и иным ее признакам. В первую группу вошли регионы с максимальными коэффициентами депопуляции суммарно за 33 года. В основном это территории России, более других пострадавшие во время Великой Отечественной войны (табл. 1).

Первое место по коэффициенту депопуляции не только в Европейской России, но и во всей Российской Федерации занимают Тульская, Псковская, Тверская и Смоленская области, которые не только сильно пострадали во время Великой Отечественной войны, но и миграционным путем активно отдавали свое население все послевоенное время на освоение Крайнего Севера и восточных территорий СССР, а в постсоветское время были источником пополнения населения Москвы и Санкт-Петербурга. Эти регионы в результате вышеуказанных обстоятельств имеют и самое старое население в стране.

Таблица 1

Показатели депопуляции и демографического развития отдельных территорий Европейской России за 1992–2024 гг.

Table 1

Indicators of depopulation and demographic development of individual territories of European Russia in 1992–2024

Регионы	Умерло на 1 000 родившихся	Естественная убыль (тыс. человек)	Темпы прироста населения к 01.01.1992 (%)	Компенсация естественной убыли миграционным приростом* (%)
Тульская область	2 350	-577	-20,6	34
Псковская область	2 303	-270	-31,6	2
Тверская область	2 187	-496	-28,5	5
Смоленская область	2 110	-317	-26,2	4
Ивановская область	2 098	-348	-30,4	-
Ленинградская область	2 092	-483	22,9	179
Новгородская область	2 067	-214	-24,5	14
Рязанская область	2 062	-358	-20,1	24
Тамбовская область	2 062	-333	-27,9	-
Владимирская область	1 966	-420	-21,6	15
Воронежская область	1 886	-609	-8,5	66
Ярославская область	1 881	-352	-19,7	18
Орловская область	1 867	-210	-24,1	-
Курская область	1 864	-315	-20,8	12
Нижегородская область	1 838	-869	-19,5	16
Пензенская область	1 820	-331	-21,1	1
Костромская область	1 801	-179	-30,4	-
Брянская область	1 800	-323	-22,4	-
Итого / в среднем	1 980	-7 004	-19,2	25,3

Примечание: *с учетом поправок трех переписей населения РФ

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата

Серьезную компенсацию миграцией за 33 постсоветских года получила в данной группе регионов лишь экономически развитая в промышленном отношении Ленинградская область, суммарный миграционный прирост в которую в 1,8 раза превысил по абсолютной величине ее естественную убыль. И это притом, что

Ленинградская область является аутсайдером РФ по суммарному коэффициенту рождаемости.

Пять областей из табл. 1 (Ивановская, Тамбовская, Орловская, Костромская и Брянская) компенсации миграционным приростом за 33 постсоветских года не имели. Суммарно у них была миграционная убыль населения в другие регионы страны. Доля естественной убыли в общей убыли в обозначенных регионах за 33 года составляла от 73% до 99%.

Все прочие регионы из табл. 1 имели компенсацию миграционным приростом, который был тем ощутимей, чем выше был уровень их экономического развития в постсоветское время. Так, Воронежская область, экономически развитый в промышленном и сельскохозяйственном отношении регион Центрально-Черноземного экономического района России, на 2/3 компенсировала свою естественную убыль миграционным приростом. Напротив, экономически отсталая Ивановская область за весь постсоветский период, помимо естественной убыли 348 тыс. человек, имела и миграционную убыль более чем 30 тыс. человек.

Миграция ведет к ухудшению половозрастной структуры населения региона исхода мигрантов и улучшает половозрастную структуру населения региона приема мигрантов [14; 18]. Вследствие чего у многих регионов из табл. 1, имеющих минимальную компенсацию естественной убыли миграционным приростом либо вообще ее не имеющих, структура населения старая, что усугубляет процесс депопуляции в них в дальнейшем. Но чем промышленно более развит регион, тем при прочих равных условиях в нем рождаемость ниже. Этим обстоятельством объясняется первое место по коэффициенту депопуляции в России Тульской области.

Во вторую группу входят наиболее экономически развитые регионы Европейской части страны, имеющие умеренные значения коэффициента депопуляции, что объясняется в большей степени миграционным фактором (табл. 2).

Большинство из перечисленных территорий получило значительную компенсацию естественной убыли миграционным приростом, как правило, за счет других регионов страны. К примеру, Москва весь постсоветский период по текущим данным о миграции на 4/5 миграционным путем пополнялась за счет российского населения.

Таблица 2

**Показатели депопуляции и демографического развития отдельных территорий
Европейской России за 1992–2024 гг.**

Table 2

**Indicators of depopulation and demographic development of individual territories
of European Russia in 1992–2024**

Регионы	Умерло на 1 000 родившихся	Естественная убыль (тыс. человек)	Темпы прироста населения к 01.01.1992 (%)	Компенсация естествен- ной убыли миграцион- ным приростом* (%)
г. Москва	1 241	-830	48,8	622
Краснодарский край	1 305	-575	23,4	293
Республика Татарстан	1 111	-158	8,2	293
Ставропольский край	1 200	-195	14,9	292
Московская область	1 591	-1298	30,8	258
Республика Адыгея	1 290	-47	14,1	232

Регионы	Умерло на 1 000 родившихся	Естественная убыль (тыс. человек)	Темпы прироста населения к 01.01.1992 (%)	Компенсация естественной убыли миграционным приростом* (%)
Калининградская область	1 456	-141	15,8	200
г. Санкт-Петербург	1 449	-702	12,6	189
Белгородская область	1 577	-270	5,7	130
Республика Башкортостан	1 120	-189	1,3	127
Калужская область	1 763	-242	-1,1	95
Самарская область	1 516	-536	-4,3	74
Ростовская область	1 540	-736	-4,7	72
Липецкая область	1 753	-271	-10,4	53
Волгоградская область	1 526	-430	-7,7	52
Саратовская область	1 639	-500	-12,7	31
Итого / в среднем	1 381	-7 120	15,1	214

Примечание: *с учетом поправок трех переписей населения РФ

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата

Коэффициент депопуляции во второй группе территорий почти в полтора раза был ниже, чем в первой группе территорий из табл. 1, что в значительной степени связано с различиями в половозрастной структуре населения двух групп территорий и более низким уровнем смертности населения регионов из таблицы 2.

В отношении к этой же группе и развивающимся опережающими темпами Севастополе за последние 10 лет (с 2015 по 2024 г.) коэффициент депопуляции составил 1 375 умерших на 1 000 родившихся. Естественная убыль была равна 16 тыс. человек, тем не менее темпы прироста приблизились к 37%, а миграционный прирост превысил естественную убыль по абсолютной величине в 10,5 раза.

В третью группу входят регионы европейского Крайнего Севера, Приволжского федерального округа (кроме экономических лидеров), а также Астраханская область из Южного федерального округа (табл. 3).

Данные территории имеют умеренные значения коэффициента депопуляции. Но в отличие от регионов из табл. 2 вместо компенсации миграцией их естественная убыль усугубляется миграционной убылью в более экономически развитые регионы страны. Продолжают действовать открытые в конце XIX в. Э. Равенштейном законы миграции, основной из них следующий: «Социальное и (или) экономическое неравенство между различными местностями порождает притягивающие влияния в более «процветающих» местностях и отталкивающие влияния в менее «процветающих» [14; 18].

Таблица 3

Показатели депопуляции и демографического развития отдельных территорий Европейской России за 1992–2024 гг.

Table 3

Indicators of depopulation and demographic development of selected territories of European Russia in 1992–2024

Регионы	Умерло на тысячу родившихся (человек)	Естественная убыль (тыс. человек)	Темпы прироста населения за 33 года относительно 01.01.1992 (%)	Доля естественной убыли в общей убыли* (%)
Республика Мордовия	1 754	-183	-21,0	90
Кировская область	1 689	-309	-32,3	58
Республика Карелия	1 621	-137	-34,9	49

Регионы	Умерло на тысячу родившихся (человек)	Естественная убыль (тыс. человек)	Темпы прироста насе- ления за 33 года отно- сительно 01.01.1992 (%)	Доля естественной убыли в общей убыли* (%)
Ульяновская область	1 595	-245	-19,1	89
Вологодская область	1 532	-226	-18,0	93
Архангельская область	1 444	-191	-36,9	33
Пермский край	1 346	-353	-18,5	63
Республика Марий Эл	1 297	-75	-12,4	79
Чувашская Республика	1 259	-118	-14,3	61
Оренбургская область	1 253	-196	-16,4	55
Мурманская область	1 222	-60	-43,8	12
Удмуртская Республика	1 178	-104	-12,7	50
Республика Коми	1 176	-61	-42,6	12
Астраханская область	1 120	-48	-6,1	78
Итого / в среднем	1 367	-2 306	-23,0	50

Примечание: * с учетом поправок трех переписей населения РФ

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата

В относящейся к этой же группе Республике Крым за 10 лет – с 2015 по 2024 г. – коэффициент депопуляции составил 1 497 умерших на 1 000 родившихся. Естественная убыль была равна 96 тыс. человек, темпы прироста приблизились к минус 11%, а миграционный прирост компенсировал естественную убыль почти на 40%.

Остальные территории Европейской части России за 33 года депопуляции в целом не имели. Это Республика Дагестан, Чеченская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, входящий в состав Архангельской области Ненецкий автономный округ.

Среди них только у Республики Ингушетия по текущим данным за 33 года был в целом положительный миграционный прирост. С учетом поправок трех постсоветских переписей населения положительный общий прирост населения за 33 года не имели только три региона из данной группы. К ним относятся Республика Северная Осетия-Алания (–2%), Республика Калмыкия (–18%) и Ненецкий автономный округ (–19%). Все остальные республики Северного Кавказа с учетом переписных поправок имели положительные темпы прироста населения – от 9% в Карачаево-Черкесской Республике до 160% в Республике Ингушетия.

Итоги

В целом за период 1992–2024 гг. в первой группе территорий с максимальными значениями коэффициента депопуляции (табл. 1) общий коэффициент рождаемости был на 20% ниже, чем в среднем по стране, общий коэффициент смертности, напротив, был на 24% выше, чем в среднем по России. В значительной мере это объяснялось половозрастной структурой населения данных регионов и межрегиональной миграционной ситуацией в них. Как итог – коэффициент депопуляции первой группы регионов почти в полтора раза (1,48) был выше среднего по стране и на 36% выше суммарного значения по всем тем регионам России, в которых за 33 года в целом была депопуляция. Доля постоянного населения всей группы в населении РФ (без учета Крыма) сократилась за 33 года с 18,4%, до 15,4%, то есть на три процентных пункта, или с 27,3 млн человек до 22,0 млн человек. Доля естественной убыли данной группы регионов в итоговой естественной убыли Российской Федерации за 33

года превысила 40%, а в итоговой естественной убыли в регионах России, где в целом за 33 года была депопуляция, составила 35%. Суммарный миграционный прирост (от внешней для регионов миграции) в этой группе за 33 года составил 1,8 млн человек.

В целом за 1992–2024 гг. во второй группе территорий с умеренными значениями коэффициента депопуляции (в среднем по группе на 3% выше, чем по стране в целом, но на 12% ниже суммарного значения по всем тем регионам России, в которых за 33 года в целом была депопуляция), но с максимальным уровнем компенсации миграцией естественной убыли и максимальными темпами роста населения (табл. 2), была следующая картина. Общий коэффициент рождаемости был на 7% ниже, чем в среднем по России, но и общий коэффициент смертности был на 4% ниже, чем в среднем по РФ. В значительной мере это объяснялось более высоким уровнем жизни (особенно в мегаполисах), высокой долей городского населения и относительно молодой «подпитываемой» миграцией, половозрастной структурой населения данных регионов.

Доля постоянного населения всей группы в населении Российской Федерации (без учета Крыма) за 33 года выросла с 36,0%, до 42,9%, то есть почти на семь процентных пунктов, или с 53,4 млн человек до 61,5 млн человек. При этом доля естественной убыли второй группы регионов в итоговой естественной убыли России за 33 года была равна 42%, а в итоговой естественной убыли в регионах РФ, где в целом за 33 года была депопуляция, составила 36%. Суммарный миграционный прирост (от внешней для регионов миграции) в данной группе за 33 года составил 15,2 млн человек. И это притом, что миграционный прирост всей России из-за рубежа за 33 года с учетом переписных поправок был лишь 12,2 млн человек.

В целом за 1992–2024 гг. в третьей группе территорий с умеренными значениями коэффициента депопуляции (в среднем по группе на 2% выше, чем по России в целом, но на 13% ниже суммарного значения по всем тем регионам РФ, в которых за 33 года в целом была депопуляция), но с отрицательной внешней для регионов миграцией (таблица 3), картина была иной. Доля естественной убыли данной группы регионов в итоговой естественной убыли страны за 33 года составила 14%, а в итоговой естественной убыли в регионах России, где в целом за 33 года была депопуляция, 12%. Суммарная миграционная убыль (от внешней для регионов миграции) в данной группе за 33 года равнялась 2,3 млн человек.

В целом по Европейской части России в сравнении с ее Азиатской частью можно сделать такие выводы. Несмотря на значительный миграционный прирост, по текущим данным за 33 года 8,9 млн человек плюс переписные добавки почти 6 млн человек, Европейская часть страны имела коэффициент естественной убыли почти в два раза выше, чем в Азиатской части России (минус 135 человек на 1 000 среднепериодного населения против минус 71‰). Последняя часть РФ в целом миграционным путем потеряла за 33 года около миллиона человек, а с переписными поправками – еще 1,7 млн человек.

По всем тем российским регионам, в которых за 33 года в целом была депопуляция, картина следующая. В Европейской части страны естественная убыль составила в сумме 16,4 млн человек, в Азиатской части – 3,6 млн человек.

Европейская часть России (без учета Крыма) за 33 года насчитывала общий

прирост около полумиллиона человек. Азиатская часть имела общую убыль в размере 5,4 млн человек. Если на начало 1992 г. численность населения Европейской России превышала численность Азиатской части в 2,5 раза, то к концу 2024 г. это соотношение выросло до 2,9 раза. Коэффициент депопуляции в Европейской части страны был 1,2 раза выше, чем в Азиатской части. При этом общий коэффициент рождаемости в Европейской части был на 11% ниже, чем в Азиатской, а общий коэффициент смертности был выше на 6%, чем в Азиатской части. Такие различия общих показателей в значительной мере объясняются различиями возрастных структур населения двух частей России. Старообжитая Европейская часть продолжает стареть и вымирать стремительными темпами.

Заключение

Несмотря на незначительный период выхода из депопуляции большинства регионов России, в том числе ее Европейской части, в конце 2000-х – начале 2010-х гг. естественная убыль в стране де-факто не прекращалась. Данный небольшой период объясняется демографическими структурными волнами, к которым добавились активные действия Правительства РФ по стимулированию рождаемости. Это привело (в числе прочего) к сужению календаря рождаемости, последующему антитаймингу рождений и усилению, а не сглаживанию демографической волны. Последствия такого всплеска видны уже сегодня. Текущий уровень суммарного коэффициента рождаемости продолжает падать с 2016 г., что не способствует выходу регионов России из депопуляции.

С другой стороны, рост ожидаемой продолжительности жизни в большинстве российских регионов ведет к постарению их населения. А это, в свою очередь, вызывает рост общих коэффициентов смертности, что также является негативным фактором, способствующим усилению депопуляции в российских регионах. И, наконец, межрегиональная миграция вносит дисбаланс в размещение населения на территории страны, оголяя окраины, прежде всего, северные и восточные. Она порождает сверхконцентрацию населения в нескольких мегаполисах и экономически развитых регионах преимущественно Европейской России в ущерб всей остальной ее части, усиливая депопуляцию в ней. Преодолеть такие негативные процессы могут лишь активные и отнюдь не популярные действия правительства, проводимые с учетом законов рыночной экономики.

Список литературы

1. Рыбаковский, О. Л. Депопуляция в регионах России к началу 2020 года / О. Л. Рыбаковский, Т. А. Фадеева // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 3. С. 119–129. DOI [10.19181/population.2020.23.3.11](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.11). EDN [PPKYBP](https://www.edn.ru/PPKYBP).
2. Рыбаковский, Л. Л. 20 лет депопуляции в России. Москва : Экон-информ, 2014. 231 с. ISBN 978-5-9506-1114-8.
3. Рыбаковский, Л. Л. Депопуляция в России: итоги за 1992–2022 гг., компоненты и компенсация миграцией на региональном уровне / Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский // Социально-трудовые исследования. 2023. № 2 (51). С. 16–26. DOI [10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26). EDN [GZOCNT](https://www.edn.ru/GZOCNT).
4. Рыбаковский, Л. Л. Факторы депопуляции в России // Народонаселение. 2013. № 3 (61). С. 4–19. EDN [RCOFTN](https://www.edn.ru/RCOFTN).
5. Рыбаковский, Л. Л. Депопуляция в России: этапы, особенности и возможности нейтрализации / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова // Социально-трудовые исследования. 2019. Т. 21, № 2.

С. 4–17. DOI [10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15). EDN [YAEDKL](https://www.edn.ru/yaedkl).

6. Рыбаковский, Л. Л. Депопуляция в России, ее этапы и их особенности / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 2. С. 4–17. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-2-01](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-01). EDN [XWETJJ](https://www.edn.ru/xwetjj).

7. Рыбаковский, Л. Л. Депопуляция и этнические аспекты в России // Социологические исследования. 2015. № 4 (372). С. 18–28. EDN [TRRQJL](https://www.edn.ru/trrqjl).

8. Рыбаковский, Л. Л. Миграционная компонента и ее вклад в демографическое развитие современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 3. С. 327–337. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337). EDN [EIOOWG](https://www.edn.ru/eioowg).

9. Аксанова, О. В. Депопуляция населения Сибири в свете расселенческой проблемы России // Экономика. Профессия. Бизнес. 2022. № 2. С. 5–14. DOI [10.14258/epb202215](https://doi.org/10.14258/epb202215). EDN [CDHIGO](https://www.edn.ru/cdhigo).

10. Рыбаковский, О. Л. Баланс населения регионов России в 1992–2023 гг. и переписные поправки // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 2. С. 71–82. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-71-82](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-71-82). EDN [HGRXPV](https://www.edn.ru/hgrxpv).

11. Рыбаковский, О. Л. Возрастная структура населения регионов России в начале XXI века: компоненты формирования // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 1. С. 4–15. DOI [10.19181/population.2023.26.1.1](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.1). EDN [JIZLYM](https://www.edn.ru/jizlym).

12. Рыбаковский, О. Л. Демографическая динамика регионов России и ее компоненты в 1959–2017 гг. / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 1. С. 4–20. DOI [10.26653/1561-7785-2019-22-1-01](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2019-22-1-01). EDN [MPTNHVQ](https://www.edn.ru/mptnhvq).

13. Рыбаковский, Л. Л. Великая Отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы победы. Москва : Экон-Информ, 2020. 251 с. EDN [LKZBOU](https://www.edn.ru/lkzbou). ISBN 978-5-907233-69-0.

14. Ravenstein, E. G. The Laws of Migration. Journal of the Royal Statistical Society. 1885. Vol. 48, No. 2. Pp. 167–235.

15. Рязанцев, С. В. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения / С. В. Рязанцев, Л. Л. Рыбаковский // Вестник РАН. 2021. Т. 91, № 9. С. 810–819. DOI [10.31857/S0869587321090085](https://doi.org/10.31857/S0869587321090085). EDN [VHNSDJ](https://www.edn.ru/vhnsdj).

16. Локозов, В. В. Результаты демографической политики и наступление депопуляции / В. В. Локозов, Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский, Г. Р. Хасаев // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 11 (157). С. 40–48. EDN [YTFENV](https://www.edn.ru/ytfenv).

17. Злотников, А. Г. Истоки нового витка депопуляции в Беларуси // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 2. С. 36–48. DOI [10.33581/2521-6821-2022-2-36-48](https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-36-48). EDN [DQLCJX](https://www.edn.ru/dqlcjx).

18. Ravenstein, E. G. The Laws of Migration. Journal of the Royal Statistical Society. 1889. Vol. 52, No. 2. P 241–305. DOI [10.2307/2979333](https://doi.org/10.2307/2979333).

Сведения об авторе

Рыбаковский Олег Леонидович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8937-3166](https://orcid.org/0000-0002-8937-3166); РИНЦ SPIN-код: [7022-5369](https://www.rincc.ru/7022-5369); Web of Science Researcher ID: [B-8924-2018](https://orcid.org/B-8924-2018); Scopus Author ID: [39362389200](https://orcid.org/39362389200).

Статья поступила в редакцию 23.08.2024; принята в печать 25.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEPOPULATION IN EUROPEAN RUSSIAN REGIONS IN 1992–2024

Oleg L. Rybakovsky

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: 1246185@mail.ru

For citation: Rybakovsky, Oleg L. Depopulation in European Russian Regions in 1992–2024. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 139–151. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8).

Abstract. The subject of the study is the permanent population of those regions of European Russia where stable natural decline (depopulation) took place in general for 1992–2024. The topic of the study is the absolute and relative scale of depopulation, the ratio of its main components (fertility and mortality), as well as the most significant demographic factors of this negative process; First, this is the migration component (migration external to the regions), compensating or aggravating the demographic development of these territories. The purpose of the study is to identify among the regions of European Russia that have experienced depopulation in general over 33 post-Soviet years, groups that are typical in terms of the most significant characteristics, to reveal the main factors affecting the level of depopulation and the nature of demographic development in them. Research methods are demographic statistical analysis, the use of relative demographic indicators for correct inter-territorial comparison. The source of all data for calculations is Russian Federal State Statistics Service (Rosstat). Results of the study: three typical groups of regions of European Russia are identified according to the scale and nature of depopulation and the role of migration processes in them. The first group is the regions with the maximum level of depopulation coefficient, which suffered largely during the Great Patriotic War and/or subsequent migration processes. The second group is the socio-economically successful territories of the European part of Russia, which have a moderate depopulation coefficient and largely compensate for the natural decline with migration growth, primarily from other regions of Russia. The third group is regions that have a moderate level of depopulation, despite the migration loss from them. First, these are the regions of the European Far North and the northern Cis-Urals. Scientific contribution includes a methodology for correct territorial comparison of Russian regions according to the scale and nature of depopulation in them has been supplemented and applied. Conclusions: The European and Asian parts of Russia are developing demographically disproportionately. Throughout the post-Soviet period, the European part has been “fed” by the population through migration at the expense of the Asian part. The problems facing us require the opposite. This vector can be reversed through the efforts of the state and considering the economic market economy. The scope of application of the results is to provide social services and monitoring for those interested in the demographic problem of Russian regions.

Keywords: permanent population of the regions of European Russia, depopulation, compensation of natural decline by migration growth, depopulation coefficient, depopulation factors

References

1. Rybakovsky, O. L. Depopulation in the Regions of Russia by the Beginning of 2020 / O. L. Rybakovsky, T. A. Fadeeva. *Population*. 2020. Vol. 23, No. 3. Pp. 119–129. DOI [10.19181/population.2020.23.3.11](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.11). (In Russ.).
2. Rybakovsky, L. L. *20 let depopulatsii v Rossii [20 years of depopulation in Russia]*. Moscow : Ekon-Inform Publ., 2014. 231 p. ISBN 978-5-9506-1114-8. (In Russ.).
3. Rybakovskiy, L. L. Depopulation in Russia: Results for 1992–2022, components and compensation by Migration at the Regional Level / L. L. Rybakovskiy, O. L. Rybakovskii. *Social and labor research*. 2023. No. 51 (2). Pp. 16–26. DOI [10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26). (In Russ.).
4. Rybakovsky, L. L. Factors of Depopulation in Russia. *Population*. 2013. Vol. 61, No. 3. Pp. 4–19. (In Russ.).
5. Rybakovsky, L. L. Depopulation in Russia: Its Stages, Features and Possibilities of Neutralization / L. L. Rybakovsky, N. I. Kozhevnikova. *Social and Labor Research*. 2019. Vol. 21, No. 2. Pp. 4–17. DOI [10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15). (In Russ.).
6. Rybakovsky, L. L. Depopulation in Russia, Its Stages and Specifics / L. L. Rybakovsky, N. I. Kozhevnikova. *Population*. 2018. Vol. 21, No. 2. Pp. 4–177. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-2-01](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-01). (In Russ.).
7. Rybakovskiy, L. L. Depopulation and Its Ethnical Aspects in Russia. *Sociological Studies*. 2015. No. 4 (372). Pp. 18–28. (In Russ.).

8. Rybakovskii, L. L. The Migration Component and Its Contribution to the Demographic Development of Modern Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19, No. 3. P.327–337. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337). (In Russ.).
9. Aksanova, O. V. Depopulation of the Population of Siberia in the Light of the Resettlement Problem in Russia. *Economics. Profession. Business*. 2022. No. 2. Pp. 5–14 DOI [10.14258/epb202215](https://doi.org/10.14258/epb202215). (In Russ.).
10. Rybakovsky, O. L. Population Balance of the Regions of Russia in 1992–2023 and Census Corrections. *Population*. 2024. Vol. 27, No. 2. Pp. 71–82. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-71-82](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-71-82). (In Russ.).
11. Rybakovsky, O. L. The Age Structure of the Population of the Regions of Russia at the Beginning of the 21st Century: Components of the Formation. *Population*. 2023. Vol. 26, No. 1. Pp. 4–15. DOI [10.19181/population.2023.26.1.1](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.1). (In Russ.).
12. Rybakovsky, O. L. Population Dynamics of Russian Regions and Its Components in 1959–2017 / O. L. Rybakovsky, O. A. Tayunova. *Population*. 2019. Vol. 22, No. 1. Pp. 4–20. DOI [10.26653/1561-7785-2019-22-1-01](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2019-22-1-01). (In Russ.).
13. Rybakovsky, L. L. *Velikaya Otechestvennaya. Osobennosti. Ljudskiye poteri. Faktory pobedy [The Great Patriotic. Features. People's Losses. Factors of Victory]*. Moscow : Econ-Inform Publ., 2020. 251 p. ISBN 978-5-907233-69-0. (In Russ.).
14. Ravenstein, E. G. The Laws of Migration. *Journal of the Royal Statistical Society*. 1885. Vol. 48, No. 2. Pp. 167–235.
15. Ryazantsev, S. V. Demograficheskoye razvitiye Rossii v XX–XXI vekakh: istoricheskoye i geopoliticheskoye izme-reniya [Demographic Development of Russia in the XX–XXI Centuries: Historical and Geopolitical Dimensions] / S. V. Ryazantsev, L. L. Rybakovsky. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2021. Vol. 91, No. 9. Pp. 810–819. DOI [10.31857/S0869587321090085](https://doi.org/10.31857/S0869587321090085). (In Russ.).
16. Lokosov, V. V. Rezul'taty demograficheskoy politiki i nastupleniye depopulyatsii [Results of demographic policy and the onset of depopulation] // V. V. Lokosov, L. L. Rybakovsky, O. L. Rybakovsky, G. R. Khasaev. *Vestnik of Samara State University of Economics*. 2017. No. 11 (157). Pp. 40–48 (In Russ.).
17. Zlotnikov, A. G. The Origins of a New Round of Depopulation in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022. No. 2. Pp. 36–48. DOI [10.33581/2521-6821-2022-2-36-48](https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-36-48). (In Russ.).
18. Ravenstein, E. G. The Laws of Migration. *Journal of the Royal Statistical Society*. 1889. Vol. 52, No. 2. P 241–305. DOI [10.2307/2979333](https://doi.org/10.2307/2979333).

Bio note

Oleg L. Rybakovsky, Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8937-3166](https://orcid.org/0000-0002-8937-3166); RSCI SPIN-code: [7022-5369](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=7022-5369); Web of Science Researcher ID: [B-8924-2018](https://orcid.org/B-8924-2018); Scopus Author ID: [39362389200](https://orcid.org/39362389200).

Received on 23.08.2024; accepted for publication on 25.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.9)

EDN [MESWLT](https://www.edn.ru/MESWLT)

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Храмова М. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Зорин Д.П.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: zorindmy@gmail.com

Для цитирования: Храмова, М. Н. Межрегиональная миграция на Дальнем Востоке России и ее влияние на демографическую безопасность / М. Н. Храмова, Д. П. Зорин // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 152–164. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.9). EDN [MESWLT](https://www.edn.ru/MESWLT).

Аннотация. В настоящей работе мы обращаемся к проблемам демографического развития регионов российского Дальнего Востока и влияния межрегиональной миграции на численность и демографическую структуру населения. Исследование опирается на официальные данные текущего учета населения, публикуемые Росстатом. На уровне Дальневосточного федерального округа в целом демографическая динамика характеризуется негативными трендами, сложившимися на фоне депопуляции населения, а также миграционного оттока в другие регионы страны и за рубеж. Однако на уровне отдельных субъектов ситуация дифференцирована. В частности, по итогам 2023 г. численность населения Республики Саха (Якутия) и Чукотского АО увеличилась за счет естественного и миграционного прироста; в Камчатском крае рост населения был обеспечен за счет превышения миграционного прироста над естественной убылью. В то же время, в остальных субъектах Дальневосточного федерального округа численность населения снижалась как под воздействием естественной убыли, так и в результате миграционного оттока. Миграционный отток в другие регионы страны становится одним из значимых барьеров для демографического развития российского Дальнего Востока: именно в межрегиональном обмене субъекты Дальневосточного федерального округа теряют квалифицированных специалистов, талантливую молодежь. Поэтому сохранение современных направлений межрегиональной миграции на Дальнем Востоке может приводить к искажению демографической структуры населения, более быстрому старению населения, а также снижению демографического потенциала в целом, что несет в себе угрозы демографической безопасности. Мы приходим к выводу, что меры демографической и миграционной политики в отношении дальневосточных субъектов должны быть таргетированными, и направленными, в первую очередь, на обеспечение более высокого качества и уровня жизни местного населения.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, международная миграция, межрегиональная миграция, демографическое развитие, демографическая безопасность, демографическая структура населения, факторы демографической динамики

Введение

В последние годы в Российской Федерации демографическая политика, вопросы демографического развития и преодоления депопуляции относятся к числу приоритетных и включены в повестку дня профильных министерств и ведомств. Особое место в этой демографической повестке занимают вопросы семейно-демографической политики и мер поддержки семей с детьми. Среди других приоритетов – общественное здоровье, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, формирование самосохранительного поведения. Ситуация в российских регионах значительно дифференцирована: достаточно небольшое количество регионов

показывают положительную демографическую динамику за счет естественного воспроизводства и миграции; в некоторых регионах частичная компенсация демографических потерь происходит за счет миграции, а некоторые – характеризуются устойчивым негативным трендом, сформировавшемся за счет естественной убыли и миграционного оттока.

Важную роль в формировании населения российских регионов играет миграция, как межрегиональная, в результате которой происходит перераспределение населения между регионами, так и международная, которая частично позволяет компенсировать естественные потери, характерные для многих субъектов РФ. Для Российской Федерации в целом компенсаторная роль международной миграции снижается, что видно из анализа динамики миграционного прироста за последние десять лет. Это снижение обусловлено целым комплексом факторов, часть из которых – есть следствие сложных социально-экономических процессов, происходящих внутри страны, и ужесточения миграционной политики в отношении отдельных категорий мигрантов, часть – сформирована за счет изменения внешнеполитической ситуации, и глобальной трансформации миграционных процессов в мире, начавшейся в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 и продолжающейся в настоящее время.

Анализу демографической динамики и миграции в регионах российского Дальнего Востока посвящено значительное количество работ. Так, например, в одной из наших работ [1] проведен сравнительный анализ демографических процессов и социально-экономической ситуации в регионах Дальнего Востока. Показано, что развитие транспортной и социальной инфраструктуры является важным фактором формирования демографического потенциала и миграционной привлекательности субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО). В работе Т. С. Мостаховой [2] на примере Республики Саха (Якутия) выделяются основные угрозы демографической безопасности. В частности, среди таких угроз автор указывает сохранение миграционного оттока, преждевременную смертность населения от внешних причин смерти, значительный разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин, распространение норм безбрачия среди коренного населения Республики Саха (Якутия). В работе Ю. Г. Бюраевой [3] показано, что для Республики Бурятия, даже при сохранении относительно высокого уровня рождаемости, существуют значимые риски депопуляции, обусловленные трансформацией института семьи и брака, а также с миграционным оттоком. В работах Е. Л. Мотрич [4], С. Н. Найдено и др. [5] анализируется демографическая ситуация и миграция в Хабаровском крае, отмечается роль социальной инфраструктуры в реализации масштабных проектов в демографическом развитии региона. В работе И. В. Калинин и соавторов [6] поднимается вопрос сельских миграций в Еврейской АО и последствий для демографической структуры населения сельских территорий.

В перечисленных выше, а также ряде других работ, авторы, через призму комплекса накопившихся демографических проблем дальневосточных территорий поднимают важную проблему взаимосвязи демографических и миграционных процессов в регионах Дальнего Востока с развитием инфраструктуры, социальной и транспортной, а также необходимостью создания новых рабочих мест с конкурентоспособными заработными платами.

Стоит отметить, что за последние годы, благодаря реализации масштабных проектов, социально-экономическая ситуация в субъектах Дальневосточного федерального округа улучшилась. В округ идут значительные инвестиции, разработаны мастер-планы дальневосточных городов, обновляется социальная инфраструктура. Однако накопившийся комплекс социально-экономических проблем, значительная дифференциация условий и качества жизни населения даже внутри одного субъекта, сложившаяся демографическая структура населения, не дают возможности совершения качественного перехода к накоплению демографического потенциала в регионах Дальнего Востока. В связи с этим актуальным остается вопрос демографической безопасности как компонента национальной безопасности страны. Обезлюдение территорий и неравномерность размещения населения создают дополнительные риски для преодоления депопуляции и формирования человеческого капитала в субъектах Дальневосточного федерального округа [7].

Материалы и методы исследования

В настоящем исследовании мы использовали статистические методы анализа демографических данных. Мы опирались на информацию о численности и демографической структуре населения субъектов Дальневосточного федерального округа, общих коэффициентах рождаемости и смертности, а также некоторые показатели уровня жизни населения.

Информация по указанным показателям публикуется Росстатом в статистических бюллетенях «Естественное движение населения Российской Федерации»¹. Для анализа масштабов и направлений миграционных потоков были использованы данные, публикуемые Росстатом в статистических бюллетенях «Численность и миграция населения Российской Федерации»², а также матрицы межрегиональных переходов («шахматки» миграции), полученные Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН по запросу в Росстат. «Шахматки» миграции дают возможность дать количественную оценку миграционных взаимодействий субъектов Дальневосточного федерального округа с другими регионами России и между собой.

Для того, чтобы понять роль и место субъектов Дальневосточного федерального округа в демографических процессах, приводятся также значения ряда демографических показателей в целом по России.

Результаты и обсуждение

На уровне макрорегиона численность населения Дальневосточного федерального округа снижается в течение длительного периода времени. Так, если в 2020 г. среднегодовая численность населения составляла 8,15 млн человек, то уже к 2023 г. — лишь 7,9 млн человек (см. табл. 1). Снижение численности населения

¹ Естественное движение населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения: 15.09.2024)

² Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 15.09.2024)

происходило под влиянием естественной убыли и миграционного оттока. Причем для Дальнего Востока проблема депопуляции выражена более ярко: если в целом по Российской Федерации в период с 2020 по 2023 гг. снижение численности населения составило 160,7 тыс. человек (здесь и далее оценки численности населения представлены без учета новых регионов в силу отсутствия доступной статистики), то для Дальневосточного федерального округа – 261,5 тыс. человек. Приростом населения характеризуется только Республика Саха (Якутия): за три года он составил 22,6 тыс. человек. В абсолютном выражении максимальная убыль населения за рассматриваемый период была зафиксирована в Приморском (73,6 тыс. человек) и Забайкальском (68,2 тыс. человек) краях. Частично снижение населения обусловлено ростом смертности в период коронавирусной инфекции. Вторым важным фактором является снижение рождаемости и трансформация брачно-семейных отношений (более поздний возраст вступления в брак, откладывание рождения первого ребенка на более поздние возраста, рост доли детей, рожденных вне зарегистрированного брака) [8; 9].

Таблица 1

Изменение численности населения субъектов Дальневосточного федерального округа в 2020–2023 гг.

Table 1

Change in the population of the subjects of the Far Eastern Federal District in 2020–2023

Территории	Среднегодовая численность населения (человек)		Изменение (человек)
	2020	2023	
Российская Федерация	146 459 803	146 299 107	-160696
Дальневосточный федеральный округ	8 146 628	7 885 104	-261524
Республика Бурятия	985 684	973 275	-12409
Республика Саха (Якутия)	976 983	999 614	22631
Забайкальский край	1 056 592	988 412	-68180
Камчатский край	312 342	288 839	-23503
Приморский край	1 886 856	1 813 234	-73622
Хабаровский край	1 308 385	1 281 111	-27274
Амурская область	785 945	753 140	-32805
Магаданская область	139 592	133 851	-5741
Сахалинская область	486 939	459 063	-27876
Еврейская автономная область	157 402	146 630	-10772
Чукотский автономный округ	49 908	47 935	-1973

Источник: составлено авторами по данным Росстата³

Регионы российского Дальнего Востока в 2023 г. показали разнонаправленную демографическую динамику. Среди них мы можем выделить три субъекта, в которых произошло увеличение численности населения (табл. 2). В Республике Саха (Якутия) и Чукотском АО рост населения происходил как за счет превышения рождаемости над смертностью, так и за счет миграционного прироста. В Камчатском крае миграционный прирост перекрыл естественную убыль населения. Впрочем,

³ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 02.09.2024).

общий прирост населения составил лишь 217 человек, поэтому о значимых позитивных сдвигах говорить еще рано. Оставшиеся восемь субъектов Дальневосточного федерального округа теряли население как под воздействием естественной убыли, так и вследствие миграционного оттока. Нужно иметь в виду, что подобная ситуация сохраняется в течение длительного периода времени. Поэтому накопленные демографические потери макрорегиона весьма внушительны.

Таблица 2

Компоненты изменения численности населения субъектов Дальневосточного федерального округа в 2023 г.

Table 2

Components of population change in the subjects of the Far Eastern Federal District in 2023

Территории	Общий прирост/убыль населения (человек)	В том числе	
		Естественный прирост (человек)	Миграционный прирост (человек)
Российская Федерация	-296 635	-500 264	203 629
Дальневосточный федеральный округ	-37 520	-23 342	-14 178
Республика Бурятия	-2 706	-1 264	-1 442
Республика Саха (Якутия)	4 099	3 346	753
Забайкальский край	-8 034	-3 132	-4 902
Камчатский край	217	-470	687
Приморский край	-13 683	-9 825	-3 858
Хабаровский край	-5 958	-5 449	-509
Амурская область	-6 115	-3 690	-2 425
Магаданская область	-928	-516	-412
Сахалинская область	-2 945	-1 624	-1 321
Еврейская автономная область	-1 656	-757	-899
Чукотский автономный округ	189	39	150

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁴

В таблице 3 представлены значения коэффициентов естественного и миграционного прироста в разрезе субъектов Дальневосточного федерального округа в 2020 и 2023 гг. Они дают нам возможность оценить вклад различных компонентов в демографическую динамику. Видно, что по сравнению со среднероссийскими показателями, естественная убыль в регионах Дальнего Востока ниже, что частично объясняется более молодой демографической структурой населения ДФО. С другой стороны, коэффициенты миграционного прироста отрицательны. Это говорит о том, что Дальний Восток является донором для других субъектов России. Вклад рождаемости, смертности и миграции в формирование населения конкретных регионов Дальнего Востока различен. Например, для Республики Бурятия именно миграционный отток является ключевым фактором снижения численности населения. Аналогичная ситуация сложилась для Забайкальского края и Еврейской АО. Чукотский АО в период с 2020 по 2023 гг. показал значимый рост миграционной привлекательности: если в 2020 г. среди всех субъектов ДФО Чукотка

⁴ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 02.09.2024).

характеризовалась максимальной миграционной убылью в расчете на 100 человек населения, то в 2023 г. там был зафиксирован максимальный миграционный прирост. Нужно при этом помнить, что по численности населения Чукотка занимает последнее место с населением менее 50 тыс. человек, поэтому значимого вклада в общую демографическую динамику этот субъект внести не может. В относительном выражении максимальные потери населения как в 2020 г., так и в 2023 г. имела Еврейская АО.

Таблица 3

**Соотношение естественного и миграционного прироста в субъектах
Дальневосточного федерального округа в 2020–2023 гг.**

Table 3

**The ratio of natural and migration growth in the subjects of the Far Eastern Federal
District in 2020–2023**

Территории	2020 год		2023 год	
	Коэффициент естественного прироста (‰)	Коэффициент миграционного прироста (‰)	Коэффициент естественного прироста (‰)	Коэффициент миграционного прироста (‰)
Российская Федерация	-4,8	0,9	-3,5	1,4
Дальневосточный федеральный округ	-2,8	-2,7	-3,0	-1,8
Республика Бурятия	0,9	-1,4	-1,3	-1,5
Республика Саха (Якутия)	4,1	6,1	3,4	0,8
Забайкальский край	-1,9	-4,0	-3,2	-5,0
Камчатский край	-2,3	-2,0	-1,6	2,4
Приморский край	-5,9	-3,7	-5,4	-2,1
Хабаровский край	-5,0	-6,0	-4,2	-0,4
Амурская область	-6,3	-4,2	-4,9	-3,2
Магаданская область	-3,1	-4,8	-3,8	-3,1
Сахалинская область	-2,2	-3,1	-3,5	-2,9
Еврейская автономная область	-5,6	-5,9	-5,2	-6,1
Чукотский автономный округ	0,4	-15,7	0,8	3,1

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁵

В условиях современной социально-экономической и геополитической нестабильности сложно говорить о четко сформировавшихся трендах в международной миграции, поскольку масштабы международной миграции определяются не только собственно экономическими мотивами самих мигрантов, но и изменениями в миграционном законодательстве посылающих стран и Российской Федерации как одной из ключевых стран-реципиентов, волатильностью рубля, формированием новых миграционных коридоров под воздействием глобализационных процессов [10].

Действительно, опыт последних лет говорит о высокой чувствительности международной миграции к изменяющимся внешним и внутренним условиям в посылающих и принимающих странах. Так, в целом по Российской Федерации миграционный прирост за последние четыре года составлял соответственно: в 2020 г. – 106,5 тыс. человек, в 2021 г. – 429,9 тыс. человек, в 2022 г. – 61,9 тыс. человек и в

⁵ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 02.09.2024).

2023 г. – 109,9 тыс. человек⁶. Для Дальневосточного федерального округа все эти годы фиксировалась миграционная убыль. Некоторые итоги миграции населения ДФО в 2023 г. представлены в таблице 4. Пример 2023 г. показывает, что в структуре миграционной убыли населения регионов Дальнего Востока преобладает убыль вследствие межрегиональных миграций. Российский Дальний Восток выступает как макрорегион – донор для других федеральных округов и отдельных субъектов Российской Федерации. Так, для ДФО в целом в 2023 г. миграционная убыль составила 14,2 тыс. человек, причем 96% этой убыли приходится именно на межрегиональную миграцию.

Таблица 4

**Структура миграционного прироста/убыли населения в субъектах
Дальневосточного федерального округа в 2023 г.**

Table 4

**Structure of migration increase/decrease of population in the subjects of the Far
Eastern Federal District in 2023**

Территории	Миграционный прирост (человек)	В том числе за счет:	
		межрегиональной миграции (человек)	международной миграции (человек)
Российская Федерация	203 629	93 677	109 952
Дальневосточный федеральный округ	-14 178	-13 699	-479
Республика Бурятия	-1 442	-1 511	69
Республика Саха (Якутия)	753	-1 310	2 063
Забайкальский край	-4 902	-4 687	-215
Камчатский край	687	703	-16
Приморский край	-3 858	-1 439	-2 419
Хабаровский край	-509	-1 443	934
Амурская область	-2 425	-2 688	263
Магаданская область	-412	-185	-227
Сахалинская область	-1 321	-449	-872
Еврейская автономная область	-899	-894	-5
Чукотский автономный округ	150	204	-54

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁷

Среди регионов Дальнего Востока только Камчатский край и Чукотский АО в 2023 г. получили миграционный прирост за счет межрегиональной миграции. Республика Саха (Якутия), в целом показавшая миграционный прирост, за счет межрегиональной миграции теряла население в обмене с другими субъектами РФ. В Амурской области, Республике Бурятия, Хабаровском крае миграционная убыль в межрегиональном обмене была лишь частично компенсирована международной миграцией. В Приморском крае и Сахалинской области более трети миграционной убыли приходится на межрегиональную миграцию, а в Магаданской области – примерно половина. Это дает основания говорить о значительной роли межрегиональной миграции в демографическом развитии посылающих и принимающих регионов.

⁶ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 02.09.2024).

⁷ Там же.

Мы видим, что на уровне отдельных субъектов ДФО ситуация в отношении межрегиональной миграции весьма сильно различается. В целом по ДФО, в структуре миграционной убыли 57,4% приходится на население в трудоспособном возрасте, 9,5% - в возрастах младше трудоспособного, 33,1% - в возрастах старше трудоспособного. В Сахалинской области практически весь миграционный отток (свыше 88%) сформирован за счет населения в трудоспособных возрастах. Похожая ситуация в Приморском крае (71,9%). С другой стороны, в Республике Саха (Якутия), Чукотском АО и Камчатском крае, трех субъектах ДФО с положительным миграционным приростом, по итогам 2023 года этот прирост полностью обеспечивался за счет населения в трудоспособном возрасте и возрастах младше трудоспособного, в то время как для возрастов старше трудоспособного – фиксировался миграционный отток.

Об интенсивности межрегиональной миграции на уровне федеральных округов РФ можно судить по матрицам межрегиональных переходов («шахматкам» миграции). В таблице 5 представлены оценки вероятностей межрегиональных переходов между федеральными округами РФ в 2022 г. В последней строке таблицы рассчитаны доли выбытий из Дальневосточного федерального округа в другие федеральные округа (в процентах). Последнее значение в строке характеризует интенсивность перемещений внутри самого ДФО.

Таблица 5

Оценка вероятностей межрегиональных переходов между федеральными округами РФ в 2022 г. (%)

Table 5

Assessment of the probabilities of interregional transitions between federal districts of the Russian Federation in 2022 (%)

Из федеральных округов	В федеральные округа							
	Централь- ный	Северо- Западный	Южный	Северо- Кавказский	Приволж- ский	Уральский	Сибирский	Дальне- восточный
Центральный	74,8	5,3	5,2	2,6	6,7	1,8	2,1	1,5
Северо-Западный	11,7	69,1	4,5	2,0	5,9	2,1	2,6	2,0
Южный	17,1	5,9	59,0	4,8	4,2	3,3	3,1	2,6
Северо-Кавказский	20,8	6,3	10,6	51,5	2,6	4,7	2,0	1,4
Приволжский	12,9	4,5	2,8	0,7	72,3	4,8	1,0	0,9
Уральский	7,6	4,1	5,2	2,1	10,7	65,6	3,6	1,1
Сибирский	7,4	4,2	4,2	0,8	1,9	3,2	74,4	3,9
Дальневосточный	7,9	5,4	5,3	0,9	2,7	1,4	7,0	69,5

Примечание: На главной диагонали матрицы (выделено цветом) стоят вероятности выбытий между субъектами внутри соответствующего федерального округа; значения вне главной диагонали указывают на вероятности выбытий из соответствующего федерального округа в другие федеральные округа Российской Федерации.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата⁸

⁸ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 02.09.2024).

Видно, что в 2022 г. на долю перемещений внутри ДФО пришлось 69,5% всех выбытий. Наиболее миграционно привлекательными для дальневосточников уже традиционно являются регионы Центрального и Сибирского федеральных округов, далее следуют регионы Северо-Западного и Южного федеральных округов. Вообще стоит заметить, что в Российской Федерации перечень миграционно привлекательных регионов, которые из года в год показывают значимый миграционный прирост, достаточно лаконичен и включает Московскую область, Москву, Санкт-Петербург, Ленинградскую область, Краснодарский край (в основном за счет г. Сочи), Ханты-Мансийский автономный округ – Югру. Миграционная привлекательность в них формируется за счет диверсифицированного рынка труда, более широких возможностей для реализации карьерных предпочтений, а для Сочи – в силу географического положения и благоприятных климатических условий. В своей работе Н. В. Мкртчян отмечает, что отток в Москву оказывает негативное воздействие на миграционный баланс многих регионов России [11]. Приведенные в таблице 5 значения вероятностей межрегиональных переходов подтверждают этот тезис.

Представляет также интерес анализ преимущественных направлений межрегиональных миграций. Для этого уже необходимы более детальные «шахматки» миграции. Такие матрицы были предоставлены Институту демографических исследований ФНИСЦ РАН по запросу Росстатом в 2024 г. В силу большого размера таблиц (85x85) в настоящей работе нет возможности привести их полностью. Однако мы выявили некоторые интересные особенности, которые приведем ниже.

В частности, в состав Дальневосточного федерального округа входит четыре этнонациональных региона: Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Еврейская АО и Чукотский АО. Демографическая динамика в них имеет ряд отличий как от среднероссийской картины, так и от других субъектов ДФО. Для Республики Бурятия доля внутрирегиональных перемещений довольно высока и составляет 67%. Преимущественными направлениями межрегиональной миграции являются: Иркутская область (5% всех выбытий из региона), Забайкальский край (3%) и Красноярский край (3%), то есть географические соседи. В Республике Саха (Якутия) доля внутрирегиональных перемещений, так же, как и в Бурятии, составляет 67%. При этом ключевыми направлениями выбытия являются Новосибирская область (3% всех выбытий из республики), Краснодарский край (3%) и Санкт-Петербург (2%). На примере Якутии мы видим значительно более разнообразную картину межрегиональных перемещений. Кардинально по-иному обстоит дело с Еврейской АО и Чукотским АО. Так, для Еврейской АО на долю внутрирегиональных перемещений приходится лишь 24%, а преобладающим направлением межрегиональной миграции является Хабаровский край (38%), который с Еврейской АО связан тесными экономическими связями. Далее с большим отрывом идут Приморский край (7%) и Краснодарский край (3% всех выбытий из Еврейской АО). Для Чукотского АО внутрирегиональные перемещения занимают 23%, в то время как в топ-3 преимущественных направлений межрегиональной миграции входят такие субъекты как Омская область (6%), Краснодарский край (5%) и Ростовская область (5%). На этом примере мы можем видеть «тяготение» жителей Крайнего Севера к центральным и южным регионам России. Нужно признать, что высокая доля внутрирегиональных перемещений в Республике Бурятия частично может быть связана с феноменом

«ловушек бедности», когда более интенсивным миграционным процессам мешает относительно высокая доля населения с низкими доходами. Косвенно на это указывает структура доходов населения. Для Дальневосточного федерального округа в Республике Бурятия в структуре денежных доходов по итогам 2022 г. 26,2% приходилось на социальные выплаты. Наибольшая же доля социальных выплат – в Еврейской АО, 28%. Также, для Бурятии и Еврейской АО среди всех субъектов ДФО самая высокая доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума: в 2022 г. она составляла соответственно 19% и 20% при среднероссийском значении 9,8%⁹.

Таким образом, для Дальневосточного федерального округа картина межрегиональных перемещений достаточно неоднородна и сформирована сложившимися экономическими связями между регионами, а также особенностями социально-экономической ситуации в принимающих и посылающих регионах.

Заключение

Подводя основные итоги исследованию, отметим следующее. К настоящему времени в Российской Федерации сформировалась достаточно четкая картина межрегиональных перемещений. Миграционно привлекательными являются несколько субъектов РФ, к числу которых относятся Московская область и Москва, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и в меньшей степени еще несколько регионов. Регионы российского Дальнего Востока являются преимущественно донорами, а миграционный прирост в некоторых его субъектах пока не может значимо повлиять на демографическую динамику. Более того, значительная потеря демографического потенциала обусловлена именно межрегиональной миграцией, а замещающая международная миграция не является равноценной по качеству. В этом мы видим один из основных рисков демографической безопасности. Тем не менее, анализ масштабов международной миграции указывает на снижение ее компенсаторной роли в формировании миграционного прироста субъектов ДФО.

Направления внутрироссийских миграций для регионов Дальнего Востока являются довольно устойчивыми. Несмотря на значительные усилия, предпринимаемые государством в отношении субъектов ДФО, переломить негативные миграционные тренды пока не удастся. Отчасти это может быть связано со своеобразной «инерционностью» сложившихся миграционных предпочтений населения, а отчасти – имеет объективную природу: на Дальнем Востоке ярко выражена проблема дисбаланса региональных рынков труда; присутствует несоответствие стоимости жизни и уровня заработных плат, номинально более высоких, нежели в ряде центральных регионов страны, но по факту нивелированных высокой стоимостью жизни; для молодежи одним из оснований покинуть свой регион является желание получить более престижное образование в ведущих вузах страны, многие из которых сконцентрированы в Москве и Санкт-Петербурге.

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 15.09.2024).

Подобная картина межрегиональной миграции может и уже приводит к значимым изменениям демографической структуры населения, к примеру деформации возрастной структуры населения в сельской местности в сторону старших возрастов, изменению этнической структуры населения в этнонациональных регионах. В то же время, для регионов, которые характеризуются стабильным миграционным приростом вследствие межрегиональной миграции, можно видеть ряд положительных дивидендов, к примеру, в виде относительно благополучной структуры трудовых ресурсов. В связи с этим, в средне-и долгосрочной перспективе усилия государства в отношении демографического развития регионов Дальнего Востока должны быть направлены, в первую очередь, на повышение уровня и качества жизни местного населения, повышение доступности социальной и транспортной инфраструктуры.

Список литературы

1. Храмова, М. Н. Проблемы реализации конкурентных преимуществ российского Дальнего Востока в контексте развития человеческого капитала / М. Н. Храмова, Д. П. Зорин // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 4. С. 44–58. DOI [10.26653/2076-4650-2020-4-04](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-4-04). EDN [OMJRVC](#).
2. Мостахова, Т. С. Основные угрозы демографической безопасности Республике Саха (Якутия) и приоритеты региональной демографической политики // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития : Сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2-х томах, Екатеринбург, 08–09 июня 2018 года / Институт экономики УрО РАН. Том 1. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2018. С. 292–305. EDN [IMIRMO](#).
3. Бюраева, Ю. Г. Демографический потенциал Республики Бурятия: динамика и факторы снижения в условиях новых вызовов // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 65–77. DOI [10.31857/S013216250028305-8](https://doi.org/10.31857/S013216250028305-8). EDN [KAWYQN](#).
4. Мотрич, Е. Л. Демографическое развития Хабаровского края: проблемы и перспективы // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 3. С. 30–46. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00025](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00025). EDN [CEGOPP](#).
5. Найден, С. Н. Оценка развития социальной инфраструктуры в условиях реализации национальных проектов: опыт Хабаровского края / С. Н. Найден, М. А. Грицко, Н. С. Буревая // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3(92). С. 64–82. DOI [10.22394/1818-4049-2020-92-3-64-82](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-92-3-64-82). EDN [PMEEBS](#).
6. Калинина, И. В. Миграционные настроения сельских жителей Еврейской автономной области / И. В. Калинина, С. А. Соловченков, А. Л. Калинин // Региональные проблемы. 2022. Т. 25, № 3. С. 121–123. DOI [10.31433/2618-9593-2022-25-3-121-123](https://doi.org/10.31433/2618-9593-2022-25-3-121-123). EDN [YLGZOC](#).
7. Рыбаковский, Л. Л. Депопуляция в России, ее этапы и их особенности / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 2. С. 4–17. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-2-01](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-01). EDN [XWETJJ](#).
8. Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский [и др.]. Москва : Издательско-торговый Дом «Перспектива», 2022. 108 с. ISBN 978-5-88045-557-7. DOI [10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022). EDN [YHMZPP](#).
9. Горковенко, О. Н. Основные тенденции изменения демографической ситуации в Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. № 2. С. 69–77. DOI [10.18101/2306-753X-2016-2-69-77](https://doi.org/10.18101/2306-753X-2016-2-69-77). EDN [WMBUHH](#).
10. Рязанцев, С. В. Социально-политические аспекты миграционной политики России / С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова, А. А. Байков, З. К. Вазиров // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. № 6. С. 5–18. DOI [10.26653/2076-4685-2019-6-01](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2019-6-01). EDN [ZCALDU](#).

11. Мкртчян, Н. В. Роль Московского столичного региона как крупнейшего центра внутрисос-
сийской миграции // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2019.
Т. 17. С. 252–268. DOI [10.29003/m820.sp_ief_ras2019/252-268](https://doi.org/10.29003/m820.sp_ief_ras2019/252-268). EDN [WFQCAI](https://www.edn.ru/entry/WFQCAI).

Сведения об авторах

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, директор, Институт демографи-
ческих исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); РИНЦ SPIN-код: [3786-0465](https://elibrary.ru/authors/3786-0465); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/C-8107-2015); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/57195735740).

Зорин Дмитрий Павлович, кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Институт демо-
графических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zorindmy@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-2138-3683](https://orcid.org/0000-0002-2138-3683); РИНЦ SPIN-код: [7471-1420](https://elibrary.ru/authors/7471-1420); Web of Science Researcher ID: [ABB-9756-2020](https://orcid.org/ABB-9756-2020).

Статья поступила в редакцию 03.10.2024; принята в печать 01.12.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

INTERREGIONAL MIGRATION IN THE RUSSIAN FAR EAST AND ITS IMPACT ON DEMOGRAPHIC SECURITY

Marina N. Khramova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Dmitry P. Zorin

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: zorindmy@gmail.com

For citation: Khramova, Marina N. Interregional Migration in the Russian Far East and its Impact on Demographic Security /
M. N. Khramova, D. P. Zorin. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4, P. 152–164. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.9).

Abstract. In this paper, we address the issues of demographic development of the regions of the Russian Far East and the impact of interregional migration on the size and demographic structure of the population. The study is based on official data published by Rosstat. At the level of the Far Eastern Federal District as a whole, the demographic dynamics are characterized by negative trends that have developed against the background of depopulation, as well as migration outflow to other regions of the country and abroad. However, at the level of individual subjects, the situation is differentiated. According to the results of 2023, the population of the Sakha Republic (Yakutia) and the Chukotka Autonomous Okrug increased due to natural and migration growth; in Kamchatka Krai, population growth was ensured by the excess of natural increase over migration outflow. At the same time, in other subjects of the Far Eastern Federal District, the population decreased both under the influence of natural decline and migration outflow. Migration outflow to other regions of the country is becoming one of the significant barriers to the demographic development of the Russian Far East: it is in inter-regional exchange that the subjects of the Far Eastern Federal District lose qualified specialists and talented youth. Therefore, maintaining current directions of interregional migration in the Far East can lead to a distortion of the demographic structure of the population, faster aging of the population, as well as a decrease in the demographic potential, which poses threats to demographic security. We conclude that measures of demographic and migration policy in relation to Far Eastern subjects should be targeted and aimed, first, at ensuring a higher quality and standard of living for the local population.

Keywords: Russian Far East, international migration, interregional migration, demographic development, demo-graphic security, demographic structure of the population, factors of demographic dynamics

References

1. Khramova, M. N. Problems of Realizing Competitive Advantages of the Russian Far East in the Context of Human Capital Development / M. N. Khramova, D. P. Zorin. *Scientific Review. Series I. Economics and Law*. 2020. No. 4. Pp. 44-58. DOI [10.26653/2076-4650-2020-4-04](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-4-04). (In Russ.).

2. Mostakhova, T. S. The Basic Threats of Demographic Safety in the Republic of Sakha (Yakutia) and the Priorities of the Regional Demographic Policy. In: *Demograficheskaya i semeynaya politika v kontekste tseley ustoychivogo razvitiya [Demographic and family policy in the context of sustainable development goals]* : Proceedings of the IX Ural Demographic Forum : in 2 vols., Ekaterinburg, June 8–9, 2018 / Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Vol. 1. Ekaterinburg : Institute of Economics, Ural Branch of the RAS, 2018. Pp. 292–305. (In Russ.).
3. Byuraeva, Yu. G. Demographic Potential of the Republic of Buryatia: Dynamics and Factors of Reduction under New Challenges. *Sociological Research*. 2023. No. 10. Pp. 65–77. DOI [10.31857/S013216250028305-8](https://doi.org/10.31857/S013216250028305-8). (In Russ.).
4. Motrich, E. L. Demographic Development of Khabarovsk Krai: Problems and Prospects. *Population*. 2019. Vol. 22. No. 3. Pp. 30–46. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00025](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00025). (In Russ.).
5. Naiden, S. N. Assessment of the Development of Social Infrastructure in the Context of Implementation of National Projects: Experience of the Khabarovsk Territory / S. N. Naiden, M. A. Gritsko, N. S. Burevaya. *Power and Administration in the East of Russia*. 2020. No. 3(92). Pp. 64–82. DOI [10.22394/1818-4049-2020-92-3-64-82](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-92-3-64-82). (In Russ.).
6. Kalinina, I. V. Migratory Moods of Rural Residents at the Jewish Autonomous Region / I. V. Kalinina, S. A. Solovchenkov, A. L. Kalinin. *Regional Problems*. 2022. Vol. 25, No. 3. Pp. 121–123. DOI [10.31433/2618-9593-2022-25-3-121-123](https://doi.org/10.31433/2618-9593-2022-25-3-121-123). (In Russ.).
7. Rybakovsky, L. L. Depopulation in Russia, Its Stages and Specifics / L. L. Rybakovsky, N. I. Kozhevnikova. *Population*. 2018. Vol. 21. No. 2. Pp. 4–17. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-2-01](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-01). (In Russ.).
8. *Demographic Well-Being of Russia. National Demographic Report* / S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya, V. N. Arkhangelsky [et al.]. Moscow : Perspektiva Publishing House, 2022. 108 p. ISBN 978-5-88045-557-7. DOI [10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022). (In Russ.).
9. Gorkovenko, O. N. The Main Trends in the Demographic Situation in Buryatia. *BSU Bulletin. Humanities Research of Inner Asia*. 2016. No. 2. Pp. 69–77. DOI [10.18101/2306-753X-2016-2-69-77](https://doi.org/10.18101/2306-753X-2016-2-69-77). (In Russ.).
10. Ryazantsev, S. V. Socio-Political Aspects of Russian Migration Policy / S. V. Ryazantsev, M. N. Khramova, A. A. Baikov, Z. K. Vazirov. *Scientific Review. Series 2. Human Sciences*. 2019. No. 6. Pp. 5–18. DOI [10.26653/2076-4685-2019-6-01](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2019-6-01). (In Russ.).
11. Mkrtchyan, N. V. Moscow Metropolitan Region as the Largest Center of Internal Migration. *Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences*. 2019. Pp. 252–268. DOI [10.29003/m820.sp_ief_ras2019/252-268](https://doi.org/10.29003/m820.sp_ief_ras2019/252-268). (In Russ.).

Bio notes

Marina N. Khramova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); RSCI SPIN code: [3786-0465](https://elibrary.ru/3786-0465); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/C-8107-2015); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/57195735740).

Dmitry P. Zorin, Candidate of Economic Sciences, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: zorindmy@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-2138-3683](https://orcid.org/0000-0002-2138-3683); RSCI SPIN code: [7471-1420](https://elibrary.ru/7471-1420); Web of Science Researcher ID: [ABB-9756-2020](https://orcid.org/ABB-9756-2020).

Received on 03.10.2024; accepted for publication on 01.12.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.10)EDN [МҮКҮОВ](https://www.edn.ru/entry/10.19181/demis.2024.4.4.10)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ДОНЕЦКОЙ И ЛУГАНСКОЙ НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИКАХ

Безвербный В. А.

Институт демографических исследований ФНИСЦ, Москва, Россия

E-mail: vadim_ispr@mail.ru

Бекинеев Е. А.

Высшая школа экономики, Москва, Россия

E-mail: yegor.bekineev@gmail.com

Лукашенко Е. А.

Институт демографических исследований ФНИСЦ, Москва, Россия

E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru

Для цитирования: Безвербный, В. А. Демографическая ситуация в Донецкой и Луганской народных республиках / В. А. Безвербный, Е. А. Бекинеев, Е. А. Лукашенко // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 165–183. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.10). EDN [МҮКҮОВ](https://www.edn.ru/entry/10.19181/demis.2024.4.4.10).

Аннотация. Определение точной численности населения Донбасса представляет собой сложную задачу ввиду продолжающегося вооруженного конфликта в регионе и значительного временного интервала, прошедшего с момента последней Всеукраинской переписи населения, проведенной в 2001 г. По состоянию на 2024 г. актуальные и достоверные источники информации о демографической ситуации на Донбассе крайне ограничены. В свою очередь, статистические органы народных республик ограничиваются учетом населения исключительно на подконтрольных России территориях. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость применения альтернативных методологических подходов для получения достоверных оценок численности населения Донецкой и Луганской народных республик. В статье рассматриваются демографическая динамика и проблемы оценки постоянной численности населения Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики (далее – ДНР и ЛНР), входящих в состав Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена недостатком достоверных статданных и сложностью учета населения в условиях продолжающегося конфликта на территории республик. Цель исследования – проанализировать имеющиеся данные о численности населения ДНР и ЛНР и дать оценку демографической ситуации в регионе. В работе использованы официальные данные статистических служб Донецкой и Луганской народных республик, а также статистические материалы ООН. Результаты исследования показывают, что с начала конфликта в 2014 г. население ДНР и ЛНР существенно сократилось за счет миграционного оттока и повышенной смертности. По оценкам авторов, на начало 2023 г. постоянное население Донецкой Народной Республики составляло около 4,2 млн человек, а Луганской Народной Республики – 2,2 млн человек. Кроме того, в статье показана динамика численности населения ДНР и ЛНР с 1939 по 2020 г. по данным всесоюзных переписей населения и современным данным текущего учета. В настоящей научной работе подчеркивается необходимость проведения полномасштабных переписей населения в республиках для получения точных сведений о его численности и структуре. Проблема, которой посвящена статья, имеет практическую значимость. Оценка вероятной численности наличного населения современного Донбасса необходима для формирования программ социально-экономического развития «новых» регионов Российской Федерации.

Ключевые слова. демографическая динамика, численность населения, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, миграция, рождаемость, смертность

Введение

Демографические особенности восточно-украинского региона начали проявляться в относительно недавний период. В XIX в. Донбасский регион входил в состав Екатеринославской губернии, тогда как современные Херсонская и Запорожская области находились в составе Таврической губернии Российской империи. Уже на тот момент регион был куда более русифицирован, чем другие территории Украины. Согласно переписи 1897 г., 69% населения Екатеринославской губернии составляли малороссы (сегодня – украинцы), в то время как великороссы (сегодня – русские) – 17% (в сравнении с Киевской губернией, где малороссы составляли 79%, а великороссы – 6% населения)¹.

Ключевое влияние на Донбасс оказали индустриализация и урбанизация, которые начались в XX в. В результате индустриализации претерпел изменения не только социальный состав населения, но и возросла его численность, изменилась этническая композиция. Проявилась особая символика региона, обусловленная особо важной ролью в экономическом развитии угольно-металлургической промышленности и промышленных предприятий. При советской власти началась и «русификация» Донбасса. Это был во многом естественный процесс, который происходил вне зависимости от государственной политики.

Индустриализация территории привела к значительному притоку рабочей силы из других регионов СССР, в первую очередь из РСФСР и Белорусской ССР, что способствовало увеличению доли русского и русскоговорящего населения на Донбассе. Демографические изменения в этом регионе в советский период характеризовались высокими темпами роста населения, особенно в 1920–1930-е гг. и в послевоенное время. Однако уже с 1960-х гг. начались процессы демографического старения и снижения рождаемости, типичные для индустриальных регионов.

Особенности экономической специализации Донбасса, с преобладанием тяжелой промышленности и добывающих отраслей, повлияли и на гендерный состав населения. В регионе сформировался существенный перевес мужского населения, занятого в промышленности и строительстве. Распад Советского Союза и экономический кризис 1990-х гг. привели к резкому спаду промышленного производства и росту безработицы на Донбассе. Это вызвало значительный миграционный отток населения, прежде всего трудоспособного возраста, что усугубило процессы демографического старения. В значительной степени демографическое развитие данного региона в XX в. определялось взаимодействием процессов индустриализации, урбанизации и русификации, которые привели к формированию особой социально-демографической структуры, отличающейся от других частей Украины.

В настоящий момент подсчет достаточно точной численности населения Донбасса усложняется как продолжающимися боевыми действиями в регионе, так и тем фактом, что последняя Всеукраинская перепись населения проводилась в 2001 г. К сожалению, на современном этапе источники информации о демографи-

¹ Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Demoscope Weekly : [сайт]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (дата обращения: 01.04.2024).

ческой ситуации на Донбассе очень ограничены. С 2014 по 2022 г. наличное население ДНР и ЛНР подсчитывалось тремя официальными структурами одновременно: Государственной службой статистики Украины, государственными статистическими службами Донецкой и Луганской народных республик. При этом Государственная служба статистики Украины продолжала подсчитывать население не только подконтрольных ей городов, но и городов, подконтрольных ДНР и ЛНР. Сами же народные республики ограничивались подсчетами только на подконтрольных России территориях. Указанные факты обуславливают применение альтернативных подходов к выявлению численности населения Донецкой и Луганской народных республик Российской Федерации.

Обзор литературы

Попытки применения альтернативных методов подсчета численности населения и демографических потерь в условиях дефицита данных переписи населения и текущего учета применялись многими известными учеными. Обратимся к некоторым заслуживающим внимания работам.

Так, например, в работе Д. В. Заяца «Демографический потенциал регионов востока Украины» [1] рассматриваются проблемы подсчета реальной численности населения непризнанных республик и «политизированности» подсчета демографических показателей. Ее автор отмечает, что процессы депопуляции в регионах Донбасса начались еще до конфликта, но в период с 2014 г. темпы убыли населения значительно ускорились. Ученый также делает вывод о том, что тема демографического потенциала ЛНР и ДНР крайне политизирована, объективные данные не приводятся ни официальными структурами, ни украинскими властями, ни международными организациями.

В исследовании коллектива сотрудников Донецкого национального университета «Особенности демографической ситуации Донецкой Народной Республики» [2] анализируются специфические особенности демографической ситуации в ДНР, динамика численности населения, выявляются факторы демографического кризиса. Авторы полагают, что улучшение демографической ситуации возможно при условии формирования эффективной социальной политики, учитывающей специфику текущих демографических процессов.

В статье С. Я. Сущего «Военный конфликт на востоке Украины: демографические потери и сдвиги в национальной структуре населения Донбасса» [3] обсуждаются этнодемографические и миграционные процессы, происходившие на востоке Украины до начала СВО. При этом особое внимание уделяется динамике демографического потенциала и национальной структуре населения Донбасса. Определяются масштабы и структура прямых и косвенных потерь, связанных с начавшимся военным конфликтом. Изучается влияние на демографический потенциал разделения региона на пророссийскую (народные республики) и украинскую части.

Современные подходы к более точному подсчету численности населения территорий приводятся в работе Р. А. Бабкина «Оценка численности населения муниципальных образований Московского столичного региона по данным операторов сотовой связи» [4]. В ней исследователь поставил задачу оценить возможность ис-

пользования данных операторов мобильной связи для проверки достоверности статистики текущего учета населения, дополнения и верификации официальной демографической статистики.

В статье В. Н. Ракачева и А. А. Халафяна «Оценка численности населения Кубани в 1930–1940-е гг. с использованием методов статистического моделирования» [5] отмечается, что при изучении демографических процессов в СССР в 1920–1930-е гг. возникает проблема достоверности статистических данных, которые зачастую искажались в угоду политической конъюнктуры. В целях оценки численности населения Кубани в указанный период ученые обращаются к методам вероятностно-статистического моделирования. Для построения регрессионных моделей зависимости общей численности населения региона от времени они используют разрозненные статистические данные за разные годы и на их основе создают линейную, квадратичную и кубическую регрессионные модели, показавшие свою высокую адекватность.

И, конечно, нельзя не упомянуть о монографии Л. Л. Рыбаковского, одного из самых авторитетных советских и российских ученых-демографов, «Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне» [6]. В книге приводятся процедуры расчета потерь при использовании разных методов, характеризуются достоинства метода демографического баланса, а также даются примеры его применения в отечественной и зарубежной практике. Ученым предложен этнодемографический метод для оценки людских потерь и дано авторское понимание косвенных демографических потерь.

Материалы и методы

Анализ демографических показателей на территориях Донецкой и Луганской народных республик, а также в регионах, вошедших в их состав после начала военных действий, представляет значительные трудности ввиду отсутствия достоверной и полной информации. Данные по естественной убыли населения практически недоступны, что делает невозможным проведение точных оценок и прогнозов. Кроме того, даже до начала военного конфликта статистические сведения по демографической ситуации в ДНР и ЛНР были крайне ограничены и фрагментарны.

Информация о численности населения городов и регионов Донбасса, предоставляемая различными статистическими службами, значительно разнится. По данным Государственной службы статистики Украины, население Донецка к 2021 г. сократилось до 905 тыс. человек. В то же время, по данным Государственной службы статистики Донецкой Народной Республики, население региональной столицы в 2021 г. составляло 915 тыс. человек². В случае со статистикой ЛНР разрыв еще сильнее. По данным Государственной службы статистики Украины, в Луганске в 2021 г.

² Численность населения Донецкой Народной Республики на 1 января 2022 года // Wayback Machine : [сайт]. URL: https://web.archive.org/web/20220401055146/http://gosstat-dnr.ru/pdf/naselenie/chisl_naselenie_0122.pdf (дата обращения: 20.03.2024).

проживали 399 тыс. человек, а по данным Государственного комитета статистики Луганской Народной Республики – 422 тыс.³

Другая насущная проблема – невозможность полноценного сопоставления данных двух статистических служб. В 2020 г. Верховная рада Украины провела реформу районов Донецкой и Луганской областей, сократив их количество в каждой области с 18 до 8. В ДНР и ЛНР подобных реформ не проводили, и изменения, сделанные Украиной, не признавали.

Существуют трудности с подсчетом выбывшего из региона населения, а также погибшего населения. В российских СМИ встречается множество оценок миграции из ДНР и ЛНР, но они редко подкрепляются фактическими доказательствами. Украинская сторона не ведет статистики по миграции из отдельных районов, и поэтому конкретные сведения от ее государственных служб получить невозможно.

Экстраполяция имеющихся данных на новые территории, вошедшие в состав республик, также сопряжена с методологическими сложностями и требует тщательного анализа применимости такого подхода. В текущих условиях приходится констатировать фактическое отсутствие надежной информационной базы для изучения демографических процессов в указанных регионах.

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении показателей смертности и военных потерь. В настоящее время отсутствуют верифицированные и систематизированные данные, позволяющие провести полноценный анализ и сделать обоснованные выводы о масштабах и динамике этих явлений.

В связи со сказанным выше, в настоящей работе мы поставили перед собой три основные задачи:

- дать оценку численности населения республик до начала СВО;
- дать оценку числу погибших за время боевых действий;
- оценить численность населения, покинувшего ДНР и ЛНР после начала СВО.

Мы предлагаем использовать следующую формулу для оценки численности населения каждой из республик:

$$H_p = (H_g + H_c) - C - \Xi$$

где H_p – оценка численности населения региона; H_g – численность населения городов и приравненных к ним муниципальных образований; H_c – оценка численности населения, проживающего в сельской местности; C – оценка числа погибших в период боевых действий; Ξ – оценка совокупного числа выехавших жителей региона.

Результаты

Анализируя межпереписные и текущие данные о динамике численности населения Донецкой и Луганской народных республик с 1939 по 2020 г., можно выделить разнонаправленные тенденции и закономерности. Период с 1939 по 1991 г. условно допустимо считать этапом устойчивого роста населения региона. Так, население ДНР выросло с 3,1 млн в 1939 г. до 5,3 млн в 1989 г., а население ЛНР – с 1,8 млн до 2,9 млн за тот же период. Менялась и этническая структура региона. В 1939 г.

³ Численность населения Луганской Народной Республики на 1 января 2022 года // Wayback Machine : [сайт]. URL: https://web.archive.org/web/20220224213521/http://gkslnr.su/files/chisl_250122.pdf (дата обращения: 20.03.2024).

русские составляли 26% населения Донецкой области, а к переписи 1989 года – 43%. В Луганской области прослеживалась схожая тенденция – рост с 22% до 44%. Максимальная численность населения в обеих республиках была зафиксирована в том же 1989 г.: 5,3 млн – в ДНР и 2,8 млн – в ЛНР. Таким образом, за 50 лет население Луганской области возросло на 55%, а Донецкой области – на 72% (рис. 1).

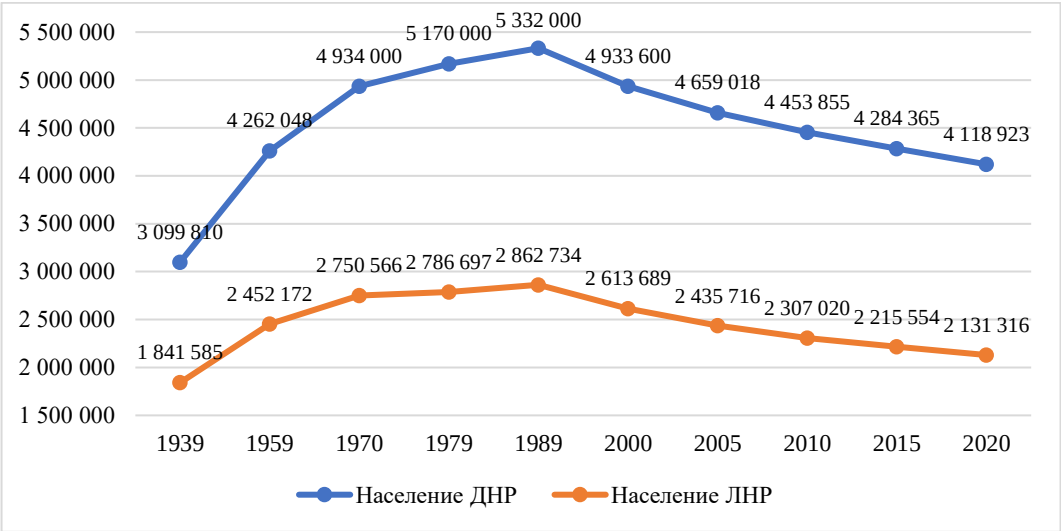

Рис.1. Динамика численности населения ДНР и ЛНР в 1939–2020 гг. (человек)

Fig.1. Population dynamics of the DPR and LPR in 1939–2020 (people)

Источник: составлено авторами по данным официальной статистики⁴

С распадом СССР и экономическим кризисом 1990-х гг. население будущих Донецкой и Луганской народных республик стало системно сокращаться. К 2000 г. оно уменьшилось до 4,9 млн и 2,6 млн соответственно. Если демографическое развитие региона в период с 1939 по 1991 г. можно назвать положительным и устойчивым, то период после 1991 г. характеризуется депопуляцией, особенно с 2001 по 2015 г., в наибольшей степени затронувшей территории ЛНР.

Согласно Всеукраинской переписи населения 2001 г., население будущих ДНР и ЛНР сократилось до 4 млн 841 тыс. и до 2 млн 546 тыс. соответственно. В сравнении с показателями 1989 г. это сокращение составило 9% и 11%. Начал уменьшаться и удельный вес русских в обеих областях: в Донецкой – на 5,4%, в Луганской – на 5,8%. Это, вероятно, стало результатом изменения идентичности уже живших в областях людей. Доказательством можно считать языковую принадлежность. Несмотря на украинское этническое большинство, 74,9% населения Донецкой области считали русский своим родным языком. В Луганске такая доля была немного меньше – 68,8% населения⁵.

⁴ Всесоюзные переписи населения СССР 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг., Всеукраинская перепись населения 2001 г., данные Государственной службы статистики Украины за 2005, 2010 гг., данные Госкомстатов ДНР и ЛНР за 2015, 2020 гг.

⁵ Итоги переписи населения Украины 2001 года// Демоскоп Weekly: [сайт]. <https://www.demoscope.ru/weekly/2004/0173/analit05.php> (дата обращения: 20.03.2024).

Население народных республик до начала боевых действий удалось восстановить путем комбинирования информации нескольких статистических служб. Для этого нами были систематизированы сведения по полному списку городов Донбасса. Получено, что на территории бывшей Донецкой области до СВО находились 52 города, а на территории бывшей Луганской области – 37. Далее, на основе информации Государственной службы статистики Украины, Госстата ДНР и Госстата ЛНР, было подсчитано население каждого из городов народных республик. Информация выбиралась по следующему принципу: если до начала Специальной военной операции город контролировался ЛНР или ДНР, то использовались данные статистических служб республик. Если же город находился под контролем Украины – украинской. Подобный подход обеспечил наибольшую точность, так как сторона, контролирующая город, имела наиболее полный доступ к данным об изменении численности его населения. Таким образом, в городах ДНР до СВО (2021 г.) проживали 3 502 520 человек, а в городах ЛНР – 1 613 339 (табл. 1, 2 в Приложении).

Затем было подсчитано прочее городское население регионов. В республиках оно представлено населением поселков городского типа (ПГТ). Отметим, что по отдельным ПГТ отсутствуют достоверные сведения в государственной статистике обеих республик. В таких ситуациях для оценки численности соответствующих населенных пунктов мы использовали украинскую статистику, где изменение населения в ПГТ отслеживается также, как и в городах. По этой же причине в нашем исследовании используется деление республик на районы, принятое в Украине, так как это давало нам возможность осуществить относительно корректное соотнесение по соответствующим населенным пунктам. Наши оценки, приведенные в таблице 1, дают следующие итоги: в ПГТ ДНР проживало 389 371 человек, а в ПГТ ЛНР – 333 564 человека.

Таблица 1

**Оценка численности городского населения в муниципальных районах
ДНР и ЛНР**

Table 1

Estimation of the urban population in municipal districts of the DPR and LPR

№	Наименование района	Численность населения (человек)	Принадлежность
1	Бахмутский район	40 736	ДНР
2	Волновашский район	31 248	ДНР
3	Горловский район	88 206	ДНР
4	Донецкий район	63 064	ДНР
5	Кальмиусский район	26 419	ДНР
6	Краматорский район	73 626	ДНР
7	Мариупольский район	40 404	ДНР
8	Пакровский район	25 668	ДНР
9	Алчевский район	73 186	ЛНР
10	Довжанский район	41 288	ЛНР
11	Луганский район	48 467	ЛНР
12	Ровеньковский район	70 392	ЛНР
13	Сватовский район	20 340	ЛНР
14	Северодонецкий район	22 531	ЛНР
15	Старобельский район	32 345	ЛНР
16	Счастьенский район	25 015	ЛНР
	Общая численность	722 935	

Источник: составлено авторами по данным официальной статистики

Аналогичная ситуация с наличием и достоверностью данных возникла и при оценке численности сельского населения обеих республик. Частично мы вынуждены были использовать данные украинских статистических служб. Согласно подсчетам, сельское население ДНР составило 372 211 человек, а ЛНР – 273 023 человека (табл. 2).

Таблица 2

Оценка численности сельского населения в муниципальных районах ДНР и ЛНР

Table 2

Estimation of the rural population in municipal areas of the DPR and LPR

№	Наименование района	Численность населения, человек	Принадлежность
1	Бахмутский район	29 351	ДНР
2	Волновашский район	74 676	ДНР
3	Горловский район	25 958	ДНР
4	Донецкий район	28 989	ДНР
5	Кальмиусский район	49 357	ДНР
6	Краматорский район	59 775	ДНР
7	Мариупольский район	38 162	ДНР
8	Пакровский район	65 943	ДНР
9	Алчевский район	13 587	ЛНР
10	Довжанский район	23 750	ЛНР
11	Луганский район	35 615	ЛНР
12	Ровеньковский район	18 154	ЛНР
13	Сватовский район	41 512	ЛНР
14	Северодонецкий район	20 607	ЛНР
15	Старобельский район	77 398	ЛНР
16	Счастьенский район	42 400	ЛНР
Общая численность		645 234	

Источник: составлено авторами по данным официальной статистики

Суммируя оценки, полученные отдельно по городам, ПГТ и сельской местности, получим, что численность населения ДНР составляла 4 264 102 человека, а ЛНР – 2 219 925 человека. Эти данные оказались выше подсчетов украинской стороны для бывших Донецкой и Луганской областей (4,1 млн и 2,1 млн соответственно), что связано с различными методологическими подходами к оценке численности населения государственными службами статистики Донецкой и Луганской народных республик, и украинской стороны.

Нужно отметить ограниченность нашего подхода к оценке численности населения территорий. Это связано, в первую очередь с тем, что ситуация с подконтрольностью отдельных территорий динамично менялась с течением времени. В нашем исследовании мы опирались на интерактивную карту спецоперации Вооруженных сил РФ, публикуемую РИА Новости по состоянию на 25 января 2024 года⁶. Эти данные подкреплялись также показателями сводок РБК⁷. На эту дату ЛНР находилась под полным контролем РФ, в то время как только 30 из 54 городов и 6 из 8 районов ДНР были под контролем России. Всего в ДНР на подконтрольных РФ тер-

⁶ Интерактивная карта спецоперации на Украине // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20220622/spetsoperatsiya-1795199102.html> (дата обращения: 25.01.2024).

⁷ Военная операция на Украине. Карта // РБК : [сайт]. URL <https://www.rbc.ru/politics/15/04/2024/621a39ba9a79472784f029d4> (дата обращения: 25.01.2024).

риториях могло находиться 3 234 279 человек, тогда как Украина продолжала контролировать города и села с общим населением до 1 029 823 человек до начала СВО. В ЛНР же на начало 2022 г. под контролем России находились территории с оценкой численности до 2 219 925 человек.

Оценка потерь в результате боевых действий

Для подсчета числа погибшего населения были проанализированы несколько возможных причин гибели людей. Первый источник потерь в результате боевых действий – это обстрелы ВСУ. Необходимые для анализа данные приводились Д. В. Морозовой, Уполномоченным по правам человека в Донецкой Народной Республике⁸. По ее заявлениям, на 18 марта 2023 г. «в результате агрессии ВСУ» в ДНР погибли 4 374 мирных жителя. В своем выступлении в ООН 20 января 2023 г. В. А. Небензя назвал цифру 4 591 погибших на территории ДНР и ЛНР⁹. Вероятно, имеется в виду гибель именно в результате обстрелов ВСУ, потому что, согласно заявлениям официальных лиц ДНР, только в Мариуполе по причине боевых действий погибли более 5 тыс. человек¹⁰. Эти цифры выглядят реалистично и после сопоставления с данными из других источников. Так, например, мэр Донецка А. В. Кулемзин в своем телеграм-канале сообщает обо всех подтвержденных случаях смерти в результате обстрелов ВСУ. С начала СВО им упоминалось о 340 погибших на территории города¹¹. Это около 6% от числа потерь в Донецкой Народной Республике, которые озвучила Д. В. Морозова, и это вполне ожидаемо для крупного не прифронтового города. Безусловно, эти цифры с 18 марта 2023 г. менялись, однако иных подтвержденных данных у нас нет.

Другой источник потерь – потери мирного населения при городских боях. Всего в Донецкой Народной Республике в боях были значительно повреждены 9 городов: Мариуполь, Артемовск, Авдеевка, Волноваха, Красный Лиман, Красногоровка, Угледар, Соледар и Марьинка. В Луганской Народной Республике с подобной ситуацией столкнулись 5 городов: Северодонецк, Лисичанск, Рубежное, Счастье и Попасная. Точных данных по потерям в каждом из названных городов не существует, ввиду чего для примерной оценки потерь придется опираться на данные, которые есть по самому изученному из пострадавших городов – Мариуполю.

Понимая ограниченность нашего метода оценки, мы, тем не менее, считаем допустимой экстраполяцию данных, полученных в результате оценки гражданских потерь в Мариуполе. Во всех вышеперечисленных городах масштаб разрушений сопоставим. По оценкам Единого заказчика в сфере строительства, 1 634 многоквартирных дома Мариуполя нуждаются в ремонтных работах, а 407 восстановлению не

⁸ Омбудсмен ДНР назвала число погибших в Донбассе до начала СВО // РИА Новости : [сайт]. 18.03.2023. URL: <https://ria.ru/20230318/donbass-1858736117.html> (дата обращения: 20.03.2024).

⁹ Небензя раскрыл число погибших мирных жителей ДНР и ЛНР за год // Газета.ру : [сайт]. 20.01.2023. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/01/20/19538065.shtml> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁰ Пушилин назвал скромными оценки о 5-ти тысячах погибших в Мариуполе // РБК : [сайт]. 11.04.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/04/2022/6253f07d9a7947afc027d14c> (дата обращения: 20.03.2024).

¹¹ Мэр Донецка рассказал о численности населения города // РИА Новости : [сайт]. 13.03.2023. URL: <https://ria.ru/20230313/naselenie-1857426216.html> (дата обращения: 20.03.2024).

подлежат¹². Это означает, что примерно из 2 150 многоквартирных домов, которые были в городе, около 20% разрушены полностью, а 75% отданы под восстановление. Из 153 многоквартирных домов Волновахи 133 (86%) переданы под восстановление, 4 не были повреждены, а 16 отданы под снос (10%)¹³. Среди 802 многоквартирных домов Северодонецка повреждены 764, среди которых 568 (71%) переданы под восстановление¹⁴. Подобная тенденция сохраняется для большинства пострадавших городов: 95% жилой инфраструктуры повреждено, от 70% до 86% домов подлежат восстановлению. Исключением является город Артемовск. Масштабные восстановительные работы не ведутся в нем до сих пор, следовательно нет и точных оценок разрушений. В остальном полученные данные свидетельствуют о схожей интенсивности боевых действий в большинстве пострадавших городов. Масштабы разрушений в них отличаются, но они сопоставимы.

Существуют три оценки по количеству гражданских смертей в городе Мариуполе: оценка ООН, мэра города и украинских властей. По данным ООН, в боях за Мариуполь погибли 1 348 мирных жителей¹⁵, что составляет 0,3% от населения города до начала боевых действий. По данным мэра Мариуполя и губернатора ДНР, в городе погибли более 5 тысяч человек. При этом Д. В. Пушилину назвал цифру в 5 тысяч человек «консервативной». Значит, по данным ДНР, в боях могло погибнуть как минимум 1,2% от населения Мариуполя на начало 2022 г. Украинская сторона называет иные цифры: 25 тысяч убитых и 7 тысяч погребенных под завалами¹⁶. Таким образом, власти Украины сообщают о 32 тысячах погибших, что составляет 7,4% от населения города до начала СВО. Мы видим, что разброс цифр весьма значителен – от 0,3% до 7,4% потерь.

Украинские данные по гражданским потерям выглядят наименее реалистичными, поскольку у украинских властей отсутствовал доступ на соответствующие территории. Поэтому сведения, предоставленные российской стороной, мы рассматривали как консервативную оценку, а данные Украины были использованы в качестве самой высокой возможной планки потерь.

Информация о гражданских потерях в остальных пострадавших городах отсутствует, вследствие чего о количестве погибших возможно сделать лишь приблизительную оценку. Полученные данные не точны, вместе с тем они дают примерное представление об утраченном населении региона. Всего в пострадавших городах

¹² Презентация Мариуполь // Публично-правовая компания «Единый заказчик»: [сайт]. 21.03.2023. URL: https://ppk-ez.ru/wpfd_file (дата обращения: 22.04.2024).

¹³ «Единый заказчик» завершает восстановление жилого фонда Волновахи // Публично-правовая компания «Единый заказчик»: [сайт]. 23.08.2023. URL: <https://ppk-ez.ru/?p=12462> (дата обращения: 20.09.2024).

¹⁴ «Единый заказчик» восстанавливает в ЛНР более 500 жилых домов и соцобъектов // Луганский информационный центр: [сайт]. 18.07.2024. URL: <https://lug-info.ru/news/edinyj-zakazchik-vosstanavlivaet-v-lnr-bolee-500-zhilyh-domov-i-socobektov/> (дата обращения: 20.09.2024).

¹⁵ Ukraine Refugee Situation // Operational Data Portal: [site]. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/ukraine> (accessed on 20.03.2024).

¹⁶ Thousands of Civilian Deaths and 6.6 Million Refugees: Calculating the Costs of War // The New York Times: [site]. 24.08.2022. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-63536564> (accessed on 20.03.2024).

ДНР проживали 627 316 человек. Соответственно, если брать Мариупольский диапазон от 0,3% до 7,4% потерь гражданского населения, то в ДНР в городских боях могло погибнуть от 1 881 до 46 421 человека. В ЛНР в пострадавших городах ранее проживали 283 128 человек, следовательно, потери гражданских лиц при боях в республике могли составить от 849 до 20 951 человека. Если же ориентироваться только на консервативную цифру в 1,2%, то оценки потерь в ДНР будут составлять 7 527 человек, а в ЛНР – 3 397.

Оценка миграционной ситуации

При подсчете численности населения, выбывшего из соответствующих регионов, существуют следующие трудности:

- 1) украинская сторона не ведет статистики миграции из отдельных регионов;
- 2) российские данные не всегда разделяют количество прибывших с новых территорий на количество прибывших из каждой отдельной области;
- 3) почти полностью отсутствуют статданные по населению, вернувшемуся обратно на территорию ДНР и ЛНР после эвакуации.

Единственный официальный источник, который дает относительно полные сведения об эмиграции из Украины – база данных Организации Объединенных Наций по ситуации с украинскими беженцами. По информации ООН, на 25 января 2024 г. границу с Россией пересекли 2 млн 869 тыс. беженцев¹⁷. Похожие цифры периодически приводились и в российских средствах массовой информации, например, ТАСС¹⁸. При этом большинство СМИ сходилось во мнении, что как минимум половина этих беженцев приезжает из Луганской и Донецкой народных республик.

Кроме того, трудности заключаются и в том, что официальные сообщения о числе выбывших из республик поступали точно и лишь дважды: данные общего количества эвакуированных с 24 февраля по 25 марта 2022 г.¹⁹ и данные о количестве пересекших границу во втором квартале 2022 г.²⁰ Получается, что, по данным, подтвержденным Россией, из обеих народных республик было сначала эвакуировано около 420 тыс. человек, а затем в Российскую Федерацию могло приехать еще около 507 тыс. человек (из ДНР – 214 тысяч, из ЛНР – 293 тысячи). Если верить данным ООН, то помимо этих двух волн миграции, республики должны были покинуть еще примерно 507 тыс. человек.

С информацией о численности выбывших в сторону Украины – сложнее. По словам бывшего мэра Мариуполя, общественные организации оказали помощь 55 тыс. беженцев, покинувших город. Если вновь обратиться к информации ООН, то всего за пределы Украины могло уехать 6 357 100 человек. Если 2 869 000 из них

¹⁷ Ukraine Refugee Situation // Operational Data Portal : [site]. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/ukraine> (accessed on 20.03.2024).

¹⁸ Число беженцев с территории Украины и Донбасса, прибывших в РФ, превысило 2,4 млн человек // ТАСС : [сайт]. 08.07.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15161825> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁹ МО РФ: с 24 февраля с Украины и из ДНР и ЛНР было эвакуировано почти 420 тысяч человек / ТАСС : [сайт]. 25.03.2022. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/14188001> (дата обращения: 20.03.2024).

²⁰ ФСБ раскрыла количество приехавших из ДНР и ЛНР // РБК : [сайт]. 17.08.2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/17/08/2022/62fcca2f9a79473c83a92d7a> (дата обращения: 20.03.2024).

находятся на территории России, то значит оставшиеся 3 506 100 мигрировали в другие страны. Точно узнать, какую часть беженцев составляют жители ДНР и ЛНР невозможно, но можно дать примерную оценку. Всего в Украине на момент 2021 г. проживали 41 745 385 человек, а на территории ДНР и ЛНР – 4 264 102 и 2 219 925 соответственно. Таким образом, население республик составляло 15,5% от общего населения Украины. Это дает нам возможность дать хотя бы приблизительный масштаб выбывшего населения республик. В принципе, можно рассматривать три сценария относительных масштабов выезда:

- 1) на Запад с территории Донецкой и Луганской народных республик выехало меньше, чем из Украины (значительно менее 15% от общего числа беженцев);
- 2) на Запад с территории Донецкой и Луганской народных республик выехало примерно столько же, сколько из Украины (около 15,5% от общего числа беженцев);
- 3) на Запад с территории Донецкой и Луганской народных республик выехало больше, чем из Украины (значительно более 16% от общего числа беженцев).

Каждый из сценариев допустим, но без реальных подтверждений хоть какой-либо статистикой, сложно говорить о наиболее предпочтительном из них. Суммируя сказанное выше, мы можем дать достаточно грубую оценку и соответственно широкий интервал числа выбывшего из Донецкой и Луганской народных республик населения от 250 тыс. до 1 млн человек.

Оценка численности населения Донецкой и Луганской народных республик

После анализа всех представленных выше данных из всех имеющихся источников, нами были построены три возможных оценки численности населения ДНР и ЛНР: оптимистичная, реалистичная и пессимистичная (табл. 3).

Таблица 3

Сценарии оценки численности населения ДНР и ЛНР на 2024 г.

Table 3

Scenarios for estimating the population size of the DPR and LPR for 2024

Сценарии	Население ДНР (млн человек)	Население ЛНР (млн человек)
Оптимистичный	3,6	1,7
Инерционный	3,1	1,4
Пессимистичный	2,6	1,2

Источник: рассчитано авторами

Для оптимистичной оценки были использованы самые низкие смоделированные потери среди мирного населения. Что касается миграции, то использовались официальные данные российских служб и самые низкие оценки миграции в сторону Украины и третьих стран. Помимо этого, учитывались известные показатели по рождаемости. Таким образом, если принять, что в Донецкой Народной Республике от обстрелов ВСУ могли погибнуть 4,3 тыс. человек, еще 1,9 тыс. человек погибли в боях за города. При первичной эвакуации города покинули 252 тыс. человек, а во втором квартале 2022 г. к ним могло добавиться еще до 214 тыс. беженцев. В сторону Украины из республики могло направиться около 178,8 тыс. человек. За

2022–2023 гг. в ДНР родились 14 462 ребенка²¹. Учитывая изложенное выше, оптимистичный сценарий дает оценку численности населения всей республики примерно в 3 627 тыс. человек. Следовательно, республика могла потерять примерно 15% своего населения.

От обстрелов ВСУ в Луганской Народной Республике погибли 200 человек, а в боях за города – 849 человек. Во время первой волны эвакуации республику покинули 168 тыс. человек, а во втором квартале 2022 г. к ним могло добавиться еще 293 тыс. беженцев. В сторону Украины направилось около 93 тыс. человек. За 2022–2023 гг. в ЛНР родились 9 797 детей²². Соответственно, по оптимистичным оценкам, на территории ЛНР может проживать до 1 674 тыс. человек. Из чего следует, что за время конфликта из республики выбыло приблизительно 25% всего населения.

При реалистичной оценке были использованы средние данные гражданских потерь в городских боях – 7 527 человек в ДНР и 3 397 – в ЛНР. К данным о миграции со стороны России добавлены сведения ООН (507 тыс. человек, которых не достает в российской статистике) и примерно равное соотношение числа выбывших в РФ и в сторону Украины и в третьи страны. Получается, что население Донецкой Народной Республики сократилось до 3 109 тыс. человек (или на 27,4%), а Луганской Народной Республики – до 1 405 тыс. человек (или на 37,1%).

При пессимистичной оценке использовались самые высокие из возможных показателей гражданских потерь и самые высокие оценки миграции. Соответственно, при наихудшем сценарии население ДНР может составлять 2 646 тыс. человек, а в ЛНР – 1 256 тыс. человек. Таким образом, в этом сценарии снижение численности населения ДНР и ЛНР могло произойти на 38,3 % и 43,8 % соответственно.

Заключение

Пессимистичный сценарий авторской оценки текущей численности населения ДНР и ЛНР приближается к оценке Федерального фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС), определившего прогнозную численность населения в новых субъектах России на 1 января 2024 года в количестве 3 227 429 человек²³.

Полученные данные позволяют сделать вывод об общих демографических перспективах региона. Во-первых, суммарное сокращение населения при самом пессимистичном сценарии составляет 38–44%. Основная причина – это значительный отток населения из региона, который в долгосрочной перспективе обуславливает еще снижение численности населения за счет снижения демографического потенциала. Нужно также учитывать, что значительная доля выбывших – это дети и жен-

²¹ В ДНР второй год подряд растет рождаемость // ТАСС : [сайт]. 11.10.2024: URL: <https://tass.ru/obschestvo/22098977> (дата обращения: 20.10.2024).

²² ЗАГСы ЛНР в 2022 году зарегистрировали 5 186 рождений детей // Минюст : [сайт]. 19.01.2023. URL: <https://lug-info.ru/news/zag-sy-lnr-v-2022-godu-zaregistrirovali-5-186-rozhdenij-detej-minyust/> (дата обращения: 20.10.2024); ЗАГСы ЛНР за 11 месяцев зарегистрировали семь тыс. браков и 4,6 тыс. рождений детей // Луганский информационный центр : [сайт]. 26.12.2023. URL: <https://lug-info.ru/news/zag-sy-lnr-za-11-mesyacev-zaregistrirovali-sem-tys-brakov-i-4-6-tys-rozhdenij-detej/> (дата обращения: 20.10.2024).

²³ Власти впервые назвали численность россиян в новых регионах // РБК : [сайт]. 29.09.2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/09/2023/6516e5449a79477c35e5f12d> (дата обращения: 01.12.2024).

щины. Тем не менее, даже в пессимистичном сценарии нужно иметь ввиду, что после окончания конфликта часть населения может вернуться в оставленные регионы. Этому способствуют уже запущенные программы восстановления городов и развитие инфраструктурных проектов.

Численность погибших в регионе может составлять от 15 тыс. человек по оптимистическим оценкам, и до 70 тыс. – по самым пессимистичным. Это весьма значительные демографические потери, восполнить которые невозможно. В среднесрочной перспективе это может негативно сказаться на демографической структуре населения.

Таким образом, основные риски для дальнейшего демографического развития Донецкой и Луганской народных республик связаны с миграционным оттоком населения и смертностью в результате боевых действий. В результате боевых действий значительно пострадали 14 городов с общим населением около 910 тыс. человек на начало 2022 г. Утрачены были и жилые площади. Многие жители Донбасса, которые были вынуждены покинуть город, уже обустривают жизнь на новых местах. Определенная часть молодого населения может не вернуться в республики, что приведет к росту демографической нагрузки на оставшуюся часть трудоспособного населения. В негативном сценарии наиболее остро нехватка трудовых ресурсов будет ощущаться в ЛНР, так как, по нашим оценкам, республику покинула значительная доля населения.

Россия предпринимает все необходимое для восстановления социальной инфраструктуры в ДНР и ЛНР. Так, 22 декабря 2023 г. постановлением Правительства Российской Федерации была утверждена государственная программа «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области»²⁴. В качестве приоритетной цели Правительством было выбрано повышение уровня жизни населения в регионе. Это планируется сделать за счет восстановления жилищной и иной инфраструктуры, а также улучшения качества городской среды и жилищных условий граждан. Особый акцент в программе делается на оживлении предпринимательской деятельности, для чего и была создана свободная экономическая зона на новых территориях, в которую сегодня входят 132 предприятия. Прямых демографических мер в программе не предусмотрено, однако ее своевременное выполнение может решить важный вопрос, связанный с возвращением части выбывшего населения на свои родные земли.

Российская Федерация занимается и правовой интеграцией новых регионов. Сохраняется проблема «неграждан», когда значительная часть населения не оформляет гражданство страны. В 2024 г. Социальный фонд России (СФР) отчитался о переводе 1,4 млн жителей новых субъектов на российские пенсии²⁵. В данное

²⁴ Государственная программа «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // Правительство Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/908/events/> (дата обращения: 17.10.2024).

²⁵ Социальный фонд перевел на российские пенсии 1,4 млн жителей новых субъектов // Социальный фонд России : [сайт]. 24.05.2024. URL: https://sfr.gov.ru/press_center~2024/05/24/263761 (дата обращения: 17.10.2024).

число также входят ежемесячные денежные выплаты по причинам, отличным от выхода на пенсию по возрасту. Приведенное значение дает нам возможность оценить нижнюю границу численности населения в пенсионных возрастах на новых территориях. Правда, стоит иметь ввиду, что сюда включены сведения по всем четырём новым регионам.

По некоторым оценкам, в течение 10 лет в регионах вполне реально восстановить социальную инфраструктуру и создать условия для комфортной жизни граждан. Однако сейчас сложно давать более точные прогнозы, так как неизвестна точная доля тех, кто выехал за пределы ДНР и ЛНР в сторону Украины и третьих стран, а также какова вероятность возвратной миграции из других субъектов Российской Федерации.

Принимая во внимание ограниченность нашего метода оценки численности населения ДНР и ЛНР, мы все же можем сказать, что полученные нами оценки указывают на значительную потерю демографического потенциала.

Основной потенциал для будущего демографического роста, который остается у региона, мы видим в возможности возвратной миграции в сочетании с федеральными и региональными мерами поддержки семей с детьми и повышения рождаемости.

Список литературы

1. Зайц, Д. В. Демографический потенциал регионов востока Украины // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования : материалы Международной научной конференции (XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО), Тюмень, 12–17 сентября 2022 года. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. С. 251–255. EDN [TUUCOD](#).
2. Зайцева, А. М. Особенности демографической ситуации Донецкой Народной Республики / А. М. Зайцева, Т. В. Корсакова, Е. Г. Кошелева // Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы» : Материалы форума, Воронеж, 30 сентября – 02 октября 2021 года. Воронеж: ООО Цифровая полиграфия, 2021. С. 500–504. EDN [FMCGYX](#).
3. Суций, С. Я. Военный конфликт на востоке Украины: демографические потери и сдвиги в национальной структуре населения Донбасса // Наука Юга России. 2016. Т. 12, № 2. С. 82–90. EDN [WWWVRVZ](#).
4. Бабкин, Р. А. Оценка численности населения муниципальных образований Московского столичного региона по данным операторов сотовой связи // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2020. № 4. С. 116–121. EDN [QZHACQ](#).
5. Ракачев, В. Н. Оценка численности населения Кубани в 1930–1940-е гг. с использованием методов статистического моделирования / В. Н. Ракачев, А. А. Халафян // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 5. С. 150–155. EDN [PJGMGB](#).
6. Рыбаковский, Л. Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне : монография / Л. Л. Рыбаковский ; Ин-т социально-политических исследований РАН. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Экон-Информ, 2010. 139 с. ISBN 978-5-9506-0520-8. EDN [QPPADP](#).

Сведения об авторах

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vadim_jspr@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-3148-7072](https://orcid.org/0000-0002-3148-7072); РИНЦ SPIN-код: [6360](https://elibrary.ru/6360); Web of Science Researcher ID: [0-1050-2016](https://orcid.org/0-1050-2016); Scopus Author ID: [57210845020](https://orcid.org/57210845020).

Бекинеев Егор Андреевич, магистрант, Высшая школа экономики, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yegor.bekineev@gmail.com; ORCID ID: [0009-0001-3098-4894](https://orcid.org/0009-0001-3098-4894).

Лукашенко Елена Адольфовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940); ПИНЦ SPIN-код: [4283-7466](https://www.voprosy.ru/4283-7466); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](https://orcid.org/ADP-4658-2022).

Статья поступила в редакцию 15.08.2024; принята в печать 18.10.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE DONETSK AND LUGANSK PEOPLE'S REPUBLICS

Vadim A. Bezverbny

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: vadim_ispr@mail.ru

Egor A. Bekinev

Higher School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: egor.bekineev@gmail.com

Elena A. Lukashenko

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru

For citation: Bezverbny, Vadim A. Demographic Situation in the Donetsk and Lugansk People's Republics / V. A. Bezverbny, E. A. Bekinev, E. A. Lukashenko. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 165–183. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.10).

Abstract. Determining the exact population size of Donbass is a complex task due to the ongoing armed conflict in the region and a significant time interval that has passed since the last All-Ukrainian Population Census conducted in 2001. As of 2024, relevant and reliable sources of information on the demographic situation in Donbass are extremely limited. In turn, the statistical bodies of the people's republics are limited to counting the population exclusively in the territories controlled by Russia. These circumstances necessitate the use of alternative methodological approaches to obtain reliable estimates of the population of the Donetsk and Lugansk People's Republics. The article considers the demographic dynamics and problems of estimating the permanent population of the Donetsk People's Republic and the Lugansk People's Republic (hereinafter referred to as the DPR and LPR), which are part of the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the lack of reliable statistical data and the complexity of population accounting in the context of the ongoing conflict in the republics. The objective of the study is to analyze the available data on the population of the DPR and LPR and to assess the demographic situation in the region. The work uses official data from the statistical services of the Donetsk and Lugansk People's Republics, as well as statistical materials from the UN. The results of the study show that since the beginning of the conflict in 2014, the population of the DPR and LPR has significantly decreased due to migration outflow and increased mortality. According to the authors' estimates, at the beginning of 2023, the permanent population of the Donetsk People's Republic was about 4.2 million people, and that of the Luhansk People's Republic was 2.2 million people. In addition, the article shows the population dynamics of the DPR and LPR from 1939 to 2020 based on all-Union population censuses and modern current accounting data. This scientific work emphasizes the need to conduct full-scale population censuses in the republics to obtain accurate information on its size and structure. The problem to which the article is devoted has practical significance. The assessment of the probable number of the actual population of modern Donbass is important for the formation of programs for the socio-economic development of the "new" regions of the Russian Federation.

Keywords: demographic dynamics, population size, Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, migration, birth rate, mortality

References

1. Zayats, D. V. Demographic Potential of the Regions of Eastern Ukraine. *Tendentsii prostranstvennogo razvitiya sovremennoy Rossii i priority yego regulirovaniya [Trends in spatial development of modern Russia and priorities for its regulation]* : Proceedings of the International Scientific Conference (XIII Annual

Scientific Assembly of ARGO), Tyumen, September 12–17, 2022. Tyumen: TyumSU-Press, 2022. Pp. 251–255. (In Russ.).

2. Zaitseva, A. M. Osobennosti demograficheskoy situatsii Donetskoy Narodnoy Respubliki [Features of the demographic situation of the Donetsk People's Republic] / A. M. Zaitseva, T. V. Korsakova, E. G. Kosheleva. *Mezhdunarodnyy demograficheskiy forum «Demografiya i global'nyye vyzovy»* [International demographic forum "Demography and global challenges"] : Forum proceedings, Voronezh, September 30 – October 02, 2021. Voronezh: LLC Tsifrovaya Poligrafiya Publishing House, 2021. C. 500–504. (In Russ.).

3. Sushchiy, S. Y. The Military Conflict in Eastern Ukraine: Demographic Losses and Changes in the National Structure of the Population of Donbass Region. *Nauka Yuga Rossii* [Science in the South Russia]. 2016. Vol. 12, No. 2. Pp. 82–90. (In Russ.).

4. Babkin, R. A. Estimation of the Population of Municipalities in the Moscow Metropolitan Region according to the Data of Mobile Operators. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*. 2020. No. 4. Pp. 116–121. (In Russ.).

5. Rakachev, V. N. Estimation of Kuban Population during the Period of 1930–1940 Using Statistical Modeling Methods / V. N. Rakachev, A. A. Khalaphyan. *Historical and Socio-Educational Idea*. 2012. No. 5. Pp. 150–155. (In Russ.).

6. Rybakovsky, L. L. *Lyudskiye poteri SSSR i Rossii v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Human losses of the USSR and Russia in the Great Patriotic War] : monograph / L. L. Rybakovsky; Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Sciences. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Ekon-Inform Publishing House, 2010. 139 p. ISBN 978-5-9506-0520-8. (In Russ.).

Bio notes

Vadim A. Bezverbny, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vadim_ispr@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-3148-7072](https://orcid.org/0000-0002-3148-7072); RSCI SPIN code: [5758-6360](https://www.rsci.spin.ru/5758-6360); Web of Science Researcher ID: [0-1050-2016](https://orcid.org/0-1050-2016); Scopus Author ID: [57210845020](https://orcid.org/57210845020).

Egor A. Bekinev, Master's Student, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yegor.bekineev@gmail.com; ORCID ID: [0009-0001-3098-4894](https://orcid.org/0009-0001-3098-4894).

Elena A. Lukashenko, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940); RSCI SPIN code: [4283-7466](https://www.rsci.spin.ru/4283-7466); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](https://orcid.org/ADP-4658-2022).

Received on 15.08.2024; accepted for publication on 18.10.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

ПРИЛОЖЕНИЕ/ APPENDIX

Таблица 1

Данные о численности населения в городах на территории ДНР
до начала СВО, на 2021 г.

Table 1

Population data in cities of the DPR
before the start of the special military operation, as of 2021

№	Города	Численность населения до начала СВО (человек)
Города республиканского значения		
1	Донецк (горсовет)	915 442
2	Горловка (горсовет)	247 869
3	Дебальцево (горсовет)	24 929
4	Докучаевск (горсовет)	22 789
5	Енакиево (горсовет)	114 763
6	Макеевка (горсовет)	358 293
7	Иловайск (горсовет)	15 447
8	Краматорск (горсовет)	150 084
9	Мариуполь (горсовет)	431 859
10	Снежное (горсовет)	64 178
11	Торез (горсовет)	73 086
12	Харцызск (горсовет)	94 877
Крупные города (100–250 тысяч)		
1	Славянск (горсовет)	106 972
Средние города (20–100 тысяч)		
1	Артемовск/Бахмут	72 310
2	Константиновка	68 792
3	Красноармейск/Покровск	61 161
4	Шахтерск (горсовет)	56 077
5	Дружковка	55 088
6	Димитров/Мирноград	46 904
7	Ясиноватая	41333
8	Авдеевка	31 940
9	Дзержинск/Торецк	31 513
10	Доброполье	28 757
11	Кировское/Крестовка	27 441
12	Селидово	21 916
13	Волноваха	21 441
14	Святогорск/Красный Лиман	20 469
Малые города (менее 20 тысяч)		
1	Курахово	18 506
2	Амвросиевка	18 047
3	Зугрес	17 924
4	Красногоровка	14 917
5	Белозерское	14 940
6	Николаевка	14 444
7	Угледар	14 432
8	Новогородовка	14 300
9	Юнокоммунаровск	13 544
10	Ждановка	11 913
11	Часов Яр	12 557
12	Комсомольское/Кальмиусское	11 447
13	Светлодарск	11 281
14	Новоазовск	11 104
15	Северск	11 068
16	Украинск	10 837
17	Соледар	10 692
18	Моспино	10 493
19	Горняк	10 581
20	Родинское	9 948
21	Марьинка	9 256
22	Белицкое	7 913

№	Города	Численность населения до начала СВО (человек)
23	Углегорск	7 317
24	Артемово/Зализное	5 020
25	Святогорск	4 309
Итого население городов		3 502 520

Источник: составлено авторами по данным Государственной службы статистики Донецкой Народной Республики и Государственной службы статистики Украины

Таблица 2

**Данные о численности населения в городах на территории ЛНР
до начала СВО, на 2021 г.**

Table 2

**Population data in cities of the LPR
before the start of the special military operation, as of 2021**

№	Города	Численность населения до начала СВО (человек)
Крупные города (100 тысяч и более)		
1	Луганск	422 466
2	Красный Луч	111 266
3	Алчевск	100 641
Средние города (20–100 тысяч)		
1	Северодонецк	101 135
2	Лисичанск	95 031
3	Стаханов	81 560
4	Ровеньки	76 413
5	Свердловск	62 993
6	Рубежное	56 066
7	Антрацит	52 353
8	Брянка	48 875
9	Первомайск	38 871
10	Кировск	31 880
11	Перевальск	24 919
12	Молодогвардейск	22 514
13	Суходольск	20 474
14	Краснодон	42 582
Малые города (менее 20 тысяч)		
1	Кременная	18 417
2	Лутугино	17 134
3	Сватово	16 420
4	Старобельск	16 267
5	Червонопартизанск	15 273
6	Золотое	13 203
7	Петровское	12 683
8	Вахрушево	11 457
9	Счастье	11 552
10	Зимогорье	9 591
11	Ирмино	9 343
12	Горское	9 274
13	Артемовск	7 203
14	Зоринск	7 128
15	Новодружеск	6 806
16	Приволье	6 679
17	Александровск	6 427
18	Миусинск	4 603
19	Алмазная	4 168
20	Поласная	19 672
Итого население городов		1 613 339

Источник: составлено авторами по данным Государственного комитета статистики Луганской Народной Республики и Государственной службы статистики Украины

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.11](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.11)

EDN [TYPHDJ](https://www.edn.ru/TYPHDJ)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Абрамов А. П.

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

E-mail: abramov_ap@inbox.ru

Гавриков Ф. А.

Курский государственный университет, Курск, Россия

E-mail: gavrikovf81@mail.ru

Горлатых А. Ю.

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

E-mail: annasuprun3003@gmail.com

Для цитирования: Абрамов, А. П. Демографическая политика Курской области: социально-экономический анализ / А. П. Абрамов, Ф. А. Гавриков, А. Ю. Горлатых // ДЕМИС. 2024. Т. 4, № 4. С. 184–201. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.11](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.11). EDN [TYPHDJ](https://www.edn.ru/TYPHDJ).

Аннотация. С началом XXI века демографическая политика в регионах Российской Федерации стала одним из важнейших направлений деятельности всех уровней управления. Объективно сложившийся в настоящее время запрос общества на воспроизводство собственного населения, с одной стороны, и нарастающая депопуляция российского населения – с другой, существенно сказываются на социально-демографической устойчивости регионов. Для Курской области, как и для большинства субъектов РФ, демографическая ситуация выступает в качестве барометра социально-экономического развития. На основе многофакторного анализа определен комплекс мероприятий по ослаблению нарастающих тенденций депопуляции населения Курской области и качественному изменению демографической ситуации. Предложены меры, направленные на повышение рождаемости, снижение уровня смертности, уменьшение миграции из региона, повышение среднедушевых денежных доходов и сокращение безработицы, эффективность которых верифицирована и обоснована. По результатам исследования резюмируется, что важнейшей особенностью региональной демографической политики является возможность получения мер поддержки как федерального, так и регионального уровней. Каждый регион имеет право создавать свои формы поддержки, нацеленные на улучшение демографической ситуации, но они не должны противоречить федеральным. Учет специфики мер демографической политики зависит от территории, на которой она осуществляется, тенденций, влияющих на ее характер и целевую направленность.

Ключевые слова: социально-экономический анализ, демографическая политика; демографическая ситуация, Курская область

Введение

В настоящее время все страны мира тем или иным образом обеспокоены количеством населения. Одни принимают меры по уменьшению, другие – по увеличению рождаемости, но всех их объединяет одна общая цель – достижение демографического оптимума. Перспективы реализации форм стимулирования демографических процессов связаны сегодня с тем, что изменившееся состояние субъектов отношений (семьи, общества, государства) определяет необходимость изменения форм и методов государственного регулирования. Переход к косвенному регулированию социально-экономических процессов позволяет использовать в качестве

«инвестиций в семью» все общественные ресурсы. Для этого требуется выявить инфраструктуру демографических процессов в полном объеме, обеспечить мониторинг качественных изменений факторов благополучия семьи и сформировать оптимальный механизм координации взаимодействия ее элементов. Для того, чтобы понимать данную инфраструктуру, необходимо проанализировать демографическую ситуацию, выявить проблемы и разработать пути их решения.

Цель данного исследования – определить комплекс мероприятий по ослаблению нарастающих тенденций депопуляции населения Курской области и качественному изменению демографической ситуации в регионе. Проведение социально-экономического анализа демографической ситуации в Курской области и разработка рекомендаций по ее улучшению определяются в качестве главных задач исследования.

Обзор научной литературы

Вопросы демографии в контексте социально-экономического знания рассматриваются учеными в различных аспектах.

Через призму популяризации здорового образа жизни и улучшения качества медицинских услуг к изучению демографической проблематики подходят М. В. Александрова и другие исследователи [1].

А. Ю. Анфимова акцентирует свое внимание на механизмах поддержки реализации региональных демографических программ [2]. Детальный обзор исполнения национального проекта «Демография» с учетом региональной специфики предпринят С. С. Назаренко [3] и А. А. Ткаченко [4]. Динамика и перспективы регулирования естественного движения населения и составляющих его компонентов достаточно глубоко представлены В. А. Безвербным и его соавторами [5].

В качестве основного фактора по улучшению демографических показателей конкретного региона специалисты выделяют рост реальных доходов населения [6]. Другие исследователи особое внимание обращают на необходимость создания инструментария и построения комплексной системы оценки и проектирования всех процессов по реализации демографической политики [7]. Тенденции демографических процессов с учетом мирового опыта, раскрытые П. А. Егеревым и О. Г. Зубовой, также могут служить определенным ориентиром для осуществления практических управленческих действий в данной сфере [8].

Анализ научных публикаций позволяет сделать вывод о том, что категория «демографическая политика» представлена множеством определений. Так, А. Г. Вишневский, ведущий специалист-демограф, представляет ее как комплексную системную стратегическую задачу, прежде всего, социальных институтов государства [9, с. 96]. О системности в решении вопросов демографии заявляют Л. Л. Рыбаковский и О. А. Таюнова [10]. Российские исследователи фиксируют низкую рождаемость в мегаполисах страны, которые наиболее привлекательны для мигрантов из других провинциальных регионов [11].

Основной целью демографической политики России ныне является борьба с депопуляционными тенденциями, а в перспективе – достижение демографического роста. В. К. Докальская полагает, что в рамках достижения ключевой цели реализации долгосрочной демографической политики необходимо решение частных

задач, которые затрагивают многие сферы общественной жизни [12, с. 262].

Формирование демографической повестки, как и любого направления деятельности государства, предполагается путем планирования системы целей и разработки инструментария для их достижения. Е. А. Букина предлагает «определить ключевые характеристики модели реализации демографической политики на современном этапе, обусловленных наличием необходимости:

- в проработке концептуальной модели, с выверенной и проработанной целью, описанием задач для реализации цели, а также сроков их достижения;
- в определении экономических, материальных и финансовых ресурсов, которые будут способствовать реализации модели демографической политики;
- в экспертном обсуждении с научным сообществом ученых и практиков, которые занимаются демографическими процессами и их влиянием на развитие общества и государства;
- в общественном обсуждении модели демографической политики, через механизм ее размещения в сети Интернет для ознакомления граждан и сбора предложений и мнений по документу;
- в проработке ожидаемых и конечных результатов модели демографической политики» [13, с. 109].

Рассуждая об особенностях формирования демографической политики России, отметим, что меры, которые реализуются в рамках ее цели, задач и механизмов, находятся в одной плоскости с системой социальной защиты. Система социальной защиты населения накопила значительный опыт как работы с неблагополучными семьями, так и работы по профилактике различных явлений неблагополучия в семье. В настоящее время качественные изменения произошли не только в состоянии и положении семей, но и в сфере системы социальной защиты населения, которая уже сегодня может обеспечить переход от стадии простой компенсации негативных явлений окружающей семью среды (малообеспеченность, беспризорность, иные формы неблагополучия) к стадии активного воздействия на различные элементы и явления той среды, которая характеризует и окружает семью как явление.

Каждый регион обладает своей уникальной спецификой, и в каждом из них демографическая политика будет направлена на существующие внутри региона проблемы. Поэтому органы власти, разрабатывающие региональные нормативные правовые акты в сфере демографии (законы, постановления и решения правительств, программы, проекты и т. д.), всегда должны учитывать особенности социально-экономического развития территории.

Рассматривая особенности формирования и реализации демографической политики необходимо отметить, что на региональном уровне реализуется программно-целевой метод, позволяющий закрепить цели демографической политики в регионе в форме государственной программы, разработать соответствующие задачи для решения поставленных целей, комплекс мероприятий, которые используются для достижения поставленных целей и задач.

Существенным фактором реализации любой государственной программы в рамках демографической политики является ее утверждение, согласование и обсуждение с региональным экспертным сообществом. Кроме того, ее текст должен

быть доступен для ознакомления населением. Иными словами, при разработке государственной программы, направленной на реализацию демографической политики, должна быть достигнута максимальная информационная прозрачность и доступность для граждан, проживающих на территории региона.

Проработка основных направлений современной демографической политики региона, закрепленных в конкретной государственной программе, проходит на стадии научного обоснования. Научное обоснование таких программных документов очень важно, и именно поэтому раскрытию целей, задач и мероприятий государственных программ в демографической сфере предшествует анализ сложившейся на момент разработки программы демографической ситуации. Как правило, региональные программы, направленные на улучшение демографии региона, рассчитаны на долгосрочный период (больше 5 лет). При необходимости они продлеваются после изначально установленного срока их действия. Если плановые и фактические показатели реализации таких программ значительно расходятся, то это, как правило, связано с какими-либо внешними факторами, и в таком случае плановые показатели, прописанные в тексте программы, могут быть пересмотрены с учетом новых реалий. Достичь поставленные программой цели в сфере демографии региона поможет стабильная социально-экономическая и политическая ситуация.

Реализация демографической политики государства осуществляется с использованием законодательных, экономических, административных и иных механизмов. Большое значение имеют финансовые механизмы, предусматривающие выплату различных пособий, связанных с рождением и воспитанием детей в семьях.

Меры поддержки населения в рамках реализации региональной демографической политики могут быть как прямыми, так и косвенными [14, с. 154].

Изучение научной литературы подтверждает объективную потребность в незамедлительной разработке своей – российской – модели демографической политики, главными ориентирами которой должны стать территориальная целостность и рост рождаемости [15].

Обобщение экспертных суждений позволяет определить региональную демографическую политику как систему мероприятий, реализуемых исполнительными органами власти, имеющими соответствующие полномочия, направленных на совершенствование демографической ситуации в регионе и позволяющих эффективно регулировать процессы, связанные с естественным движением населения. Важнейшей особенностью региональной демографической политики является возможность получения мер поддержки как федерального, так и регионального уровней. Каждый регион имеет право создавать свои формы поддержки, направленные на улучшение демографической ситуации, но они не должны противоречить федеральным. Кроме того, органы власти региона могут ежегодно вносить изменения в региональные законодательные акты в части условий предоставления мер поддержки населения, их величины, периодичности и т. д.

Методология и методы исследования

В основу исследования положены концептуальные положения социально-экономических теорий управления демографическими процессами с использованием методов сравнения и обобщения данных официальной статистики и вторичной

социологической информации.

Направленность на решение практических задач по улучшению демографической ситуации мы находим во множестве научных работ, география которых представлена практически всеми странами мира. Методологический дизайн настоящего исследования построен на достижениях демографической науки и конкретного вклада ведущих отечественных ученых-демографов В. Н. Архангельского [16; 17], В. А. Безвербного [18], Д. И. Валентя [19], Д. И. Менделеева [20], Г. В. Тюрина [21] и ряда других, давших развернутое представление о демографических процессах и их регулировании в регионах современной России.

Результаты социологических исследований, проведенных Фондом «Общественное мнение»; социологическая информация, полученная по двум муниципальным образованиям Курской области (г. Курск и г. Курчатова); эмпирические обоснованные выводы российских ученых М. В. Александровой и Е. А. Маслюковой [1], А. Ю. Анфимова [2], П. Ф. Аскерова и Е. В. Терентьевой [7], Е. А. Букиной [13], А. Г. Вишневого [9], В. К. Докальской [10], С. С. Назаренко [3] и других дали существенное приращение теоретических обоснований и способствовали разработке практических рекомендаций по формированию региональной повестки и реализации положений демографической политики в Курской области.

Результаты

Уровень социально-экономического развития Курской области характеризуется региональными органами власти как довольно высокий. Тем не менее, в настоящее время в Курской области демографическая ситуация далека от благоприятной. В июле 2023 г. губернатор Курской области Р. В. Старовойт демографическую ситуацию назвал катастрофической, причем не только для своего региона. Несмотря на актуализацию всех мер поддержки, которые есть в стране и в регионе (порядка 64 различных выплат, из них более 16 – для семей с детьми), рождаемость настолько низкая, что, если дело так пойдет и дальше, за 100 лет население Курской области сократится с 1 млн человек до 100 тысяч¹.

Официальная статистика фиксирует устойчивый тренд по сокращению населения в Курской области за последние годы. Так, только в период с 2020 по 2022 г. общая численность населения Курской области снизилась на 29 454 человек (2,68%) и на 1 января 2023 г. число жителей в регионе составляло 1 067 034 человек². В целом подобная тенденция снижения численности населения характеризует весь Центральный федеральный округ РФ (см. табл. 1).

Как видим, положительная динамика наблюдается в центрах миграционной привлекательности – г. Москве и Московской области, в которых существенно выше основные социально-экономические показатели уровня жизни. Остальные

¹ Роман Старовойт назвал катастрофичной демографическую ситуацию в Курской области // 46ТВ Курское Интернет Телевидение : [сайт]. 10.07.2023. URL: <https://46tv.ru/odnoj-strokoj/v-kurske/187829-roman-starovojt-nazval-katastrofichnoj-demograficheskiju-situaciju-v-kurskoj-oblasti.html> (дата обращения: 15.08.2024).

² Население // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области : [сайт]. URL: <https://46.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 15.08.2024).

регионы по-прежнему официально определяются как демографические аутсайдеры.

Таблица 1

**Численность населения Центрального федерального округа РФ,
на конец года (тыс. человек)**

Table 1

**Population of the Central Federal District of the Russian Federation,
at the end of the year (thousand people)**

Субъекты РФ	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Центральный федеральный округ	38 109,0	38 445,7	39 650,3	40 341,0	40 298,1	40 240,3
Белгородская область	1 511,7	1 532,4	1 552,4	1 545,5	1 536,5	1 514,5
Брянская область	1 327,7	1 275,3	1 223,1	1 179,1	1 164,6	1 152,5
Владимирская область	1 486,5	1 441,1	1 405,5	1 359,0	1 342,3	1 325,5
Воронежская область	2 360,9	2 334,8	2 340,1	2 319,1	2 302,6	2 285,3
Ивановская область	1 101,8	1 060,1	1 005,2	938,8	924,1	914,7
Калужская область	1 023,3	1 009,2	1 037,0	1 056,0	1 073,3	1 070,9
Костромская область	699,8	666,4	631,8	589,2	578,0	571,9
Курская область	1 177,6	1 125,7	1 117,5	1 091,6	1 078,2	1 067,0
Липецкая область	1 193,9	1 172,0	1 167,0	1 150,6	1 138,1	1 126,3
Московская область	6 783,8	7 106,2	7 805,8	8 436,9	8 542,3	8 591,7
Орловская область	822,1	785,6	757,9	721,0	710,0	700,3
Рязанская область	1 188,8	1 151,8	1 136,1	1 110,4	1 098,6	1 088,9
Смоленская область	1 025,4	982,9	948,0	900,3	886,9	873,0
Тамбовская область	1 138,6	1 089,7	1 049,8	993,0	979,1	966,3
Тверская область	1 415,3	1 350,0	1 302,8	1 241,8	1 226,0	1 211,0
Тульская область	1 615,2	1 550,3	1 535,3	1 507,6	1 496,7	1 481,5
Ярославская область	1 312,8	1 271,0	1 262,1	1 221,7	1 205,7	1 194,6
г. Москва	10 923,8	11 541,1	12 372,9	12 979,4	13 015,1	13 104,0

Источник: составлено авторами по данным Росстата³

Так, количество умерших в Курской области за исследуемый период в 2,33 раза больше, чем родившихся. Это может привести к устойчивым или даже катастрофическим изменениям в демографической структуре населения региона. Убыль населения может оказать влияние на демографические зависимости, такие как соотношение числа трудоспособного населения к нетрудоспособному (дети и пожилые люди). Превышение смертности над рождаемостью является серьезной проблемой, требующей внимания и принятия мер для поддержания устойчивого демографического баланса.

Согласно прогнозу возможного развития демографической ситуации в Курской области, численность населения региона будет снижаться и достигнет к концу 2026 г. 1042 тыс. человек по консервативному сценарию и 1045 тыс. человек по базовому. Прогнозируется, что общий коэффициент рождаемости, согласно консервативному сценарию, вырастет с 7,4 промилле по итогам 2023 г. до 7,6 промилле на конец 2026 г. и на 8,6 промилле – согласно базовому. В соответствии с консервативным сценарием общий коэффициент смертности в Курской области сократится с 16,2 промилле по итогам 2023 года до 14,7 промилле на конец 2026 года и до 14,3

³ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 15.08.2024).

промилле – согласно базовому. В прогнозном периоде выйти на естественный прирост населения в регионе не представляется возможным, однако, согласно консервативному сценарию, естественная убыль населения снизится с 8,8 промилле до 7,1 и до 5,7 – в соответствии с базовым сценарием⁴.

Как показал проведенный анализ реализации демографической политики в Курской области, для данного региона характерно наличие следующих основных демографически проблем:

- снижение рождаемости;
- высокие показатели смертности населения;
- растущая миграция городского населения из региона.

Результаты социологических исследований, проведенных в двух муниципальных образованиях Курской области в конце 2022 г. (n = 345, возраст респондентов – 18 лет и старше, гг. Курск и Курчатов) [22] фиксируют главные причины подобной ситуации (см. рис. 1).

Рис. 1. Результаты социологического исследования в городах Курск и Курчатов

Fig. 1. Results of sociological surveys in the cities of Kursk and Kurchatov

Источник: составлено авторами по результатам опроса

Итак, в числе главных причин респонденты называют низкие доходы и неудовлетворительные жилищные условия, которые бы улучшили демографическую ситуацию в регионе. Распределение ответов «Что мешает росту рождаемости в Вашем регионе?» представлено в таблице 2.

⁴ Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2022–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года в Курской области // Официальный сайт губернатора и правительства Курской области : [сайт]. URL: <https://kursk.ru/region/control/documents/document-159258/> (дата обращения: 15.08.2024).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Что мешает росту рождаемости в Вашем регионе?»

Table 2

Distribution of respondents' answers to the question "What hinders the growth of the birth rate in your region?"

Вариант ответа	Воронежская область	Липецкая область	Курская область	Весь массив
Низкие доходы	58,8	66,6	68,8	64,7
В наше время достаточно иметь одного ребенка	37,3	32,8	38,3	36,1
Плохие жилищные условия	22,1	28,3	33,3	27,9
Государство фактически оказывает низкую материальную поддержку семей с детьми	18,3	17,3	11,6	15,7
Плохая медицинская помощь	6,6	8,3	3,8	6,2
Ничто не мешает росту численности населения	4,3	4,8	6,0	5,0
Другое	1,3	0,3	1,8	1,1
Не знаю / отказ от ответа	5,1	4,1	0,3	3,2

Источник: составлено авторами по результатам опроса

Результаты исследований, проведенных в августе 2024 г. (n = 1500, возраст респондентов – 18 лет и старше, 104 субъекта РФ) Фондом «Общественное мнение», подтверждают, что за последние 30 лет у населения нашей страны отсутствует желание иметь детей. В качестве причин респонденты называют:

- нежелание брать на себя ответственность, заботы, желание жить только для себя (28% ответов);
- тяжелая жизнь, бедность, материальные проблемы, безработица (20% суждений)⁵.

На основе изучения документов Министерства социального обеспечения, материнства и детства Курской области выявлено, что проблема рождаемости в регионе связана с сокращением числа женщин, семей, желающих иметь детей, а также с большим количеством разводов. Кроме того, исходя из результатов социологических опросов населения, проводимых специалистами министерства, было установлено, что сокращение рождаемости в т. ч. связано и с тем, что многие женщины откладывают рождение детей в связи с невысокими зарплатами и проблемами с трудоустройством. Некоторые женщины перед рождением ребенка активно занимаются своей карьерой, и нередко у них возникают проблемы с деторождением из-за возрастных физиологических особенностей, а также наличием заболеваний репродуктивной сферы. Большинство семей, проживающих в Курской области, не планируют иметь более 1 ребенка по причине невысоких доходов. Рассмотрим, как решается проблема сокращения рождаемости в Курской области в настоящее время.

Для повышения уровня рождаемости существует система социальных выплат.

При рождении (усыновлении) первого ребенка Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Курской области в настоящее время назначаются и выплачиваются:

⁵ Репродуктивные установки // Фонд «Общественное мнение» : [сайт]. 08.08.2024. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/15055> (дата обращения: 15.08.2024).

– ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка (6413,0 руб., 9619,5 руб., 12826 руб.) в зависимости от доходов семьи (при условии, если среднедушевой доход семьи не превышает величину прожиточного минимума в расчете на душу населения в Курской области – 12506 руб.);

– единовременное пособие при рождении ребенка неработающим гражданам (учащимся) в размере 22909,03 руб.;

– единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, срок беременности которой составляет не менее 180 дней в размере 36 278,84 руб.;

– ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, до достижения ребенком возраста трех лет, но не ранее дня окончания отцом такого ребенка военной службы по призыву в размере 15548,07 руб.;

– единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью в размере 22909,03 руб. В случае усыновления ребенка-инвалида, ребенка в возрасте старше семи лет, а также детей, являющихся братьями и (или) сестрами, пособие выплачивается в размере 175043 руб. 67 коп. на каждого такого ребенка;

– материнский (семейный) капитал в размере 589,5 тыс. руб. полагается семьям, в которых первый ребенок рожден или усыновлен, начиная с 1 января 2020 г.

Органами социальной защиты населения Курской области выплачиваются:

– ежемесячное пособие малообеспеченным семьям, имеющим детей, в которых оба родителя являются студентами (обучающимися), и студентам (обучающимся), являющимся одинокими родителями до окончания обучения одного из родителей в размере 3561,24 руб. при условии, если среднедушевой доход семьи, одинокого родителя не превышает величину прожиточного минимума в расчете на душу населения в Курской области – 12506 руб.);

– ежемесячная денежная выплата на приобретение продуктов питания беременным женщинам, кормящим матерям, детям в возрасте до 3 лет, состоящим на учете в медицинских организациях области, и имеющим медицинские показания, которые являются необходимыми для получения продуктов питания, в размере 359 руб. 74 коп., если среднедушевой доход семьи ниже величины прожиточного минимума в расчете на душу населения, установленного в порядке, определенном Законом Курской области;

– единовременная выплата семьям при усыновлении (удочерении) ребенка в размере 20 000 руб.⁶

Проанализируем сущность проблемы высоких показателей смертности населения. Наиболее значимым фактором, который повлиял на рост смертности регионе в 2021 г., стала пандемия COVID-19. Количество скончавшихся в 2021 г. от

⁶ Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2022–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года в Курской области // Официальный сайт губернатора и правительства Курской области : [сайт]. URL: <https://kursk.ru/region/control/documents/document-159258/> (дата обращения: 15.08.2024).

данного заболевания на 22,8% больше, чем в 2020 г. Из них 6 185 человек болели коронавирусом, а у 4 975 он стал основной причиной смерти⁷.

В числе других причин высокой смертности в регионе можно назвать систему реорганизации больниц. Четыре центральные районные больницы в Курской области объединены в две – Суджанско-Большесолдатскую и Солнцевско-Мантуровскую. В объединенных учреждениях создана единая система управления, служба закупок, юридическая и кадровая службы, бухгалтерия. Это сократит расходы, не связанные с медицинской деятельностью. Сокращений медперсонала не ожидается. Но объединение данных больниц создало проблему для жителей многих муниципальных районов Курской области, связанную с их перемещением.

Рассмотрим, какие меры принимаются в Курской области по сокращению уровня смертности.

Среди важнейших направлений демографической политики Курской области, направленной на сокращение показателей смертности, отметим реализацию национального проекта «Здоровье». В регионе реализуется комплексный подход к медицинской помощи всем нуждающимся. В частности, благодаря такому подходу и усилиям сотрудников скорой помощи пациентов с инфарктами и инсультами быстрее доставляют в сосудистые центры. Развитие онкологической помощи также снижает смертность. Усилия по развитию диспансеризации вносят заметный вклад в сохранение жизни людей. Кроме того, в Курской области осуществляется программа модернизации первичного звена здравоохранения, являющаяся частью данного нацпроекта. В ее рамках в 2023 г. построено 13 фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП), 3 офиса врача общей практики, 2 амбулатории и поликлиника. Сверх этого, благодаря строительству опережающими темпами будут возведены и начнут работу еще 25 ФАПов. В 2023 г. заключены контракты на поставку 6 новых флюорографов, 4 маммографов и 5 рентгеновских аппаратов. Будут капитально отремонтированы 5 поликлиник, 18 медицинских организаций получают 32 новых автомобиля «Лада-Ларгус». Все вышеперечисленное сказывается на продолжительности жизни граждан. Если в 2021 г. этот показатель составлял 68,6 года, то в первые месяцы 2023 г. он вырос более чем на 3 года. И, согласно опубликованным в мае 2023 г. данным Росстата, в Курской области в сравнении с соседними областями отмечено самое значительное снижение смертности⁸.

Еще одной демографической проблемой Курской области является растущая миграция городского населения из региона. По данным Курскстата, на территорию области в 2022 г. прибыли 17305 человек, что на 0,8% больше чем в 2021 г. Число выехавших мигрантов по сравнению с 2021 г. выросло на 23,0% и составило в 2022 г. 19012 человек. Таким образом, миграционное сальдо 2022 г., как по внутренним

⁷ Из-за пандемии в Курской области выросла смертность // Курская правда : [сайт]. 03.06.2022. URL: <https://kpravda.ru/2022/06/03/iz-za-pandemii-v-kurskoj-oblasti-vyroslo-smernost/> (дата обращения: 15.08.2024).

⁸ Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2022–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года в Курской области // Официальный сайт губернатора и правительства Курской области : [сайт]. URL: <https://kursk.ru/region/control/documents/document-159258/> (дата обращения: 15.08.2024).

показателям миграции населения Курской области, так и по внешним, отрицательное.

Важной причиной оттока населения из Курской области является тот факт, что она граничит с Украиной. Часть приграничных территорий с 6 августа 2024 г. находится в руках вооруженных сил Украины. Постоянные обстрелы населенных пунктов, включая областной центр, еще больше ухудшают демографическую ситуацию.

Комплекс мероприятий по решению главной цели демографической политики – ослабление нарастающих тенденций депопуляции населения Курской области и качественное изменению демографической ситуации – может включать в себя ряд взаимосвязанных действий.

1. Меры, направленные на повышение рождаемости.

В связи со снижением рождаемости предлагается введение региональной программы выдачи родового сертификата молодоженам: «Здоровый ребенок», направленной на улучшение репродуктивного здоровья граждан. Цель программы:

- повышение числа рождаемости здоровых детей в Курской области;
- повышение репродуктивного здоровья лиц, вступивших в брак;
- проведение медицинского обследования молодоженов, подготовка пар к зачатию и благополучным родам;
- выявление бесплодия и заболеваний репродуктивной системы;
- повышение информированности граждан о предоставляемых им возможностях получения бесплатной диагностики своего репродуктивного здоровья.

Многие граждане, проживающие в районах Курской области, не осведомлены о возможности получения информации о своем репродуктивном здоровье. Молодые пары, вступая в брак, в большинстве своем специально не готовятся к рождению детей. Так как в Курской области за последние годы налицо спад рождаемости, то данная программа будет актуальной мерой решения и поддержки молодых семей при принятии ими решения о рождении здорового ребенка. К тому же в регионе, хоть и незначительно, но возрастает количество рожденных детей с врожденными аномалиями (пороками развития), деформацией и хромосомными нарушениями.

В целях решения названных проблем предлагается введение региональной программы по выдаче специального родового сертификата молодоженам непосредственно при регистрации брака в органах ЗАГС на сумму 50000 руб. Выдача такого сертификата предусмотрена для всех жителей Курской области, являющихся гражданами Российской Федерации и при условии наличия хотя бы у одного из супругов места постоянной регистрации на территории области.

Сертификат даст возможность молодоженам бесплатно пройти медицинское обследование до зачатия ребенка и получить исчерпывающие консультации на предмет того, как подготовиться к рождению здорового малыша. В случае постановки диагноза «бесплодие» пара будет направлена на бесплатное экстракорпоральное оплодотворение (процедуру ЭКО), которое реализуется на территории Курской области в рамках регионального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей». В сертификате будут указаны адреса и телефоны медицинских учреждений Курской области, где будущие родители могут сдать анализы. Супругам, которые предъявят такой сертификат, будет предоставлено бесплатное

обследование без очереди в муниципальных и областных медучреждениях по месту жительства. Для молодоженов, прибывших из районов Курской области, предусмотрено обслуживание по той же схеме. Сертификат на обслуживание семьи будет действителен в течение 2 лет со дня заключения брака.

Анализы, которые будут сдавать пары перед зачатием ребенка, будут разделены на обязательные и дополнительные. Дополнительные анализы будут проводиться бесплатно в случае обнаружения патологий и заболеваний одного (или обоих) из супругов или сомнения врачей в репродуктивном здоровье супружеской пары. Данная программа позволит семьям при вступлении брак не откладывать принятие решения о рождении ребенка на долгий срок и будет способствовать рождению детей у женщин фертильного возраста, что позволит повысить рождаемость в регионе, улучшить репродуктивное здоровье женщин.

Серьезное отношение будущих родителей к планированию рождения детей позволит избежать многих проблем не только с собственным здоровьем, но и со здоровьем будущих детей, что положительно скажется на демографии региона.

Существенным недостатком проводимой в Курской области демографической политики является небольшой размер государственного ежемесячного пособия на ребенка, который напрямую зависит от объема средств, перечисленных в Фонд социального страхования (ФСС). Тенденции к увеличению платежей в ФСС не наблюдается, следовательно, не предполагается увеличения размера государственного ежемесячного пособия на ребенка. Однако перераспределение объемов поступлений страховых взносов непосредственно в ФСС даст возможность существенно увеличить размер государственного ежемесячного пособия на ребенка.

Реализации хотя бы части перечисленных мероприятий позволит решить проблемы, связанные с получением дошкольного образования и воспитания детей.

Нехватка жилья также приводит к тому, что в Курской области сегодня зафиксирован большой процент молодых людей, предпочитающих жить в так называемом гражданском браке. И как следствие, нужно сделать все возможное, чтобы укрепить институт семьи, сформировать мотивацию к рождению детей и повышению благосостояния семьи.

В настоящее время весьма актуален вопрос о создании жилищных и социально-культурно-бытовых условий для молодых семей, таких как движение МЖК (молодежный жилой комплекс). Базовые предприятия Курской области могут выделять значительные средства на реализацию социальных программ, поэтому совместными усилиями власти, бизнеса и общества движению МЖК можно дать вторую жизнь.

2. Мероприятия по снижению уровня смертности.

Несмотря на то, что уровень смертности в Курской области постепенно снижается, в регионе на протяжении всего исследуемого периода наблюдается естественная убыль населения.

В связи с распространением онкологических заболеваний региональным органам власти Курской области необходимо уделить внимание разработке мероприятий по борьбе с ними. На базе первичного онкологического отделения Железнодорожной городской больницы № 2 уже запланировано создание центра амбулаторной онкологии. Вместе с тем существует необходимость повышения

эффективности информирования населения об онкологических заболеваниях, их лечении и возможности дистанционного взаимодействия с онкологами других регионов России. В первую очередь в этих целях рекомендуется создать информационный интернет-портал, который позволит людям дистанционно записываться и получать консультации врачей – признанных специалистов в данной области.

3. Сокращение миграции из региона, повышение среднедушевых денежных доходов, снижение безработицы.

Снизить число переселенцев поможет повышение их заинтересованности в результатах своего труда, а именно заработная плата, соответствующая должностным обязанностям и адекватная сложившейся экономической ситуации. Однако этого в настоящее время добиться довольно-таки непросто, поскольку в ряде других городов уровень заработной платы выше, и ради этого люди согласны переезжать туда, где доходы будут выше. Очень часто ввиду недостаточно развитого рынка труда в регионе и наличия ограниченного предложения вакансий молодые люди стремятся переехать в регионы с большим потенциалом для трудоустройства (например, в Москву, Санкт-Петербург и т. д.), поскольку там и проще устроиться на работу, и заработная плата будет выше [23, с. 13].

Для того, чтобы молодежь в большинстве своем оставалась в Курской области, региональным властям следует повышать активность бизнес-инициатив. В качестве мероприятий в рамках такого направления можно предложить:

- организацию конкурса «Лидеры региона» (по аналогии с конкурсом «Лидеры России»), но победители будут удостоены не должности в администрации, а будут соревноваться за получение гранта на развитие своего бизнеса;

- проведение деятельности, направленной на популяризацию малого бизнеса в сельском поселении;

- организацию бизнес-курсов с привлечением бизнес-тренеров, которые могут в онлайн-режиме обучать молодежь основам финансовой грамотности;

- проведение конкурса лучших предпринимательских инициатив, в рамках которого молодые люди будут предлагать бизнес-решения, которые можно будет осуществлять в том или ином сельском поселении, а внешние эксперты (к примеру, представители органов власти Курской области) будут членами жюри.

Сократить количество переселенцев из Курской области поможет сбалансированная политика региональных властей по развитию системы профессионального образования, предусматривающего обучение основам бизнеса для выпускников всех видов учебных заведений. Это позволит повысить заинтересованность в результатах своего труда, уровень экономических знаний, а также будет способствовать самореализации выпускников учебных заведений, воплощению их идей в реальность, в том числе начать и развивать собственный бизнес. Развитие бизнеса создаст предпринимателю перспективу надолго остаться в своем регионе. Рост числа официально зарегистрированных предпринимателей увеличит поступления в бюджет и во внебюджетные фонды, при этом будут созданы новые рабочие места, что снимет часть социальной нагрузки с государства.

В дополнение к сказанному заметим: скорейшее освобождение приграничных территорий Курской области от украинских войск может стать главным стимулом для возвращения вынужденных переселенцев в свои дома.

Выводы

Демографическая ситуация в Курской области находится в прямой связке с ключевыми показателями динамики численности населения, структуры и факторов расселения населения по территории региона. В настоящее время в области наблюдается отток городского населения в другие регионы России, что говорит о снижении ее привлекательности для проживания.

В целях устойчивого развития демографической сферы необходимо, прежде всего, обеспечить безопасность и социальный комфорт в регионе, что является приоритетным направлением демографической политики. Дальнейшее развитие Курской области во многом зависит от улучшения качественных характеристик трудовых ресурсов в сельской местности, повышения уровня и качества жизни, совершенствования системы здравоохранения. Благодаря этому в значительной мере будут решены проблемы, связанные со снижением рождаемости, высоким уровнем смертности, наличием естественной убыли и оттоком населения, из региона.

Список литературы

1. *Александрова, М. В.* Влияние государственной политики Российской Федерации в области демографии и здравоохранения на качество жизни населения / М. В. Александрова, Е. А. Маслюкова, О. В. Юткина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11, № 1. С. 55–71. DOI [10.22363/2312-8313-2024-11-1-55-71](https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-55-71). EDN [VQUTCZ](https://www.edn.ru/VQUTCZ).
2. *Анфимова, А. Ю.* Совершенствование системы социальной поддержки граждан в рамках национального проекта «Демография» // Вестник Московского Международного Университета. 2024. № 2 (2). С. 11–15. EDN [UZBDNA](https://www.edn.ru/UZBDNA).
3. *Назаренко, С. С.* Реализация национального проекта «Демография» // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 7(145). DOI [10.60797/IRJ.2024.145.39](https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.145.39). EDN [TIPASU](https://www.edn.ru/TIPASU).
4. *Ткаченко, А. А.* Актуальные проблемы развития регионов России: экономика и демография // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17, № 3. С. 115–124. DOI [10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124). EDN [LAZTXW](https://www.edn.ru/LAZTXW).
5. *Безвербный, В. А.* Естественное движение населения в российских регионах: факторы, динамика, перспективы регулирования / В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов, Е. А. Лукашенко // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 37–58. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.3). EDN [RLXMVR](https://www.edn.ru/RLXMVR).
6. *Пашута, А. О.* Демографическая ситуация и доходы населения как индикатор социально-экономического развития региона / А. О. Пашута, М. С. Нестеров // Научное обозрение: теория и практика. 2024. Т. 14, № 4(104). С. 727–737. DOI [10.35679/2226-0226-2024-14-4-727-737](https://doi.org/10.35679/2226-0226-2024-14-4-727-737). EDN [KOFCMY](https://www.edn.ru/KOFCMY).
7. *Аскеров, П. Ф.* Демографическая политика в системе мер экономической безопасности государства / П. Ф. Аскеров, Е. В. Терентьева, А. Н. Струков, Д. С. Дунаев // Вестник Академии права и управления. 2024. № 1 (76). С. 64–72. DOI [10.47629/2074-9201_2024_1_64_72](https://doi.org/10.47629/2074-9201_2024_1_64_72). EDN [GZNVZC](https://www.edn.ru/GZNVZC).
8. *Егерев, П. А.* Анализ мировых тенденций демографических процессов / П. А. Егерев, О. Г. Зубова // Форум. Серия: Роль науки и образования в современном информационном обществе. 2024. № S1–3 (32). С. 17–19. EDN [VGSRXR](https://www.edn.ru/VGSRXR).
9. *Вишневский, А. Г.* Время демографических перемен : авторский сборник / А. Г. Вишневский ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 517 с. ISBN 978-5-7598-1264-7. EDN [VIULPJ](https://www.edn.ru/VIULPJ).
10. *Докальская, В. К.* Региональная политика как условие стабилизации демографических процессов и занятости населения // Инновации и технологический прорыв в АПК : Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Брянск, 19 ноября 2020 года. Часть 1. Брянск: Брянский государственный аграрный университет, 2020. С. 262–265. EDN [VHGVOY](https://www.edn.ru/VHGVOY).

11. Безвербный, В. А. Стратегии пространственного развития России: агломерации vs сбалансированное развитие / В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов // Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский [и др.]. Москва : Издательство Проспект, 2023. С. 295–312. ISBN 978-5-392-38629-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023). EDN [GKFMMMP](https://www.edn.ru/GKFMMMP).
12. Рыбаковский, О. Л. Демографическая политика: определение, структура, цели / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Наука. Культура. Общество. 2019. № 1. С. 100–111. EDN [ZARAEP](https://www.edn.ru/ZARAEP).
13. Букина, Е. А. Некоторые аспекты управления региональной демографической политикой // Молодежный вектор развития аграрной науки : материалы 70-й научной студенческой конференции, Воронеж, 01 марта – 28 июня 2019 года / Редакционная коллегия: А. В. Агибалов, С. М. Кусмагамбетов, В. Н. Образцов. Том Часть V. Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2019. С. 108–111. EDN [TLCAOP](https://www.edn.ru/TLCAOP).
14. Разумова, М. А. О реализации демографической политики в регионе / М. А. Разумова, А. А. Зайченко // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2021. № 8. С. 154–161. EDN [DWXXE](https://www.edn.ru/DWXXE).
15. Жуков, В. И. Суверенитет России: национальные интересы, демографические угрозы и вызовы // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2018. Т. 26, № 3. С. 335–346. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-3-335-346](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-3-335-346). EDN [YSQSUN](https://www.edn.ru/YSQSUN).
16. Архангельский, В. Н. Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация / В. Н. Архангельский, В. Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 5. С. 200–217. DOI [10.15838/esc.2020.5.71.12](https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.12). EDN [GGMDHG](https://www.edn.ru/GGMDHG).
17. Архангельский, В. Н. Региональные различия естественного движения населения в России / В. Н. Архангельский, Ю. А. Потанина, Р. Р. Хасанова // Народонаселение. 2015. № 4 (70). С. 68–78. EDN [YKQTDQ](https://www.edn.ru/YKQTDQ).
18. Безвербный, В. А. Особенности межрегиональной миграции в Российской Федерации в 2017–2019 гг. / В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков // Научное обозрение: Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. № 6. С. 45–65. DOI [10.26653/2076-4685-2021-6-05](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2021-6-05). EDN [JNCGWP](https://www.edn.ru/JNCGWP).
19. Система знаний о народонаселении / под ред. Д. И. Валентя. Москва : Статистика, 1976. 367 с.
20. Менделеев, Д. И. К познанию России. Москва : Айрис-пресс, 2002. 576 с. ISBN 5-8112-0018-8.
21. Тюрин, Г. В. Как поднять нашу глубинку : локальная экономика в России и в мире / Г. В. Тюрин, В. Г. Тюрин. Санкт-Петербург : Живая провинция, 2018. 307 с. ISBN 978-5-6041434-0-7
22. Козай Е. А. Проблемы качества жизни и развития демографического потенциала в регионах Центрального Черноземья // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 4. С. 74–80. DOI [10.22394/2304-3385-2022-4-74-80](https://doi.org/10.22394/2304-3385-2022-4-74-80). EDN [KOWISW](https://www.edn.ru/KOWISW).
23. Сарыев, Н. Демографическая политика в регионе: ее направления // Экономика, управление, право: теория и практика : Межвузовский сборник / Под общей редакцией А. Г. Плеханова. Самара : Научно-технический центр, 2021. С. 12–18. EDN [RUMKNH](https://www.edn.ru/RUMKNH).

Сведения об авторах

Абрамов Александр Петрович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия.

Контактная информация: e-mail: abramov_ap@inbox.ru; ПИНЦ SPIN-код: [7967-4974](https://www.edn.ru/7967-4974); ORCID ID: [0000-0001-9913-2449](https://orcid.org/0000-0001-9913-2449); Web of Science Researcher ID: [ABB-5393-2021](https://www.edn.ru/ABB-5393-2021); Scopus Author ID: [56244674300](https://www.edn.ru/56244674300).

Гавриков Федор Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Курский государственный университет, Курск, Россия.

Контактная информация: e-mail: gavrikovf81@mail.ru; ПИНЦ SPIN-код: [9558-9458](https://www.edn.ru/9558-9458); ORCID ID: [0000-0002-1338-7262](https://orcid.org/0000-0002-1338-7262); Web of Science Researcher ID: [AEJ-0916-2022](https://www.edn.ru/AEJ-0916-2022); Scopus Author ID: [56357920800](https://www.edn.ru/56357920800).

Горлатых Анна Юрьевна, студент, кафедра философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия.

Контактная информация: e-mail: annasuprun3003@gmail.com; ПИНЦ SPIN-код: [9863-1607](https://www.edn.ru/9863-1607); ORCID ID: [0009-0008-9261-139X](https://orcid.org/0009-0008-9261-139X).

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; принята в печать 01.12.2024.
 Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC POLICY IN THE KURSK REGION: A SOCIO-ECONOMIC ANALYSIS

Alexander P. Abramov

Southwest State University, Kursk, Russia

E-mail: abramov_ap@inbox.ru

Fedor A. Gavrikov

Kursk State University, Kursk, Russia

E-mail: gavrikovf81@mail.ru

Anna Yu. Gorlatykh

Southwest State University, Kursk, Russia

E-mail: annasuprun3003@gmail.com

For citation: Abramov, Alexander P. Demographic Policy in the Kursk Region: A Socio-Economic Analysis / A. P. Abramov, F. A. Gavrikov, A. Yu. Gorlatykh. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 184–201. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.11](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.11).

Abstract. Since the beginning of the 21st century, demographic policy in the regions of the Russian Federation has become one of the most important areas of activity at all levels of government. The objectively formed demand of society for the reproduction of its own population, on the one hand, and the growing depopulation of the Russian population, on the other, significantly affect the socio-demographic stability of the regions. For the Kursk region, as for most subjects of the Russian Federation, the demographic situation acts as a barometer of socio-economic development. Based on a multifactorial analysis, a set of measures to mitigate the growing trends in depopulation of the population of the Kursk region and a qualitative change in the demographic situation has been determined. Measures aimed at increasing the birth rate, measures to reduce the mortality rate, reducing migration from the region, increasing per capita cash income, and reducing unemployment are proposed, the effectiveness of which has been verified and substantiated. Based on the results of the study, it is summarized that the most important feature of the regional demographic policy is the possibility of receiving support measures from both the federal and regional levels. Each region has the right to create its own forms of support aimed at improving the demographic situation, but they should not contradict the federal ones. Considering the specifics of demographic policy measures depend on the territory in which it is implemented, the trends that influence its nature and target orientation.

Keywords: socio-economic analysis, demographic policy; demographic situation, Kursk region

References

1. Aleksandrova, M. V. The Impact of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Demography and Health-Care on the Quality of Life of the Population / M. V. Aleksandrova, E. A. Maslyukova, O. V. Yutkina. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024. Vol. 11, No. 1. Pp. 55–71. DOI [10.22363/2312-8313-2024-11-1-55-71](https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-55-71). (In Russ.).
2. Anfimova, A. Yu. Improving The System of Social Support for Citizens within the Framework of the National Project “Demography”. *Bulletin of Moscow International University*. 2024. No. 2 (2). Pp. 11–15. (In Russ.).
3. Nazarenko, S. S. Implementation of the National Project “Demography”. *International Research Journal*. 2024. No. 7(145). DOI [10.60797/IRJ.2024.145.39](https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.145.39). (In Russ.).

4. Tkachenko, A. A. Actual Problems of Development of Russian Regions: Economics and Demographics. *Economy. Taxes. Law*. 2024. Vol. 17, No. 3. Pp. 115–124. DOI [10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124). (In Russ.).
5. Bezverbny, V. A. Natural Population Change in Russian Regions: Factors, Dynamics, Prospects / V. A. Bezverbny, N. Yu. Mikryukov, T. R. Miryazov, E. A. Lukashenko. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 37–58. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.3). (In Russ.).
6. Pashuta, A. O. Demographic Situation and Incomes of the Population as an Indicator of Socio-Economic Development of the Region / A. O. Pashuta, M. S. Nesterov. *Science Review: Theory and Practice*. 2024. Vol. 14, No. 4 (104). Pp. 727–737. DOI [10.35679/2226-0226-2024-14-4-727-737](https://doi.org/10.35679/2226-0226-2024-14-4-727-737). (In Russ.).
7. Askerov, P. F. Demographic Policy in the System of Economic Security Measures of the State / P. F. Askerov, E. V. Terentyeva, A. N. Strukov, D. S. Dunaev. *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2024. No. 1 (76). Pp. 64–72. DOI [10.47629/2074-9201_2024_1_64_72](https://doi.org/10.47629/2074-9201_2024_1_64_72). (In Russ.).
8. Egerev, P. A. Analiz mirovykh tendentsiy demograficheskikh protsessov [Analysis of world trends in demographic processes] / P. A. Egerev, O. G. Zubova. *Forum. Seriya: Rol' nauki i obrazovaniya v sovremennom informatsionnom obshchestve* [Forum. Series: The Role of Science and Education in the Modern Information Society]. 2024. No. S1-3 (32). Pp. 17–19. (In Russ.).
9. Vishnevsky, A. G. *Vremya demograficheskikh peremen* [Time of demographic changes] : author's collection / A. G. Vishnevsky ; National Research University Higher School of Economics. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2015. 517 p. ISBN 978-5-7598-1264-7. (In Russ.).
10. Dokal'skaya, V. K. Regional'naya politika kak usloviye stabilizatsii demograficheskikh protsessov i zanyatosti naseleniya [Regional policy as a condition for stabilizing demographic processes and employment]. In *Innovatsii i tekhnologicheskii proryv v APK* [Innovations and technological breakthrough in the agro-industrial complex] : Proceedings of the international scientific and practical conference, Bryansk, November 19, 2020. Part 1. Bryansk: Bryansk State Agrarian University, 2020. C. 262–265. (In Russ.).
11. Bezverbny, V. A. Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii: aglomeratsii vs sbalansirovannoye razvitiye [Strategies for spatial development of Russia: agglomerations vs balanced development] / V. A. Bezverbny, N. Yu. Mikryukov, T. R. Miryazov. In *Rossiyskoye obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh stanovleniya novogo mirovogo poryadka: demograficheskaya situatsiya v 2022 godu* [Russian society and state in the context of the formation of a new world order: demographic situation in 2022] / S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya, V. N. Arkhangelsky [et al.]. Moscow : Prospect Publishing House, 2023. C. 295–312. ISBN 978-5-392-38629-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023). (In Russ.).
12. Rybakovsky, O. L. Population Policy: Definition, Structure, Objectives / O. L. Rybakovsky, O. A. Tayunova. *Science. Culture. Society*. 2019. No. 1. Pp. 100–111. (In Russ.).
13. Bukina, E. A. Nekotoryye aspekty upravleniya regional'noy demograficheskoy politikoy. [Some aspects of regional demographic policy management]. In *Molodezhnyy vektor razvitiya agrarnoy nauki* [Youth vector of development of agricultural science] : Proceedings of the 70th scientific student conference, Voronezh, March 01 – June 28, 2019 / A. V. Agibalov, S. M. Kusmagambetov, V. N. Obratstov (Eds.). Part V. Voronezh: Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, 2019. Pp. 108–111. (In Russ.).
14. Razumova, M. A. On Implementation of Demographic Policy in the Region / M. A. Razumova, A. A. Zaychenko. *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2021. No. 8. Pp. 154–161. (In Russ.).
15. Zhukov, V. I. Sovereignty of Russia: National Interests, Demographic Threats and Challenges. *RUDN Journal of Economics*. 2018. Vol. 26, No. 3. Pp. 335–346. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-3-335-346](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-3-335-346). (In Russ.).
16. Arkhangelsky, V. N. Maternal Age at First Birth: Dynamics, Regional Differences, Determination / V. N. Arkhangelsky, V. N. Kalachikova. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020. Vol. 13, No. 5. Pp. 200–217. DOI [10.15838/esc.2020.5.71.12](https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.12). (In Russ.).
17. Arkhangelsky, V. N. Regional Differences in the Natural Population Movement in Russia / V. N. Arkhangelsky, Yu. A. Potanina, R. R. Khasanova. *Population*. 2015. No. 4 (70). Pp. 68–78. (In Russ.).
18. Bezverbny, V. A. Features of Inter-Regional Migration in the Russian Federation in 2017–2019 / V. A. Bezverbny, N. Yu. Mikryukov. *Scientific Review. Series 2. Human Sciences*. 2021. No. 6. Pp. 45–65. DOI [10.26653/2076-4685-2021-6-05](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2021-6-05). (In Russ.).

19. *Sistema znaniy o narodonaselenii [The system of knowledge about population]* / ed. by D. I. Valenty. Moscow : Statistics, 1976. 367 p. (In Russ.).
20. Mendelev, D. I. *K poznaniyu Rossii [Towards the knowledge of Russia]*. Moscow: Iris-Press Publishing House, 2002. 576 p. ISBN 5-8112-0018-8. (In Russ.).
21. Tyurin, G. V. *Kak podnyat' nashu glubinku : lokal'naya ekonomika v Rossii i v mire [How to Raise Our Outback: Local Economy in Russia and in the World]* / G. V. Tyurin, V. G. Tyurin. St. Petersburg : Zhivaya provintsia Publishing House, 2018. 307 p. ISBN 978-5-6041434-0-7. (In Russ.).
22. Kogai E. A. Problems of Quality of Life and Development of Demographic Potential in the Regions of the Central Black Earth Region. *Municipality: Economy and Management*. 2022. No. 4. Pp. 74–80. DOI [10.22394/2304-3385-2022-4-74-80](https://doi.org/10.22394/2304-3385-2022-4-74-80). (In Russ.).
23. Saryev, N. Population Policy in the Region: Its Directions. In *Ekonomika, upravleniye, pravo: teoriya i praktika [Economics, management, law: theory and practice]* : Interuniversity collection / A. G. Plekhanov (Ed.). Samara : Nauchno-tekhnicheskiy tsentr Publishing House, 2021. Pp. 12–18. (In Russ.).

Bio notes

Alexander P. Abramov, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russia.

Contact information: e-mail: abramov_ap@inbox.ru; RSCI SPIN code: [7967-4974](https://elibrary.ru/79674974); ORCID ID: [0000-0001-9913-2449](https://orcid.org/0000-0001-9913-2449); Web of Science Researcher ID: [ABB-5393-2021](https://orcid.org/ABB-5393-2021); Scopus Author ID: [56244674300](https://orcid.org/56244674300).

Fedor A. Gavrikov, Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor, Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Kursk, Russia.

Contact information: e-mail: gavrikovf81@mail.ru; RSCI SPIN code: [9558-9458](https://elibrary.ru/95589458); ORCID ID: [0000-0002-1338-7262](https://orcid.org/0000-0002-1338-7262); Web of Science Researcher ID: [AEJ-0916-2022](https://orcid.org/AEJ-0916-2022); Scopus Author ID: [56357920800](https://orcid.org/56357920800).

Anna Yu. Gorlatykh, Student, Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University Kursk, Russia.

Contact information: e-mail: annasuprun3003@gmail.com; RSCI SPIN code: [9863-1607](https://elibrary.ru/98631607); ORCID ID: [0009-0008-9261-139X](https://orcid.org/0009-0008-9261-139X).

Received on 30.09.2024; accepted for publication on 01.12.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.12)

EDN [TNQFSE](https://edn.tnqfse.ru)

КОНЪЮНКТУРА РЫНКА ТРУДА И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Моисеева Е. М.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: evgeniyatoiseeva@mail.ru

Маньшин Р. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: manshin@list.ru

Для цитирования: Моисеева, Е. М. Конъюнктура рынка труда и трудовая миграция в российских регионах / Е. М. Моисеева, Р. В. Маньшин // ДЕМИС. 2024. Т. 4, № 4. С. 202–215. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.12). EDN [TNQFSE](https://edn.tnqfse.ru).

Аннотация. В последние годы российский рынок труда находится в крайне напряженном состоянии близком к «перегреву», что представляет риски для экономического развития страны в целом. Наиболее динамично меняющимися компонентами рынка являются спрос на труд и его предложение. В условиях сокращения численности населения миграция остается гибким и эффективным механизмом пополнения трудовых ресурсов. Различия в демографической и социально-экономической ситуации в РФ и соседних государствах, в первую очередь центральноазиатских, создают предпосылки для трансграничных перемещений населения, а дифференциация различных показателей регионов России становится фактором внутривнутригосударственной миграции. В рамках настоящего исследования авторы ставят задачу оценить, в какой степени конъюнктура региональных рынков труда способна влиять на интенсивность потоков как международной, так и межрегиональной миграции в России, обеспечивая их саморегуляцию и балансировку. Для этого построена кластеризация субъектов РФ по основным индикаторам спроса и предложения труда, а также интенсивности потоков трудовой миграции различных направлений. Затем был проведен корреляционный анализ отобранных показателей. Результаты свидетельствуют о том, что в целом трудовая миграция сглаживает дисбалансы региональных рынков, однако действие механизмов саморегулирования далеко не совершенно. Так, например, отсутствует линейная взаимосвязь между напряженностью на рынке труда и интенсивностью прибытия трудовых мигрантов. На основе полученных выводов авторы дают рекомендации относительно необходимости создания и совершенствования федеральных механизмов для обеспечения контакта между нанимателями и соискателями из разных регионов и стимулирования трудовой мобильности населения.

Ключевые слова: трудовая миграция, межрегиональная миграция, международная миграция, рынок труда, спрос на труд, предложение труда, трудоустройство

Введение

Ситуация на рынке труда России остается беспрецедентно напряженной. С одной стороны, наблюдается рост потребности в работниках, вызванный перестройкой экономики вследствие кризисных событий: пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг.

и последовавшего сразу за ней обострения международной геополитической обстановки и усиления санкционного давления. С другой стороны, снижение рождаемости и демографические волны обуславливают сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, что порождает структурный дисбаланс между спросом на труд и его предложением.

В целом по экономике отмечается увеличение числа открытых вакансий. За II квартал 2024 г. общая потребность в работниках достигла нового максимума и составила 2,7 млн человек. Соотношение между необходимым количеством работников и фактическим также достигло максимального уровня за последние три года (8,3%). Наибольшее количество свободных рабочих мест зафиксировано в обрабатывающих производствах и торговле – на эти отрасли приходится почти треть всех вакансий¹. По оценкам рейтинговых агентств, слишком низкий уровень безработицы в России ускоряет инфляцию². Инфляция, в свою очередь, снижает привлекательность российских рынков труда для иностранных мигрантов, что обостряет проблему дефицита кадров³. Минэкономразвития назвало состояние рынка труда одним из главных рисков для экономики страны⁴.

В текущих условиях регионам приходится бороться за привлечение дополнительных трудовых ресурсов⁵. При этом рост заработных плат⁶ начал стагнировать в сравнении с ростом спроса на рабочую силу⁷. Однако, по заявлению Центробанка, зарплаты все равно растут быстрее производительности труда, что опять-таки повышает риск инфляции⁸, которая, в свою очередь, обесценивает доходы населения.

С учетом сложившейся ситуации, на наш взгляд, есть необходимость рассмотреть, как на интенсивность внешней и внутренней трудовой миграции будет влиять сама конъюнктура рынка труда, баланс спроса и предложения, которые, как мы видим из вышесказанного, на текущем этапе более всего подвержены изменению.

¹ Рынок труда отдельных отраслей экономики России: текущая ситуация и ожидаемый фокус перемен. II квартал 2024 года // ИСИЭЗ : [сайт]. 30.10.2024. URL: <https://issek.hse.ru/news/981075763.html> (дата обращения: 29.11.2024).

² Экономисты оценили перегрев на российском рынке труда в 0,7 млн человек // Forbes : [сайт]. 05.03.2024. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/507438-ekonomisty-ocenili-peregrev-na-rossijskom-rynke-truda-v-0-7-mln-celovek> (дата обращения: 09.09.2024).

³ Бегство мигрантов и девальвация обостряют проблемы на рынке труда // Независимая газета : [сайт]. 27.11.2024. URL: https://www.ng.ru/economics/2024-11-27/1_9144_migrants.html (дата обращения: 29.11.2024).

⁴ Решетников назвал внутренними рисками для макропрогноза РФ рынок труда и жесткую ДКП // Интерфакс : [сайт]. 14.10.2024. URL: <https://www.interfax.ru/business/986595> (дата обращения: 29.11.2024).

⁵ Миграция населения РФ в 2023: кадровый голод // Росконгресс : [сайт]. 03.06.2024. URL: <https://roscongress.org/materials/migratsiya-naseleniya-rf-v-2023-kadrovyy-golod/> (обращения: 09.09.2024).

⁶ Медианная заработная плата // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61773> (дата обращения: 09.09.2024).

⁷ Потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест с 2018 г. // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59086> (дата обращения: 09.09.2024).

⁸ Банк России опасается роста разрыва между ростом доходов и производительности труда // Интерфакс : [сайт]. 01.04.2024. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59086> (дата обращения: 09.09.2024).

Обзор научной литературы

Большинство исследований, рассматривающих миграцию в регионах России, так или иначе обращаются к вопросу ее влияния на количество трудовых ресурсов и их территориальное распределение. Взгляд на миграцию как на источник пополнения рабочей силы обусловлен сокращением численности населения страны, что ведет к дисбалансам на рынке труда и увеличению демографической нагрузки [1–3]. Часть исследований использует социологические методы, концентрируясь на составлении портрета трудового мигранта [4] или выявлении их индивидуальных стратегий и установок [5; 6]. Другие работы основаны на применении статистических методов [2; 7] и уделяют внимание проблемам текущего учета миграции [8]. Кроме того, распространено использование эконометрических методов [9; 10] и статистических процедур [11]. Некоторые исследования оценивают не только роль миграции в формировании трудовых ресурсов, но и – шире – ее влияние на экономическое развитие страны [12] и регионов [13; 14]. Есть работы, посвященные обоснованию рекомендаций для совершенствования миграционной политики государства, в т. ч. в области трудовой миграции [15; 16].

Научная новизна настоящего исследования заключается в анализе взаимосвязи между соотношением спроса и предложения на рынке труда, с одной стороны, и интенсивностью различных потоков трудовой миграции, с другой стороны. При этом мы отказываемся от рассмотрения иных характеристик экономической ситуации в регионах, чтобы оценить, в какой степени направления и объемы внешних и внутренних перемещений рабочей силы в России откликаются именно на потребности локальных рынков труда и соответствуют им.

Материалы и методы

Общей концептуальной основой исследования послужила теория факторов притяжения и выталкивания миграции Э. С. Ли [17]. Согласно данной теории, при формировании моделей мы делаем допущение, что в момент принятия решения о переезде с целью трудоустройства мигрантов мотивирует рациональная оценка ситуации на рынках труда различных регионов России.

Для анализа нами были отобраны две группы показателей, характеризующие: 1) состояние рынка труда и 2) объемы потоков международной и межрегиональной трудовой миграции. Учитывая высокую степень дивергенции их значений по регионам России, использовались относительные показатели. Поскольку мы исходили из гипотезы, что существует взаимосвязь между конъюнктурой рынка труда и объемом входящих и исходящих потоков миграции, то в первую группу индикаторов мы включили следующие:

– удельный вес потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест⁹ в общем числе рабочих мест (%) – показывает степень нехватки рабочей силы на региональном рынке труда;

⁹ Информация о потребности организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест формируется по данным выборочных обследований организаций по состоянию на 31 октября. См. паспорт показателя: Потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест с 2018 г. // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59086> (дата обращения: 09.09.2024).

– коэффициент напряженности на рынке труда¹⁰ – говорит, во-первых, об уровне конкуренции за рабочие места и, во-вторых, о возможностях по восполнению потребности в работниках за счет местного населения, с другой стороны;

– доля иностранных граждан в трудоспособном населении (%)¹¹ может свидетельствовать о «мигрантоемкости» или «мигрантозависимости» рынка труда региона.

Поскольку трудовая миграция плохо поддается статистическому наблюдению, в качестве сведений о ней могут использоваться данные различных форм текущего учета, каждая из которых имеет свои ограничения [подробнее об этом см. 18]. Для обеспечения сопоставимости информации о потоках внешних и внутренних трудовых мигрантов нами были выбраны данные ФМС России¹². В качестве показателей интенсивности различных потоков использовались следующие:

– количество международных мигрантов, прибывших в регион по причине работы, на 1 000 человек рабочей силы;

– количество внутрироссийских мигрантов, прибывших в регион по причине работы, на 1 000 человек рабочей силы;

– количество мигрантов, покинувших регион по причине работы, на 1 000 человек рабочей силы¹³. В последнем случае предполагалось, что и на граждан РФ, и на иностранцев, покидающих региональный рынок труда, действуют одни и те же факторы выталкивания, поэтому потоки не разделялись.

¹⁰ Определяется как отношение среднегодовой численности безработных (по методологии МОТ*) к среднегодовому числу вакансий, сообщенных работодателями в органы службы занятости населения. Данные приведены по населению в возрасте 15–72 лет. См. паспорт показателя: Коэффициент напряженности на рынке труда // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59028> (дата обращения: 09.09.2024).

*Примечание: Безработные в соответствии с определениями МОТ – лица в возрасте 15 лет и старше, которые в рассматриваемый период удовлетворяли одновременно следующим критериям: - не имели работы (доходного занятия); - занимались поиском работы в течение последних четырех недель, используя при этом любые способы; - были готовы приступить к работе в течение обследуемой недели. Данные получены по материалам выборочных обследований рабочей силы. См. паспорт показателя: Общая численность безработных в соответствии с методологией МОТ // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33414> (дата обращения: 09.09.2024).

¹¹ Рассчитано авторами по данным Росстата: Среднегодовая численность трудовых ресурсов // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36730> (дата обращения: 09.09.2024).

¹² Численность лиц, прибывших в муниципальное образование и зарегистрированные в нем по месту жительства (или выбывших из муниципального образования и снявшихся с регистрационного учета) в территориальных органах ФМС России в течение отчетного года. Публикуются Росстатом. См. паспорта показателей: Число прибывших // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 09.09.2024); Число выбывших // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 09.09.2024). Источник: данные федерального статистического наблюдения по формам №№ 1-ПРИБ, 1-ПРИБ_ИнГр, 1-ВЫБ, 1-ВЫБ_ИнГр; показатель «Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по обстоятельствам, вызвавшим необходимость смены места жительства и территориям прибытия и выбытия».

¹³ Показатели рассчитаны авторами на основе данных Росстата о распределении мигрантов по потокам перемещения и причинам смены места жительства и сведений о численности рабочей силы (лиц в возрасте 15 лет и старше, которые в обследуемый период считаются занятыми или безработными), см.: Численность рабочей силы // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/34061> (дата обращения: 09.09.2024).

Данные были собраны по 85 субъектам Российской Федерации¹⁴ за 2022 год. Таким образом, мы работали с пространственной выборкой, к которой применялись стандартные статистические методы: иерархическая кластеризация и корреляционный анализ. Расчеты были выполнены с помощью программы IBM IPSS Statistics.

Результаты исследования

Чтобы проанализировать, как распределяются регионы РФ по подобранным нами индикаторам, на первом этапе исследования применялась иерархическая кластеризация методом межгрупповой связи с использованием квадрата евклидовой меры. Т. к. уровни значений переменных сильно отличаются друг от друга, они были стандартизированы с помощью z-преобразования.

В отношении **конъюнктуры рынка труда** большинство регионов России оказались достаточно гомогенны. В процессе агломерации на основании анализа коэффициентов, дендрограммы и диаграммы рассеяния как оптимальное было определено решение с четырьмя кластерами (табл. 1):

1. «Средние». Первый кластер достаточно размыт. В него вошли более половины наблюдений – 56 регионов. Их показатели различны, но не имеют столь большого отклонения от среднего по стране, как у регионов, образовавших отдельные группы. Так, средняя потребность в работниках по данному кластеру близка к среднероссийскому значению: вакантны 4,6% от общего числа рабочих мест против 5,1% в среднем по стране. То же касается и доли иностранцев в трудоспособном населении: 2,1% против 2,6%. При этом сравнительно низкой в регионах данной группы является напряженность на рынке труда: на одну вакансию приходится менее двух безработных, в то время как в среднем по России – почти 6 человек.

2. «Трудодефицитные». Второй кластер составили 17 регионов: центральноевропейские Ивановская и Тверская области, северо-западные Мурманская, Новгородская и Псковская области, южные Республика Крым с городом Севастополем, Краснодарский край и Ростовская область, северокавказская Карачаево-Черкесская Республика, уральская Курганская область, сибирская Республика Алтай и дальневосточные Республика Бурятия, Забайкальский, Приморский, Хабаровский края, Чукотский автономный округ. Все они в числе лидеров по потребности в работниках (в среднем по кластеру 7,4% против 5,1% в среднем по стране). В то же время доля иностранцев в их трудоспособном населении невысока (в среднем по кластеру 2,3% против 2,6% в среднем по стране). Эти регионы наиболее трудодефицитны, и спрос на рабочую силу слабо удовлетворяется за счет международной миграции. Однако полностью задействовать собственные трудовые ресурсы им также не удается: на одну вакансию приходится в среднем более двух безработных, что может свидетельствовать о наличии структурных дисбалансов.

3. «Трудоизбыточные». В третий кластер вошли пять регионов: четыре северокавказские республики – Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия и Чечня, а также восточносибирская Тыва. Эта группа – лидеры по коэффициенту напряженности на

¹⁴ Статистические данные по Российской Федерации на момент проведения исследования публикуются Росстатом без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

рынке труда: в среднем по кластеру на одну вакансию приходится почти 21 безработный против 6 в среднем по стране (максимальное значение показателя в Ингушетии – 186,5). То есть количество трудовых ресурсов здесь избыточно для потребностей местной экономики. Потребность в работниках – самая низкая среди всех субъектов РФ: в среднем по группе она составляет 1,5% от общего числа рабочих мест против 5,1% в среднем по стране. Это группа, напротив, с самой низкой конъюнктурой рынка труда.

4. «Мигрантозависимые». Четвертый кластер объединил семь субъектов: столичные Москву с Московской областью и Санкт-Петербург с Ленинградской областью, а также дальневосточные Амурскую, Магаданскую и Сахалинскую области. Все регионы этой группы являются лидерами по доли иностранных граждан в трудоспособном населении (среднее по кластеру – 8,6%, от 9,8% в Сахалинской области до 7,7% в Амурской области). Потребность в работниках здесь достаточно высока (6,2%), а конкуренция за вакантные места низкая (1,3 безработных на одну вакансию). Данная группа отличается высокой конъюнктурой рынка труда и удовлетворяет значительную часть спроса на труд за счет иностранных работников.

Итак, мы видим, что для определения схожести и различия в ситуации на рынке труда российских регионов в каждом кластере доминирует одна из трех переменных, имеющая в нем наибольшие или наименьшие значения. Особенно удалены от других наблюдений трудоизбыточные республики Северного Кавказа, а также столичные и дальневосточные регионы, где сосредоточены иностранные трудовые мигранты.

Таблица 1

**Сравнение средних для кластеров регионов
по конъюнктуре рынка труда**

Table 1

**Comparison of averages for clusters of regions
by labor market conditions**

Кластер	Удельный вес потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест (%)	Коэффициент напряженности на рынке труда	Доля иностранных граждан в трудоспособном населении (%)
1	4,6	1,9	2,1
2	7,4	2,3	2,3
3	1,5	71,2	0,7
4	6,2	1,3	8,6
Всего	5,1	6,0	2,6

Источник: составлено авторами по результатам расчетов в SPSS

При группировке регионов по показателям *интенсивности трудовой миграции* оптимальным оказалось решение с пятью кластерами (табл. 2):

1. «Малоподвижные». В первый кластер вошло подавляющее большинство регионов – 73 субъекта РФ. Группа довольно разнородна по значениям переменных, но расстояние между ними недостаточно велико для разделения на отдельные группы. В среднем по кластеру наблюдается сравнительно низкая численность мигрантов, прибывающих с целью работы, относительно местной рабочей силы (1,7 иностранцев и 2,5 россиян на 1000 человек против 2,8 и 4,4 в среднем по стране).

Интенсивность выбытия по рассматриваемой причине тоже несколько ниже среднероссийских значений: 3,3 против 3,8 человек на 1 000 местной рабочей силы.

2. «*Реципиенты внутрироссийских мигрантов*». Вторая группа состоит из четырех северных регионов: Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, Мурманская и Магаданская области. Их выделяет из числа других наблюдений, в первую очередь, значительное количество россиян, прибывающих с целью работы, относительно местной рабочей силы (от 16 на 1 000 человек в ЯНАО до 13 в Магаданской области при среднем значении по стране 4,4). Вместе с тем численность прибывающих с аналогичной целью иностранцев не столь велика и в среднем по кластеру составляет 6,2 на 1 000 человек местной рабочей силы против 2,8 в среднем по стране). Иными словами, эти регионы удовлетворяют свой спрос на труд в значительной мере за счет внутрироссийских мигрантов.

3 «*Реципиенты международных мигрантов*». В данную группу вошли четыре дальневосточных региона: Республика Саха (Якутия), Камчатский и Хабаровский края, Сахалинская область. Эти регионы – в числе лидеров по относительной численности иностранных трудовых мигрантов. В среднем сюда приезжают 17,1 иностранцев на 1 000 человек местной рабочей силы. Более того, наблюдается и приток населения с целью работы из других субъектов РФ, но гораздо менее интенсивный: 9,2 мигранта на 1 000 человек местной рабочей силы. То есть трудовые ресурсы регионов группы в значительной мере пополняются за счет международной миграции.

4. «*Доноры*». Этот кластер образуют три региона: сибирские республики Алтай и Тыва, а также Калмыкия. В них особенно велико число выбывших по причине работы: в среднем 10,6 на 1 000 человек местной рабочей силы против 3,8 по России. Между тем показатели прибытия с целью трудоустройства сравнительно скромные: в среднем по кластеру 7,1 россиян и 1,3 иностранцев на 1 000 человек местной рабочей силы. Данные регионы можно охарактеризовать как доноров трудовых ресурсов.

5. Одно *аномальное наблюдение* не вошло ни в один из кластеров. Это Чукотский автономный округ. Из-за своего малочисленного населения он лидирует с большим отрывом по относительной численности российских трудовых мигрантов (71 на 1 000 человек местной рабочей силы) и находится на втором месте в стране по относительной численности иностранных трудовых мигрантов (19 на 1000 человек), уступая только Якутии. Миграционный отток по причине работы тоже весьма интенсивный: 10,7 выбывших на 1 000 человек местной рабочей силы (еще одно второе место по стране – после Республики Алтай).

Таким образом, различия в ситуации с трудовой миграцией по регионам РФ определяются ее входящими потоками. Относительная численность выбывших имеет меньшее значение и меньший разброс переменной (максимум – 12 выбывших в Республике Алтай, минимум – один выбывший на 1 000 человек рабочей силы в Москве). Лидерами по интенсивности миграционного притока с целью работы выступают территории Крайнего Севера, которые являются трудодефицитными, но при этом отличаются высокой оплатой труда.

Таблица 2

**Сравнение средних для кластеров регионов
по интенсивности трудовой миграции**

Table 2

**Comparison of averages for clusters of regions
by intensity of labor migration**

Кластер	Международные мигранты, прибывшие по причине работы, на 1000 человек рабочей силы	Внутрироссийские мигранты, прибывшие по причине работы, на 1000 человек рабочей силы	Выбывшие по причине работы, на 1000 человек рабочей силы
1	1,7	2,5	3,3
2	6,2	14,5	5,5
3	17,1	9,2	5,4
4	1,3	7,1	10,6
5	19,1	70,7	10,7
Всего	2,8	4,4	3,8

Источник: составлено авторами по результатам расчетов в SPSS

Теперь оценим, существует ли **взаимосвязь между конъюнктурой на рынке труда и интенсивностью миграции**. Для этого нами был проведен корреляционный анализ всех рассматриваемых переменных по 85 субъектам РФ. Результаты представлены в виде матрицы корреляций (табл. 3).

Таблица 3

**Корреляции между рассматриваемыми показателями состояния рынка труда
и трудовой миграции¹⁵**

Table 3

**Correlations between the considered indicators of the labor market
and labor migration**

Показатели	Метод вычисления	Потреб- ность в работниках	Напряжен- ность на рынке труда	Доля ино- странных работников	Прибывшие иностранцы	Прибывшие россияне	Выбывшие
Потреб- ность в ра- ботниках	Корреляция Пирсона	1	-0,458**	0,280**	0,189	0,246*	0,159
	Ро Спир- мена	1	-0,214**	0,314**	0,185	0,287**	0,102
Напряжен- ность на рынке труда	Корреляция Пирсона	-0,458**	1	-0,148	-0,114	-0,075	-0,133
	Ро Спир- мена	-0,214*	1	-0,528**	-0,333**	-0,244*	-0,065
Доля ино- странных работников	Корреляция Пирсона	0,280**	-0,148	1	0,396**	0,255*	-0,072
	Ро Спир- мена	0,314**	-0,528**	1	0,488**	0,353**	-0,053

¹⁵ Сокращения наименований показателей в таблице: потребность в работниках – удельный вес потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест в общем числе рабочих мест (%); напряженность на рынке труда – коэффициент напряженности на рынке труда; доля иностранных работников – доля иностранных граждан в трудоспособном населении (%); прибывшие иностранцы – количество международных мигрантов, прибывших в регион по причине работы, на 1 000 человек рабочей силы; прибывшие россияне – количество внутрироссийских мигрантов, прибывших в регион по причине работы, на 1 000 человек рабочей силы; выбывшие – количество мигрантов, покинувших регион по причине работы, на 1 000 человек рабочей силы.

Обозначения: * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01.

Показатели	Метод вычисления	Потребность в рабочих	Напряженность на рынке труда	Доля иностранных работников	Прибывшие иностранцы	Прибывшие россияне	Выбывшие
Прибывшие иностранцы	Корреляция Пирсона	0,189	-0,114	0,396**	1	0,604**	0,354**
	Ро Спирмена	0,185	-0,333**	0,488**	1	0,526**	0,262*
Прибывшие россияне	Корреляция Пирсона	0,246*	-0,075	0,255*	0,604**	1	0,547**
	Ро Спирмена	0,287**	-0,244*	0,353**	0,526**	1	0,661**
Выбывшие	Корреляция Пирсона	0,159	-0,133	-0,072	0,354**	0,547**	1
	Ро Спирмена	0,102	-0,065	-0,053	0,262*	0,661**	1

Источник: составлено авторами по результатам расчетов в SPSS

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что существует статистически значимая прямая зависимость между удельным весом потребности в рабочих и долей иностранных граждан в трудоспособном населении, а кроме того, относительным количеством внутрироссийских мигрантов, прибывших в регион по причине работы. Это можно интерпретировать, заключив, что как международные, так и внутрироссийские мигранты с целью трудоустройства направляются преимущественно в те регионы, где в наличии большее число вакансий. Для иностранцев данная взаимосвязь яснее прослеживается с контингентом, чем с потоком мигрантов. Причиной этого может быть низкая эффективность миграции («приживаемость») иностранных работников, которые приезжают заведомо лишь на временные заработки.

Линейная корреляция (Пирсона) между напряженностью на рынке труда и индикаторами миграции отсутствует, однако обнаруживается ранговая корреляция (Спирмена). Она показывает обратную зависимость рассматриваемой переменной с долей иностранных граждан в трудоспособном населении, а также относительным количеством как международных, так и внутрироссийских мигрантов, прибывших в регион по причине работы. Такой результат легко объясним: чем больше конкуренция за вакансии, тем менее привлекателен рынок труда для мигрантов. Впрочем, отсутствие линейной корреляции говорит о том, что регионы пока недостаточно полно используют внутренние ресурсы для удовлетворения спроса на труд, и в отдельных случаях мигранты привлекаются, несмотря на значительное число безработных среди местного населения. Примером может служить Республика Дагестан, которая находится на втором месте в России по величине коэффициента напряженности на рынке труда – 99,7. Удельный вес потребности в рабочих тоже один из самых низких по стране – 0,9%. Между тем соотношение иностранцев умеренное: они составляют 1,6% от местного трудоспособного населения против среднероссийских 2,6%.

Наконец, доля иностранных граждан в трудоспособном населении обнаружила прямую зависимость с относительным количеством не только международных трудовых мигрантов, но и российских, что свидетельствует об одинаковом воздействии факторов притяжения/выталкивания на обе категории.

Небезынтересно, что численность выбывших по причине работы не показала статистически значимой взаимосвязи ни с какими показателями конъюнктуры рынка труда, а только прямую зависимость с числом прибывших. То есть на рассматриваемых нами материалах факторы выталкивания определить не удалось. Можно лишь констатировать, что обратный поток трудовой миграции пропорционален потоку входящему.

Заключение

Итак, полученные нами результаты свидетельствуют, что различия в ситуации на рынках труда регионов России определяются, главным образом, соотношением количества вакансий и безработных. Хуже всего положение дел в республиках Северного Кавказа. Вторым важным параметром является численность контингента иностранных работников относительно местного населения. По их доле выделяются столичные регионы и Дальний Восток.

Различия в миграционной ситуации зависят от относительной численности прибывших. В определенной степени миграция сглаживает дисбалансы спроса и предложения труда в регионах России, пополняя ресурсы трудодефицитных регионов. Однако действие такого механизма несовершенно. Поскольку на мигрантов оказывают влияние и иные факторы притяжения, помимо конъюнктуры рынка труда, взаимосвязь между ее показателями и количеством прибывающих с целью работы статистически слабая. Особенно мала корреляция в случае внутрироссийских мигрантов.

В свете вышесказанного мы предполагаем, что в интересах формирования трудовых ресурсов, соответствующих потребностям каждого региона, необходимо развивать и совершенствовать механизмы управления миграционными потоками при помощи прямых и косвенных мер стимулирования, адресованных как иностранным работникам, так и внутренним мигрантам.

В качестве характерной черты важно отметить сосредоточение внешних и внутренних трудовых мигрантов в одних и тех же регионах. Вследствие этого может возникать конкуренция между мигрантами различных категорий, о чем предупреждали другие российские исследователи [14]. Однако данные потоки можно использовать и комплиментарно – в зависимости от образования, профессиональных навыков, сферы занятости и рода занятий мигрантов. Проведенные ранее нами исследования показали, что характеристики иностранных работников не полностью соответствуют потребностям рынка труда российских регионов [19], поэтому целесообразным представляется компенсировать расхождения за счет привлечения внутренних мигрантов на вакансии, требующие более высокой квалификации.

Говоря о трудоизбыточных кавказских республиках, следует помнить, что абсолютная численность их населения невелика. Так, на 2022 г. все население Северокавказского федерального округа составляло лишь 7% от общей численности населения Российской Федерации. Даже если все безработные этого округа отправятся на поиски работы в другие регионы России, это не сможет закрыть потребности страны.

В интересах более полного удовлетворения спроса региональных рынков на труд за счет уже имеющихся в России и привлекаемых извне ресурсов

необходимым, на наш взгляд, является выстраивание прозрачной системы коммуникации между нанимателями и соискателями. Если для иностранных работников Минтруд уже начал разработку системы организованного набора¹⁶, то для внутренних мигрантов структуры целевого найма на федеральном уровне отсутствуют. Подобный механизм мог бы способствовать подбору кадров из разных регионов под нужды крупных работодателей, организации программ повышения квалификации и/или профессиональной переподготовки соискателей, осуществлению самого переезда путем обеспечения гарантии трудоустройства на заранее определенное рабочее место и поиска жилья еще до выбытия из текущего места проживания.

Нельзя забывать и о том, что в условиях дефицита кадров важным механизмом для достижения равновесия на рынке труда является замещение труда капиталом, т. е. внедрение инноваций во всех сферах экономической деятельности, форсирование технологического развития и процесса цифровизации, повышение квалификации персонала, ведущие к росту производительности труда. Благодаря этому потребности российской экономики в рабочей силе, в т. ч. иностранной могут быть значительно сокращены уже в ближайшее десятилетие, как следует из некоторых прогнозов [20].

Список литературы

1. Рыбаковский, Л. Л. Миграционная компонента и ее вклад в демографическое развитие современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 3. С. 327–337. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337). EDN EIOOWG.
2. Топилин, А. В. Роль миграции в формировании региональных рынков труда в условиях второй волны депопуляции в современной России / А. В. Топилин, А. С. Максимова // Вопросы статистики. 2020. Т. 27, № 6. С. 26–36. DOI [10.34023/2313-6383-2020-27-6-26-36](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-6-26-36). EDN QXVXFF.
3. Вартанова, М. Л. Социальные и экономические проблемы формирования внутренних трудовых ресурсов в контексте депопуляции // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 38(6). С. 93–99. DOI [10.24412/2309-4788-2021-6-93-99](https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-6-93-99). EDN XKXXRG.
4. Воробьева, О. Д. Социально-демографические последствия внутренней миграции трудовых ресурсов / О. Д. Воробьева, А. В. Топилин, А. С. Аликова // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 12. С. 1156–1163. DOI [10.31857/S0869587320120269](https://doi.org/10.31857/S0869587320120269). EDN ZAVYHI.
5. Мкртчян, Н. В. Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду / Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 3(43). С. 78–94. DOI [10.31737/2221-2264-2019-43-3-4](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-4). EDN QTMVAZ.
6. Красинец, Е. С. Международная трудовая миграция в развитии современной России // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 2. С. 104–115. DOI [10.19181/population.2022.25.2.9](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.9). EDN GOFHPM.
7. Мишук, С. Н. Динамика внутренней и международной трудовой миграции на Дальнем Востоке России // Наука. Культура. Общество. 2020. № 1. С. 68–74. DOI [10.38085/2308829X-2020-1-68-74](https://doi.org/10.38085/2308829X-2020-1-68-74). EDN HJUCDL.
8. Мкртчян, Н. В. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 1. С. 83–99. EDN ZLDEXI.
9. Вакуленко, Е. С. Эконометрический анализ факторов внутренней миграции в России // Региональные исследования. 2015. № 4(50). С. 83–95. EDN VKADOL.
10. Кованова, Е. С. Эконометрическое моделирование влияния внутренней трудовой миграции населения регионов Российской Федерации на основе панельных данных / Е. С. Кованова,

¹⁶ Минтруд создаст структуру для целевого набора иностранных работников // Ведомости : [сайт]. 21.03.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/03/21/1026963-mintrud-sozdast-publichno-pravovuyu-kompaniyu-dlya-tselevogo-nabora-inostrannih-rabotnikov> (дата обращения: 09.09.2024).

Н. А. Эльдяева // Актуальные проблемы менеджмента и экономики в России и за рубежом : Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции, Новосибирск, 10 февраля 2015 года. Выпуск II. Новосибирск : Инновационный центр развития образования и науки, 2015. С. 133–136. EDN [TNQZJH](#).

11. Кованова, Е. С. Кластерный анализ в решении задачи типологии регионов России по уровню и интенсивности внутренней трудовой миграции // Вестник НГУЭУ. 2013. № 4. С. 166–175. EDN [RSSVSR](#).

12. Рязанцев, С. В. Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. Т. 6, № 2(22). С. 16–28. DOI [10.12737/18147](#). EDN [WEIPEI](#).

13. Карцева, М. А. Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния / М. А. Карцева, Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4(181). С. 87–97. EDN [XEDDME](#).

14. Мкртчян, Н. В. Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты / Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 1(37). С. 186–193. DOI [10.31737/2221-2264-2018-37-1-9](#). EDN [XRWLZR](#).

15. Воробьева, О. Д. Основные проблемы современной миграционной политики России / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский, В. И. Савинков // Народонаселение. 2016. № 4(74). С. 4–13. EDN [XRZXJR](#).

16. Рязанцев, С. В. Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26, № 4. С. 718–729. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729](#). EDN [ZAQDFR](#).

17. Lee, E. S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3, No. 1. Pp. 47–57. DOI [10.2307/2060063](#).

18. Рязанцев, С. В. Международная трудовая миграция в Россию / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Международные процессы. 2019. Т. 17, № 4(59). С. 65–83. DOI [10.17994/IT.2019.17.4.59.5](#). EDN [UUVXRR](#).

19. Маньшин, Р. В. Влияние международной трудовой миграции на сбалансированность региональных рынков труда / Р. В. Маньшин, Е. М. Моисеева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 209–230. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.13](#). EDN [VSKTQI](#).

20. Гребенюк, А. А. Потребность российской экономики в иностранных трудовых ресурсах в условиях внедрения новых технологий // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 2. С. 507–521. DOI [10.17059/2020-2-13](#). EDN [BIAOBU](#).

Сведения об авторах

Моисеева Евгения Михайловна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](#); РИНЦ SPIN-код: [6995-4829](#); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](#); Scopus Author ID: [57214717819](#).

Маньшин Роман Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: manshin@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-2331-9834](#); РИНЦ SPIN-код: [3856-3580](#); Web of Science Researcher ID: [P-1146-2017](#); Scopus Author ID: [57192174665](#).

Статья поступила в редакцию 04.10.2024; принята в печать 01.12.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

LABOR MARKET CONDITIONS AND LABOR MIGRATION IN RUSSIAN REGIONS

Evgeniya M. Moiseeva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Roman V. Manshin

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: manshin@list.ru

For citation: Moiseeva, Evgeniya M. Labor Market Conditions and Labor Migration in Russian Regions / E. M. Moiseeva, R. V. Manshin. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 202–215. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.12).

Abstract. In recent years, the Russian labor market has been in an extremely tense state, close to “overheating,” which poses risks for the economic development of the country. The most dynamically changing components of the market are the demand for labor and its supply. In the context of population decline, migration remains a flexible and effective mechanism for replenishing the labor force. Differences in the demographic and socio-economic situation in the Russian Federation and neighboring countries, primarily Central Asian ones, create preconditions for cross-border population movements, while the differentiation of various indicators of Russian regions becomes a factor in intra-country migration. In this study, the authors set the task of assessing the extent to which the situation in regional labor markets can influence the intensity of both international and interregional migration flows in Russia, ensuring their self-regulation and balancing. For this purpose, we constructed a clustering of the subjects of the Russian Federation based on the main indicators of labor supply and demand, as well as the intensity of labor migration flows in various directions. Then a correlation analysis of the selected indicators was carried out. The results show that, in general, labor migration smooths out imbalances in regional markets, but the effect of self-regulation mechanisms is far from perfect. For example, there is no linear relationship between tension in the labor market and the intensity of arrival of labor migrants. Based on the findings, the authors conclude by making recommendations regarding the need to create and improve federal mechanisms to ensure contact between employers and job seekers from different regions and to stimulate labor mobility of their populations.

Keywords: labor migration, interregional migration, international migration, labor market, labor demand, labor supply, employment

References

1. Rybakovskii, L.L. The Migration Component and Its Contribution to the Demographic Development of Modern Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19, No. 3. Pp. 327–337. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337). (In Russ.).
2. Topilin, A. V. The Role of Migration in the Formation of Regional Labour Markets amidst the Second Wave of Depopulation in Modern Russia / A. V. Topilin, A. S. Maksimova. *Voprosy Statistiki*. 2020. Vol. 27, No. 6. Pp. 26–36. DOI [10.34023/2313-6383-2020-27-6-26-36](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-6-26-36). (In Russ.).
3. Vartanova, M. L. Social and Economic Problems of the Formation of Internal Labor Resources in the Context of Depopulation. *Natural-Humanitarian Studies*. 2021. No. 38(6). Pp. 93–99. DOI [10.24412/2309-4788-2021-6-93-99](https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-6-93-99). (In Russ.).
4. Vorobyova, O. D. Sotsial'no-demograficheskiye posledstviya vnutrenney migratsii trudovykh resursov [Socio-demographic consequences of internal migration of labor resources] / O. D. Vorobyeva, A. V. Topilin, A. S. Alikova. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Vol. 90, No. 12. Pp. 1156–1163. DOI [10.31857/S0869587320120269](https://doi.org/10.31857/S0869587320120269). (In Russ.).
5. Mkrtchyan, N. V. Residents of Small and Mid-Size Towns of Russia: Labor Migration as an Alternative to Permanent Transfer / N. V. Mkrtchyan, Y. F. Florinskaya. *Journal of the New Economic Association*. 2019. No. 3(43). Pp. 78–94. DOI [10.31737/2221-2264-2019-43-3-4](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-4). (In Russ.).
6. Krasinets, E. S. International Labor Migration in the Development of Modern Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25, No 2. Pp. 104–115. DOI [10.19181/population.2022.25.2.9](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.9). (In Russ.).

7. Mishchuk, S. N. Dynamics of Domestic and International Labor Migration in the Russian Far East. *Science. Culture. Society*. 2020. No. 1. Pp. 68–74. DOI [10.38085/2308829X-2020-1-68-74](https://doi.org/10.38085/2308829X-2020-1-68-74). (In Russ.).
8. Mkrtchyan, N. V. Problems in the Statistics of Internal Russian Migration Caused by Changes in Accounting Methods in 2011. *Demographic Review*. 2020. Vol. 7, No. 1. Pp. 83–99. (In Russ.).
9. Vakulenko, E. S. Econometric Analysis of Factors of Internal Migration in Russia. *Regional Research*. 2015. No. 4(50). Pp. 83–95. (In Russ.).
10. Kovanova, E. S. Ekonometricheskoye modelirovaniye vliyaniya vnutrenney trudovoy mi-gratsii naseleniya regionov Rossiyskoy Federatsii na osnove panel'nykh dannykh [Econometric modeling of the impact of internal labor migration of the population of the regions of the Russian Federation based on panel data] / E. S. Kovanova, N. A. Eldyaeva. *Aktual'nyye problemy menedzhmenta i ekonomiki v Rossii i za rubezhom [Actual problems of management and economics in Russia and abroad]* : Proceedings of the international scientific and practical conference, Novosibirsk, February 10, 2015. Issue II. Novosibirsk : Innovatsionniy tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki Publishing House, 2015. Pp. 133–136. (In Russ.).
11. Kovanova, E. S. Cluster Analysis in Handling the Problem of Typology of Regions of Russia by Level and Intensity of Internal Labor Migration. *Vestnik NSUEM*. 2013. No. 4. Pp. 166–175. (In Russ.).
12. Ryazantsev, S. V. Contribution of Labour Migration to the Economy of Russia: Evaluation Methods and Results. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2016. Vol. 6, No. 2(22). Pp. 16–28. DOI [10.12737/18147](https://doi.org/10.12737/18147). (In Russ.).
13. Kartseva, M. A. Migratsiya v Rossii i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye regionov: analiz vzaimnogo vliyaniya [Migration in Russia and socio-economic development of regions: an analysis of mutual influence] / M. A. Kartseva, N. V. Mkrtchyan, Yu. F. Florinskaya. *Problems of Forecasting*. 2020. No. 4(181). Pp. 87–97. (In Russ.).
14. Mkrtchyan, N. V. Labor Migration in Russia: International and Internal Aspects / N. V. Mkrtchyan, Yu. F. Florinskaya. *Journal of the New Economic Association*. 2018. No. 1(37). Pp. 186–193. DOI [10.31737/2221-2264-2018-37-1-9](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-37-1-9). (In Russ.).
15. Vorobyeva, O. D. The Main Problems of the Current Migration Policy of Russia / O. D. Vorobyeva, L. L. Rybakovsky, V. I. Savinkov. *Narodonaselenie [Population]*. 2016. No. 4(74). Pp. 4–13. (In Russ.).
16. Ryazantsev, S. V. Labour Immigration to Russia: Myths and Contrarguments. *RUDN Journal of Economics*. 2018. Vol. 26, No. 4. Pp. 718–729. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729). (In Russ.).
17. Lee, E. S. A Theory of Migration. *Demography*. 1966. Vol. 3, No. 1. Pp. 47–57. DOI [10.2307/2060063](https://doi.org/10.2307/2060063).
18. Ryazantsev, S. V. International Labour Migration to Russia / S. V. Ryazantsev, E. E. Pismennaya. *International Trends*. 2019. Vol. 17, No. 4(59). Pp. 65–83. DOI [10.17994/IT.2019.17.4.59.5](https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.5). (In Russ.).
19. Manshin, R. V. The Impact of International Labor Migration on the Balance in Regional Labor Markets / R. V. Manshin, E. M. Moiseeva. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 209–230. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.13](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.13). (In Russ.).
20. Grebenyuk, A. A. Demand of the Russian Economy for Foreign Labour in the Context of New Technologies Implementation. *Economy of Regions*. 2020. Vol. 16, No. 2. Pp. 507–521. DOI [10.17059/2020-2-13](https://doi.org/10.17059/2020-2-13). EDN [BIAOBU](https://www.edn.ru/BIAOBU).

Bio notes

Evgeniya M. Moiseeva, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); RSCI SPIN code: [6995-4829](https://www.rsci.ru/6995-4829); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](https://orcid.org/X-6836-2019); Scopus Author ID: [57214717819](https://orcid.org/57214717819).

Roman V. Manshin, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: manshin@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-2331-9834](https://orcid.org/0000-0003-2331-9834); RSCI SPIN code: [3856-3580](https://www.rsci.ru/3856-3580); Web of Science Researcher ID: [P-1146-2017](https://orcid.org/P-1146-2017); Scopus Author ID: [57192174665](https://orcid.org/57192174665).

Received on 04.10.2024; accepted for publication on 01.12.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.13](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.13)

EDN [TQTUTH](https://www.edn.ru/TQTUTH)

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON LABOR MIGRATION AND MIGRATION POLICY IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Sergei V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Behruz A. Nurov

MGIMO University, Moscow, Russia

E-mail: nurovbehruz89@gmail.com

For citation: Ryazantsev, Sergei V. Impact of the COVID-19 Pandemic on Labor Migration and Migration Policy in Central Asian Countries / S. V. Ryazantsev, B. A. Nurov. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 216–225. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.13](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.13).

Abstract. The research aims to determine the impact that the global COVID-19 pandemic had on labor migrants and the migration policy in Central Asian countries. During the research, the authors use statistical and sociological methods. Thus, the authors determine the number of arrivals and departures for a particular period, the composition of migrants, and the migration direction. The restrictions caused by the COVID-19 pandemic have exacerbated many issues of migration from Central Asia and the situation of migrants in Russia. If the impact of COVID-19 restrictions continues and the income of migrants continues to decrease, migration participants will be forced to take emergency measures by actively returning to their homeland. Under these conditions, socio-economic tension in the donor countries may grow. The research establishes that the existing sanitary and epidemiological restrictions could contribute to the transformation of migration processes in the countries of Central Asia, including the reorientation of labor migrant flows to new directions and the strengthening of the tendency to receive the right to obtain a Russian passport. The authors propose several practical recommendations to reduce the negative impact of the pandemic on the migration processes in Central Asia. As the research shows, creating and developing new jobs in Central Asian countries is an issue of prime necessity, as is a high dependence of the economy on remittances from migrant workers.

Keywords: migration policy, labor migration, remittances, Central Asia, Coronavirus pandemic

Introduction

The COVID-19 pandemic has raised a host of questions for the governments of many nations, in addition to public health concerns, about the need to level the socio-economic impact on society and populations. Central Asian countries are no exception. Since most Central Asian countries do not have strong and diversified national economic systems, the COVID-19 pandemic can cause significant damage to the working population and have a long-term impact on the economic structure [1]. The reason is the importance of labor migration for ensuring the economic sustainability of the countries in the region. The impact of the COVID-19 pandemic on labor migration began in the spring of 2020 and turned out to be the most pressing issue for Central Asian countries in general and local

communities that are heavily dependent on remittances from migrant workers, in particular¹.

The sanitary and epidemiological restrictions caused by the COVID-19 pandemic and the temporary suspension of international passenger traffic have become important factors in reducing the influx of labor migrants from the countries of Central Asia to the Russian Federation by 1.5–2 times in 2020, as well as a growth in the flow of returning labor migrants to their homelands in the first months of the COVID-19 pandemic. As a result, the socio-economic processes in the region, strongly dependent on labor migration, escalated during the pandemic: unemployment and poverty increased the volume of remittances from abroad, and therefore household incomes and domestic consumption of goods and services decreased. As research shows, in Russia, these negative trends were temporary and smoothed out as labor migration and adaptation of labor migrants recovered.

This research aims to identify the impact and degree of dependence on the socio-economic development of Central Asian countries from migration labor during the COVID-19 pandemic. The research object is labor migration and migration policy in the context of combating the COVID-19 pandemic. The research subject is a set of possible political solutions that can, on the scale of the current migration policy, help solve the discussed problem to the greatest extent.

The authors analyze the role of labor migration and its influence on the situation in three Central Asian countries: the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, and the Republic of Uzbekistan.

The paper proves that labor migration affects the socio-economic condition of the countries in the region. This conclusion is also relevant regarding measures to respond to the consequences of the COVID-19 pandemic.

Methodology

The impact of the COVID-19 pandemic on international population migration has been studied in the works: M. B. Denisenko and V. I. Mukomel [2]; N. Imanbekova [3]; A. D. Filippov [4]; and S. V. Ryazantsev, Z. K. Vazirov, and F. M. Garibova [5]. Labor migration plays an important role in the economic development of sending Central Asian countries and receiving countries. This problem has been studied in the works of K. V. Arshin [6]; K. P. Kurylev, R. M. Kurbanov, A. B. Makenova, and A. A. Khotivrishvili [7]; and V. I. Mukomel [8–9].

To better understand the specifics of the functioning of a national economy of this type, it is necessary to focus on several theoretical aspects. The emergence of the phenomenon of labor force donor countries is closely related to the categories of labor costs inside and outside the national economy. At the end of the 20th century, the economic growth of the countries of East and Southeast Asia was associated with the transfer of industrial production from the developed countries of Western Europe and North America², when

¹ COVID-19 crisis response in Central Asia // OECD: [site]. 16.11.2020. URL: https://www.oecd.org/en/publications/covid-19-crisis-response-in-central-asia_5305f172-en.html (accessed on 03.09.2024).

² Europe and Central Asia Economic Update, Spring 2021: Data, Digitalization and Public Administration. Washington : World Bank, 2021. 172 p.

cheap labor was required to be used together with the relocated production capacities. Nowadays, the post-industrial service economy requires greater mobility of labor resources, whereas, in accordance with the principle of service production, their consumption occurs directly together with production [10]. Accordingly, there is a request for the outflow of population from countries with cheap labor resources to countries with a growing service sector in the national economy, where the residents' employment brought additional costs while not bringing a significant increase in gross net profit for the company due to low qualification requirements³. If economic growth continues in the country receiving migrant workers, then the incentives for employment there are increasingly greater for the migrants who derive increased economic rents from the growth without having to increase labor productivity. Labor migration becomes one of the most profitable occupations for the population of the labor donor country, as well as the washing out the maximum possible number of able-bodied citizens of the economy. When a country that serves as a source of permanent migration, regardless of seasonal or year-round outflows, manages its economic structure based on the importance of migrants' income as the primary or dominant source of national income, the country, in accordance with generally accepted terminology, can be designated as a labor donor state.

Results

The influence of migration on the economic structure is a much more powerful irritating factor for a source state than for any other institutionalized actor in this process [11]. The reason for this is that if (on the part of the receiving community) a fairly small part of the population is migrants (especially those who live and participate in the economic division of labor permanently), which is segmented by origin and possession of certain professional skills, then the source country, depending on its capacity and the development of the economic environment, loses a significant segment of the most able-bodied and active population. There is a more pronounced trend indicating the migration of young people. As a more socially and economically active category of the population, young people strive to gain and retain a privileged position in their community in the shortest time from a material and status point of view, which is not always possible due to the limited number of such positions for youth and a large number of young people, which leads to additional and not always economically justified competition.

Due to the specific effects of the COVID-19 pandemic, most migrant workers were forbidden to enter the Russian Federation, which left most migrants in their home country without a permanent income source⁴. Accordingly, if the coronavirus restrictions persist and the standard of living continues to decline, migrants will be forced to take emergency measures, becoming economic refugees, because the social infrastructure of Central Asian countries cannot manage the influx of many new consumers of state aid and the economic system cannot provide the able-bodied population with jobs. However, the issue affects not only the Central Asia countries, but Russia too, because the restrictions

³ Study of Labour Migration Dynamics in the Central Asia – Russian Federation Migration Corridor. Consolidated Report 2021. Moscow : IOM, 2021. 90 p.

⁴ COVID-19 and Central Asia: Socio-Economic Impacts and Key Policy Considerations for Recovery. New York : UNDP, 2020. 22 p. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/eurasia/COVID19report_CentralAsia.pdf (accessed on 03.09.2024).

have shortened the amount of the workforce available for the country. As a result, some of the spheres where migrant workers have usually dominated, have become understaffed.

The problem is exacerbated by specific obstacles to resuming the mechanism of cross-border movement of people [8].

First, the resumption of passenger traffic occurred disproportionately to demand. The number of people wishing to leave Central Asian countries exceeds the capacity of the flights and railroads launched. For various reasons, including non-purely market grounds, the transfer cost for potential migrants has become incongruously high in relation to their financial capabilities.

Second, because of the COVID-19 pandemic, illegal methods of crossing the border have become popular despite some easing of the migration policy in the host countries. This trend can lead to deportation and prohibition of legal (and most beneficial in terms of potential benefits) employment, which entails certain legal consequences because of expulsion from the host country and a ban on subsequent entry.

The number of foreigners expelled from Russia reached 252 thousand people in 2019. Even during the COVID-19 pandemic, about 250 thousand people were expelled from Russia in 2020.

Accordingly, under conditions of insufficiently active regulatory state policy, a change of permanent residence and employment seems a much more promising outcome in terms of potential gain. For instance, the Republic of Tajikistan occupies a special place among Central Asian countries. Every year about 200 thousand young people enter the labor market, 90% of whom are forced to look⁵ for a source of income abroad⁶. Additionally, the existing economic structure also has an impact⁷: vital sectors of the economy, not always privileged from a material and status point of view (e. g., education, healthcare, and logistics), may require more active personnel rotation with the involvement of many young specialists.

The migration situation in 2020 has undergone a cardinal change due to the COVID-19 pandemic and the termination of communications between the countries of departure and Russia⁸. About 6–7 million foreign citizens, labor migrants, and their families could not leave the Russian Federation. The number of potential migrants who could not enter Russia may be about 2 million people.

A large and quite stable migration corridor – one of the largest in Eurasia and the world – has formed between the Central Asian countries and the Russian Federation. The stability of this corridor is determined by historical, socio-economic, socio-cultural, and geopolitical factors. Even the pandemic situation, as well as economic and geopolitical

⁵ Assessing the Foreign Labor Needs of Employers in Key Regions of the Russian Federation. Moscow : IOM, 2021. 112 p.

⁶ COVID-19 crisis response in Central Asia // OECD : [site]. 16.11.2020. URL: https://www.oecd.org/en/publications/covid-19-crisis-response-in-central-asia_5305f172-en.html (accessed on 03.09.2024).

⁷ Assessing the Foreign Labor Needs of Employers in Key Regions of the Russian Federation. Moscow : IOM, 2021. 112 p.

⁸ Мигрантам из стран Центральной Азии, оставшимся без средств к существованию, срочно требуется помощь // Новости ООН. Организация Объединенных Наций : [сайт]. 15.05.2020. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/05/1378202> (дата обращения: 03.09.2024).

crises, cannot yet radically change the direction of migration flows, which are directed from Uzbekistan, Tajikistan, and Kyrgyzstan to the Russian Federation and partly to the Republic of Kazakhstan (Table 1).

According to the accounting system, about 19.5 million foreigners were registered in Russia through the offices of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2019. The COVID-19 pandemic in 2020 reduced the number of registered to 9.8 million people. Similarly, the number of migrants from Central Asia decreased from 9.5 million to 6.6 million people, although the whole number of registered migrants increased from 50% to 68% (due to a greater reduction in migrants from other countries).

Table 1

Number of registrations of Central Asian labor migrants in the Russian Federation in 2019–2022

Countries of citizenship	Migrant registration with the purpose of entry “work”			
	2019	2020	2021	2022 (January–March)
Kazakhstan	136 208	60 461	163 938	37 734
Kyrgyzstan	453 702	190 312	884 133	214 805
Tajikistan	1 179 423	507 255	2 439 198	822 006
Turkmenistan	4 813	3 906	7 880	2 094
Uzbekistan	2 107 302	1 011 028	4 519 618	1 370 499

Source: developed and compiled by the authors based on ICMPD⁹

In recent years, the number of migrants from Central Asian countries has progressively increased and naturalized in the Russian Federation (Table 2).

Table 2

Citizens of Central Asia who received migration status in the Russian Federation in 2019–2021 (people)

Countries of citizenship	Temporary residence permit			Residence permit			Citizenship of the Russian Federation		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Kazakhstan	48 901	22 311	31 788	14 450	25 278	27 406	50 492	43 404	49 862
Kyrgyzstan	7 638	3 814	7 141	5 086	9 087	10 072	9 371	11 865	19 241
Tajikistan	46 004	31 416	43 342	29 635	48 691	57 444	44 707	63 389	103 681
Turkmenistan	1 824	2 085	2 371	1 972	2 271	1 966	1 361	2 451	3 628
Uzbekistan	25 022	14 624	14 693	20 888	24 055	23 817	19 388	23 131	31 867

Source: developed and compiled by the authors based on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation¹⁰

Over the past 20 years, labor migration has been the main migration flow in the Central Asian region in terms of scale and consequences. According to approximate estimates, more than 80% of all labor migrants are sent to the Russian Federation. In recent years, Kazakhstan has also begun actively accepting labor migrants from Central Asia.

⁹ ICMPD Migration Outlook 2021: Seven Things to Look Out for in 2021. Vienna : International Centre for Migration Policy Development, 2021. 20 p.

¹⁰ Статистические сведения по миграционной ситуации // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 03.09.2024).

However, Kazakhstan has not been able to switch over the flows of labor migrants entirely.

An average of 3.9 million migrant workers from Central Asia worked on the Russian territory annually [12]. The role of labor migration is significant in developing the socio-economic sphere of Central Asian countries sending migrants and the receiving state, the Russian Federation¹¹. Migrant workers fill the needs of the labor market for qualified specialists and unskilled workers in the host countries [13], relieve tension in labor markets with a labor surplus, and contribute to poverty reduction in the Central Asian region. Central Asian countries, their industries and regions are closely linked to labor migration. On the other hand, in Russia such workers satisfy the demand for the workforce in various fields, including the construction sector, delivery services and other spheres, which are either unpopular among the Russians or require rather cheap workforce thus making it more beneficial to recruit migrant workers.

Research shows that job loss during the COVID-19 pandemic was a major factor pushing Central Asian migrants from Russia in 2020. The situation has changed dramatically for migrants who have returned to their homeland. At the beginning of June 2020, only 40% worked in their home country, and more than 50% did not have a job. Returned migrants faced the same difficulties as at their former place of work abroad due to the restrictive measures taken against COVID-19. More than 30% of the migrants who returned home were construction workers; more than 19% were service workers; about 10% were students. Among all respondents, about 52% were employed, 25% looked for a job, 6% were unemployed, 7% were students, 6% were homemakers, and 5% were pensioners [9]. At home, labor migrants retained high motivational attitudes toward new migration to Russia despite the difficult situation. While at home during the COVID-19 pandemic, many migrants looked forward to returning to Russia for work and did not even try to find a job there. At the time of the survey, it was revealed that about 54% of potential migrants from Central Asia planned to come to Russia for more than three months; 11% planned to return for less than three months; the rest did not decide. Among the migrants who were going to leave for Russia for the first time, 35% were going to spend more than three months in migration, about 23% planned to spend less than three months, and the rest of the respondents did not decide on the answer. About 57% of migrants who returned from Russia in 2019 and 2020 planned to return there for more than three months [9]. This indicates that over the years of active labor migration, the Central Asian countries formed a stable category of “circulating labor migrants” who consider work abroad as their main life strategy.

The research also shows the peculiarities of the migration attitudes of highly skilled workers from Central Asian countries in Russia, who showed the highest rates of social adaptation during the COVID-19 pandemic [2]. Highly qualified Central Asian migrants have strengthened their position in the labor market of Russia, considering the situation as temporary during the first wave of the pandemic (spring 2020), making sure to find work in Russia, and being unwilling to leave it even temporarily. During the second wave of the COVID-19 pandemic in the fall of 2020, the optimism of migrants increased even

¹¹ Assessing the Foreign Labor Needs of Employers in Key Regions of the Russian Federation. Moscow : IOM, 2021. 112 p.

more based on the assessment of opportunities to find a decent job in Russia with favorable conditions and good wages. The mass departure from the Russian labor market of skilled migrants from Ukraine, Belarus, and Moldova, the main competitors of highly skilled Central Asian migrants, played no small role. Considering the uncertainty of the prospects for the return of qualified migrants to the Russian Federation from other post-Soviet countries, we can predict that the “migrant” niches of highly skilled labor will be filled by qualified migrants from the Central Asian countries in the coming years. Considering the abovementioned lack of alternatives for the Russian market this is likely to be true for the spheres where migrants have the significant share of workplaces. This is true even considering the tensions with migrants within the Russian society and attempts to curb their numbers on the market. Lack of alternatives makes migrant workers from Central Asia essential for Russia and that’s likely to remain intact.

The procedure for the return of Central Asian migrants to their home countries was significantly complicated during the COVID-19 pandemic¹². By the end of 2021, the cost of air tickets to the capitals of Central Asian countries from Moscow averaged 18–25 thousand rubles, which is 10%–15% higher than in 2019–2020¹³. According to experts, during the COVID-19 pandemic, migrants were forced to spend money on leaving Russia (e. g., air tickets cost 300–400 euro, tests for COVID-19 cost 2.5 thousand rubles, etc.). With a decrease in the incidence figures in 2022, ticket prices dropped to 10–15 thousand rubles.

Conclusion

Evaluating the proposed initiatives in accordance with the criteria formulated above for the effectiveness of migration policy, it is necessary to note the continuing importance of labor migrants from Central Asian countries to the labor market of Russia, to which there are no alternatives in the foreseeable future. Based on this, the strategy for optimizing migration policy should proceed from the principles of close coordination with the Government of the Russian Federation and the general requirements for those employed in the Russian economy.

COVID-19 pandemic has shown some flows that both parties should seriously consider. For Central Asia it is the inability to host the returning workforce, making the people to return to Russia and look for job opportunities there. At the same time, it became obvious for Russia that lack of migrant workers from the Central Asia has a potentially bad influence on the economy, crippling the sectors where these migrant workers dominate.

The pandemics has also shown the issues with migration routes, showing that the capabilities of these routes are way behind the demands, making it hard for all the workers to enter Russia. That’s beside the limitations the pandemics have established. Thus, the illegal routes have been used.

Addressing the issues of migration routes, restrictions for migrants and inability to provide alternatives for them at home in case of such pandemics or other situations that

¹² Central Asian migration to Russia: Legalization in 2020 // Voices on Central Asia: [site]. 18.02.2021. URL: <https://voicesoncentralasia.org/central-asian-migration-to-russia-legalization-in-2020/> (accessed on 03.09.2024).

¹³ Авиабилеты Душанбе – Москва // Tutu [сайт]. URL: <https://avia.tutu.ru/flights/?from=234&to=491> (дата обращения: 15.09.2022).

make the migrants return to their home countries, should become the priority. Russia does need the workforce and Central Asia needs money influx it gets from migrants. So, all the conditions should be made to improve the existing routes and migration flows. One shouldn't forget that pandemics can occur again, so one should be ready for restrictions and the return of migrants to their home countries, where they should be provided with work and income, otherwise these migrants have no reason to return to their homeland.

Additionally, we should consider the low readiness of Russian secondary specialized educational institutions to provide additional professional training. Because of the influx of low-skilled foreign labor, the prestige of the profession and the level of income in several industries have become unattractive to the indigenous population.

Thus, the main steps of Central Asian governments in the framework of migration policy should be, based on an assessment of the current situation, to create conditions to accelerate the resumption of international transport links, which will allow migrant workers to overcome the consequences of the continuing decline in living standards. Additionally, since the economy's dependence on migrant workers' remittances makes it difficult to create and develop new jobs in other industries, it is important to compensate for this by expanding the geography of countries where migrants from Central Asia can be sent for further employment.

References

1. Stelmax, S. A. Migration Flows in the Russian Federation / S. A. Stelmax, A. N. Averin, I. V. Omelchenko, A. S. Semerenko. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2021. No. 1. Pp. 1–9. (In Russ.).
2. Denisenko, M. B. Labor Migration in Russia during the Coronavirus Pandemic / M. B. Denisenko, V. I. Mukomel. *Demographic Review*. 2020. Vol. 7, No. 3. Pp. 84–107. DOI [10.17323/demreview.v7i3.11637](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637). (In Russ.).
3. *COVID-19 Crisis Response in Central Asia*. Paris: OECD Publishing, 2020. 22 p. DOI [10.1787/5305f172-en](https://doi.org/10.1787/5305f172-en).
4. Filippov, A. D. Consequences of the Pandemia on Immigrants. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2020. No. 1. Pp. 270–275. DOI [10.34823/sgz.2021.1.51534](https://doi.org/10.34823/sgz.2021.1.51534). (In Russ.).
5. Ryazantsev, S. V. "Stranded on the Borders" Between Russia and the Homeland: Migrants from Central Asia Countries During the COVID-19 Pandemic / S. V. Ryazantsev, Z. K. Vazirov, F. M. Garibova. *Scientific Review. Series 1: Economics and Law*. 2020. No. 3. Pp. 45–58. DOI [10.26653/2076-4650-2020-3-04](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-04). (In Russ.).
6. Arshin, K. V. The Risks of Crisis Migration from Central Asia to Russia. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021. Vol. 11, No. 1. Pp. 58–65. DOI [10.26794/2226-7867-2021-11-1-58-65](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-1-58-65). (In Russ.).
7. Kurylev, K. P. Migration Flows from Central Asia to European Union Countries / K. P. Kurylev, R. M. Kurbanov, A. B. Makenova, A. A. Khotivirshvili. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018. Vol. 18, No. 2. Pp. 315–327. DOI [10.22363/2313-0660-2018-18-2-315-327](https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-2-315-327). (In Russ.).
8. Mukomel, V. I. Migration Situation and Migrants in the Perception of Russians. *Bulletin of Russian Nation*. 2021. No. 1–2 (77–78). Pp. 53–68. (In Russ.).
9. Mukomel, V. I. Highly Skilled Migrants from Central Asian States at the Russian Labor Market. *Sociological Science and Social Practice*. 2021. Vol. 9, No. 4 (36). Pp. 186–204. DOI [10.19181/snsp.2021.9.4.8614](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8614). (In Russ.).
10. Rakovskaya, V. S. Labor Migration: The Consequences for Donor Countries and Recipient Countries / V. S. Rakovskaya, N. N. Solovieva, I. A. Tumanova. *Modern Problems of Science and Education*. 2013. No. 3. Pp. 15–17. (In Russ.).

11. Zagulyaev, D. G. The Concept of the International Wage Workers Labor-Market Regulation from the Point of View of the Rental Character of the World Economy. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management*. 2010. No. 7 (183). Pp. 4–10. (In Russ.).

12. Ryazantsev, S. V. Return Migration to Tajikistan: Forms, Trends, Consequences / S. V. Ryazantsev, F. T. Khonkhodzhaev, Sh. Yu. Akramov, N. S. Ryazantsev. *Central Asia and the Caucasus*. 2021. Vol. 24, No. 2. Pp. 178–191. DOI [10.37178/ca-c.21.2.14](https://doi.org/10.37178/ca-c.21.2.14). (In Russ.).

13. *Tajik Labor Migration During the Global Economic Crisis: Causes and Consequences*. Dushanbe : IOM Publ., 2010. 118 p.

Bio notes

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI SPIN-code: [5112-6604](https://www.rsci.spin-code.ru/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Behruz A. Nurov, Graduate Student, MGIMO University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nurovbehruz89@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-6202-3780](https://orcid.org/0000-0002-6202-3780); RSCI SPIN code: [2327-2183](https://www.rsci.spin-code.ru/2327-2183); Scopus Author ID: [59343963300](https://orcid.org/59343963300).

Received on 10.09.2024; accepted for publication on 12.09.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ТРУДОВУЮ МИГРАЦИЮ И МИГРАЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Рязанцев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Нуров Б. А.

МГИМО МИД России

E-mail: nurovbehruz89@gmail.com

Для цитирования: Рязанцев, С. В. Влияние пандемии COVID-19 на трудовую миграцию и миграционную политику в странах Центральной Азии / С. В. Рязанцев, Б. А. Нуров // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 216–225. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.13](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.13). EDN [TQTUTN](https://www.edn.ru/TQTUTN).

Аннотация. Целью исследования является определение влияния глобальной пандемии COVID-19 на трудовых мигрантов и миграционную политику в странах Центральной Азии. В ходе исследования авторы используют статистические и социологические методы. Так, авторы определяют количество прибывших и выбывших за тот или иной период, состав мигрантов и направление миграции. Ограничения, вызванные пандемией COVID-19, обострили многие вопросы миграции из Центральной Азии и положения мигрантов в России. Если влияние ограничений COVID-19 продолжится и доходы мигрантов продолжат снижаться, участники миграции будут вынуждены активно возвращаться на родину. В этих условиях может усилиться социально-экономическая напряженность в странах-донорах. В исследовании установлено, что существующие санитарно-эпидемиологические ограничения могут способствовать трансформации миграционных процессов в странах Центральной Азии, в том числе переориентации потоков трудовых мигрантов на новые направления и усилению тенденции на получение российского паспорта. Авторы предлагают ряд практических рекомендаций по снижению негативного влияния пандемии на миграционные процессы в Центральной Азии. Как показывает исследование, создание и

развитие новых рабочих мест в странах Центральной Азии является вопросом первостепенной необходимости, равно как и высокая зависимость экономики от денежных переводов трудовых мигрантов.

Ключевые слова: миграционная политика, трудовая миграция, денежные переводы, Центральная Азия, пандемия коронавируса

Сведения об авторах

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); РИНЦ SPIN-код: [5112-6604](https://elibrary.ru/authors/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Нуров Бехруз Абдурахмонович, соискатель, МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Contact information: e-mail: nurovbehruz89@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-6202-3780](https://orcid.org/0000-0002-6202-3780); РИНЦ SPIN-код: [2327-2183](https://elibrary.ru/authors/2327-2183); Scopus Author ID: [59343963300](https://orcid.org/59343963300).

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; принята в печать 12.09.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.14](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.14)EDN [YHTRPQ](https://www.edn.ru/YHTRPQ)

АФГАНСКАЯ МИГРАЦИЯ В ТАДЖИКИСТАН: ТЕНДЕНЦИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Гарибова Ф. М.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: farzona.garibova@mail.ru

Для цитирования: Гарибова, Ф. М. Афганская миграция в Таджикистан: тенденции и последствия // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 226–241. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.14](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.14). EDN [YHTRPQ](https://www.edn.ru/YHTRPQ).

Аннотация. Цель работы – выявление трендов современной миграции из Афганистана в Таджикистан. В рамках исследования был проведен контент-анализ научных работ таджикских, российских и зарубежных ученых. Проанализированы аналитические доклады и годовые отчеты международных организаций и Республики Таджикистан, использованы результаты наблюдений, непосредственно проведенных автором. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: выявить сложившиеся тенденции афганской миграции. Научная значимость исследования заключается в анализе международной миграции из Афганистана в Таджикистан и ее влияния на социально-экономическое развитие обеих стран, особенно приграничных районов. Практическая значимость состоит в том, что полученные ученым результаты могут быть использованы в дальнейшем в качестве базы аналитической и проектной деятельности при разработке стратегии таджикско-афганского сотрудничества, в частности, в сфере миграции населения. Анализ исследуемой проблемы показал, что имеются все предпосылки для миграций населения Таджикистана и Афганистана. Так, например, коммерческая миграция играет существенную роль в жизни населения приграничных районов обоих государств. Для многих домохозяйств приграничные рынки занимают ключевое место для получения заработка и улучшения своего благосостояния. Афганские беженцы в целом успешно адаптируются в таджикском обществе, однако из-за ограниченного количества рабочих мест на рынке труда, как и многие граждане Таджикистана, мигранты сталкиваются с проблемами поиска работы и постоянного трудоустройства. Ввиду последних политических событий в Афганистане отмечается ограниченность данных по миграции для исследований.

Ключевые слова: миграция населения, коммерческая миграция, беженцы, Афганистан, Таджикистан

Введение

Протяженная граница, общие исторические корни, культурные ценности, традиции, обычаи, религия и язык являются основой для развития приграничного сотрудничества между Республикой Таджикистан и Исламской Республикой Афганистан. На юге Таджикистан граничит с Афганистаном. На таджикско-афганской государственной границе существуют семь пунктов пропуска: Ишкошим (автомобильный), Тем (автомобильный), Рузвай (автомобильный), Кокул (речной), Нижний Пяндж (автомобильный), Хумроги (автомобильный), Шохон (автомобильный). Дипломатические контакты между двумя странами на официальном уровне были установлены 15 июля 1992 г.¹

На Пятой конференции регионального экономического сотрудничества по Афганистану министр иностранных дел Республики Таджикистан акцентировал внимание на необходимость вовлеченности Афганистана в процессы международного

¹Отношения Таджикистана с Афганистаном // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан : [сайт]. 23.12.2020. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/17/otnosheniya-tadzhikistana-s-afganistanom> (дата обращения: 13.10.2024).

и регионального взаимодействия в качестве полноправного и суверенного участника мирового сообщества. Географическое положение Таджикистана и Афганистана может стать связующим звеном между макрорегионами Центральной Азии с Юго-Восточной Азией, Ближним и Дальним Востоком².

В этом контексте особенно значимой представляется инициатива Президента Республики Таджикистан, направленная на постконфликтное восстановление Афганистана, в том числе социально-экономической сферы, торговли, экономики, науки и образовании, энергетики, дорожной инфраструктуры, транспорта, связи и железнодорожного сектора. В процессе восстановления афганской экономики и общества важную роль может сыграть миграция, которая будет способствовать экономическому и социокультурному обмену в приграничных районах [1].

В условиях ежегодного увеличения миграционных потоков, как внутри страны, так и за ее пределы, вопросы межрегионального сотрудничества и государственного регулирования миграционных процессов приобретают для Таджикистана особую актуальность. В течение последних двух десятилетий в Республике Таджикистан была сформирована обширная нормативно-правовая база, включающая в себя ряд законодательных актов, направленных на регулирование миграционных процессов. Среди них можно выделить законы «О миграции»³, «О беженцах»⁴, «О правовом положении иностранных граждан в РТ»⁵, «О лицензировании отдельных видов деятельности», а также концепции миграционной политики, трудовой миграции и стратегии развития внешней трудовой миграции граждан Таджикистана. Кроме того, принята и утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2023 г. № 309 «Стратегия регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года»⁶. Особое внимание было уделено разработке Концепции привлечения зарубежных соотечественников в качестве партнеров развития отечества и Плана мероприятий по ее реализации на 2021–2025 гг.⁷ Кроме того, были разработаны и утверждены программы внешней

² Пятая Конференция регионального экономического сотрудничества по Афганистану (RECCA V) / Под общ. ред. Х. Зарифи. (Сост.: Д. Назриев, Х. Сафаров). Душанбе : Ирфон, 2012. 464 с.

³ Закон Республики Таджикистан о миграции: от 10 мая 2002 г. № 31, от 28 декабря 2005 г. № 145, от 31 декабря 2008 г. № 470, от 12.01.2010 г. № 470, от 03.08.2018 г. № 1541 // Министерство труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан : [сайт]. URL: <https://www.mehnat.tj/ru/legalacts> (дата обращения: 13.10.2024).

⁴ Закон Республики Таджикистан от 10 мая 2002 г., № 50 «О беженцах» // ЦБПИ «Адлия» : [сайт]. URL: https://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=3246 (дата обращения: 13.10.2024).

⁵ Закон Республики Таджикистан о правовом статусе иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан: Закон РТ от 17.05.2018 г., № 1525 // Главное консульское управление МИД РТ : [сайт]. URL: <https://www.consular.tj/zakon-respubliki-tadjikistan-o-pravavom-statuse-inostrannih-grajdan.html> (дата обращения: 13.10.2024).

⁶ Стратегия регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года // Министерство юстиции Республики Таджикистан : [сайт]. URL: <http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya> (дата обращения: 13.10.2024).

⁷ Постановление о Плана мероприятий по реализации Концепции привлечения зарубежных соотечественников в качестве партнеров развития отечества на 2021–2025 гг. // Министерство юстиции Республики Таджикистан : [сайт]. URL: <http://portali-huquqi.tj/publicadliya/> (дата обращения: 13.10.2024).

трудовой миграции на периоды 2003–2005 гг. и 2006–2010 гг., а также Национальная стратегия миграции Республики Таджикистан на период до 2030 г.⁸

Итак, миграционное законодательство Республики Таджикистан представляет собой сложную и многоуровневую систему, которая регулирует различные аспекты миграционных процессов.

В представленном исследовании рассматривается весьма значимая для современной действительности проблема – проблема внешней и приграничной миграции между развивающимися и слаборазвитыми аграрными странами, такими как Таджикистан и Афганистан. Изучение миграции населения между этими государствами с научной точки зрения представляется затруднительным по причине отсутствия актуальных статистических данных и результатов социологических опросов. Вместе с тем очевидно, что злободневность исследовательских вопросов, связанных с миграцией, особенно между названными странами, с каждым днем возрастает.

Обзор научной литературы

Изучение миграции населения из Афганистана в Таджикистан долгие годы находится в зоне пристального внимания таджикских, афганских и российских исследователей.

В рамках данной статьи ее автор основывается на методах изучения коммерческой миграции именитыми отечественными учеными Ж. А. Зайончковской и С. В. Рязанцевым. Методологическую основу исследования составляют анализ и синтез, а также экономико-статистические методы.

В своем первом проекте, посвященном миграции, Ж. А. Зайончковская исследовала трудовую и коммерческую миграцию как механизм адаптации к экономическому кризису. Этот проект, реализованный в период с 1999 по 2000 г., стал важным этапом в изучении последствий распада СССР для огромного числа бывших советских граждан. Он был направлен на выявление масштабов и географии явления, оценку роли трудовой и коммерческой миграции не только для участников, но и для их семей, а также на сравнение социально-экономических эффектов от такой миграции в различных постсоветских странах. В ходе проекта был создан первый портрет так называемых «челноков» – коммерческих мигрантов [2].

Как отмечает российский ученый С. В. Рязанцев, авторитетный специалист в области демографии и миграции населения, коммерческая миграция представляет собой значимый социально-экономический феномен, оказывающий существенное влияние на бюджеты различных уровней, способствующий созданию новых рабочих мест и обеспечивающий население регионов доступными товарами и продуктами. По мнению С. В. Рязанцева, в трудовую и коммерческую миграцию вовлечены широкие слои населения, представляющие собой людей различных профессий, социального статуса, пола, возраста и уровня образования. Изначально миграция представляла собой форму адаптации населения к новым социально-экономическим условиям, но со временем она превратилась в реальный, эффективный, а в

⁸ Национальная стратегия миграции Республики Таджикистан на период до 2030 года // Министерство труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан : [сайт]. URL: https://migrationnetwork.un.org/sites/g/files/tmzbd1416/files/event_files/ppt_on_draft_national_strategy_on_migration_until_2030.pdf (дата обращения: 13.10.2024).

некоторых случаях и единственно возможный способ повышения уровня и качества жизни для определенной части населения. Миграция, будь то трудовая или коммерческая, стала многогранным инструментом, который не только помогает экономически активному населению адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям, но и способствует повышению благосостояния и доходов определенной части общества [3].

Х. С. Саидов, таджикский востоковед, в своей статье «М. Эльфинстон и некоторые проблемы истории таджиков Афганистана» рассматривает ценнейшие свидетельства английского дипломата и политика М. Эльфинстона (1779–1859), касающиеся истории и этногенеза таджиков в Афганистане. Учитывая большие заслуги М. Эльфинстона в изучении истории таджиков, ученый предлагает внимательно изучать его труды и обязательно учитывать их в современных исследованиях [4].

Перу М. Эльфинстона принадлежит двухтомный труд по истории Афганистана под общим названием «Отчет о королевстве Кабула и сопредельных к нему странах Персии, Татарии и Индии». Этот труд включает в себя географические обзоры Афганистана, информацию о сельском хозяйстве региона, финансах и торговле, историю народов Афганистана, в частности, вопросы этнической истории таджиков Афганистана, сведения о политическом устройстве и военно-административной системе Кабульского королевства и другие аспекты. В исследованиях М. Эльфинстона дается общая характеристика различных аспектов истории таджиков, описываются их антропологический тип, язык, этноним, динамика численности и расселения таджиков в начале XIX века, их положение в контексте межнациональных отношений народов Афганистана. В работе «Общее сведение о народах Афганистана» дипломат и политик в контексте общей истории народов Афганистана приводит этно-исторические сведения о таджиках и рассматривает вопросы пуштуно-таджикского взаимодействия⁹.

В монографии таджикского ученого К. Н. Абдуллаева «От Синьцзяна до Хорасана: из истории среднеазиатской эмиграции XX века» освещаются различные аспекты миграции, в том числе анализируется позиция афганских властей по отношению к эмигрантам, особенности расселения, состав и политические движения в среде эмигрантов [5].

Р. У. Ульмасов, таджикский ученый в области демографии и миграции населения, в своем исследовании «Таджикская миграция: история, последствия и уроки» особое внимание уделяет таким вопросам, как безвозвратные демографические потери таджикского народа во время второй мировой войны, годы репрессий, во время первой и второй гражданских войн. Автор отмечает три этапа массовой эмиграции из Таджикистана. Первый этап – это примерно 20 лет после Октябрьской революции 1917 г. В эмиграцию уходили не только знатные люди, но и бедняки и середняки, что создавало в Таджикистане тревожную обстановку. Многие приграничные кишлаки и районы настолько обезлюдели, что в них оставалось по 3–5% населения. По данным историка - профессора К. Абдуллаева, в 1936 году число беженцев в Афганистан достигло 120 тысяч семей – примерно 600 тысяч человек. По всей

⁹ Эльфинстон, М. Общее сведение о народах Афганистана. Отчет о королевстве Кабул. Тегеран, 2000. Пер. С. Ибрагимовой. Душанбе, 2011.

вероятности, эти цифры приблизительные. Второй этап массового исхода граждан Таджикистана – это гражданская война 1992–1997 гг., в ходе которой погибло более 100 тысяч человек, а 600 тысяч покинули республику. Из Таджикистана уехали более 300 тысяч русскоязычных граждан – квалифицированных рабочих, ученых, инженеров, профессоров, врачей, учителей. Третий этап – это период массовой трудовой миграции, который мы наблюдаем сегодня [6].

В исследовании С. К. Олимовой и М. А. Олимова «Трудовая миграция в Афганистане» рассматриваются экономические и социокультурные аспекты трудовой миграции из Афганистана в Таджикистан в начале 2000-х гг.

Х. Умаров изучает особенности торговли и приграничной миграции в контексте экономического сотрудничества Таджикистана и Афганистана. В его исследовании подчеркивается, что после распада Советского Союза Афганистан стал одним из ключевых торгово-экономических партнеров Таджикистана, что обусловлено с отсутствием выхода к морю и изоляцией. Афганская и таджикская экономики дополняют друг друга, а использование новых методов управления торгово-экономическими отношениями может дать толчок развитию взаимовыгодных начинаний. К примеру, создание совместных таджикско-афганских компаний по поставкам сухофруктов из Афганистана в Казахстан и Россию, таджикских дынь в страны Южной Азии может способствовать быстрому росту производства в соответствующих отраслях [7].

Тенденции миграции из Афганистана в Таджикистан

Для новейшей истории Афганистана характерно несколько видов миграции. До 1980-х гг. экономическая миграция в Афганистане отмечалась преимущественно внутри страны и была представлена отходничеством, сезонной миграцией. Около 1,5 млн кочевников сезонно покидали территорию Афганистана и возвращались обратно караванной торговлей. Около 5 тыс. афганцев находились за пределами Афганистана, занимаясь торговлей и предпринимательской деятельностью.

С 1979 г. Афганистан охватили конфликт и военные действия, проявились масштабные волны вынужденной миграции, за пределы страны эмигрировали миллионы беженцев.

К середине 1990-х гг. многие афганские беженцы в различных странах приема адаптировались к новым условиям, нашли место на рынках труда, сформировали миграционные сети, институты адаптации и интеграции.

В 1993 г. Таджикистан стал первой страной в Центральной Азии, которая присоединилась к Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Протоколу, касающемуся статуса беженцев от 1967 г. С тех пор Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) совместно с Правительством Таджикистана работает над созданием надежной системы предоставления убежища и оказывает защиту и помощь беженцам¹⁰.

На протяжении 1990-х и начале 2000-х гг. поток афганских беженцев и лиц, ищущих убежище, в Таджикистан был значительным. Таджикистан, благодаря

¹⁰Таджикистан. // UNHCR Центральная Азия : [сайт]. URL: <https://www.unhcr.org/centralasia/tajikistan> (дата обращения: 13.10.2024).

своей протяженной границе с Афганистаном, а также этнокультурной и религиозной идентичности народов, населяющих обе страны, стал прибежищем для тысяч афганцев. Согласно данным Государственной миграционной службой Республики Таджикистан, в 2004 г. количество афганских беженцев в Таджикистане составляло около 2,6 тыс. человек. По другим данным, в Таджикистане могли находиться не менее 25 тыс. афганских беженцев. В начале 2005 г. правительством Канады при поддержке УВКБ ООН был инициирован процесс переселения афганских беженцев, проживающих на территории Республики Таджикистан, на постоянное место жительства в Канаду [8].

К декабрю 2020 г. численность беженцев и лиц, ищущих убежища, составляла около 6 тыс. человек. Таджикистан, будучи участником Конвенции 1951 года, сталкивается с относительно небольшим числом беженцев, которое по состоянию на 2021 г. оценивалось в 13 770 человек (рис. 1).

С тех пор, после возвращения и переселения некоторых беженцев, это число сократилось. По состоянию на 2022 г. в Таджикистане проживали 8 601 афганский беженец и 1 113 лиц, ищущих убежище. В 2023 г. в Таджикистане, по данным УВКБ ООН, таковых насчитывалось 8 469 человек, а в 2024 г. – 10 368 беженцев и лиц, ищущих убежище. В 2002–2024 гг. 4 726 афганцев отправились в Канаду через частные спонсорские программы¹¹.

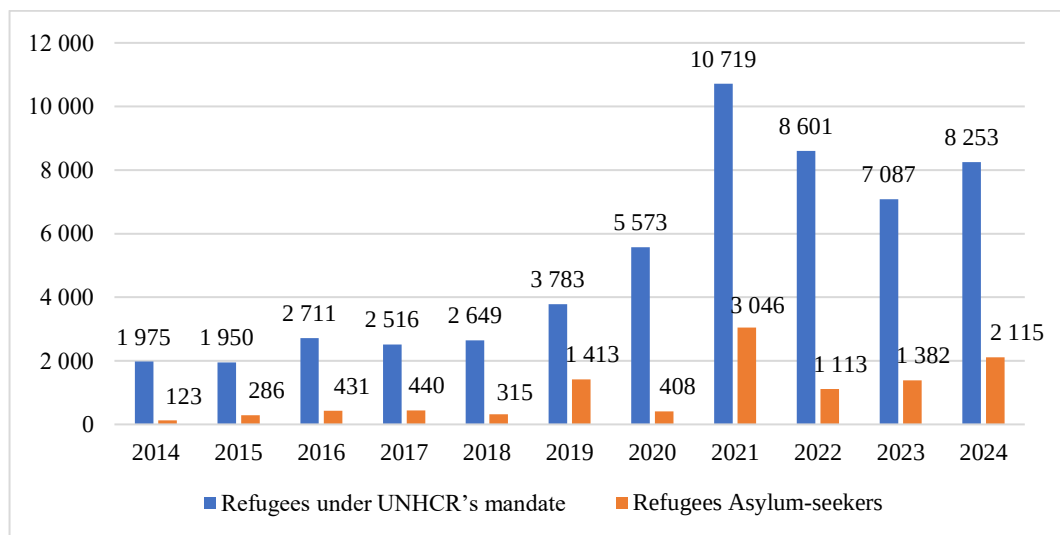

Рис. 1. Беженцы и лица, ищущие убежище, из Афганистана в Таджикистане (человек)

Fig. 1. Refugees and asylum seekers from Afghanistan in Tajikistan (people)

Источник: составлено автором по данным УВКБ ООН¹²

¹¹ Tajikistan // UNHCR, the UN Refugee Agency: [site]. URL: <https://reporting.unhcr.org/operational/operations/tajikistan> (accessed on 13.10.2024).

¹² Refugee Data Finder // UNHCR, the UN Refugee Agency : [site]. URL: https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download?data_finder (accessed on 13.10.2024).

Вопросы, связанные с беженцами в Таджикистане, включая определение статуса беженца, регулируются «Законом о беженцах». Беженцам предоставляются основные права, включая защиту, право на труд, доступ к здравоохранению и образованию¹³. Несмотря на положение об отсутствии наказания для просителей убежища за незаконное пересечение границы, пограничные власти по-прежнему применяют ограничительный подход к доступу на территорию государства, руководствуясь Уголовным кодексом, который предусматривает задержание и последующую депортацию за незаконное пересечение границы.

В условиях нестабильной политической обстановки в мире и роста числа нелегальных мигрантов, особенно граждан Исламской Республики Афганистан, Республика Таджикистан была вынуждена принять решительные меры по упрощению миграционных процессов внутри страны. С учетом международного опыта Правительство Таджикистана разработало и утвердило ряд нормативных правовых документов:

- постановление Правительства Республики Таджикистан от 26 июля 2000 г. №323 «О перечне государств, временное пребывание в которых до прибытия в Республику Таджикистан является основанием для отказа в регистрации ходатайства о признании иностранца беженцем и отказа в признании беженцем»;

- постановление Правительства Республики Таджикистан от 26 июля 2000 г. №324 «Об утверждении Положения об удостоверении беженца»;

- постановление Правительства Республики Таджикистан от 26 июля 2000 г. №325 «О перечне населенных пунктов Республики Таджикистан, временное пребывание в которых не разрешено лицам, ищущим убежища, и беженцам»;

- указ Президента Республики Таджикистан от 2 апреля 2001 г. №544 «Об усилении борьбы с незаконной миграцией в Республике Таджикистан»¹⁴.

Однако в 2021 г. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев сообщило о сокращении возможностей защиты в стране, поскольку органы, отвечающие за предоставление убежища, начали отказывать афганским беженцам в регистрации или выдаче документов. Это поставило афганцев, ищущих убежища в Таджикистане, в правовую неопределенность. Несмотря на установленную правовую базу, вопросы, связанные с иммиграцией, включая поиск убежища, все больше секьюритизируются, и политика «закрытых границ» становится политически предпочтительной. В июле 2021 г. власти Таджикистана приостановили выдачу видов на жительство вновь прибывшим афганцам, а это является обязательным условием для подачи заявления на получение убежища в стране. Возможность афганцев поселиться в Таджикистане еще больше сократилась с середины августа 2021 г., поскольку консульские представительства Республики Таджикистан в Афганистане получили неофициальные указания от правительства страны прекратить выдачу виз гражданам Афганистана. Кроме того, Комиссия, которая работает над

¹³ Tajikistan: Law No. 1124 of 2014 on Refugees // UNHCR, the UN Refugee Agency : [site]. URL: <https://www.refworld.org/> (accessed on 13.10.2024).

¹⁴ Стратегия регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года // Министерство юстиции Республики Таджикистан. Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан : [сайт]. URL: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=27655 (дата обращения: 13.10.2024).

определением статуса беженца, приостановила свою работу по рассмотрению заявлений о предоставлении убежища. Таким образом, все афганцы, которые не зарегистрировали свое место жительства до того, как произошли все эти изменения, не имеют доступа к процедурам предоставления убежища и подвергаются штрафам, возможному аресту и принудительному возвращению.

Таблица 1

**Половозрастная структура беженцев и лиц, ищущих убежище,
из Афганистана в Таджикистане**

Table 1

**Age and gender structure of refugees and asylum seekers from Afghanistan
in Tajikistan**

Пол/возраст	2022	2023
Женщины, всего	4 739	4 109
0–4	302	244
5–11	734	629
12–17	625	514
18–59	2 818	2 498
60+	260	224
Мужчины, всего	4 914	4 360
0–4	371	307
5–11	766	679
12–17	714	598
18–59	2 759	2 508
60+	304	268

Источник: составлено автором по данным УВКБ ООН¹⁵

Половозрастная структура беженцев и лиц, ищущих убежище в 2022 г. выглядит следующим образом: 51% – мужчины и 49% – женщины всех возрастов. Женщины и мужчины в возрасте 18–59 лет составили следующее соотношение: 2 818 женщин и 2 759 мужчин. В 2023 г. налицо была аналогичная картина: из 8 469 беженцев и лиц, ищущих убежище, 49% составили женщины и 51% мужчины (табл. 1).

Под воздействием пандемии COVID-19 социально-экономическая обстановка в Таджикистане ухудшалась, что негативно сказывалось на возможностях ведения бизнеса и обеспечения средств к существованию как для беженцев, так и для местного населения. Для вновь прибывших просителей убежища ситуация становилось особенно тяжелой, поскольку они лишены социально-экономических прав из-за отсутствия доступа к процедурам предоставления убежища. Правительство Таджикистана сталкивалось с дефицитом доходов для выполнения своих бюджетных обязательств, особенно в секторе социальных услуг. В связи с этим государственные программы по смягчению последствий экономического спада оказываются недостаточными. В таких условиях беженцы, просители убежища и другие уязвимые группы населения продолжают испытывать серьезные трудности и зависимость от

¹⁵ Refugee Data Finder // UNHCR, the UN Refugee Agency : [site]. URL: https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download?data_finder (accessed on 13.10.2024).

гуманитарной помощи, что увеличивает потребность в денежных интервенциях и других формах поддержки в рамках межведомственного реагирования¹⁶.

Таблица 2

**Численность эмигрантов из Афганистана в Таджикистане на середину года
в разбивке по полу, 1990–2020 гг.**

Table 2

**The number of emigrants from Afghanistan to Tajikistan at mid-year, by gender,
1990–2020**

Год	Общее количество эмигрантов (человек)	Мужчины		Женщины	
		Количество эмигрантов (человек)	Доля от общего количества (%)	Количество эмигрантов (человек)	Доля от общего количества (%)
1990	8 485	3 726	44%	4 759	56%
1995	12 248	5 517	45%	6 731	55%
2000	17 118	7 845	46%	9 273	54%
2005	12 636	5 687	45%	6 949	55%
2010	12 606	5 703	45%	6 903	55%
2015	12 393	5 550	45%	6 843	55%
2020	12 433	5 566	45%	6 867	55%

Источник: составлено автором по данным Департамента экономических и социальных вопросов ООН¹⁷

Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам, в частности Отдел народонаселения, публикует официальную статистику о численности международной миграции с периодичностью раз в пять лет (указанные данные относятся к 1 июля каждого года). Согласно этим данным, наибольшее количество эмигрантов приходилось на 2000 г., с численностью 17 тыс. человек, что вызвано гражданской войной в Афганистане 1996–2001 гг. (вооруженная борьба между сторонниками радикального исламского движения «Талибан» и отрядами моджахедов под названием «Северный альянс») (табл. 2).

В последние годы наблюдается увеличение потока трудовых мигрантов из Афганистана в Таджикистан, а также транзитная миграция афганцев через территорию Республики Таджикистан в страны Европы. В различные годы размер квоты, установленной для граждан Афганистана указами Президента Республики Таджикистан для таджикского рынка труда, варьировался от 300 до 600 человек. Согласно данным, Министерство юстиции Республики Таджикистан установило на 2023 г. общий размер квоты на иммиграцию и привлечение иностранной рабочей силы в страну на уровне 7 500 человек. В том числе 4 950 квот (68%) – для граждан Китая, а оставшаяся часть квот распределяется между гражданами следующих государств:

¹⁶ Afghanistan Situation. Regional Response Plan. 2021 Final Report // UNHCR, the UN Refugee Agency : [site]. URL: <https://reporting.unhcr.org/afghanistan-situation-2021-regional-refugee-response-plan-final-report> (accessed on 13.10.2024).

¹⁷ International Migrant Stock 2020 // United Nations Population Division : [site]. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (accessed on 13.10.2024).

Афганистана – 550, Ирана – 300, Турции – 200, Республики Узбекистан – 250, Российской Федерации – 230 (рис. 2)¹⁸.

В соответствии с Указом Президента Республики Таджикистан «Об установлении квоты на иммиграцию и привлечение иностранной рабочей силы в Республику Таджикистан на 2023 г.» и приложением к нему, определяющим квоты на иммиграцию и привлечение иностранной рабочей силы, для граждан Афганистана выделено 550 квот. Эти квоты распределены по регионам Таджикистана таким образом: 270 квот – для города Душанбе; 140 квот – для городов и районов республиканского подчинения; 30 квот – для Согдийской области; 80 квот – для Хатлонской области и 30 квот – для Горно-Бадахшанской автономной области.

В Таджикистане активно ведут деятельность афганские предприниматели, которые были вынуждены покинуть Афганистан в 2001 г. Они предпочли Таджикистан в качестве места своего нового проживания и ведения предпринимательской деятельности, поскольку этот регион характеризуется общностью языка, близостью к их исторической родине и единством культурных традиций.

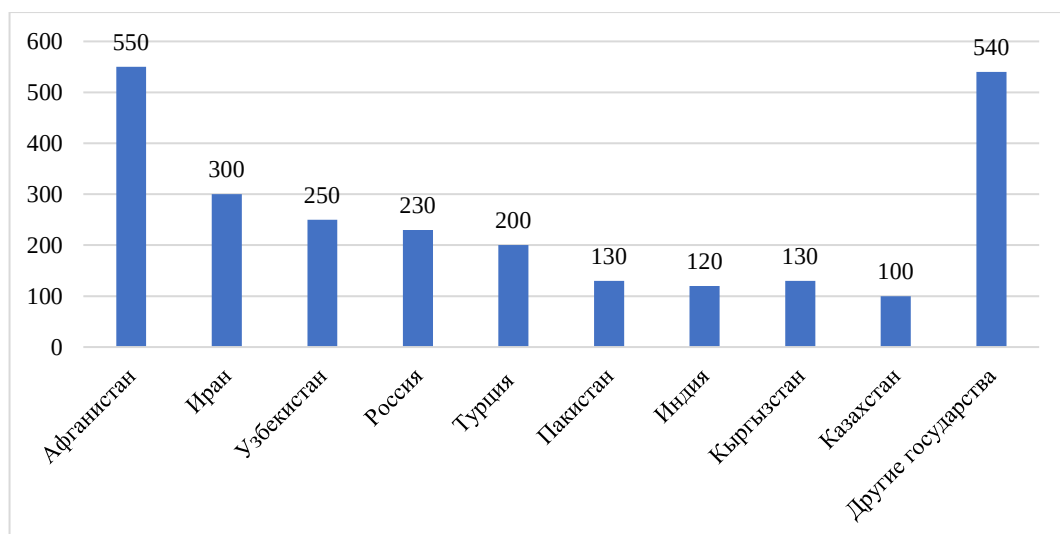

Рис. 2. Распределение по странам квоты на иммиграцию и привлечение иностранной рабочей силы в Таджикистан, 2023 г.

Fig. 2. Distribution of quotas for immigration and attraction of foreign labor to Tajikistan by country, 2023

Источник: данные Министерства юстиции Республики Таджикистан¹⁹

В частности, успешно функционирует строительная компания «Лола», возглавляемая афганским бизнесменом Н. Ахмади. Данная компания уже более десяти лет

¹⁸ Таджикистан сократил количество квот на привлечение иностранной рабочей силы до 6,5 тысяч // Новости Таджикистана ASIA-Plus : [сайт]. 28.03.2024. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic> (дата обращения: 13.10.2024).

¹⁹ Указ Президента Республики Таджикистан «Об установлении квоты иммиграции и привлечения иностранной рабочей силы в Республику Таджикистан на 2023 г.» // Министерство юстиции Республики Таджикистан : [сайт]. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonun-hoview.php?showdetail=&asosi_id=27352 (дата обращения: 13.10.2024).

успешно реализует проекты по строительству высотных зданий на территории Таджикистана. Также афганские бизнесмены в Таджикистане открыли компании в сфере торговли, ресторанного бизнеса, швейной промышленности. Например, в апреле 2013 г. С. Амин, этнический афганец, гражданин США, открыл в Душанбе ресторана “Marco Polo”²⁰.

Предприниматели из Афганистана, осуществляющие свою деятельность на территории Таджикистана, играют значимую роль в формировании и развитии экономических связей между двумя странами. Вследствие политических преобразований, произошедших в Афганистане, многие афганские бизнесмены обратили внимание на соседние государства, включая Таджикистан, в поисках новых возможностей для ведения предпринимательской деятельности.

Причины миграции и предпринимательской деятельности:

1. Экономическая нестабильность: политические и экономические изменения в Афганистане вынуждают многих предпринимателей искать более устойчивые условия для ведения бизнеса.

2. Близость и культурные связи: Таджикистан имеет общую историю и культурные связи с Афганистаном, что облегчает процесс интеграции афганских предпринимателей.

3. Рынок сбыта: Таджикистан предлагает новые возможности для торговли, особенно в таких секторах, как сельское хозяйство, текстильная промышленность, производство строительных материалов и предоставление услуг.

Роль этой категории мигрантов в социально-экономическом развитии Республики Таджикистан имеет существенное значение. Во-первых, афганские предприниматели могут способствовать созданию новых рабочих мест в Таджикистане, что будет стимулировать экономический рост. Во-вторых, они могут установить торговые связи между двумя странами, что будет способствовать обмену товарами и услугами. И в-третьих, афганские предприниматели могут инвестировать в местные проекты, что поможет развивать инфраструктуру и улучшать экономическую ситуацию.

В целом афганские предприниматели в Таджикистане могут оказать значительное влияние на экономику страны, но для успешного интегрирования им предстоит преодолеть ряд вызовов, среди которых могут быть юридические барьеры и конкуренция.

Коммерческая миграция населения на таджикско-афганской границе

Основной причиной миграции населения является экономическая. Экономическая миграция представлена несколькими видами: трудовая, инвестиционная, коммерческая. Под коммерческой миграцией следует понимать территориальное перемещение населения в определенном регионе или стране с целью получения выгоды за счет коммерческой деятельности, основанной на различиях в уровне цен на определенную группу товаров [9].

²⁰ Афганский бизнесмен: открывать бизнес в Таджикистане значительно легче, чем в США // Диалог. Таджикистан и мир: [сайт]. 27.07.2022. URL: <https://www.dialog.tj/news/afganskij-biznesmen-otkryvat-biznes-v-tadzhikistane-znachitelno-legche-chem-v-ssha> (дата обращения: 13.10.2024).

Таджикистан стремится к преодолению транспортных и коммуникационных барьеров. Наиболее короткий путь из Таджикистана к важнейшим портам Индийского океана и Персидского залива географически пролегает через территорию Афганистана. Учитывая протяженность государственных границ, Таджикистан может быть рассмотрен как один из ключевых транзитных коридоров в регионе. Обе страны осознают необходимость строительства мостов, дорог и инфраструктуры на реке Пяндж, которая служит естественной границей между двумя государствами. С 2005 г. по инициативе правительств двух стран, при поддержке Фонда Ага Хана по развитию в приграничной зоне между Таджикистаном и Афганистаном были возведены семь мостов.

Мост в Шугнанском районе на реке Пяндж построен и восстановлен Фондом Ага Хана по развитию для обеспечения коммуникации между Горно-Бадахшанской автономной областью Таджикистана и Бадахшаном Афганистана. Это предоставило населению по обе стороны таджикско-афганской границы получить доступ к расширенному рынку, увеличив деловой потенциал и стимулируя рост доходов домохозяйств в приграничье. Также улучшилось качество медицинского обслуживания в общине Бадахшан Афганистана, поскольку таджикские медицинские специалисты смогли работать в афганских медицинских центрах²¹.

Коммерческая миграция между двумя государствами началась в период социально-экономических трудностей, вызванных гражданской войной в Таджикистане и политическими беспорядками в Афганистане. В последующем были открыты приграничные рынки на границе Афганистана и Таджикистана, играющие жизненно важную роль в жизнеобеспечении приграничных районов обеих стран. В 2005 г. открыты приграничные рынки «Ишкашим» в Ишкашимском районе, «Тем» в г. Хороге и «Рузвай» в Дарвазском районе.

Проведенное исследование позволило выявить то, что многие покупатели из соседнего Афганистана стремятся «закупиться» на приграничном рынке, поскольку слабо развитая транспортная инфраструктура в приграничных районах ограничивает доступность в крупные населенные пункты. Кроме того, приграничный рынок является единственной возможностью для заработка в этом районе. Однако рынок не открывается, если ситуация на афганской стороне неспокойна. Рынок контролируется пограничниками обоих государств. Афганцы получают специальный пропуск, который позволяет им попасть со своими товарами в Таджикистан и торговать на рынке. Афганские торговцы проходят пограничный, таможенный и антинаркотический контроль. Они закупают фрукты и овощи, текстиль, украшения, сурьму, кухонную утварь (казаны), импортные лекарства и продают их на своей территории. У входа на рынок расположен пункт обмена афганских афгани на таджикские сомони. Афганский язык практически неотличим от таджикского, что позволяет всем участникам торговли легко понимать друг друга. Ежедневно на рынке Тем в торговле участвуют от 600 до 800 человек, на рынке Ишкашим – от 800 до 1 000, на рынке Рузвай – более 500 человек из обеих стран [10].

²¹ Мосты между Афганистаном и Таджикистаном. Налаживание связей между сообществами // Aga Khan Development Network : [сайт]. URL: <https://the.akdn.ru/pecypсы-и-сми/новости/в-фокусе/мосты-между-афганистаном-и-таджикистаном> (дата обращения: 13.10.2024).

В приграничье на территории Таджикистана функционируют три приграничных рынка: в Хороге, Дарвазе и Ишкашме. Каждую субботу афганцы приезжают на эти рынки с целью приобретения товаров первой необходимости. В ходе полевого исследования в приграничном рынке Хорога выяснилось, что афганцам удобнее и дешевле дожидаться субботы и купить продукты на приграничном рынке в Таджикистане, чем отправиться в районный центр своей области. Это объясняется тем, что приграничные территории зачастую представляют собой горные местности, не обладающие должной инфраструктурой. Вследствие чего жителям таких районов крайне затруднительно добраться до районного центра.

В связи с политической напряженностью в Афганистане в 2021 г. приграничные рынки были закрыты под предлогом обеспечения безопасности. Афганцы из приграничных районов обратились к властям Афганистана и Таджикистана с просьбой о возобновлении работы рынков, поскольку столкнулись с серьезными трудностями в доступе к продовольственным товарам. 2 сентября 2023 г. Таджикистан и Афганистан возобновили работу приграничных рынков. Как сообщает пресс-служба администрации ГБАО, по поручению Президента Республики Таджикистан рынок был открыт в Хороге возле таджикско-афганского моста. Возобновление деятельности приграничных рынков способствовало расширению торгового сотрудничества между двумя странами и созданию новых рабочих мест²².

Коммерческая миграция способствует решению ряда социально-экономических проблем приграничья: обеспечения потребительскими товарами, не востребованными в «большой» торговле; содействию в социально-экономическом развитии отдаленных районов страны через предоставление им права самостоятельно распоряжаться своими валютными поступлениями; в создании рабочих мест и обеспечении доходов; развитии и укреплении дружественных связей с приграничными районами Таджикистана и Афганистана.

Для повышения вклада коммерческой миграции в развитие приграничных районов Таджикистана необходимо активно развивать приграничную торговлю, для чего следует регулярно организовывать выставки и приграничные ярмарки, чтобы предприниматели двух стран могли торговать и вести переговоры, находя торговых партнеров.

Целесообразным представляется увеличивать количество рынков и количество дней постоянной работы этих рынков, поскольку в настоящее время они функционируют лишь один раз в неделю. Увеличение рабочих дней позволит привлечь больше населения к работе на рынках и будет способствовать социально-экономическому развитию приграничных районов.

Заключение

Таджикистан активно взаимодействует с Афганистаном, в том числе в таких сферах как торговля, экономическое сотрудничество, миграция, обеспечение безопасности, стабильности и содействие интеграции в регионе.

²² Мясо – по 40, сахар и рис – по 5 сомони: вновь открылись приграничные рынки на таджикско-афганской границе // Бомдод : [сайт]. 02.09.2023. URL: <https://bomdodrus.com/2023/09/02/mjaso-po-40-sahar-i-ris-po-5-somoni-vnov-otkrylis-prigranichnye-rynke-na-tadzhiksko-afganskoi-granice-10-foto/> (дата обращения: 13.10.2024).

В таком контексте программы и проекты государства и международных организаций, направленные на развитие и укрепление приграничных отношений между Таджикистаном и Афганистаном в области приграничной торговли и обеспечения безопасности, имеют важное значение для населения приграничья. Для углубления взаимовыгодного приграничного сотрудничества через реку Пяндж, разделяющую Таджикистан и Афганистан, были сооружены мосты, соединяющие обе страны.

Это способствовало развитию коммерческой миграции между Таджикистаном и Афганистаном. Коммерческая миграция играет ключевую роль в обеспечении жизнедеятельности общин и способствует развитию приграничных регионов, укрепляя дружественные отношения между государствами. Она является эффективным инструментом в борьбе с бедностью, создает новые рабочие места и обеспечивает доходы населения в приграничных районах.

Для удаленных районов приграничные рынки играют значимую роль в жизни населения, они жизненно необходимы для обеспечения населения северного региона Афганистана, особенно жителей провинции Бадахшан, потребительскими товарами первой необходимости. Было выявлено, что для многих домохозяйств приграничные рынки являются единственным источником дохода.

Важно отметить, что прибывающие в Таджикистан беженцы имеют много общего с местным населением в таких аспектах, как религия, культура, традиции и язык, что способствует их успешной интеграции в таджикское общество. Афганские беженцы в основном прибывают из Кабула, Гельманда, Кандагара, Бадахшана и других северных регионов Афганистана, граничащих с Таджикистаном. Большинство беженцев из центральных и северных провинций Афганистана являются этническими таджиками. Предоставление статуса беженца в Таджикистане носит ограниченный характер, поскольку государство не в состоянии принять на себя социальные обязательства и обеспечить беженцев жильем, работой и пособиями.

Таким образом, граница не только ограничивает и регулирует перемещение людей и товаров, но и стимулирует контакты между населением в таджикско-афганском приграничье, способствуя социально-экономическому прогрессу приграничных территорий и их сообществ.

Список литературы

1. Сафолзода, М. К. Афганистан во внешней политике Республики Таджикистан во второй половине 1915 – первой половине 2016 года / М. К. Сафолзода, К. М. Сафолов // Вестник Педагогического университета. 2022. № 2 (97). С. 294–299. EDN [TCQJOA](#).
2. Зайончковская, Ж. А. Трудовая миграция в странах СНГ: средство адаптации к экономическому кризису и источник новых вызовов. Главные итоги межстрановых исследований // Populatia Republicii Moldova in contextul migratiilor internationale, Iași, 9–10 noiembrie 2005. Vol. 2. Iași : UNESCO, USM, 2005. Pp. 277–288. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/277-288.pdf.
3. Рязанцев, С. В. Миграционная подвижность экономически активного населения российской провинции в контексте формирования новых жизненных стратегий // Экономическая социология. 2002. № 3. С. 130–131. EDN [OYUWYF](#).
4. Саидов, Х. С. М. Эльфинстон и некоторые проблемы истории таджиков Афганистана // Исторический формат. 2015. № 2 (2). С. 117–124. EDN [TUWOYZ](#).
5. Абдуллаев, К. Н. От Синьцзяня до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе : Ирфон, 2009. 571 С. EDN [KYFZNX](#). ISBN 978-99947-55-55-4.

6. Ульмасов, Р. Таджикиская миграция: история, последствия и уроки // Россия и мусульманский мир. 2012. № 5. С. 79–84. EDN [OXICPH](#).
7. Umarov, Kh. Trade and Economic Relations between the Republic of Tajikistan and the Islamic Republic of Afghanistan. Bishkek : Institute of Public Policy and Administration. University of Central Asia, 2013. Working paper № 13. 28 p.
8. Олимова, С. Трудовая миграция в Афганистане / С. Олимова, М. Олимов. Москва : Институт этнологии и антропологии РАН, 2005. Документ № 182. 36 с. EDN [SMCWEL](#).
9. Пухова, М. М. Теоретические основы миграции / М. М. Пухова, И. П. Дорошина, И. Г. Ходжаева // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2014. №1–2. С. 27–30. EDN [SDJKYZ](#).
10. Рязанцев, С. В. Таджикиско-афганское приграничье как зона социально-экономического и этнокультурного контакта / С. В. Рязанцев, Ф. М. Гарибова // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24, № 3. С. 156–167. EDN [FBJXTX](#). DOI [10.37178/ca-c.21.03.12](#).

Сведения об авторе

Гарибова Фарзона Майбалиевна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: farzona.garibova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6041-8204](#); РИНЦ SPIN-код: [2301-2260](#); Scopus Author ID: [57209849301](#).

Статья поступила в редакцию 28.09.2024; принята в печать 01.12.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

AFGHAN MIGRATION TO TAJIKISTAN: TRENDS AND CONSEQUENCES

Farzona M. Garibova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: farzona.garibova@mail.ru

For citation: Garibova, Farzona M. Migration Processes Between Tajikistan and Afghanistan: History and Present. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 226–241. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.14](#).

Abstract. The purpose of the study is to identify trends in modern migration from Afghanistan to Tajikistan. The study included a content analysis of scientific papers by Tajik, Russian and foreign scientists. Analytical reports and annual reports of international organizations and the Republic of Tajikistan were analyzed, and the results of observations conducted by the author were used. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: to identify the current trends in Afghan migration. The scientific significance of the study lies in the analysis of international migration from Afghanistan to Tajikistan and its impact on the socio-economic development of both countries, especially the border areas. The practical significance of the study lies in the fact that the obtained research results can be used in the future as a basis for analytical and project activities in developing a strategy for Tajik-Afghan cooperation, in particular in the field of population migration. The analysis of the problem under study showed that there are all the prerequisites for migration of the population of Tajikistan and Afghanistan. Commercial migration plays a significant role in the life of the population of the border areas of both countries. It was revealed that for many households, border markets occupy a key place for earning money and improving their well-being. Afghan refugees generally successfully adapt to Tajik society, however, due to the limited number of jobs in the labor market, like many citizens of Tajikistan, refugees face problems finding work and permanent employment. In view of the recent political events in Afghanistan, there is a limitation of migration data for research.

Keywords: population migration, commercial migration, refugees, Afghanistan, Tajikistan

References

1. Safolzoda, M. K. Afghanistan in the Foreign Policy of the Republic of Tajikistan in the Second Half of 1915 – the First Half of 2016 / M. K. Safolzoda, K. M. Safolov. *Herald of the Pedagogical University*. 2022. No. 2 (97). Pp. 294–299. (In Russ.).
2. Zayonchkovskaya, Zh. Trudovaya migratsiya v stranakh SNG: sredstvo adaptatsii k ekonomich-eskomu krizisu i istochnik novykh vyzovov. Glavnyye itogi mezhsranovykh issledovaniy [Labor Migration in the CIS Countries: A Means of Adaptation to the Economic Crisis and a Source of New Challenges. Key Findings from Cross-Country Research]. In *Populatia Republicii Moldova in contextul migratiilor internationale*, Iași, 9–10 noiembrie 2005. Vol. 2. Iași: UNESCO, USM, 2005. Pp. 277–288. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/277-288.pdf.
3. Ryazantsev, S. V. Migratsionnaya podvizhnost' ekonomicheski aktivnogo naseleniya rossiyskoy provintsii v kontekste formirovaniya novykh zhiznennykh strategiy [Migration mobility of the economically active population of the Russian province in the context of the formation of new life strategies]. *Economic sociology*. 2002. No. 3. P. 130–131. (In Russ.).
4. Saidov, H. S. Mountstuart Elphinstone and Some Problems of Afghan Tajik History. *Historical format*. 2015. No. 2 (2). P. 117–124. (In Russ.).
5. Abdullaev, K. N. *Ot Sin'tszyana do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoy emigratsii XX veka [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration of the twentieth century]*. Dushanbe: Ifron Publ., 2009. 572 p. (In Russ.).
6. Ulmasov, R. Tadzhihsкая migratsiya: istoriya, posledstviya i uroki [Tajik migration: history, consequences and lessons]. *Rossiya i musul'manskiy mir [Russia and the Muslim world]*. 2012. No. 5. P. 79–84. (In Russ.).
7. Umarov, Kh. *Trade and Economic Relations between the Republic of Tajikistan and the Islamic Republic of Afghanistan*. Bishkek: Institute of Public Policy and Administration. University of Central Asia, 2013. Working paper No. 13. 28 p.
8. Olimova, S. *Labor migration in Afghanistan* / S. Olimova, M. Olimov. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, 2005. Document No. 182. 36 p. (In Russ.).
9. Pukhova, M. M. Theoretical Bases of Migration / M. M. Pukhova, I. P. Doroshina, I. G. Khodjaeva. *Innovative Economics: Information, Analytics, Forecasts*. 2014. No. 1–2. Pp. 27–30. (In Russ.).
10. Ryazantsev, S. V. Tajik-Afghan Border Areas as a Socio-Economic and Ethnocultural Contact Zone / S. V. Ryazantsev, F. M. Garibova. *Central Asia and the Caucasus*. 2021. Vol. 24, No. 3. Pp. 156–167. DOI [10.37178/ca-c.21.03.12](https://doi.org/10.37178/ca-c.21.03.12). (In Russ.).

Bio note

Farzona M. Garibova, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: farzona.garibova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6041-8204](https://orcid.org/0000-0001-6041-8204); RSCI SPIN-code: [2301-2260](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57209849301); Scopus Author ID: [57209849301](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57209849301).

Received on 28.09.2024; accepted for publication on 01.12.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.15](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.15)EDN [YJJWIB](https://www.edn.ru/YJJWIB)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФРГ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Надеждин А. Е.

МИД России, Москва, Россия

E-mail: 3039210@mail.ru

Для цитирования: Надеждин, А. Е. Миграционные процессы в ФРГ: особенности и перспективы // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 242–259. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.15](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.15). EDN [YJJWIB](https://www.edn.ru/YJJWIB).

Аннотация. В статье исследуются актуальные миграционные процессы в Германии. Страна продолжает выступать точкой притяжения, как иностранных трудовых ресурсов, так и потенциальных беженцев из кризисных регионов. Увеличение масштабов неупорядоченной миграции, с которым сталкивается ФРГ, стимулирует появление новых рисков безопасности государства и граждан. Сложившаяся ситуация требует от правящих элит оперативной адаптации механизмов управления к меняющимся реалиям. Помимо решений, связанных с усовершенствованием национальных подходов к миграционному треку, востребованным направлением выступает международное и межрегиональное взаимодействие Берлина со странами-членами Евросоюза по линии правоохранительных органов и пограничных служб, которое направлено на пресечение деятельности трансграничной преступности и связанной с ней нелегальной миграции. Германский опыт в данной сфере, как представляется, может быть изучен аналогичными структурами других государств. Отдельное внимание в публикации уделяется исследованию трансформаций политического ландшафта под воздействием комплекса внутренних и внешних социально-экономических факторов, включая миграционные процессы. Результаты региональных избирательных кампаний 2023 г. и в особенности осени 2024 г. свидетельствуют о расширении электоральной поддержки внесистемных политических сил на фоне продолжающегося снижения уровня доверия населения к действующему руководству страны и углублении кризиса «традиционных партий». Основным бенефициаром выступает партия «Альтернатива для Германии», успехи которой не носят локальный и случайный характер, а свидетельствуют о востребованности ее программных установок у электората. Автором сделана попытка определить возможные варианты развития внутриполитической ситуации в государстве с учетом миграционного фактора, в т. ч. в контексте выборов в парламент в 2025 г.

Ключевые слова: миграционные процессы, криминализация общества, электоральные кампании, «Альтернатива для Германии», «традиционные партии», центральный реестр иностранных граждан, межрегиональное сотрудничество

Введение

Миграционные процессы выступают неотъемлемой частью глобализации и комплексно воздействуют на функционирование стран исхода и приема, включая экономико-политические и социокультурные аспекты. Европейский континент продолжает испытывать усиление внешнего миграционного давления, особенно в контексте нелегальных трансграничных перемещений. По данным Агентства Евросоюза по безопасности внешних границ «Фронтекс», за первые семь месяцев 2024 г. зафиксированы 113 400 попыток незаконного пересечения границ Евросоюза¹. Центрально-средиземноморский и западно-балканский маршруты выступают ключевыми направлениями следования «нелегалов» из кризисных

¹ EU external borders: Irregular border crossings fall nearly 40% this year // Frontex : [site]. 13.08.2024. URL: <https://www.frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/eu-external-borders-irregular-border-crossings-fall-nearly-40-this-year-ZXxJDJ> (accessed on 11.09.2024).

регионов. Основной «костяк» традиционно составляют выходцы из Сирии, Афганистана, Бангладеш, Мали и Египта.

Не обходят стороной трансграничные миграционные перемещения и Германию – одно из ведущих и привлекательных в социально-экономическом отношении европейских государств. Она находится в центре миграционных процессов высокой интенсивности и структурной неоднородности [1]. Так, в плане перспективности для иностранцев заниматься высокооплачиваемой трудовой деятельностью страна находится на одной из лидирующих позиций в западном мире. С другой стороны, положения нормативно-правовой базы и курс федерального правительства на оказание многосторонней помощи беженцам стимулируют внешнюю миграцию, в первую очередь из кризисных регионов Ближнего Востока и Северной Африки. Серьезным вызовом является массовое прибытие в Германию выходцев из Украины. Текущая ситуация на миграционном треке в комплексе с отрицательным воздействием санкционных рестрикций, последствиями пандемии COVID-19, инфляционными и геополитическими рисками выступает дополнительным раздражителем для населения, что находит отражение в поэтапных трансформациях политического ландшафта государства.

Источники информации и методы исследования

Эмпирической базой исследования выступили официальные данные госучреждений ФРГ, результаты опросов общественного мнения, статьи в научных сборниках исследовательских центров и НПО, аутентичные материалы немецких СМИ, что позволило оценить текущее состояние и определить перспективы развития миграционных процессов. Что касается методов, которые применялись при подготовке статьи, то необходимо отметить ситуационный анализ для исследования результатов опросов общественного мнения и данных электоральных кампаний. Аналитический метод позволил на основе результатов выборов в региональные парламенты федеральных земель, состоявшиеся в сентябре 2024 г., попытаться спрогнозировать варианты развития внутриполитической ситуации с учетом миграционного фактора, в т. ч. в контексте запланированных на осень 2025 г. выборов в парламент страны.

Миграционная проблематика и связанные с ней вызовы и риски как для государства-реципиента, так и стран исхода, не являются отдельным направлением отечественной германистики. По сути, они выступают одним из элементов всего спектра общеевропейских исследований или в отдельных случаях анализируются в контексте комплексного изучения рынка труда, вопросов демографии или национальной безопасности, внутриполитической повестки дня современной Германии. Вместе с тем среди публикаций ученых-германистов, которые представляют значительный научно-практический интерес, необходимо особо отметить работы В. Б. Белова [2], И. Ф. Максимычева [3], Н. В. Павлова [4], А. А. Синдеева [5].

Германия и современные миграционные процессы

Как следует из положений Коалиционного соглашения 2021 г., легальная миграция способствует решению демографических проблем и сокращению дефицита кадров. Для сохранения темпов экономического роста требуется ежегодно

привлекать до 400 тыс. новых кадров². Максимальный дефицит работников наблюдается среди социальных педагогов, воспитателей дошкольных учреждений, соцработников, специалистов ручного труда (электрики, сантехники, слесари-ремонтники холодильного оборудования, механики по обслуживанию сантехнического оборудования и транспортных средств), информатиков, физиотерапевтов. По оценкам руководителя Федерального агентства по труду А. Налес, в 2023 г. 5,3 млн иностранцев работали на территории ФРГ, от услуг которых на данном этапе невозможно отказаться. При этом более 700 тыс. вакансий остаются незакрытыми³. Среди иностранцев из стран ЕС на территории Германии больше всего работает выходцев из Польши (400 тыс.), Румынии (310 тыс.), Италии (250 тыс.), Хорватии (163 тыс.). Среди работников из государств, не входящих в Евросоюз, лидируют турки и представители стран Балканского полуострова. Фиксируется прирост выходцев из Индии и Украины⁴. По мнению российского специалиста М. Б. Кондратьева, другим фактором в поддержку миграции в Германию является потребность в поддержании стабильной численности населения страны, обусловленной как снижением уровня рождаемости у коренных немцев, так и увеличением коэффициента демографической нагрузки на фоне повышения ожидаемой продолжительности жизни [6, с. 2].

В практическом плане правительство использует различные инструменты для привлечения квалифицированной рабочей силы на немецкий рынок труда. Так, в рамках обновления нормативно-правовой базы одобрен «Закон об иммиграции квалифицированных специалистов», который упрощает возможности въезда для осуществления трудовой деятельности гражданами стран, не входящих в ЕС. В рамках его реализации расширены опции трудоустройства при использовании т. н. «голубой карты Евросоюза»: снижены пороговые значения заработной платы для получения подобного документа, расширен перечень дефицитных специальностей и, соответственно, увеличен круг потенциальных претендентов, упрощена процедура воссоединения семьи для данной категории граждан. Появляются дополнительные возможности для трудоустройства студентов из третьих государств параллельно к процессу обучения в ВУЗе и варианты пребывания в стране для подбора места профессионального обучения. В 2024 г. вступила в силу т. н. «карта возможностей» (нем. «Chancenkarte»), на получение которой претендует любой иностранец, подтвердивший полную эквивалентность полученной в стране происхождения квалификации или обладающий соответствующими компетенциями. По своим характеристикам механизм напоминает «канадскую модель», в которой каждое умение оценивается определенным количеством баллов, в т. ч. знание немецкого языка, высшее образование, опыт трудовой деятельности, возраст и т. д. Данный документ действует максимально год при наличии у соискателя

² Koalitionsvertrag 2021 // Mehr Fortschritt wagen : [site]. URL: https://www.fdp.de/sites/default/files/2021-11/Koalitionsvertrag%202021-2025_0.pdf (accessed on 31.08.2024).

³ Nahles: Arbeitsmarkt kann sich “Remigration” nicht leisten // SWR : [site]. 09.02.2024. URL: <https://www.swr.de/swraktuell/radio/kann-deutschland-willkommenskultur-frau-nahles-100.html> (accessed on 29.07.2024).

⁴ Indische Arbeitskräfte im Fokus: Deutschland öffnet die Türen für Fachkräfte // Deutschland Wirtschafts Nachrichten : [site]. 03.05.2024. URL: <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/708655/indische-arbeitskraefte-im-fokus-deutschland-oeffnet-die-tueren-fuer-fachkraefte> (accessed on 05.09.2024).

достаточных средств к существованию, в период прохождения квалификационных мероприятий ему разрешается заниматься пробной трудовой деятельностью или работать по совместительству не более 20 часов еженедельно. Отдельные нововведения затрагивают востребованную группу трудящихся – квалифицированных специалистов по оказанию социальной и медицинской помощи. Отдельные послабления по упрощению выхода на рынок труда направлены на мигрантов из государств Балканского полуострова (т. н. «западнобалканский регламент»)⁵. Что касается промежуточных результатов перечисленных нововведений, то по информации МИД ФРГ, в период с ноября 2023 г. до начала октября 2024 г. было выдано 74 тыс. немецких виз для иностранных граждан в рамках реализации «карты возможностей» (планируется ежегодно выдавать не менее 120 тыс. подобных разрешений на въезд). В 2023 г. вынесено положительное заключение о полном признании 65 300 дипломов о высшем образовании, полученных в зарубежных ВУЗах (в 2022 г. – 52 300). Важнейшими профессиями считаются медицинские специальности, инженеры, учителя, воспитатели, физиотерапевты⁶.

Наряду с заинтересованностью иностранцев выйти на немецкий рынок труда усиливается тренд на получение политического убежища выходцами из кризисных регионов, в первую очередь из стран Ближнего Востока и Северной Африки. По сведениям Федерального ведомства по делам миграции и беженцев (далее – BAMF), в 2023 г. поступило 351 915 подобных ходатайств, порядка 3,4 млн иностранцев находились в Германии в поисках защиты. Основными странами происхождения являются Сирия, Турция, Афганистан, Ирак, Иран, Грузия. Наряду с трудностями в плане размещения и распределения прибывших расходы на их содержание становятся значительной финансовой нагрузкой на федеральный бюджет (финансирование жилья и интеграционных курсов, медобслуживание, искоренение первопричин нелегальной миграции, в т. ч. экономическая поддержка государств, которые выступают потенциальными миграционными донорами)⁷. Необходимо уточнить, что актуальная миграционная статистика не учитывает беженцев из Украины, поскольку их прием реализуется в соответствии с принятой в 2022 г. директивой ЕС, которая освобождает их от подачи документов для получения убежища. По данным на май 2024 г., количество прибывших составило 1 115 тыс.⁸ (рис. 1).

⁵ Neue Wege zur Fachkräftegewinnung // Die Bundesregierung: [site]. 03.06.2024. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/fachkraefteeinwanderungsgesetz-2182168> (accessed on 25.09.2024).

⁶ Mehr ausländische Berufsabschlüsse anerkannt // MiGAZIN: [site]. 12.09.2024. URL: <https://www.migazin.de/2024/09/12/rekordhoch-mehr-auslaendische-berufsabschluesse-anerkannt/> (accessed on 05.09.2024).

⁷ Höhe der Kosten des Bundes in Deutschland für Flüchtlinge und Asyl von 2022 bis 2027 // Statista: [site]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/665598/umfrage/kosten-des-bundes-in-deutschland-durch-die-fluechtlingskrise/> (accessed on 07.09.2024).

⁸ Asylgeschäftsstatistik Gesamtjahr und Dezember 2023 // Bundesamt für Migration und Flüchtlinge: [site]. 08.01.2024. URL: <https://www.bamf.de/SharedDocs/Meldungen/DE/2024/240108-asylgeschaeftsstatistik-dezember-und-gesamtjahr-2023.html?nn=284830> (accessed on 12.09.2024).

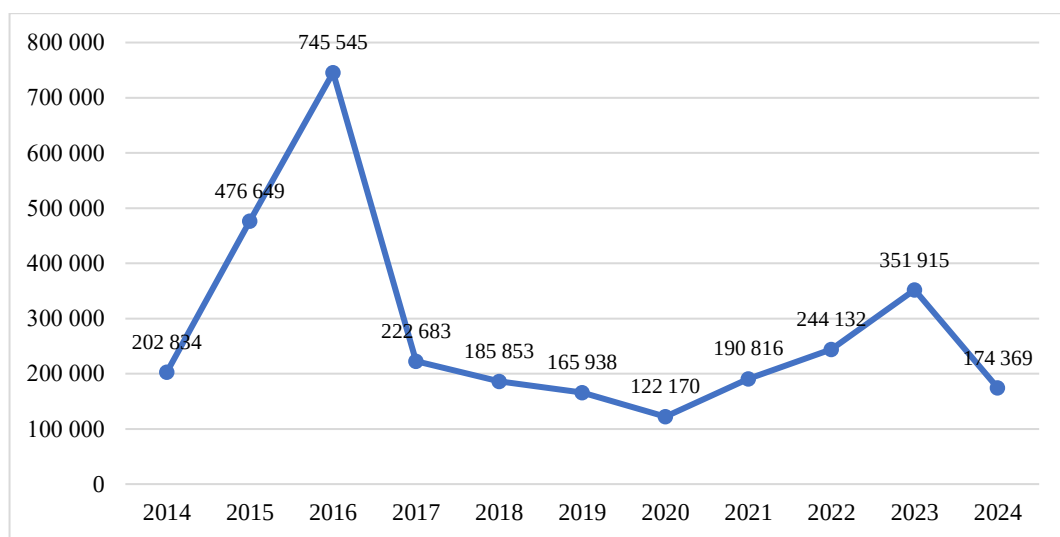

Рис. 1. Динамика поданных ходатайств на получение статуса беженца в Германии, 2014–2024 гг.

Fig. 1. The dynamics of applications for refugee status in Germany, 2014–2024.

Источник: составлено автором на основе данных сайта Statista⁹

Из графика следует, что максимальное миграционное давление ФРГ испытала в период разгара европейского кризиса 2015–2016 гг., когда на фоне обострения ситуации в БВСА и принятого А. Меркель решения открыть границы для всех желающих в рамках т. н. «гуманитарного императива»¹⁰ в страну, по официальным данным, прибыло более 1,2 млн беженцев. Как справедливо отмечает известный российский германист В. И. Васильев, последующее упорядочение ситуации 2017–2021 гг. связано как с решениями руководства страны на внутри- (ужесточение нормативно-правовой базы, усовершенствование интеграционных механизмов), так и на внешнеполитическом треках (активизация взаимодействия по линии Евросоюза и оказание финансовой поддержки государствам исхода миграции) [7]. Другим фактором является пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничения на трансграничные передвижения. В настоящий момент на фоне эскалации напряженности в странах Африки, Ближнего Востока и усиливающегося социально-экономического расслоения между странами Глобального Севера и Юга фиксируется увеличение численности иностранцев, которые хотели бы получить убежище в Германии.

Если позитивные аспекты упорядоченной миграции представляются очевидными (ликвидация дефицита трудовых ресурсов и демографических проблем, межкультурное взаимодействие, социальная интеграция), то неупорядоченные

⁹ Anzahl der Asylanträge in Deutschland von 2014 bis 2024 // Statista : [site]. URL: <https://de-statista.com/statistik/daten/studie/76095/umfrage/asylantraege-insgesamt-in-deutschland-seit-1995/> (accessed on 08.09.2024).

¹⁰ Профилактика, партнерство, помощь. Во всем мире люди нуждаются в гуманитарной помощи. Как помогает Германия и как реагирует на новые вызовы // Deutschland.de : [сайт]. 21.06.2019. URL: <https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/strategiya-germanii-po-okazaniyu-gumanitarnoy-pomoschi-vo-vsem-mire> (дата обращения: 30.07.2024).

перемещения генерируют различные вызовы для общества-реципиента и безопасности государства в целом (обострение конкуренции на рынке труда, стимулирование теневой экономики, недовольство коренного населения и социальная напряженность). По данным Федеральной криминальной полиции, среди правонарушений, совершенных в 2023 г. мигрантами, доминировали имущественные преступления (грабежи и хищения); преступления, связанные с продажей наркотических веществ; противоправные действия сексуального характера (рис. 2). Кроме того, на фоне продолжающейся эскалации ситуации на Ближнем Востоке и декларируемой правительством ФРГ поддержки Тель-Авива усиливается протестная активность местной мусульманской диаспоры, которая демонстрирует готовность отстаивать свою позицию не только демократическими способами. Таким образом, нельзя исключать дальнейшего роста количества политически мотивированных правонарушений (в 2023 г. выявлено 60 028 деликтов или +1,9% к показателям 2022 г.) [8, с. 5].

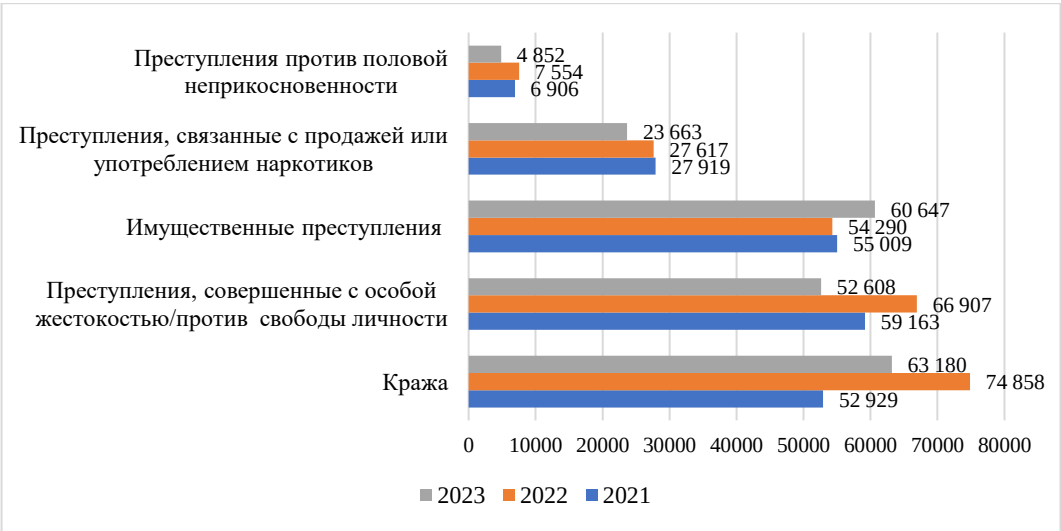

Рис. 2. Количество совершенных в Германии преступлений, в совершении которых подозревается один и более иностранцев

Fig. 2. The number of crimes committed in Germany in which one or more foreigners are suspected of committing

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной криминальной полиции¹¹

Межрегиональное взаимодействие как инструмент противодействия неупорядоченной миграции

В условиях интенсификации миграционных процессов в Германии прорабатывают различные варианты ее регулирования, прежде всего, в плане противодействия нелегальному сегменту. Наряду с недавними решениями на внутриполитическом треке (в частности, принятые в 2023–2024 гг. изменения критериев

¹¹ Bundeslagebild Kriminalität im Kontext von Zuwanderung 2023 // BKA : [site]. URL: https://www.bka.de/SharedDocs/Downloads/DE/Publikationen/JahresberichteUndLagebilder/KriminalitaetImKontextVonZuwanderung/KriminalitaetImKontextVonZuwanderung_2023.html (accessed on 08.10.2024).

получения гражданства ФРГ, двусторонние соглашения по миграции, введение специального платежного инструмента для беженцев) серьезное внимание уделяется международному взаимодействию, которое обладает значительным потенциалом в плане обеспечения национальной безопасности и неупорядоченной миграции. По мнению федерального министра внутренних дел и по делам Отечества Н. Фэзер, интенсивная кооперация с сопредельными государствами способствует пресечению неконтролируемых перемещений и деятельности транснациональных криминальных сообществ, специализирующихся на трафике нелегалов¹². Порядка 25% всех незаконно прибывающих в Германию пользуются услугами международных теневых структур. Таким образом, на фоне имеющихся сложностей по защите внешних границ Европейского союза востребованы усилия по усовершенствованию системы пограничного контроля для минимизации рисков несанкционированного проникновения в страну иностранных граждан, которые хотели бы без достаточных оснований получить политическое убежище или остаться нелегально¹³.

Повышение значимости международного взаимодействия по линии правоохранительного сообщества объясняется нарастанием рисков для безопасности, связанных с деятельностью преступных групп со специализацией на незаконном пересечении границ за финансовое вознаграждение (нем. «Schleuserkriminalität») [9, с. 34–35]. В экспертных кругах ФРГ длительное время подчеркивают необходимость решения проблемы, которая приобрела уже транснациональный характер. Так, например, немецкий юрист и политолог К. Гайсслер указывает на дефицит информации о специфике данного вида противоправной деятельности, которая, по сути, ограничивается сугубо полицейской статистикой. На самом деле речь идет о комплексном процессе «сопровождения» иностранцев, которые хотели бы нелегально попасть в Германию, подать ходатайство на получение статуса беженца с дальнейшей перспективой перевозки членов семьи с родины. Теневыми структурами организовываются трансфер в легковых/грузовых автомобилях, пересечение границ других стран на маршруте следования, поддельные документы, размещение, трудоустройство в теневом секторе экономики¹⁴. С аналогичных позиций высказывается этнолог, профессор университета Билефельда А. Мисбах, которая выступает за необходимость глубинного исследования первопричин как непосредственно трансграничной миграции населения (притягивающие и выталкивающие факторы), так и заинтересованности потенциальных мигрантов в поиске посреднических криминальных сообществ¹⁵.

¹² Weiterer Baustein in der Migrationspolitik gelungen // Bundesministerium des Innern und für Heimat : [site]. 13.09.2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/kurzmeldungen/DE/2024/09/migrationsabkommen-kenia.html> (accessed on 12.09.2024).

¹³ “Jeder Vierte kommt über Schleuser”: Faeser begründet Grenzkontrollen mit hoher Zahl geschleuster Migranten // Tagesspiegel : [site]. 04.10.2023. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/jeder-vierte-kommt-uber-schleuser-faeser-begrundet-grenzkontrollen-mit-hoher-zahl-geschleuster-migranten-10566412.html> (accessed on 21.08.2024).

¹⁴ Schleuserkriminalität Erscheinungsformen, kriminologische Erkenntnis und Verurteilungspraxis. Berlin : MschrKrim, 2001. Vol. 5. Pp. 410–417.

¹⁵ “Verstehen, warum Menschen Schleuser*innendienste nutzen” // Universität Bielefeld : [site]. 08.07.2022. URL: <https://aktuell.uni-bielefeld.de/2022/07/08/verstehen-warum-menschen-schleuserinnendienste-nutzen/> (accessed on 26.08.2024).

По данным федеральной криминальной полиции, в 2022 г. зафиксировано 4 936 деликтов в сфере нелегального пересечения границы за финансовое вознаграждение (+30% к аналогичному периоду 2021 г.) на фоне увеличения объемов нелегальной миграции в «старую» Европу по средиземноморскому и балканскому маршрутам. Расходы на перевозку одного нелегала могут достигать до 10 тыс. евро, а ежегодный оборот индустрии доходить до 30 млн евро. Правоохранители признают высокий профессионализм и готовность преступников рисковать. По государственной принадлежности в лидерах немецкие, вьетнамские, китайские, сирийские, турецкие, иракские, украинские ОПГ. В федеральном правительстве ФРГ разрабатываются планы усовершенствования нормативно-правовой базы в целях повышения эффективности борьбы с нелегальной миграцией и деятельностью транснациональных ОПГ. В частности, предусматривается увеличение минимального штрафа (лишение свободы от одного года до десяти лет) за деятельность по нелегальной транспортировке через границу иностранных граждан и за действия, повлекшие за собой смерть перевозимых граждан (вплоть до пожизненного заключения). Другой аспект – вводится новый состав преступления за неповиновение требованию сотрудника полиции о незамедлительной остановке транспортного средства для проверки с последующим совершением нарушения ПДД, повлекшим столкновение с другим (-ми) участником (-ми) дорожного движения, а также расширяются полномочия правоохранителей в отслеживании телефонных контактов, мессенджеров, социальных сетей потенциальных преступников¹⁶.

Зачастую межгосударственное взаимодействие поэтапно трансформируется в прямую и в определенной степени автономную от федерального центра кооперацию между приграничными регионами, что обусловлено особенностями земельной нормативно-правовой базы. Это касается и вопросов обеспечения внутренней безопасности, которая входит в функционал федеральной полиции, но в отдельных случаях допускает участие представителей местной полиции. В настоящий момент эта опция широко используется для создания совместных мобильных патрульных групп, временного увеличения штата полицейских, осуществляющих контроль прибывающих иностранцев в аэропортах или на железнодорожных вокзалах, для пресечения нелегальной миграции в приграничных регионах, в первую очередь на востоке и юге Германии. На международном треке немецкие правоохранители взаимодействуют с коллегами из сопредельных стран для пресечения трансграничных угроз и вызовов. В частности, положительно зарекомендовало себя германо-чешское сотрудничество, в рамках которого представители Баварии, Саксонии и Чешской Республики прорабатывают возможности наращивания взаимодействия по широкому спектру направлений. Наряду с изучением возможностей использования технологий возобновляемых источников энергии и кооперацией на треке профессионального образования расширяется взаимодействие в сфере международной безопасности, в т. ч. направленное на пресечение нелегальной миграции из государств Ближнего Востока и Северной Африки. Представители трех сторон

¹⁶ Schleuserkriminalität bekämpfen, Migration besser steuern // Die Bundesregierung : [site]. 26.04.2024. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/massnahmenpaket-migration-2234114> (accessed on 10.07.2024).

сходятся во мнениях о необходимости усовершенствования системы контроля внешних границ и создания центров первичного размещения потенциальных беженцев за пределами ЕС. Востребованы усилия в плане продвижения на общеевропейском уровне системы квотирования прибывающих за получением убежища, что позволит на практике выстраивать эффективную модель интеграции в принимающий социум. Еще одним направлением традиционно является сотрудничество между правоохрнительными органами в целях пресечения вторичной миграции¹⁷. В полиции Баварии акцентируют внимание на необходимости профильного международного сотрудничества, которое реализуется на основе двусторонних соглашений. Чешско-баварское взаимодействие в экстренных случаях подразумевает возможность осуществления розыскных мероприятий на территории другого государства, совместное патрулирование приграничных районов, обмен оперативными сведениями по линии соответствующих офицеров связи. В созданном в 2007 г. международном центре Швандорф/Петровице служат представители полиции и таможи Баварии, Саксонии и Чехии.

В рамках австрийско-баварского диалога в отдельных случаях допускается совместное несение службы немецкими и австрийскими полицейскими (активная поддержка немцами оказывалась при проведении чемпионата Европы по футболу 2008 г. в Австрии и Швейцарии). Помимо этого, в Пассау функционирует совместный правоохрнительный центр, созданный в разгар европейского миграционного кризиса 2015 г. и специализирующийся на пресечении нелегальной миграции, торговли наркотическими веществами и автомобильных краж. Вместе с тем баварцы сохраняют за собой право осуществлять контроль за госграницей. В мае 2024 г. вновь продлен выданный в 2018 г. мандат на осуществление баварскими полицейскими пограничного контроля на всей протяженности государственной границы с Австрией, что обусловливается и миграционными причинами.

Позитивную динамику демонстрирует германо-польская кооперация в сфере обеспечения безопасности и противодействия транснациональной организованной преступности, которая специализируется на траффике людей и наркотиков. Так, более 15 лет представители погранслужб, полиции, таможенных органов Бранденбурга, Мекленбурга-Передней Померании, Саксонии и Берлина работают в тесном контакте с представителями приграничных воеводств Польши. Двустороннее взаимодействие реализуется по линии партнерских городов Франкфурт-на-Одере/Слубице¹⁸. Налажен информационный обмен данными, службу осуществляют совместные наряды в составе полицейских двух стран, особое внимание уделяя территориям вблизи крупных автомагистралей и мостов через реки Нейсе и Одер между двумя государствами. В Мекленбурге-Передней Померании также заинтересованы в дальнейшем расширении приграничного сотрудничества для создания трансграничной архитектуры безопасности. Заключено соответствующее

¹⁷ Sachsen, Bayern und Tschechien: Begrenzung der Migration // Süddeutsche Zeitung : [site]. 29.04.2024. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/forderung-sachsen-bayern-und-tschechien-begrenzung-der-migration-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-240428-99-841866> (accessed on 28.08.2024).

¹⁸ Sicherheitsbehörden nehmen es an der deutsch-polnischen Grenze sehr genau // Rbb24 : [site]. 11.10.2023. URL: <https://www.rbb24.de/studiofrankfurt/politik/2023/10/brandenburg-polen-wahlkampf-parlament-serie-migration-swiecko-deutschland.html> (accessed on 10.09.2024).

соглашение между федеральной, земельной полицией и органами таможни ФРГ, которое создает условия для кооперации с представителями правоохранительных органов Западно-Поморского воеводства. В Саксонии также положительно оценивают кооперацию с польскими коллегами из Нижнесилезского воеводства по информационному обмену и коллективным оперативно-розыскным мероприятиям потенциальных правонарушителей. При этом со стороны руководства приграничных коммун и муниципалитетов (в первую очередь, на саксонско-чешской границе) высказываются опасения в отношении увеличивающихся масштабов нелегальной миграции и связанных с ней дополнительных вызовов для местного населения на фоне недостаточной реакции со стороны правоохранителей. Систематически звучат критические высказывания в адрес МВД ФРГ в «нерешительности и непоследовательности», призывы к введению по аналогии с Баварией пограничного контроля с сопредельными странами, ограничению возможностей для подачи ходатайств на получение убежища на территории Германии и оперативной высылке из страны иностранцев – «отказников»¹⁹.

Германо-швейцарское взаимодействие в миграционной сфере реализуется в соответствии с Совместным планом действий 2022 г., который ориентирован на борьбу с трансграничными ОПГ и всеобъемлющую кооперацию, включая двустороннее и общеевропейское сотрудничество, адресное взаимодействие с государствами исхода²⁰. Обе стороны заинтересованы в сохранении открытых границ и возможностей беспрепятственного передвижения граждан и капитала, фокусируясь на создании системы учета прибывающих из третьих стран иностранцев и оперативной реадмиссии «отказников». По линии полиции и таможенных органов предполагается расширить практику совместного контроля приграничных территорий для выявления нелегальных мигрантов и пресечения вторичной миграции. На региональном уровне правоохранители федеральной земли Баден-Вюртемберг и коллеги из кантона Шаффхаузен с 2018 г. занимаются патрулированием, проверкой прибывающих на автомобилях и железнодорожным транспортом в рамках «совместной оперативной служебной группы Боденское озеро». Другим направлением деятельности является выявление товаров, подлежащих обязательному декларированию²¹.

Германо-французское сотрудничество в сфере пресечения нелегальной миграции реализуется по широкой «повестке дня», фокусируясь на повышении уровня защиты национальных границ при сохранении свободы передвижения граждан, взаимодействию в плане совершенствования общеевропейской нормативно-правовой базы в данной сфере и взаимодействия правоохранителей стран-членов ЕС, расширения кооперации со странами происхождения и транзита, реадмиссии

¹⁹ Altenberger Bürgermeister: “So kann es nicht weitergehen” // MDR.de : [site]. 30.09. 2023. URL: <https://www.mdr.de/nachrichten/sachsen/dresden/dippoldiswalde-sebnitz/altenberg-fluechtlinge-grenze-kontrollen-buergermeister-100.html> (accessed on 28.08.2024).

²⁰ Die Schweiz und Deutschland gehen gemeinsam gegen irreguläre Migration vor // Schweizerische Eidgenossenschaft : [site]. 13.12.2022. URL: <https://www.admin.ch/gov/de/start/dokumentation/medienmitteilungen.msg-id-92189.html> (accessed on 12.07.2024).

²¹ Im Grenzbereich: Unterwegs mit einer deutsch-schweizerischen Grenzstreife // Schwäbische : [site]. 17.07.2023. URL: <https://www.schwaebische.de/regional/baden-wuerttemberg/im-grenzbereich-unterwegs-mit-einer-deutsch-schweizerischen-grenzstreife-1768100> (accessed on 11.08.2024).

незаконного прибывших в Евросоюз иностранцев²². Взаимодействие ФРГ с Нидерландами, Бельгией, Люксембургом по вопросам противодействия нелегальной миграции также носит комплексный характер.

Партийно-политические трансформации как результат несбалансированной миграционной политики

Актуальная ситуация в сфере миграции в комплексе с другими проблемами (нарастание социально-экономических трудностей, сохраняющаяся геополитическая напряженность и пр.) оказывает воздействие на внутриполитические процессы, что выражается в ослаблении электоральных позиций «традиционных партий» правящей коалиции и непосредственно федерального канцлера О. Шольца. По данным проведенного в начале сентября 2024 г. исследовательским центром «Выборы» социологического опроса, 77% немцев считают главу кабинета министров «слабым в принятии решений» и допускают его отказ выдвигать свою кандидатуру на пост канцлера на выборах в 2025 г.²³. Свидетельством ослабления поддержки Социал-демократической партии (далее – СДПГ), которую представляет О. Шольц, стали результаты голосования в Баварии, Бремене, Гессене в 2023 г. По итогам выборов в Бремене Социал-демократическая партия набрала 29,8%. Христианско-демократический союз (далее – ХДС) – 26,2%, «Зеленые» – 11,9%, «Левые» – 10,9%. Партия «Альтернатива для Германии» (далее – «АдГ»), выступающая с иных в сравнении с традиционными политическими силами позиций по ключевым вопросам внутренней и внешней политики (прием беженцев, урегулирование украинского кризиса, отмена введенных в отношении России санкций, выход из ЕС, усовершенствование системы налогообложения и сокращение финансовой нагрузки на население), не была допущена до выборов по причине выявленных несоответствий при подготовке предварительных списков кандидатов. В Баварии одержал победу Христианско-социальный союз (далее – ХСС), набрав 37% голосов. Второе место заняли «Свободные избиратели» (15,6%), третью позицию – «АдГ» (14,6%), четвертую – «Зеленые» (14,4%), пятую – СДПГ (8,4%).

Наиболее интересные результаты были зафиксированы в кампании по выборам в парламент Гессена. ХДС также смогла занять первое место, получив 34,6% голосов избирателей, но за вторую и третью строчки развернулась острая борьба. Так, «АдГ» мобилизовала протестный электорат и в результате получила 18,4%, СДПГ набрала 15,1%, «Зеленые» – 14,8%. На коммунальном уровне победы кандидатов от «Альтернативы для Германии» на выборах ландрата Зоннеберга в Тюрингии, Рагун-Йесница в Саксонии-Ангальт и обер-бургомистра Пирны в Саксонии в 2023 г. подтвердили ее популярность у жителей на востоке страны.

Что касается региональных выборов 2024 г., то их результаты представляются в целом закономерными. По данным многочисленных опросов общественного

²² Deutschland und Frankreich: Gemeinsam gegen irreguläre Migration // Bundesministerium des Innern und für Heimat : [site]. 23.01.2023. URL: <https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/kurzmeldungen/DE/2023/01/dt-frz-ministerrat.html> (accessed on 31.08.2024).

²³ Große Mehrheit findet Scholz führungsschwach // ZDFheute : [site]. 08.09.2024. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/deutschland/olaf-scholz-fuehrung-kanzler-politbarometer-zdf-sommerinterview-100.html> (accessed on 12.07.2024).

мнения, основная борьба в регионе должна была развернуться между «Альтернативой для Германии» (прогнозировалось около 31% голосов избирателей) и ХДС (30%). На третьем месте ожидалось появление новой силы – «Союза Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» (далее – ССВ), на четвертом – СДПГ, при явке избирателей – 74,4%. Итоговые результаты подтвердили подобные прогнозы с тем нюансом, что после пересчета голосов ХДС (31,8%) смогла несколько опередить «АдГ» (30,8%). ССВ получила 11,8%, СДПГ – 7,3%, «Зеленые» – 5,1%.

Выборы в парламент Тюрингии в плане итоговых результатов прошли по схожему с Саксонией сценарию. Впервые в истории «АдГ» выиграла земельные выборы, набрав 32,8% (прогнозировались 30%), второе место у ХДС – 23,6% (20%), третье – у «блока Сары Вагенкнехт» с 15,8% (16%), Левая партия получила 13,1% (16%). «Зеленые» и Свободная демократическая партия (далее – СвДП) не преодолели пятипроцентный барьер. Явка избирателей достигла 73,6%. Таким образом, в обеих федеральных землях правые популисты получили «блокирующее меньшинство», что дает возможность блокировать отдельные законы.

По итогам последней в 2024 г. электоральной кампании в Бранденбурге победу с небольшим преимуществом одержали социал-демократы (30,89%), на второй позиции – «АдГ» (29,23%), на третьей – ССВ (13,48%), на четвертой – ХДС (12,1%). Явка составила 72,9% (рис. 3).

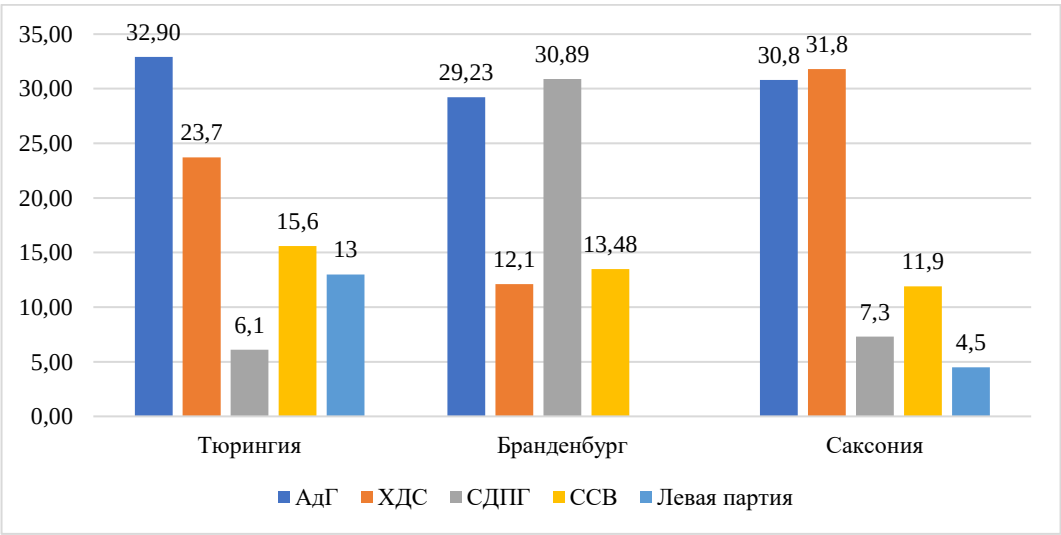

Рис. 3. Результаты голосования на земельных выборах 2024 г. (%)

Fig. 3. The results of voting in the land elections of 2024 (%)

Источник: составлено автором на основе данных сайта Statista²⁴

Достигнутые «Альтернативой для Германии» итоги в трех федеральных землях, как представляется, даже в условиях имеющихся противоречий консолидации «традиционных партий» будут способствовать и формированию стабильного

²⁴ Wahljahr 2024 in Deutschland: Alle Wahlen im Überblick // Statista : [site]. URL: <https://de.statista.com/themen/7967/aktuelle-wahljahr/#topicOverview> (accessed on 04.08.2024).

большинства против ее депутатов, в значительной степени осложняя возможность устойчивого функционирования региональной законодательной и исполнительной власти. Успехи правых популистов в условиях декларируемого как ведущими политическими силами, так и продемонстрировавшей хорошие результаты ССВ отказа от любого с ними сотрудничества в регионах на сегодняшний момент осложняют процесс формирования правительства, назначения министров, что в стрессовом сценарии может спровоцировать затяжной политический кризис. Основные политические силы продолжают следовать ранее избранному курсу – даже в условиях имеющихся различий в партийно-политических интересах они вынуждены искать варианты взаимодействия для совместной «защиты демократии», руководствуясь т. н. концепцией «брандмауэра» в отношении «АдГ».

Усиление позиций «АдГ» объясняется немецкими экспертами комплексом факторов, такими как общее недовольство «традиционными партиями» и действиями политических элит (навязываемый переход на безэмиссионное производство, сокращение рабочих мест на предприятиях, финансово-политическая поддержка киевского режима, внешняя политика в фарватере США). В данном контексте «АдГ» выступает в качестве привлекательной силы, которая декларирует готовность сфокусироваться на решении внутренних трудностей для государства и параллельно проводить взвешенную внешнюю политику. Партия традиционно занимает жесткую позицию по вопросам обеспечения национальной безопасности, сохранения немецкой идентичности и традиционных ценностей, противодействия нелегальной миграции, а также непосредственно по социальной тематике (растущая инфляция, санкционная политика и пандемия COVID-19).

С аналогичных позиций относительно электоральных успехов «АдГ» высказываются и российские специалисты. По мнению исследователя Е. П. Тимошенко-вой, уже на парламентских выборах 2017 г. партия стремилась позиционировать себя в качестве защитника социально ущемленных, акцентируя свой профессионализм в вопросах миграции, роли ислама в Германии, обеспечения безопасности и борьбы с преступностью. Другая особенность, которую отмечает ученый, является мобилизация, включающая абсентеистов, «маленьких людей» с низким уровнем доходов и консервативными ценностно-правовыми установками зачастую из труднодоступных и сельских районов страны [10]. Видный германист В. Б. Белов обращает внимание на ориентированность многих инициатив и проектов «Альтернативы для Германии» на решение задач коммунального уровня с той особенностью, что систематически декларируемый традиционными силами отказ от взаимодействия с ней продолжает осложнять выработку и принятие важных решений. Вместе с тем эксперт в своих исследованиях партийно-политического ландшафта ФРГ придерживается позиции относительно сохранения принципа «нерукопожатности» партии на федеральном и региональном уровнях, несмотря на объективную потребность во взаимодействии [11].

Что касается позиции по вопросу миграции созданной в 2023 г. партии «Блок Сары Вагенкнехт», которая тоже продемонстрировала хорошие результаты на выборах 2024 г., то внимания заслуживают следующие моменты. Политическая программа содержит положения, свойственные как представителям левого, так и консервативного толка. С одной стороны, акцентируются необходимость

противодействия нелегальным трансграничным перемещениям людей, ограничение масштабов миграции в целях недопущения «перегрузки общества», своевременная депортация правонарушителей из числа мигрантов, с другой – сохранение у граждан права на получение защиты, создание условий на рынке труда для привлечения зарубежных квалифицированных трудовых ресурсов и интеграцию путем сопряжения миграционной политики с политикой в сфере образования, в т. ч. посредством изучения немецкого языка в рамках соответствующих курсов. В вопросе приема беженцев партия выступает за необходимость подачи иностранцами и принятие итогового решения по ходатайствам на получение легального статуса на внешних границах Евросоюза и в третьих странах с предоставлением социальной поддержки в Германии только реально нуждающимся²⁵. По оценкам В. Б. Белова, изначально предполагавшаяся «рукопожатность» политического объединения и готовность традиционных партий к диалогу с ней приведет к постепенному переоток в «АдГ» сторонников и ослаблению позиций «Левой партии».

Программные установки Социал-демократической партии, которая продолжает сталкиваться со снижением поддержки избирателей, акцентируют внимание на необходимости стимулирования упорядоченной миграции и пресечения ее нелегального сегмента, в т. ч. в рамках международного сотрудничества для противодействия трансграничным ОПГ со специализацией на трафике беженцев. Востребованы усилия по выработке компромиссного решения в рамках общеевропейской миграционной политики по предоставлению убежища и обеспечению безопасности границ ЕС. Необходимо совершенствовать механизмы интеграции прибывших (интеграционные курсы, развитие соответствующих структур на коммунальном уровне и т. д.), конечной целью должен выступать выход на рынок труда²⁶. Позиция ХДС в вопросах миграции выглядит наиболее структурированной. По аналогии с установками других политических партий также предполагается разделение миграционных потоков в гуманитарных целях и для осуществления легальной трудовой деятельности. Ввиду постепенного выхода на максимальные возможности в плане размещения, обучения и материального обеспечения нуждающихся требуется лимитировать масштабы приема беженцев (предлагается установить границу в 60 тыс. человек ежегодно, а кроме того, в рамках Евросоюза необходима гармонизация системы их финансирования и размещения). Основными принципами должны выступать обязательная интеграция прибывших на основе принципа «fordern und foerdern» (пер. с нем. «требовать и стимулировать») и принятия ценностно-правовых установок страны пребывания, ликвидация первопричин миграции в страну и противодействие деятельности специализирующихся на трафике людей трансграничных преступных групп, подача и принятие итогового решения

²⁵ Neustart für Thüringen. Damit sich was ändert // BSW Landesverband Thüringen : [site]. URL: https://bsw-th.de/wp-content/uploads/2024/06/240608_LWP_fin-2.pdf (accessed on 21.10.2024).

²⁶ Regierungsprogramm der SPD Brandenburg 2024–2029 // SPD Brandenburg : [site]. URL: <https://spd-brandenburg.de/wp-content/uploads/sites/111/2024/06/Regierungsprogramm-SPD-Brandenburg-2024-FINAL.pdf> (accessed on 21.10.2024).

по ходатайствам на получение статуса беженца на внешних границах ЕС, депортация правонарушителей из числа находящихся в стране беженцев²⁷.

Смоделировать сценарии итогов электоральной кампании в бундестаг в 2025 г. на данном этапе представляется несколько затруднительным. Как отмечалось выше, результаты социологических опросов весны-лета с. г. свидетельствуют о сохранении текущей расстановки сил, при которой ХДС/ХСС на федеральных выборах могли бы поддержать порядка 29–31% избирателей. Со второй половины зимы наблюдается тренд на снижение популярности «АдГ» в диапазон 17–19%, социал-демократы испытывают трудности, пользуясь поддержкой 15–16% избирателей. Прежде популярным «Зеленым» симпатизируют менее 15% немцев. По нашему мнению, определяющим фактором будет готовность оппозиционных партий, в первую очередь христианских демократов, предложить электорату востребованные новые модели развития государства как на внутривнутриполитическом, так и внешнеполитическом направлении. В числе основных проблем, требующих решения, находятся украинский кризис и ближневосточное урегулирование, смягчение санкционных последствий для экономики Германии, новая концепция энергетической политики, сохранение рабочих мест и темпов производства в рамках перехода на «зеленую» экономику. Миграционная повестка в равной степени связана как с внутренним, так и внешним треками, требуя с одной стороны, реального сокращения масштабов нелегальной миграции, усовершенствования механизмов приема и интеграции выходцев из семей с миграционным фоном и беженцев в социум, с другой – интенсивного взаимодействия и поиска компромиссов с партнерами по Европейскому союзу, государствами транзита и исхода. Обострению общественной дискуссии о «роли, месте и интеграционном потенциале» мигрантов способствуют резонансные преступления, совершенные в недавнем прошлом выходцами из мусульманских стран. К ним следует отнести убийство полицейского в Мангейме, убийство трех человек на городском празднике в Золингене, стрельбу около Генконсульства Израиля в Мюнхене.

Заключение

Таким образом, миграционная проблематика остается одним из серьезных вызовов для государств-членов Евросоюза, в особенности наиболее развитых в социально-экономическом отношении. В эпицентре внешнего миграционного давления находится Германия, которая сталкивается с потоками высокой интенсивности и неоднородности, что воспринимается в качестве фактора, генерирующего дополнительные угрозы национальной безопасности (в частности, экстремизм, терроризм) [12]. Страна продолжает выступать не только центром притяжения иностранных трудовых ресурсов, но и «нелегалов». Если на украинском направлении наблюдается определенная стабилизация в плане качественно-количественных показателей, то масштабы неупорядоченных перемещений потенциальных беженцев из кризисных регионов по средиземноморскому и балканскому маршрутам вновь

²⁷ Regierungsprogramm der Sächsischen Union 2024-2029 // CDU. Die Sächsischen Union : [site]. URL: <https://www.cdu-sachsen.de/Dateien/regierungsprogramm-weil-es-um-sachsen-geht/17535768> (accessed on 18.10.2024).

увеличиваются. Текущая ситуация актуализирует задачу выработки профильными органами эффективных методов противодействия нелегальной миграции, которая генерирует риски для безопасности государства и населения (криминализация, дополнительная финансовая нагрузка на бюджет, рост социальной напряженности и поляризация общества).

Как показывает анализ, наряду с внутривнутриполитическими мерами (в т. ч. усовершенствование нормативно-правовой базы и интеграционных механизмов) немцы увязывают противодействие нелегальной миграции, а также в целом сокращения объемов трансграничной преступности с расширением международной кооперации в рамках ЕС. В Берлине заинтересованы в равноправном осуществлении совместного со странами, входящими в Евросоюз, контроля за безопасностью внутренних границ. Наиболее интенсивным является взаимодействие с Польшей и Чехией, которые, по сути, выступают важнейшими государствами на маршруте следования мигрантов в страну. Впрочем, в случае увеличения масштабов нелегальной миграции не исключен возврат к практике одностороннего погранконтроля (соответствующее решение правительством ФРГ уже принято и вступило в силу 16 сентября 2024 г.)²⁸.

Несмотря на предпринимаемые нынешним руководством государства меры по решению остро стоящих и широко обсуждаемых в обществе проблем, включая миграционный трек в привязке к внутренней безопасности, тренд на постепенное снижение популярности у населения правящих элит и усталость от «традиционных политических партий» сохраняется. Рейтинги федерального правительства и непосредственно канцлера О. Шольца обновляют исторические минимумы. На таком фоне электоральная база протестных и внесистемных сил продолжает расширяться, привлекая на свою сторону ранее пассивных и аполитичных граждан. Вполне объяснимыми представляются успехи региональных избирательных кампаний «Альтернативы для Германии» 2024 г., которые уже не носят локальный характер. Установки ее партийной программы, включая миграционную политику, находят поддержку избирателей не только востока страны, но и западных федеральных земель. Добавляет популярности систематическая обструкция и зачастую ничем не подкрепленные обвинения со стороны официальных лиц или представителей СМИ в различных правонарушениях (правый экстремизм, связи с Россией, гомофобия, расизм и пр.).

Список литературы

1. Рязанцев, С. В. Миграционный кризис: понятие и критерии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 1. С. 7–16. DOI [10.19181/demis.2021.1.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.1). EDN KIBTEH.
2. Белов, В. Б. Итоги голосования в Бранденбурге и перспективы общегерманских выборов в бундестаг // Аналитические записки Института Европы РАН. 2024. Выпуск III, № 22 (№ 354). С. 52–59. EDN KTXMZD. DOI [10.15211/analytics32220245259](https://doi.org/10.15211/analytics32220245259).
3. Максимычев, И. Ф. Роль ФРГ в мировой политике // Германия. Вызовы XXI века / под ред. В. Б. Белова. Москва : Весь мир, 2009. С. 13–68.

²⁸ Binnengrenzkontrollen an allen deutschen Landgrenzen angeordnet // Bundesministerium des Innern und für Heimat : [сайт]. 16.09.2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/kurzmeldungen/DE/2024/09/binnengrenzkontrollen.html> (accessed on 12.07.2024).

4. Павлов, Н. В. История современной Германии 1945–2005. Москва : АСТ, Астрель, 2006. 510 с. ISBN 5-17-037872-6.
5. Синдеев, А. А. Германия и внешнеполитические аспекты кризиса с беженцами // Аналитические записки Института Европы РАН. 2015. № 21.
6. Кондратьев, М. Б. Германия: стратегии восполнения рабочей силы на фоне демографических вызовов // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 4. С. 93–105. EDN [IQKCVE](#). DOI [10.15211/vestnikieran4202493105](#).
7. Васильев, В. И. Миграция как благо и обуза для Германии // Международная жизнь. 2016. № 3. С. 57–70. EDN [VPRISP](#).
8. Kernaussagen “Kriminalität im Kontext von Zuwanderung”. Betrachtungszeitraum: 01.01–30.09.2023. Wiesbaden : Bundeskriminalamt, 2024. 10 S.
9. Pfau, M. Schleuserkriminalität Eine Analyse des Phänomens und der polizeilichen Interventionsstrategien. Baden-Baden : Tectum, 2012. 136 S.
10. Тимошенкова, Е. П. «Альтернатива для Германии» в Бундестаге: Поворот в ФРГ вправо // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 3. С. 54–62. EDN [XTIFIT](#). DOI [10.15211/vestnikieran320185462](#).
11. Белов, В. Б. Турбулентность партийно-политической жизни Германии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. № 4. С. 18–32. EDN [QYAOPH](#). DOI [10.15211/vestnikieran420231832](#).
12. Ischinger, W. Welt in Gefahr: Deutschland und Europa in unsicheren Zeiten. Berlin : Econ Verlag, 2018. 304 S. ISBN 9783430202497.

Сведения об авторе

Надеждин Александр Евгеньевич, кандидат политических наук, первый секретарь, МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 3039210@mail.ru; ORCID ID [0000-0002-4294-5972](#); РИНЦ SPIN-код: [3271-1551](#); Web of Science Researcher ID: [AAD-5855-2022](#).

Статья поступила в редакцию 27.08.2024; принята в печать 28.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MIGRATION PROCESSES IN GERMANY: FEATURES AND TRENDS

Alexander E. Nadezhdin

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: 3039210@mail.ru

For citation: Nadezhdin, Alexander E. Migration Processes in Germany: Features and Trends. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 242–259. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.15](#).

Abstract. The article deals with the current migration processes in Germany. The country continues to act as a point of attraction for both foreign labor resources and potential refugees from crisis regions. The increase in the scale of irregular migration faced by Germany stimulates the emergence of new security risks for the state and citizens. The current situation requires the ruling elites to promptly adapt the management mechanisms to changing realities. In addition to solutions related to improving national approaches to the migration track, Berlin's international and interregional cooperation with EU member states through law enforcement agencies and border services, which is aimed at curbing cross-border crime and related illegal migration, is in demand. The German experience in this area can be studied by similar structures of other states. Special attention is paid to the study of transformations of the political landscape under the influence of a complex of internal and external socio-economic factors, including migration processes. The results of the regional election campaigns in 2023 and especially in the autumn of 2024 indicate an expansion of electoral support for

non-systemic political forces against the background of a continuing decline in the level of public confidence in the current leadership of the state and a deepening crisis of so called "traditional parties". The main beneficiary is the "Alternative for Germany" party, whose successes are not local and random but indicate the demand for its program installations among the electorate. The author attempts to identify possible options for the development of the internal political situation in the state, considering the migration factor, including in the context of parliamentary elections in 2025.

Keywords: migration processes, criminalization of society, electoral campaigns, Alternative for Germany, traditional parties, central register of foreign citizens, interregional cooperation

References

1. Ryazantsev, S. V. Migration Crysis: Concept and Criteria. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1, No. 1. Pp. 7–16. DOI [10.19181/demis.2021.1.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.1). (In Russ.).
2. Belov, V. B. Results of Brandenburg State Election and Prospects for the Upcoming Federal Election. *Analytical Papers of the Institute of Europe RAS*. 2024. No. 22 (No. 354). Pp. 52–59. DOI [10.15211/analytics32220245259](https://doi.org/10.15211/analytics32220245259). (In Russ.).
3. Maksimichev, I. F. Rol' FRG v mirovoi politike [The Role of Germany in World Politics]. *Germany. Challenges of the XXI century* / Ed. by V. Belov. Moscow : Ves' mir Publ., 2009. Pp. 13–68. ISBN 978-5-7777-0467-2. (In Russ.).
4. Pavlov, N. V. *Istoria sovremennoi Germanii 1945–2005 [Story of the Modern Germany 1945–2005]*. Moscow : AST, Astrel, 2006. 510 p. ISBN 5-17-037872-6. (In Russ.).
5. Sindeev, A. A. Germaniya i vneshnepoliticheskie aspekty krizisa s bezencami [Germany and the Foreign Policy Aspects of the Refugee Crisis]. *Analytical Papers of the Institute of Europe RAS*. 2015. No. 21. (In Russ.).
6. Kondratyev, M. B. Germany: Strategies for Labour Force Replacement Amid Demographic Challenges. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2024. No. 4. Pp. 93–105. DOI [10.15211/vestnikieran4202493105](https://doi.org/10.15211/vestnikieran4202493105). (In Russ.).
7. Vasiliev, V. I. Migraciya kak blago i obuza dlya Germanii [Migration as a burden or benefit for Germany]. *The International Affairs*. 2016. No. 3. Pp. 57–70. (In Russ.).
8. Kernaussagen "Kriminalität im Kontext von Zuwanderung". *Betrachtungszeitraum: 01.01. – 30.09.2023*. Wiesbaden : Bundeskriminalamt, 2024. 10 S. (In Germ.).
9. Pfau, M. *Schleuserkriminalitaet Eine Analyse des Phänomens und der polizeilichen Interventionsstrategien*. Baden-Baden : Tectum, 2012. 136 S. (In Germ.).
10. Timoshenkova, E. P. "Alternative for Germany" in the Bundestag: The Turn of Germany to the Right? *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2018. No. 3. Pp. 54–62. DOI [10.15211/vestnikieran320185462](https://doi.org/10.15211/vestnikieran320185462). (In Russ.).
11. Belov, V. B. Turbulence of the Party-Political Life of Germany. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2023. 34(4): 18–32. DOI [10.15211/vestnikieran420231832](https://doi.org/10.15211/vestnikieran420231832). (In Russ.).
12. Ischinger, W. *Welt in Gefahr: Deutschland und Europa in unsicheren Zeiten*. Berlin : Econ Verlag, 2018. 304 S. ISBN 9783430202497. (In Germ.).

Bio note

Alexander E. Nadezhdin, Candidate of Political Sciences, First Secretary, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 3039210@mail.ru; ORCID ID [0000-0002-4294-5972](https://orcid.org/0000-0002-4294-5972); RSCI SPIN code: [3271-1551](https://www.rsci.spin.ru/3271-1551); Web of Science Researcher ID: [AAD-5855-2022](https://orcid.org/AAD-5855-2022).

Received on 27.08.2024; accepted for publication on 28.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.16](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.16)

EDN [ZQHLFB](https://www.edn.ru/ZQHLFB)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭМИГРАЦИЕЙ МОЛОДЕЖИ

Кузнецов. Н. Г.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: nick_smith@mail.ru

Для цитирования: Кузнецов, Н. Г. Зарубежный опыт управления образовательной эмиграцией молодежи // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 260–273. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.16](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.16). EDN [ZQHLFB](https://www.edn.ru/ZQHLFB).

Аннотация. Образовательная миграция стала неотъемлемой частью развития систем высшего образования крупных стран и способом решения ряда социальных, экономических и демографических проблем. В статье проанализированы подходы отдельных государств к регулированию выездной образовательной миграции, т. е. направленные на сохранение человеческого капитала внутри страны, либо попытке привлечения студентов, обучающихся за рубежом, к научным, социальным, культурным или экономическим проектам, реализуемых страной. Выделены три группы инструментов, используемых в государственной политике управления образовательной миграцией: удержание, возвращение и вовлечение. Приведены примеры государств, реализующих те или иные программы, входящие в эти три группы. Проведен анализ недостатков отечественных методов управления потоками образовательных мигрантов и сформулированы рекомендации, которые могли бы быть учтены при корректировании национальной политики в данной сфере, позволив расширить целевую аудиторию уже реализуемых мер и использовать потенциал учащихся за рубежом отечественных студентов в рамках «циркуляции мозгов».

Ключевые слова: образовательная миграция, «утечка мозгов», «циркуляция мозгов», диаспора знаний, репатриация, академическая мобильность

Введение

Образование в России считается одной из важнейших сфер деятельности для социально-экономического развития страны и занимает заметную роль в государственной политике. Целью национального проекта «Образование» провозглашено вхождение Российской Федерации в топ-10 стран мира по качеству образования. При этом одним из критериев является интернационализация высшего образования, из чего следует необходимость реализации его экспортного потенциала. Миграция в свою очередь определяется в законодательных актах как вспомогательное средство решения демографических и экономических проблем российского государства.

Таким образом, образовательная миграция – процесс, находящийся на стыке двух важных направлений государственного управления, который затрагивает значимые для развития страны аспекты. Одним из необходимых условий для сохранения конкурентоспособности как на рынке экспорта высшего образования (такие задачи прямо сформулированы в нормативно-правовых документах Российской Федерации), так и при управлении выездной образовательной миграцией, что нужно для сокращения негативных последствий от «утечки мозгов», становится изучение опыта других стран, сталкивающихся со схожими вызовами и проблемами. Острота проблем управления образовательной миграцией обуславливает

актуальность данной работы. Усиливает ее практическая ориентированность исследования, что в условиях стремительно усложняющегося ландшафта политической конъюнктуры и изменяющихся паттернов международной мобильности населения, включая и образовательных мигрантов, придает дополнительную значимость.

Цель данной работы – изучение международного опыта управления образовательной миграцией. В качестве задач можно определить отбор стран, проводящих ярко выраженную государственную политику, влияющую на въездную или выездную мобильность учащихся, выделение положительных моментов, которые могли бы быть учтены при разработке и корректировке Россией своих подходов к данному вопросу, оценку эффективности подобной работы в различных государствах и их применимости в нашей стране.

В нашей статье отсутствует глубокий обзор теоретических подходов к образовательной миграции, поскольку она имеет в большей степени прикладной характер. Такой подробный анализ представлен, например, в работе Е. Е. Письменной и Б. А. Сыдыгалиевой, в которой авторы на основе систематизации ряда трактовок понятия «образовательная миграция», использовавшихся отечественными и зарубежными исследователями, сформулировали четкое определение данного понятия. Так, по мнению авторов, под образовательной миграцией следует понимать «мобильность и движение людей внутри и вне страны с целью получения или продолжения образования различного уровня, способствующие развитию человеческого и интеллектуального капитала, повышению качества и уровня образования, как источника международного опыта и знаний, мощный двигатель развития, обогащающий общество, улучшающий образовательные стандарты и способствующий региональной интеграции» [1]. Из определения следует, что в современной трактовке образовательная миграция включает не только студенческую мобильность, но и все перемещения, связанные с получением образования, однако наибольшую долю в этом потоке составляют именно студенты, в связи с чем в данной статье понятия «образовательная миграция», «учебная миграция», «студенческая мобильность» и аналогичные будут использоваться как синонимы, кроме случаев, где на это указывается отдельно.

Практическое изучение вопросов образовательной миграции неразрывно связано с таким термином, как «утечка мозгов» и более современным подходом, трактуемым как «циркуляция мозгов»¹. Одна из первых заметных работ, описывающих негативное влияние утечки мозгов на развитие экономики, опубликована Дж. Н. Бхавати и К. Хамады более 50 лет назад [2]. Значительный вклад в исследование причин и последствий данного процесса внесли западные ученые М. Бейн,

¹ Поясним, что под утечкой мозгов в современной литературе понимаются негативные последствия, связанные с оттоком квалифицированной части рабочей силы, человеческого капитала из страны. Подход к миграции ВКС, называемый циркуляцией мозгов, в свою очередь, фиксирует неизбежность мобильности населения, однако сосредоточен на фиксации выгод, получаемых страной от этого процесса: трансфер технологий и идей, культурное обогащение, развитие национальных систем образования, рост международных гуманитарных связей и т. д. Циркуляция мозгов подразумевает, что страна служит как источником ВКС для других государств, так и привлекает их сама, причем итогом становится игра с ненулевой суммой, то есть суммарный выигрыш участников процесса выше, чем их суммарные потери.

Ф. Докье и Х. Рапопорт [3–5], Дж. Гибсон и Д. Маккензи [6]. К началу XXI века постепенная глобализация мировой экономики привела к тому, что процесс перемещения квалифицированных мигрантов между развитыми странами стал трактоваться учеными как естественный, а вместо термина «утечка мозгов» стало входить в оборот определение «циркуляции мозгов»². Исследования, посвященные этому явлению, получили широкое распространение в середине нулевых годов [7], но остаются востребованными и до сих пор (к примеру, [8]).

Ряд научных работ, изучающих непосредственно политику управления потоками образовательных мигрантов, где взгляд на мобильность учащихся опирается на подходы, присущие теории о «циркуляции мозгов», использован и при подготовке настоящей статьи [9–18].

Образовательная миграция в России и в мире в современных условиях

В России образовательная миграция в целом носит ярко выраженный характер экспорта высшего образования (число учащихся иностранных студентов в стране кратно превышает количество российских студентов за рубежом). В настоящее время, по данным Минобрнауки РФ, в стране обучается около 355 тыс. иностранных студентов³, в планах довести их число до 500 тыс. к 2030 г. За рубежом, по данным ЮНЕСКО, обучается около 63,5 тыс. россиян⁴ (последние доступные данные – на конец 2022 г.). Однако достоверность сведений ЮНЕСКО вызывает вопросы – в частности, в них нет сведений о российских учащихся в Китае (порядка 16 тыс. человек, по оценкам Правительства РФ⁵), а численность учащихся в ряде крупных стран приема, используемая ЮНЕСКО, отличается в меньшую сторону от национальных оценок самих стран. Таким образом, можно предположить, что число учащихся из России за рубежом достигает или превышает 100 тыс. человек.

Образовательная эмиграция молодежи из России является значимым процессом как статистически, так и с точки зрения угрозы оттока человеческого капитала – молодые и потенциально высококвалифицированные специалисты покидают страну с целью получения образования, но не все из них возвращаются на родину после завершения учебы. Достоверной статистики по возвратной образовательной миграции практически не существует. Во-первых, как было показано выше, еще на этапе учета такого типа перемещений происходят статистические ошибки, связанные с различными визовыми особенностями, отсутствием возможности обмена информацией между государствами, разницей в методологиях учета и т. д. Во-вторых, заканчивая учебу студенты меняют свой социальный статус и

² Saxenian, A. Brain Circulation: How High-Skill Immigration Makes Everyone Better Off // Brookings : [сайт]. 01.12.2002. URL: <https://www.brookings.edu/articles/brain-circulation-how-high-skill-immigration-makes-everyone-better-off/> (accessed on 11.10.2024).

³ Константин Могилевский: Африканский континент был и остается важнейшим партнером России в области науки и образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : [сайт]. 09.11.2024. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/91293/> (дата обращения: 11.11.2024).

⁴ Other policy relevant indicators: Outbound internationally mobile students by host region // UIS Statistics : [сайт]. <https://data.uis.unesco.org/> (accessed on 11.10.2024).

⁵ Голикова: порядка 48 тыс. китайских студентов обучаются в российских вузах // ТАСС : [сайт]. 19.08.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21636417> (дата обращения: 11.10.2024).

попадают в другие статистические категории. В результате дать достаточно объективную оценку того, какая доля российских учащихся возвращается из-за границы после получения диплома, возможно лишь за счет опросов и иной исследовательской работы. И все же можно утверждать, что образовательные мигранты склонны планировать остаться за рубежом после окончания учебы – различные оценки указывают на то, что подобные намерения есть более чем у половины студентов [17; 19]. Безусловно, это вовсе не означает, что такие планы будут полностью реализованы, но можно говорить о том, что при пассивной политике управления образовательной эмиграцией из России велик риск значительной утечки мозгов.

Образовательная миграция в своей наиболее массовой составляющей (студенческая мобильность) является важной частью процесса интернационализации высшего образования. Данный процесс дает заметные преимущества всем его участникам: студенты получают дополнительные компетенции и опыт адаптации к новым условиям, что важно для их карьеры; учебные заведения – наиболее талантливых студентов, а также международное признание и сеть выпускников за рубежом, что расширяет спрос на их услуги в будущем, принимающие страны – экономическую выгоду и развитие национальной науки, страны происхождения мигрантов – рост квалификации своих граждан, трансфер технологий и компетенций. Одновременно это способствует сохранению глобальных различий между развитыми и развивающимися государствами. Ученые убеждены в том, что за счет образовательной миграции развивающиеся экономики в том числе вносят существенный вклад в развитие академических систем и сообществ ведущих мировых держав [9].

Для многих развивающихся стран этот дисбаланс превращает потенциально благоприятный инструмент, каким является образовательная миграция (выше были обозначены преимущества, которые получает отправляющее государство), в источник риска, связанного с оттоком молодых специалистов, «утечкой мозгов» через международное образование. При этом в современной науке мало внимания уделяется той точке зрения, что политика привлечения талантливых студентов в ведущие мировые вузы может идти в разрез с Целями устойчивого развития ООН, которые среди прочего утверждают задачу по улучшению качества образования в развивающихся странах [9].

В данной связи ряд стран разрабатывает и реализует активную политику, направленную на управление выездной образовательной миграцией. На первый взгляд, подобная государственная политика должна быть прерогативой развивающихся стран, поскольку именно они находятся в группе риска, страдающей от последствий «утечки мозгов» вместо получения преимуществ от «циркуляции мозгов». Вместе с тем часть исследователей указывает на то, что наиболее активно этим озабочены т. н. новые индустриальные страны (или страны с переходной экономикой), например, Бразилия, Индия, Китай [10] или страны ЕС, такие как Италия [11] или Литва⁶, не входящие в число «локомотивов» европейской экономики. Предполагаемой причиной этого является факт, что менее развитые государства просто не имеют ресурсов для решения сложной задачи по удержанию

⁶ Can Lithuania turn brain drain in-to brain gain? / BBC News : [site]. 18.02.2015. URL: <https://www.bbc.com/news/business-31488046> (accessed on 12.10.2024).

высококвалифицированных специалистов и сосредотачивают свои усилия на более массовых видах миграции [12]. Кроме того, поток образовательных мигрантов из этих стран преимущественно состоит из студентов из обеспеченных семей, для которых образование за рубежом изначально становится инструментом смены постоянного места жительства и эффективной адаптации в более развитой стране. В то же время государства, достигшие определенного уровня развития, понимают, что для сохранения динамики роста и конкурентоспособности им необходимо комбинировать академическую мобильность своих граждан с сохранением их вклада в национальную экономику в том или ином виде.

Виды инструментов управления образовательной миграцией

В современной трактовке выделяется три направления политики, позволяющие ее реализовать: удержание, возвращение и вовлечение [13]. Удержание фактически означает попытки предотвратить или ограничить образовательную миграцию. Программы удержания можно разделить на два блока: реализация инициатив, направленных на повышение качества национального образования, и применение механизмов, обеспечивающих продолжение студентами обучения или карьеры на территории страны происхождения после прохождения образовательной программы за рубежом.

Меры первого блока направлены на устранение выталкивающих факторов, снижения их силы и значимости и, как следствие, снижение миграционных намерений. К ним могут относиться инвестиции в национальное образование, развитие университетов, предоставления большего числа бюджетных мест в вузах, дополнительное финансирование исследований для молодых ученых. Так, например, Бразилия в определенный период времени направляла до 1% ВВП на развитие науки и поддержку молодых ученых [14], благодаря чему предполагалось сократить отток молодежи в американские и европейские вузы. Подобный подход, разумеется, работает комплексно – одновременно Бразилия становилась региональным центром, привлекающим студентов из соседних стран Латинской Америки, поскольку для въездной образовательной миграции такое финансирование становилось уже притягивающим фактором [12]. Именно комплексный характер данных мер поддержки обуславливает то, что в той или иной мере ими пользуются практически все государства, за исключением наименее развитых. В этой связи обзор конкретных мер данного блока в различных странах не требуется для решения задач представленного исследования и может быть опущен, хотя сравнение их эффективности и четкость целеполагания могут стать тематикой отдельных научных работ.

Второй блок подразумевает создание инструментов, не изменяющих миграционные намерения молодежи и ее установки на получение зарубежного образования, а обеспечивающих возвратную миграцию после окончания учебы или ее определенного этапа. К таким инструментам относятся программы двойного диплома и «кредит-мобильности» студентов, организация летних школ в партнерских иностранных университетах либо стипендиальные программы, предусматривающие обязательное возвращение студентов после получения диплома для трудовой деятельности в стране происхождения. Эти меры позволяют учащимся получать преимущества иностранного образования при сохранении связи с национальным

университетом (в случае программ двойного диплома) или с национальным рынком труда (для стипендиальных программ). С помощью таких программ существенно снижается риск того, что образовательная миграция становится невозвратной.

Программы двойного диплома ставят среди прочих задачу развития самого университета, а не только управления миграцией. В связи с чем они также реализуются абсолютным большинством стран по всему миру. Что касается стипендиальных программ, то далеко не все государства располагают необходимыми финансовыми возможностями. Тем не менее подобные программы существуют во многих странах, таких как Казахстан, Венесуэла, Малайзия, Боливия и т. д. Некоторые из них предусматривают закрытый список государственных компаний из ключевых отраслей, в которых необходимо отработать после получения диплома, другие имеют более мягкие условия – работа в любой компании на территории страны происхождения [12].

Отдельным инструментом, сочетающим элементы первого и второго блока мер, является создание филиалов иностранных вузов внутри страны. Предоставляя студентам возможность получить диплом, признанный на мировом уровне, государства снижают склонность к миграции среди тех абитуриентов, кто изначально нацелен на получение зарубежного образования, и повышают ее среди тех, кто планировал учиться в национальных вузах (за счет повышения информированности, выстраивания горизонтальных связей со студентами из других кампусов и т. д.). Такая практика характерна для развитых малых стран Азии (Гонконг, Сингапур), стран Карибского Бассейна (Университет Вест-Индии, который располагает филиалами в 11 государствах региона), некоторых европейских стран.

Политика возвращения предусматривает реализацию мер, направленных на репатриацию квалифицированных специалистов, закончивших иностранный вуз. В отличие от общих репатриационных программ, которые созданы для привлечения широкого круга граждан стран происхождения или их потомков, проживающих за рубежом, и преследуют, как правило, чисто демографические (увеличение численности населения в условиях падения рождаемости) либо политические цели (сохранение идентичности, целостности этноса), программы возвращения, рассматриваемые в нашей статье, связаны с попыткой государств частично компенсировать «утечку мозгов» за счет создания устойчивого, пусть и менее массового, встречного потока. Такие меры подразумевают создание национальных сообществ студентов и выпускников в странах, куда выезжает большое число учащихся, для определения целевой аудитории и последующего предложения им определенных условий для возвращения – для продолжения учебы, осуществления научной или профессиональной деятельности.

Подобные программы реализовывались в разное время в Китае, Индии [15], ЮАР [16], Венесуэле, Колумбии [12] и других странах мира. Общим важным элементом для этих стран были схожие условия: массовый отток студентов или квалифицированных молодых специалистов в определенный исторический период развития и быстрый экономический рост, стимулирующий появление большого числа вакансий для специалистов на следующем этапе развития страны. Впрочем, опыт большинства стран в реализации подобных программ оказывался не самым

удачным. Как правило, программы возвращения могут успешно работать для точечного привлечения специалистов высочайшего уровня, способных создать «вокруг себя» инновационное предприятие или целый сектор экономики, мощную научно-исследовательскую группу или организацию. Таким образом эти инструменты больше подходят для управления интеллектуальной миграцией, которая, хотя и тесно связана с образовательной, но все же должна рассматриваться отдельно.

В рамках программ по возвращению, направленных именно на образовательных мигрантов, можно рассматривать или все те же стипендиальные программы (считать ли их элементом удержания или возвращения – достаточно дискуссионный вопрос), или усилия, направленные на создание преференциальной политики, предусматривающей льготные условия для получения жилищных кредитов, улучшение условий занятости, создание центров карьеры для репатриантов.

Интересным является предложение по возмещению расходов на образование за рубежом, понесенных студентами самостоятельно [17]. Не секрет, что «груз» образовательных кредитов является одной из проблем для молодежи в развитых странах с дорогим образованием. В данном контексте национальные репатриационные программы, предусматривающие погашение такого кредита за счет государства происхождения мигранта при встречном обязательстве работы в национальных организациях, могли бы стать более эффективным аналогом стипендий для обучения за рубежом. Это связано с тем, что при принятии решения о вступлении в стипендиальную программу абитуриенты часто имеют весьма далекое от действительности представление о своей будущей карьере, в том числе и о готовности к возвращению в страну происхождения после окончания учебы. В то же время выпускники вузов гораздо лучше понимают свои перспективы как в стране пребывания, так и на родине, в связи с чем возможность погашения кредита могла бы стать серьезным аргументом для принятия решения о репатриации.

Наконец, третьим видом государственной политики в этой сфере является вовлечение. Его особенность заключается в самом понимании диаспоры как «части имеющегося у страны потенциала» [17], а диаспоры знаний – как часть имеющегося инновационного, интеллектуального потенциала. Такой подход подразумевает, что представители диаспоры активно участвуют в научной жизни страны происхождения, привлекаются для участия в исследованиях, академической мобильности, то есть сохраняют не только личные, но и профессиональные и деловые связи. Наиболее очевидные сферы применения этой политики лежат во взаимодействии с интеллектуальными диаспорами, однако выше было показано, что образовательных мигрантов (особенно, когда речь идет об уровне образования в магистратуре и, тем более аспирантуре) следует рассматривать как составляющую часть интеллектуальных диаспор либо источник их возникновения.

Кроме того, реализация диаспоральной политики зачастую направлена как раз на ее молодых представителей, недавно прибывших в новую для себя страну и пока не имеющих определенного признания ни в профессиональном сообществе, ни в самой диаспоре. У более адаптированных мигрантов, как правило, взаимодействие со страной происхождения может быть не столь востребовано из-за глубокой интеграции в общество страны приема. Таким образом, существующие программы

вовлечения следует рассматривать кроме прочего и через призму взаимодействия с образовательными мигрантами.

Опыт активизации связей страны происхождения со «своими» студентами или выпускниками имеется у многих государств. Отмечают, к примеру, успех китайского подхода, который формировал сети мигрантов в т. ч. в вузах, позволяя контактировать студентам и молодым ученым из КНР с образовательными и научными организациями на родине [17]. Индия, столкнувшись со сложностями в реализации репатриационных программ для выпускников западных вузов, приняла участие в программе «ТОКТЕН» («Передача знаний через экспатриантов») [15]. Схожие программы существуют (или существовали в разное время) в ЮАР, Малайзии, Шотландии, Ирландии, Аргентине, Колумбии, Чили, Хорватии, Мексике и других странах [18].

Подобные программы обычно включают в себя ограниченный набор стимулов, направленных либо на представителей научной среды (финансирование совместных исследований, создание «зеркальных» лабораторий, приглашение в качестве приглашенных профессоров и т. д.), либо на предпринимателей в сфере инноваций (реализация совместных проектов, содействие трансферу технологий и инновационных продуктов, внедрение зарубежного опыта в национальные отрасли производства). Специфическим методом взаимодействия именно с образовательными мигрантами является дополнение перечисленных мер теми, которые связаны с получением образования: проведение «возвратных» летних школ и стажировок – предоставление студентом зарубежных вузов возможности пройти дополнительную подготовку или рабочую стажировку в стране происхождения, организация информационных платформ, объединяющих национальных работодателей и студентов иностранных вузов, конкурсы инновационных проектов (что способствует трансферу технологий из наиболее развитых государств в страны происхождения) и т. д.

Интересным опытом прямого вовлечения образовательных мигрантов в развитие страны стал опыт стипендий армянского фонда «Луис». Ежегодно до 100 студентов получали финансирование на образовательные цели в лучших вузах мира, при этом подразумевалось, что никаких ограничений на их статус после окончания учебы не накладывалось⁷. Вместо этого организаторы стремились вовлечь их во взаимодействие с армянской молодежью, стипендиаты фонда становились менторами для старших школьников и студентов, обучавшихся в Армении, делясь с ними знаниями и опытом, налаживая академические и профессиональные связи. Несмотря на прекращение стипендиальной программы, Армения является одной из стран с наиболее развитой диаспоральной политикой (что неудивительно, учитывая размер диаспоры в сравнении с населением внутри страны, а также сохранение армянами идентичности при проживании за рубежом), включающей в т. ч. и

⁷ «Армянское чудо»: Кембриджский университет – о деятельности фонда «Луис» // Armenpress : [сайт]. 24.02.2016. URL: <https://armenpress.am/rus/news/837107/armenian-miracle-cambridge-university-website-refers-to-luys-foundation.html> (дата обращения: 11.10.2024).

инициативы вовлечения для образовательных мигрантов, такие как «Молодой посол диаспоры»⁸.

Программы вовлечения как элемент расширения целевой аудитории национальной политики управления образовательной миграцией

Следует отметить, что значительная часть методов управления выездной образовательной миграцией пересекается либо с развитием национальных систем образования и науки как таковых (в основном это касается политики удержания), либо с репатриационными программами (политика возвращения), либо с диаспоральной политикой и взаимодействием с интеллектуальными диаспорами (политика вовлечения). Исходя из этого, при формировании государственной политики необходимо понимать, что цель сохранения интеллектуального потенциала страны и устранения рисков «утечки мозгов» может легко затеряться в других целях и задачах, поставленных перед государством. Наибольшие сомнения вызывает возможность оценки результативности мер, направленных на вовлечение образовательных мигрантов. Другими словами, на сегодняшний день не существует реально функционирующего механизма определения эффективности управления потоками выездной образовательной миграции. Анализ научной литературы также не позволяет сформулировать подходящие критерии, которые бы дифференцировали влияние того или иного инструмента непосредственно на образовательную миграцию.

В условиях, когда эффективность применяемых мер практически невозможно измерить и верифицировать, особенно важно осуществлять их таким образом, чтобы они были направлены на широкую и потенциально восприимчивую к ним аудиторию. В данном контексте следует отметить, что на сегодняшний день российский опыт не в полной мере отвечает этим задачам. Говоря об эффективности существующих и потенциальных инструментов управления образовательной миграцией, надлежит разделять студентов, обучающихся за рубежом, на группы по их отношению к перспективам возвращения на родину и карьерным установкам. Проиллюстрируем это результатами одного из опросов: около 62% образовательных мигрантов из России не планируют возвращаться на родину по окончании вуза; 24% готовы сделать это когда-нибудь в будущем; и только 14% намерены вернуться в Россию сразу после завершения учебы [17].

Предполагается, что первая, наиболее многочисленная группа, будет невосприимчива к мерам по удержанию и возвращению. Таким образом, реализуемые в России в настоящее время программы по управлению образовательной миграцией направлены на ограниченную целевую аудиторию, что и делает их недостаточно эффективными. Хотя итоги опроса показывают, что данная группа вряд ли может считаться демографическим резервом или потенциальным источником специалистов для российского рынка труда, но реализация политики вовлечения в отношении таких учащихся может позволить задействовать их определенным образом. Чтобы поддерживать связь этих студентов с российским рынком труда, одним из вариантов может стать запуск интернет-портала, который соединял бы российских

⁸ Diaspora – Программы // Офис уполномоченного РА по делам диаспоры : [сайт]. URL: <http://diaspora.gov.am/ru/programs> (дата обращения: 11.10.2024).

работодателей и студентов, обучающихся за границей. Предложения о найме таких студентов на краткосрочной, проектной или дистанционной основе позволило бы им поделиться своим опытом с российским бизнесом, промышленностью и государственным сектором.

Вторая группа, еще до конца не определившаяся со своими карьерными установками, может получить от государства сигнал о востребованности своих навыков и компетенций на российском рынке труда. Реализовать это возможно будет посредством расширения информирования (проведение ярмарок вакансий, конференций для студентов за рубежом с представительством бизнеса для лучшего понимания, какие знания и умения востребованы в России), а также путем предоставления надлежащих экономических условий. Образовательные кредиты – немаловажный фактор, влияющий на экономическое поведение выпускников, поэтому их рефинансирование, частичное или полное погашение, или иные финансовые льготы (подобно распространению в последние годы льготного ипотечного кредитования как меры поддержки семей) могли бы стать существенным доводом в пользу возвращения в Россию.

Проведение политики вовлечения само по себе не способствует возвращению выпускников, но обеспечивает их вклад в социально-экономическое, культурное, научное или иное развитие страны, а кроме того, может способствовать переходу выпускников из первой, наиболее массовой категории («не планирую возвращаться в Россию») во вторую – категорию не определившихся («вероятно вернусь в будущем»). Это создает определенную массу квалифицированных специалистов, на которых могут быть направлены отечественные программы по репатриации, и которых можно рассматривать как демографический и экономический «резерв».

Следует понимать, что важнейшая проблема образовательных мигрантов и ключ к их адаптации за рубежом либо стимул для возвращения на родину – транзакционные издержки, связанные с переездом и поиском работы. Практически все исследования различных видов миграции показывают, что экономические факторы являются основными при принятии решений о переезде. Отсюда следует, что одной из первостепенных задач российской государственной политики в сфере управления образовательной миграцией должно стать обеспечение соединения российских выпускников иностранных вузов с отечественным рынком труда. Создавая механизмы «заблаговременного трудоустройства», например, путем финансирования летних стажировок в отечественных компаниях, создания базы данных российских студентов, обучающихся за рубежом, заинтересованных в получении предложений о работе, Россия может более эффективно задействовать свой потенциал, который составляют студенты – молодые представители диаспоры знаний.

Заключение

Постепенная глобализация мировой экономики в сочетании с процессами интернационализации высшего образования приводит национальные государственные структуры, отвечающие за управление миграционными потоками, к пониманию того, что в конкуренции за человеческий капитал важно уделять внимание не только уже сформировавшимся специалистам, но и студентам, которые в перспективе войдут на рынок ВКС. Следовательно, менеджмент потоков молодежи,

направляющейся на обучение в другие страны, становится полем для применения инструментов национальных миграционных политик.

Направленность политики на молодых мигрантов, недавно прибывших в новую для себя страну и не имеющих пока устойчивого положения в местном обществе, в сравнении с более адаптированными мигрантами, как правило, лучше интегрированными в общество страны приема, позволяет использовать сохраняющуюся миграционную подвижность данной группы в интересах государства. Опыт активизации связей с обучающимися за рубежом студентами есть у многих государств. Среди близких к России стран БРИКС, которые, несмотря на заметные различия в демографической сфере, но имеют схожие задачи в социально-экономическом развитии, выделяется успешность китайского подхода, заключавшемся в формировании сети мигрантов, в т. ч. в иностранных вузах, вовлечении студентов и молодых ученых из КНР в совместную деятельность с образовательными и научными организациями на родине. Программы передачи знаний через образовательную миграцию реализовывались и в Индии. Подобные программы в разное время существовали в ряде других стран с переходной экономикой, таких как Колумбия, Бразилия, Литва, Мексика, ЮАР и пр.

Инструменты управления процессами образовательной миграции можно разделить на три группы: удержание, возвращение и вовлечение. Практически каждая страна в той или иной степени применяет меры, относящиеся ко всем трем группам, однако для большинства государств основным фокусом внимания являются инструменты, относящиеся к удержанию и возвращению. Это связано в том числе и с тем, что эффективность таких мер в теории может быть продемонстрирована (например, количество или доля участников конкретных программ, возвращающихся из-за рубежа после получения образования) обществу и контролирующим органам, что облегчает администрирование бюджетных расходов. В свою очередь, программы, направленные на вовлечение образовательных мигрантов, как представляется, несут не столь очевидную, однако более существенную выгоду для осуществляющего их государства – от чисто имиджевых эффектов до тех, которые позволяют обеспечить их вклад в социально-экономическое, культурное, научное или иное развитие страны.

Проведение политики вовлечения не направлено на возвращение выпускников, а способствует расширению круга студентов, которые потенциально более восприимчивы к государственным программам, включая и репатриацию. Это позволяет повысить эффективность уже реализуемых странами (среди которых и Россия) мер управления образовательными мигрантами, создает демографический и экономический резерв общества.

Международный опыт показывает, что методы борьбы с «утечкой мозгов», связанные с выстраиванием административных барьеров для выезда образовательных мигрантов или направленные на их вынужденное возвращение на родину по завершении учебы не могут быть достаточно эффективными, но будут требовать значительного финансирования. Важно выделять цели удержания, возвращения и вовлечения образовательных мигрантов при разработке инструментов репатриации, программ развития высшего образования и диаспоральной политики для возвращения образовательной миграции в фокус внимания государства и общества.

Список литературы

1. Письменная, Е. Е. Образовательная миграция в Кыргызстане: тенденции и перспективы / Е. Е. Письменная, Б. А. Сыдыгалиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 138–153. DOI <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.9>. EDN [ZSYZBJ](#).
2. Bhagwati, J. N. The Brain Drain, International Integration of Markets for Professionals and Unemployment / J. N. Bhagwati, K. Hamada // Journal of Development Economics. 1974. Vol. 1, No. 1. Pp. 19–42. DOI [10.1016/0304-3878%2874%2990020-0](#).
3. Beine, M. Brain Drain and Economic Growth: Theory and Evidence / M. Beine, F. Docquier, H. Rapoport // Journal of Development Economics. 2001. Vol. 64, No. 1. Pp. 275–289. DOI [10.1016/S0304-3878\(00\)00133-4](#).
4. Beine, M. Brain Drain and Human Capital Formation in Developing Countries: Winners and Losers / M. Beine, F. Docquier, H. Rapoport // The Economic Journal. 2008. Vol. 118, No. 528. Pp. 631–652. DOI [10.1111/j.1468-0297.2008.02135.x](#).
5. Docquier, F. Globalization, Brain Drain, and Development / F. Docquier, H. Rapoport // Journal of Economic Literature. 2012. Vol. 50, No. 3. Pp. 681–730. DOI [10.1257/jel.50.3.681](#).
6. Gibson, J. Eight Questions about Brain Drain / J. Gibson, D. McKenzie // Journal of Economic Perspectives. 2011. Vol. 25, No. 3. Pp. 107–128. DOI [10.1257/jep.25.3.107](#).
7. Daugeliene, R. Brain Circulation: Theoretical Considerations / R. Daugeliene, R. Marcinkeviciene // Engineering Economics. 2009. Vol. 63, No. 3. Pp. 49–57.
8. Chen, C. Brain Circulation: The Educational Profile of Return Migrants / C. Chen, A. Bernard, R. Rylee, G. Abel // Population Research and Policy Review. 2022. Vol. 41, No. 1. Pp. 387–399. DOI [10.1007/s11113-021-09655-6](#).
9. Altbach, P. The International Imperative in Higher Education. Rotterdam : Sense Publishers, 2013. 198 p. ISBN 978-94-6209-337-9.
10. Шевцова, Е. В. Сравнительный анализ миграционной политики и мер по борьбе с «Утечкой мозгов» в странах Азии // Вестник НГУЭУ. 2010. № 1. С. 131–142. EDN [LXMMPG](#).
11. Saint-Blancat, C. Italy: Brain Drain or Brain Circulation? // International Higher Education. 2019. No. 96. Pp. 1–11. DOI [10.6017/ihe.2019.96.10773](#).
12. Кузнецов, Н. Г. Политика стран Латинской Америки и Карибского бассейна в области регулирования образовательной миграции // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 129–139. DOI [10.19181/demis.2021.1.4.10](#). EDN [YVMIRT](#).
13. Gribble, G. Policy Options for Managing International Student Migration: The Sending Country's Perspective // Journal of Higher Education Policy and Management. 2009. Vol. 30, No. 1. Pp. 25–39. DOI [10.1080/13600800701457830](#).
14. Moreira, I. Brazilian Science at Crossroads // Science. 2003. Vol. 301, No. 5630. Pp. 141–196. DOI [10.1126/science.301.5630.141](#).
15. Соколов, Д. В. Интеллектуальная миграция в Китае, Индии и России: Некоторые международные сопоставления // Управление наукой и наукометрия. 2016. Т. 11, № 3. С. 45–63. EDN [WYJTLT](#).
16. Соколов, Д. В. Интеллектуальная диаспора как ресурс развития науки: обзор опыта стран BRICS (Бразилия, ЮАР, Россия) // Управление наукой и наукометрия. 2017. Т. 12, № 1. С. 25–37. EDN [YKVVVL](#).
17. Minaeva, E. Outbound Student Mobility in Russia: Creating a Path for Brain Circulation through Higher Education // University Management: Practice and Analysis. 2020. No. 24. Pp. 145–156. DOI [10.15826/umpa.2020.02.020](#). EDN [ZHZNCL](#).
18. Дежина, И. Г. Развитие сотрудничества с русскоязычной научной диаспорой: опыт, проблемы, перспективы / И. Г. Дежина, Е. Н. Кузнецов, А. В. Коробков, Н. В. Васильев. Москва : Издательство «Спецкнига», 2015. 104 с. ISBN 978-5-91891-472-4. EDN [YDPDPZ](#).
19. Письменная, Е. Е. Россия на рынке образовательных услуг стран Юго-Восточной Азии: возможности и перспективы / Е. Е. Письменная, С. В. Рязанцев, Н. Г. Кузнецов, До Хыонг Лан // Вопросы управления. 2022. № 3 (76). С. 60–75. DOI [10.22394/2304-3369-2022-3-60-75](#). EDN [QRTAXV](#).

Сведения об авторе

Кузнецов Никита Григорьевич, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nick_smith@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0186-0208](https://orcid.org/0000-0003-0186-0208); РИНЦ SPIN-код: [3607-6385](https://elibrary.ru/6385).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № [22-68-00210](https://elibrary.ru/22-68-00210) «Эмиграция и положение русскоязычного населения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях новых глобальных вызовов».

Статья поступила в редакцию 11.10.2024; принята в печать 01.12.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

FOREIGN EXPERIENCE IN MANAGING EDUCATIONAL YOUTH EMIGRATION

Nikita G. Kuznetsov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nick_smith@mail.ru

For citation: Kuznetsov, Nikita G. Foreign Experience in Managing Educational Emigration of Youth. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 260–273. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.X](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.X).

Abstract. Educational migration has become an integral part of the development of higher education systems in large countries and a way to solve several social, economic, and demographic problems. The article analyzes the approaches of a few states to the regulation of outbound educational migration, i.e. aimed at preserving human capital within the country, or an attempt to attract students studying abroad to scientific, social, cultural, or economic projects implemented by the country. The article identifies three groups of tools used in the state policy of educational migration management: retention, return and involvement. Examples of countries implementing certain programs belonging to these three groups are given. The paper analyzes the shortcomings of domestic methods of managing the flows of educational migrants and makes recommendations that could be considered when adjusting national policy in this area, allowing expanding the target audience of measures already being implemented, as well as allowing Russia to use the potential of students abroad of domestic students within the framework of “brain circulation”.

Keywords: educational migration, “brain drain”, “brain circulation”, knowledge diaspora, repatriation, academic mobility

References

1. Pismennaya, E. E. Educational Migration to Kyrgyzstan: Trends and Prospects / E. E. Pismennaya, B. A. Sydygalieva. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 138–153. DOI <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.9>. (In Russ.).
2. Bhagwati, J. N. The Brain Drain, International Integration of Markets for Professionals and Unemployment / J. N. Bhagwati, K. Hamada. *Journal of Development Economics*. 1974. Vol. 1, No. 1. Pp. 19–42. DOI [10.1016/0304-3878\(74\)90020-0](https://doi.org/10.1016/0304-3878(74)90020-0).
3. Beine, M. Brain Drain and Economic Growth: Theory and Evidence / M. Beine, F. Docquier, H. Rapoport. *Journal of Development Economics*. 2001. Vol. 64, No. 1. Pp. 275–289. DOI [10.1016/S0304-3878\(00\)00133-4](https://doi.org/10.1016/S0304-3878(00)00133-4).
4. Beine, M. Brain Drain and Human Capital Formation in Developing Countries: Winners and Losers / M. Beine, F. Docquier, H. Rapoport. *The Economic Journal*. 2008. Vol. 118, No. 528. Pp. 631–652. DOI [10.1111/j.1468-0297.2008.02135.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2008.02135.x).

5. Docquier, F. Globalization, Brain Drain, and Development / F. Docquier, H. Rapoport. *Journal of Economic Literature*. 2012. Vol. 50, No. 3. Pp. 681–730. DOI [10.1257/jel.50.3.681](https://doi.org/10.1257/jel.50.3.681).
6. Gibson, J. Eight Questions about Brain Drain / J. Gibson, D. McKenzie. *Journal of Economic Perspectives*. 2011. Vol. 25, No. 3. Pp. 107–128. DOI [10.1257/jep.25.3.107](https://doi.org/10.1257/jep.25.3.107).
7. Daugeliene, R. Brain Circulation: Theoretical Considerations / R. Daugeliene, R. Marcinkeviciene. *Engineering Economics*. 2009. Vol. 63, No. 3. Pp. 49–57.
8. Chen, C. Brain Circulation: The Educational Profile of Return Migrants / C. Chen, A. Bernard, R. Rylee, G. Abel. *Population Research and Policy Review*. 2022. Vol. 41, No. 1. Pp. 387–399. DOI [10.1007/s11113-021-09655-6](https://doi.org/10.1007/s11113-021-09655-6).
9. Altbach, P. *The International Imperative in Higher Education*. Rotterdam : Sense Publishers, 2013. 198 p. ISBN 978-94-6209-337-9.
10. Shevtsova, E. V. Comparative Analysis of Migration Politics and Anti-Brain Drain Steps in Asian Countries. *Vestnik NSUEM*. 2010. No. 1. Pp. 131–142. (In Russ.).
11. Saint-Blancat, C. Italy: Brain Drain or Brain Circulation? *International Higher Education*. 2019. No. 96. Pp. 1–11. DOI [10.6017/ihe.2019.96.10773](https://doi.org/10.6017/ihe.2019.96.10773).
12. Kuznetsov, N. G. Policies in Regulating Educational Migration in Latin America and the Caribbean Countries. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1, No. 4. Pp. 129–139. DOI [10.19181/demis.2021.1.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.10). (In Russ.).
13. Gribble, G. Policy Options for Managing International Student Migration: The Sending Country's Perspective. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2009. Vol. 30, No. 1. Pp. 25–39. DOI [10.1080/13600800701457830](https://doi.org/10.1080/13600800701457830).
14. Moreira, I. Brazilian Science at Crossroads. *Science*. 2003. Vol. 301, No. 5630. Pp. 141–196. DOI [10.1126/science.301.5630.141](https://doi.org/10.1126/science.301.5630.141).
15. Sokolov, D. V. Intellectual Migration in China, India and Russia: Some International Comparisons. *Science Governance and Scientometrics*. 2016. Vol. 11, No. 3. Pp. 45–63. (In Russ.).
16. Sokolov, D. V. Intellectual Diaspora as a Resource for Science Development: A Review of Experience in BRICS Countries (Brazil, South Africa and Russia). *Science Governance and Scientometrics*. 2017. Vol. 12, No. 1. Pp. 25–37. (In Russ.).
17. Minaeva, E. Outbound Student Mobility in Russia: Creating a Path for Brain Circulation through Higher Education. *University Management: Practice and Analysis*. 2020. No. 24. Pp. 145–156. DOI [10.15826/umpa.2020.02.020](https://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.020).
18. Dezhina, I. G. *Razvitiye sotrudnichestva s russkoyazychnoy nauchnoy diasporoy: opyt, problemy, perspektivy [Development of cooperation with the Russian-speaking scientific diaspora: experience, problems, prospects]* / I. G. Dezhina, E. N. Kuznetsov, A. V. Korobkov, N. V. Vasiliev. Moscow : “Spetskniga” Publ., 2015. 104 p. ISBN 978-5-91891-472-4. (In Russ.).
19. Pismennaya, E. E. Russia in the Educational Services Market of Southeast Asia: Opportunities and Prospects / E. E. Pismennaya, S. V. Ryazantsev, N. G. Kuznetsov, Do Huong Lan. *Management Issues*. 2022. No. 3 (76). P. 60–75. DOI [10.22394/2304-3369-2022-3-60-75](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-60-75). (In Russ.).

Bio note

Nikita G. Kuznetsov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nick_smith@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0186-0208](https://orcid.org/0000-0003-0186-0208); RSCI SPIN-code: [3607-6385](https://www.rsci.ru/spin/3607-6385).

Acknowledgements and financing

The reported study was funded by Russian Science Foundation, Project No. [22-68-00210](https://www.rsf.ru/22-68-00210) “Emigration and the situation of the Russian-speaking population in the countries of the Asia-Pacific region in the context of new global challenges.”

Received on 11.10.2024; accepted for publication on 01.12.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.17](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.17)

EDN [GWPQCX](https://edn.gwpqcх)

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ

Козин С. В.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: mister.svk92@yandex.ru

Жидяева Т. П.

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,

Алатырский филиал, Алатырь, Россия

E-mail: tanya21_84@mail.ru

Закиева Р. Р.

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

E-mail: rafina@bk.ru

Для цитирования: Козин, С. В. Демографическое образование в России: исторические аспекты и современная парадигма развития / С. В. Козин, Т. П. Жидяева, Р. Р. Закиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 274–281. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.17](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.17). EDN [GWPQCX](https://edn.gwpqcх).

Аннотация. Настоящая рецензия посвящена осмыслению ключевых положений и выводов Т. К. Ростовской, Е. Б. Бедриной и О. А. Золотаревой в коллективной монографии «Развитие демографического образования в России и за рубежом». Публикация данного академического произведения была приурочена к 300-летию Российской академии наук, которое отмечалось 8 февраля 2024 г. Анализируемая монография базируется на широком массиве различных нормативных документов, в частности Международной организации труда и Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, связанных с регулированием демографических процессов, а также специализированной зарубежной и отечественной научной релевантной литературы. Авторы коллективной монографии отмечают, что на излете перестройки в СССР демографическое образование испытывает самый настоящий подъем, который проявляется, прежде всего, в популярности и статусе профессии, которой обучали в МГУ имени М. В. Ломоносова и МЭСИ. Это связано с выходом в свет большого количества важных демографических теоретических, методологических и практических научных работ, которые в дальнейшем начинают приобретать значимость не только у специалистов-демографов, но и у историков, социологов, экономистов. Авторы научного труда тщательно и поэтапно описывают важность профессионального стандарта «Демограф». К сожалению, ими было установлено, что в настоящий момент в России существует определенный «кадровый голод» в специалистах-демографах. Но несмотря на это, авторы отмечают и положительную особенность, которая касается широких возможностей демографов на российском рынке труда (экономиста-демографа, ведущего экономиста-демографа, консультанта и специалиста демографической экспертизы и проч.) и, как следствие, дальнейшего развития своего потенциала. Подчеркивают значимость сохранения научных традиций в подготовке кадров, располагающих компетенциями в области демографии на стабильной и комплексной основе. В рецензируемом труде, как представляется, немалый интерес для читательской аудитории

(особенно для демографов и социологов) может представлять анализ исторических аспектов, касающихся развития демографического образования в зарубежных странах – Великобритании, Германии, США, Финляндии, Франции, Чехии. Должное освещение в монографии получили и вехи демографического образования в нашей стране. Но интересней всего последние трансформационные веяния в отечественной системе образования, где значимую роль играет Институт демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН, который с 2022–2023 гг. стал активно участвовать в разработке проекта ФГОС ВО по специальности «Демография», результаты которого еще только предстоит осмыслить научной общественности и внести соответствующие коррективы. По мнению авторского коллектива монографического произведения, в настоящий момент несомненным является то, что демографические знания становятся узловой частью российской науки и образования. В завершение рецензенты кратко обобщают выводы и указывают на новые возможные пути (направления) в развитии исследуемой тематики.

Ключевые слова: демограф, карьера, подготовка специалистов-демографов, профессиональный стандарт «Демограф», Республика Тыва, управление персоналом

Данная рецензия посвящена осмыслению коллективной монографии «Развитие демографического образования в России и за рубежом» [1].

Работа состоит из двух глав: «Исторические вехи и современные аспекты демографического образования» и «Новая парадигма развития демографического образования в России». Совокупно главы включают в себя девять параграфов, затем следуют заключение, список литературы, состоящий из 169 наименований, 6 приложений (в которых преимущественно содержатся проекты и приказы) и сведения об авторах книги.

Весьма ценен для читателей (особенно тех, кто хочет «подтянуть» свои теоретические знания по истории демографии в СССР/России и в зарубежных странах) параграф «Формирование демографических знаний» (глава I). Его авторы, д-р социол. наук Т. К. Ростовская и канд. экон. наук Е. Б. Бедрина, представили обзор истории демографии и развития демографических знаний. В параграфе характеризуются основные этапы становления демографии как науки, вклад различных ученых и исследователей в этой области, влияние роста производительности труда, улучшения санитарно-гигиенической ситуации и развития медицины, направленных на сокращение смертности и увеличение численности населения. Авторы анализируют развитие «демографических знаний» с древних времен до наших дней, уделяя особое внимание работам Дж. Граунта (1620–1674) и его вкладу в становление демографии как науки; трудам английского экономиста Т. Р. Мальтуса (1766–1834), в 1798 г. опубликовавшего работу «Опыт закона о народонаселении», в которой впервые исследован рост населения с точки зрения наличных ресурсов [1, с. 22]. Ученый-демограф обратил внимание на то, что население увеличивается в геометрической прогрессии, а доступные ресурсы – только в арифметической, что может привести к нехватке ресурсов в будущем. И предложил различные ограничения для контроля над ростом населения. Здесь нужно сказать, что благодаря трудам Т. Р. Мальтуса в 1800 г. в Англии был принят поистине важный закон о переписи населения, а научное направление, изучающее демографические процессы, стало называться «мальтузианством» [1, с. 23–24]. Можно констатировать, что идеи Т. Р. Мальтуса оказали большое влияние и на его последователей, и на демографию как науку.

В параграфе «Зарубежные университеты в развитии демографического образования и научной деятельности» (глава I) обобщен и представлен обзор зарубежного опыта в области демографического образования и научной деятельности; проанализировано развитие демографической науки на стыке XIX–XX вв., когда научно-

технический прогресс привел к повышению уровня жизни, снижению смертности и увеличению продолжительности жизни [1, с. 26]; влияние демографических волн и миграции на социально-экономическое развитие территорий. В параграфе рассматриваются профильные магистерские и бакалаврские программы, изучающие демографию и готовящие специалистов с соответствующими компетенциями в ведущих вузах Великобритании, США, Франции, Чехии и других стран. Примеры включают Калифорнийский университет в Беркли, Оксфордский университет и Университет Гронингена. Также отмечается междисциплинарный характер демографии, к примеру, ее изучение на экономических факультетах различных университетов. В заключение параграфа подчеркивается важность акцентирования внимания на развитии научно-исследовательских институтов и центров, занимающихся демографическими исследованиями, и роли университетов в качестве центров научной мысли в области демографии. Считаем, что данный параграф актуален и представляет интерес для исследователей в области демографии, образования и управления. Он содержит информацию о состоянии демографического образования в России и возможностях его развития, обзор зарубежной практики в этой сфере.

В параграфе «*Демографическое образование в России: исторические вехи развития*» (глава I), подготовленном Т. К. Ростовской, Е. Б. Бедриной и О. А. Золотаревой, доказывается, что демография действительно является важным направлением формирования научного знания в современных условиях. Учитывая демографические вызовы, географическую протяженность страны, ее культурно-этническое разнообразие и историческую преемственность, развитие демографического образования в России имеет большое значение. Период зарождения и становления системы демографического образования приходится на годы восстановления страны после Второй мировой войны (1940–1960 гг.). Во второй половине 40-х – начале 50-х гг. произошел рост рождаемости. Однако с горечью следует признать, что довоенный уровень рождаемости (31,2 рождений на 1000 человек) так и не был достигнут [1, с. 35]. Подчеркнем, что период расцвета и плодотворного развития системы демографического образования (1960–1990 гг.) связан с именами выдающихся советских ученых, таких как А. Я. Боярский (1935–2021), Д. И. Валентей (1922–1994), А. Г. Вишневский (1935–2021), А. Я. Кваша (1928–2007), В. И. Переведенцев (1931–2009), Л. Л. Рыбаковский (1931–2024), Ж. А. Зайончковская (1939–2021) и ряда др. [1, с. 38–39]. Период стагнации системы демографического образования в России связан с неблагоприятной экономической ситуацией, вызванной рыночными реформами и структурной модернизацией 1990–2021 гг. [1, с. 43–56]. Этот параграф интересен для исследователей, занимающихся изучением исторической демографии, т. к. рассказывает об основных этапах развития демографического образования в России, начиная с XIX в. и заканчивая современным периодом.

В параграфе «*Характеристика демографического образования в российских вузах: сравнительный анализ*» (глава I) рассматривается проблема недостаточной подготовки кадров в области демографии и приводятся статистические данные о демографической ситуации в стране. Анализируется содержание демографических дисциплин в учебных планах различных уровней и направлений подготовки. Подробно описывается региональный разрез и выявляются значительные различия

между федеральными округами. Особо выделяется Центральный федеральный округ с его высокой концентрацией московских учебных заведений, включающих демографические дисциплины в свои образовательные программы. Авторы коллективной монографии отмечают, что отсутствие профессионального стандарта «Демограф» и недостаточное количество специалистов, владеющих демографическими знаниями, влияют на содержание образовательных программ [1, с. 69]. Однако в качестве пожелания скажем о том, что данный параграф мог бы быть дополнен конкретными примерами образовательных программ, в которых отсутствуют или представлены минимально демографические дисциплины. В целом текст параграфа является фундаментальным исследованием, которое может послужить основой для дальнейших разработок и рекомендаций по улучшению демографического образования в России.

Параграф «Подготовка демографов в современной России: условия и возможности» (глава I) представляет собой актуальное исследование, посвященное проблеме острой необходимости подготовки кадрового потенциала в области демографии на национальном уровне. Авторы досконально воссоздают сложную картину современного мира, формирующуюся в условиях геополитических, экономических и эпидемиологических изменений, что определяет озабоченность вопросами национальной и демографической безопасности. Также они подчеркивают важность преодоления совокупности сложнейших и масштабных проблем и угроз, связанных с «большими вызовами», такими как демографический переход и старение населения. Указывают на то, что отсутствие профессионального стандарта «Демограф» и образовательного стандарта по специальности «Демография» в России создает определенные трудности в подготовке специалистов в данной области, и что обучение студентов в области демографии осуществляется лишь тремя российскими вузами – НИУ ВШЭ, МГУ имени М. В. Ломоносова и МГИМО, которые для обучения выбрали уровень магистратуры [1, с. 71–73].

Подытоживая, можно констатировать, что первая глава монографии представляет собой исторический обзор и анализ современного состояния демографического образования. В ней рассматриваются основные этапы формирования демографических знаний; вклад зарубежных университетов в развитие демографического образования и научной деятельности; исторические вехи развития демографического образования в нашей стране. Авторы смогли провести тщательный сравнительный анализ характеристик демографического образования в российских вузах и проанализировать условия и возможности подготовки демографов в современной России. Глава I является важной основой для дальнейшего изучения проблем демографии и демографического образования, для определения перспектив развития этой области знаний.

В параграфе «Роль профессионального стандарта в развитии демографического образования» (глава II) речь прежде всего идет о значимости профессионального стандарта и дальнейшем развитии демографического образования в России.

В качестве наглядного примера приводится профессиональный стандарт «Демограф», разработанный по инициативе ИДИ ФНИСЦ РАН. По мнению его авторов, «... утверждение профессионального стандарта “Демограф”» обязано содействовать увеличению качества готовящихся стратегических документов [1, с. 89–

90], устремленных на достижение демографической безопасности нашей страны, эффективности создаваемых мер в сфере демографической и семейной политики [2], несению ответственности за принятие решений. Т. К. Ростовская и О. А. Золоторева подробно осветили ход обсуждения профессионального стандарта и предложенные представителями научного сообщества поправки.

От себя добавим, что большое значение имели данные, полученные в рамках реализации гранта РНФ, проект № 20–18–00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России», руководитель – Т. К. Ростовская. Его результаты нашли отражение в рецензируемой монографии и множестве научных статей, опубликованных в 2020–2022 гг. Т. К. Ростовская, Н. С. Рычихина и О. А. Золоторева считают, что специалисты, имеющие большой уровень «владения демографическими компетенциями, способны релевантно и полно представлять демографическую “картину мира”» [3, с. 174–175].

В параграфе «Разработка проекта ФГОС по специальности “Демография”» (глава II) рассказывается об остроте и востребованности «разработки ФГОС ВО по специальности “Демография”» [1, с. 114]. В дальнейшем все идеи, изложенные коллективом ИДИ ФНИСЦ РАН, плодотворно работающем в данном направлении, были оформлены соответствующим образом и направлены в Минобрнауки России.

Полагаем, что для читателей большой интерес (особенно для тех, кто собирается связать свою судьбу с профессией демографа) вызовет параграф «Управление карьерой демографа: социолого-управленческий аспект» (глава II). Сейчас в нашей стране органами государственной власти осуществляется ряд соответствующих мер, направленных на совершенствование демографической обстановки в России. Одной из таких эффективных мер является осуществление Национального проекта «Демография», на реализацию которого власти до 2024 г. выделили денежные средства в размере 4,7 трлн рублей. Подчеркнем, что ряд экспертов (А. Г. Аганбегян, А. В. Бугалин (1954–2023), Е. Н. Ведута и др.) однозначно утверждают, что этого при современных темпах жизни населения будет недостаточно.

Для осуществления такого масштабного и, следует признать, весьма сложного проекта, а также для выполнения различных дополнительных региональных программ, безусловно, потребуется, немалое количество компетентных профессиональных специалистов, без которых осуществить поставленные цели будет весьма проблематично или и вовсе даже невозможно [1, с. 121]. Результаты экспертной оценки прямо показывают, что нужда в демографах по состоянию на 2022 г. в России составляет около 5 300 человек [4, с. 253]. Причем диапазон их заработных плат колеблется довольно сильно – от 20 000 до 135 000 тыс. рублей в зависимости от уровня квалификации демографа, региона и ряда сопутствующих факторов [3, с. 178].

Чл.-корр. РАН С. В. Рязанцев с соавторами, в частности, обращают внимание на развитие демографического образования в Туве, где было установлено, что только на базе «Тувинского государственного университета» можно в полной мере реализовать профессиональный стандарт «Демограф» который бы удовлетворял потребности всего региона [5, с. 163].

В параграфе «Подготовка федеральных экспертов по независимой оценке квалификаций в области демографии» (глава II) Т. К. Ростовская представила матрицу

компетенций федерального эксперта в области демографии, которая сводится к следующим параметрам: образованию, ученому званию, опыту работы по профилю, повышению квалификации и запросу к его непосредственным знаниям, умениям и навыкам [1, с. 139–140].

Что можно резюмировать из идей, содержащихся в монографии?

Первое, о чем хотелось бы сказать, это основательная проработка теоретических научных работ предшественников, работавших в данном направлении. Второе, это то, что текст книги – цельный, должным образом структурированный, выдержанный в академическом стиле (пусть временами и с незначительными элементами публицистичности, от чего работа, по нашему мнению, лишь выигрывает), и это несмотря на тот факт, что монография написана тремя разными авторами. Третье, сопровождение всей книги иллюстрационными материалами с детальными уточнениями и соответствующим анализом.

Отдельного внимания заслуживает кропотливая работа авторов, сделанная с 6 приложениями, в которых подробно представлен профессиональный стандарт «Демограф» и различные сопутствующие данной теме проекты, приказы и т. д.

Считаем, что рецензируемая коллективная монография станет хорошим подспорьем для ученых, исследователей, специалистов в области демографии, экономики и социологии, а кроме того, представителей органов государственной власти, интересующихся вопросами демографического развития.

Список литературы

1. Ростовская, Т. К. Развитие демографического образования в России и за рубежом : [монография] / Т. К. Ростовская, Е. Б. Бедрина, О. А. Золотарева ; отв. ред. Т. К. Ростовская. Москва : ФНИСЦ РАН; ООО «ИТД Перспектива», 2024. 224 с. ISBN 978-5-89697-421-5. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-421-5.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-421-5.2023). EDN [EDHIUU](https://edn.ru/EDHIUU).
2. Исунова, О. Г. Демографическая и семейная политика в разных странах: концептуальные подходы и практики // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 3. С. 51–83. DOI [10.17323/demreview.v7i3.11636](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11636). EDN [ESMRDO](https://edn.ru/ESMRDO).
3. Ростовская, Т. К. Некоторые аспекты управления карьерой специалиста в парадигме профессионального стандарта «Демограф» / Т. К. Ростовская, Н. С. Рычихина, О. А. Золотарева // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 173–195. DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.10](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.10). EDN [GFUHNS](https://edn.ru/GFUHNS).
4. Ростовская, Т. К. Особенности работы специалиста-демографа: обзор профессионального стандарта // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 253–258. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.17](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.17). EDN [CUJQKC](https://edn.ru/CUJQKC).
5. Рязанцев, С. В. Актуальные проблемы демографии и подготовки демографов в Туве / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, Л. А. Давлетшина // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 146–168. DOI [10.25178/nit.2022.4.12](https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.12). EDN [KOXQFF](https://edn.ru/KOXQFF).

Сведения об авторах

Козин Сергей Владимирович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Контактная информация: e-mail: mister.svk92@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8398-8805; РИНЦ SPIN-код: 2261-9753; Web of Science Researcher ID: D-9529-2019; Scopus Author ID: 59185152600.

Жидяева Татьяна Павловна, старший преподаватель кафедры гуманитарных и экономических дисциплин, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Алатырский филиал, Алатырь, Россия.

Контактная информация: e-mail: tanya21_84@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-8238-193X; РИНЦ SPIN-код: 5020-0021; Web of Science Researcher ID: GVT-2580-2022; Scopus Author ID: 58681336300.

Закеева Рафина Рафкатовна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры промышленной электроники, Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: rafina@bk.ru; ORCID ID: [0000-0001-9513-7672](https://orcid.org/0000-0001-9513-7672); РИНЦ SPIN-код: [7893-8536](https://elibrary.ru/7893-8536); Web of Science Researcher ID: [T-2047-2019](https://orcid.org/T-2047-2019); Scopus Author ID: [57205611148](https://orcid.org/57205611148).

Статья поступила в редакцию 10.08.2024; принята в печать 10.10.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DEMOCRATIC EDUCATION IN RUSSIA: HISTORICAL ASPECTS AND TODAY'S DEVELOPMENT PARADIGM

Sergey V. Kozin

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: mister.svk92@yandex.ru

Tatiana P. Zhidyaeva

I. N. Ulyanov Chuvash State University, Alatyr Branch, Alatyr, Russia

E-mail: tanya21_84@mail.ru

Rafina R. Zakieva

Kazan State Energy University, Kazan, Russia

E-mail: rafina@bk.ru

For citation: Kozin, Sergey V. Democratic Education in Russia: Historical Aspects and Today's Development Paradigm / S. V. Kozin, T. P. Zhidyaeva, R. R. Zakieva. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 274–281. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.17](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.17).

Abstract. The authors devote this review to understanding the key provisions and conclusions obtained by T. K. Rostovskaya, E. B. Bedrina and O. A. Zolotareva in a new collective monograph entitled “Development of Demographic Education in Russia and Abroad”, published in the winter of 2024. The release of this academic work was timed to coincide with the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences, which was celebrated in Russia on February 8, 2024. This work is based on a wide array of various regulatory documents, in particular the International Labor Organization and the Ministry of Labor of Russia, related to the regulation of demographic processes. The work includes a variety of specialized foreign and domestic scientific relevant literature. The authors of the collective monograph note that at the end of perestroika in the USSR, demographic education experiences a real upsurge, which is manifested, first, in the popularity and status of the profession taught at Lomonosov Moscow State University and MESI. Then this is associated with the publication of a significant number of important demographic theoretical, methodological, and practical scientific works, which subsequently begin to acquire significance not only among purely specialist demographers, but also other specialists such as historians, sociologists, and economists. The authors of the collective monograph carefully and step by step describe the importance of the professional standard “Demographer”. It was established that at the present time, alas, in Russia there is a certain “personnel shortage” in demographer specialists. But despite this, the authors also note a positive feature, which concerns the broad opportunities of demographers in the Russian labor market (economist-demographer, leading economist-demographer, consultant, and specialist in demographic expertise, etc.) and, therefore, the further development of their potential. In the process of a comprehensive study, the authors of this collective monograph noted the importance of preserving scientific traditions in training personnel with competencies in the field of demography on a stable and comprehensive basis. In the peer-reviewed collective monograph, for example, the analysis of historical aspects concerning the development of demographic education in foreign countries such as Great Britain, Germany, the USA, Finland, France, and the Czech Republic can undoubtedly be of great interest to the readership (especially to demographers and sociologists). The milestones of demographic education in our country also received due coverage. But the most interesting are the latest transformational trends in the domestic education system, where a significant role was played by the Institute of Demographic Research (IDR) of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, which since 2022–2023 has been actively involved in the development of the draft Federal State Educational Standard of Higher Education in the specialty “Demography”, the results of which have yet to be deeply and fully comprehended by the

scientific community and appropriate adjustments made. According to the authors of the monograph, now it is undoubted that demographic knowledge is a key part of Russian science and education. In conclusion, the reviewers briefly summarize the conclusions and note new possible paths (directions) in the development of this topic.

Keywords: demographer, career, training of demographers, professional standard “Demographer”, Republic of Tuva, personnel management

References

1. Rostovskaya, T. K. *Razvitie demograficheskogo obrazovaniya v Rossii i za rubezhom [The development of demographic education in Russia and abroad]* : monograph / T. K. Rostovskaya, E. B. Bedrina, O. A. Zolotareva ; ed. by T. K. Rostovskaya. Moscow : FCTAS RAS; “ITD Perspektiva” Publ., 2024. 224 p. ISBN 978-5-89697-421-5. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-421-5.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-421-5.2023). (In Russ.).
2. Isupova, O. G. Population and Family Policy in Different Countries: Conceptual Approaches and Practices. *Demographic Review*. 2020. Vol. 7, No. 3. Pp. 51–83. DOI [10.17323/demreview.v7i3.11636](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11636). (In Russ.).
3. Rostovskaya, T. K. Some Aspects of Managing the Career of a Specialist in the Paradigm of the Professional Standard “Demographer” / T. K. Rostovskaya, N. S. Rychikhina, O. A. Zolotareva. *Sociological Science and Social Practice*. 2023. Vol. 11, No. 1. Pp. 173–195. DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.10](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.10). (In Russ.).
4. Rostovskaya, T. K. Features of the Work of a Demographer: An Overview of the Professional Standard. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 253–258. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.17](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.17). (In Russ.).
5. Ryazantsev, S. V. Current Issues of Demography and Training of Demographers in Tuva / S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya, L. A. Davletshina. *New Research of Tuva*. 2022. No. 4. Pp. 146–168. DOI [10.25178/nit.2022.4.12](https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.12). (In Russ.).

Bio notes

Sergey V. Kozin, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department for Social Technologies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Contact information: e-mail: mister.svk92@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-8398-8805](https://orcid.org/0000-0002-8398-8805); RSCI SPIN code: [2261-9753](https://elibrary.ru/22619753); Web of Science Researcher ID: [D-9529-2019](https://orcid.org/D-9529-2019); Scopus Author ID: [59185152600](https://orcid.org/59185152600).

Tatiana P. Zhidyaeva, Senior Lecturer, Department for Humanities and Economics, I. N. Ulyanov Chuvash State University, Alatyr Branch, Alatyr, Russia.

Contact information: e-mail: tanya21_84@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8238-193X](https://orcid.org/0000-0002-8238-193X); RSCI SPIN code: [5020-0021](https://elibrary.ru/50200021); Web of Science Researcher ID: [GVT-2580-2022](https://orcid.org/GVT-2580-2022); Scopus Author ID: [58681336300](https://orcid.org/58681336300).

Rafina R. Zakieva, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Professor, Department for Industrial Electronics, Kazan State Energy University, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: rafina@bk.ru; ORCID ID: [0000-0001-9513-7672](https://orcid.org/0000-0001-9513-7672); RSCI SPIN code: [7893-8536](https://elibrary.ru/78938536); Web of Science Researcher ID: [T-2047-2019](https://orcid.org/T-2047-2019); Scopus Author ID: [57205611148](https://orcid.org/57205611148).

Received on 10.08.2024; accepted for publication on 10.10.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМИС. Демографические исследования. DEMIS. Demographic Research.

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 83138 от 26.04.2022 г.

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Издатель – Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Адрес: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Главный редактор: Сергей Васильевич Рязанцев

Заместитель главного редактора: Евгения Михайловна Моисеева

Ответственный секретарь: Никита Григорьевич Кузнецов

Редактор-корректор: Елена Адольфовна Лукашенко

Журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» включен в базу РИНЦ,
Перечень ВАК (категория K2)

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции.
Авторы несут ответственность за достоверность предоставленного материала.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«ДЕМИС. Демографические исследования» обязательна.

2024. Том 4, № 4. Дата выхода в свет 30.12.2024.

Адрес редакции: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
Тел.: +7 495 822 28 82. E-mail: demis-journal@mail.ru
Размещение журнала: <https://www.demis-journal.ru>

ДЕМИС. Демографические исследования
2024. ТОМ 4. № 4

Сайт журнала:
www.demis-journal.ru